СОЧИНЕНІЯ

АЛЕКСАНДРА СЕРГБЕВИЧА

пушкина.

СОЧИНЕНІЯ

ПУШКИНА

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ МАТЕРІАЛОВЪ ДЛЯ ВГО БІОГРАФІИ ПОРТРЕТА, СНИМКОВЪ СЪ ЕГО ПОЧЕРКА И СЪ ЕГО РИСУНКОВЪ, И ПРОЧ

томъ второй

Издание П. В. Анненкова

САНКТПЕТЕРБУРГЪ 1855

lib.pushkinskijdom.ru

нечатать позволяется,

съ тъмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ. 22-го Октября 1854 года.

Ценсовъ А. Фрейгангъ.

въ типографіи штаба военно-учебныхъ заведеній.

объяснение.

Порядокъ, принятый для распредъленія стихотвореній и статей Александра Сергъевича Пушкипа въ настоящемъ полномъ собраніи его сочиненій, требуетъ нъсколькихъ пояснительныхъ словъ съ нашей стороны. Минуя произвальныя и, большею частію, неудовлетворительныя разделенія стихотвореній по-родами — настоящее изданіе приняло, въ отношеніи ихъ, одну только систему хронологического порядка. Какъ собъ указать постепенное развитие автора, границы и ходъ чужестранныхъ вліяній на него, а наконецъ и видоизмѣненія самостоятельной творческой его сли — хронологическій порядокъ заслуживаль почтеніе предъ другими. Со всёмъ тёмъ, по разнообразію поэтических формъ, усвоенных Пушкинымъ, одинаковое зачисленіе встхъ его стихотворныхъ произведеній только подъ года происхожденія ихъ — дълалось невозможнымъ. Небольшое лирическое стихотвореніе, прерванное поэмой или драмой, за которыми следоваль бы опять рядь изящныхъ мелкихъ произведеній его, точно такимъ же образомъ нарушенный — представили бы неудобство, равно чувствительное, какъ въ типографскомъ, такъ и въ эстетическомъ отношеніяхъ. По этому соображенію настоящее изданіе приведено было къ необходимости, строго сохраняя вездѣ основный хронологическій порядокъ, принять еще три отдѣла для стихотворныхъ произведеній Пушкина, но при составленіи этихъ отдѣловъ оно уже имѣло въ виду однѣ внѣшнія формы созданій и притомъ столь рѣзко-противоположныя другъ другу, что упрекъ въ какомъ-либо смѣшеніи, кажется, могъ быть отстраненъ съ успѣхомъ. Отдѣлы, принятые на этомъ основаніи, таковы: 1. Отдѣлъ стихотвореній лирическихъ въ обширномъ смыслѣ. 2. Отдѣлъ поэмъ, повѣстей, разсказовъ, народныхъ эпопей и сказокъ — или эпическій и 3. Отдѣлъ произведеній драматической формы.

Первый отдаль: стихотвореній лирическихъ, заключаетъ въ себъ всъ, такъ называемыя, мелкія произведенія Пушкина, начиная съ 1814 года по 1836-й. «Лицейскія стихотворенія», образують въ этомъ отдъль одно подраздъление, которое обнимаетъ время съ 1814 по 1817 г., хотя уже въ послъднюю половину этого года авторъ не принадлежалъ болъе Лицею, но сохранить историческую върность тутъ не было крайней необходимости. Извъстно, что даже большая часть произведеній следующаго 1818 г. носить еще заметнымъ образомъ характеръ, отличающій Лицейскія стихотворенія. Въ «Лицейское» подраздъленіе, о которомъ говоримъ и отчасти въ 1818 годъ, приняты настоящимъ изданіемъ 21 пьеса автора нашего, напечатанныя прежде въ старыхъ журналахъ и альманахахъ, но пропущенныя посмертнымъ изданіемъ его сочиненій 1838 — 41 г. Къ нимъ еще присоединено 7 пьесъ, со всъмъ еще не бывшихъ въ печати, что все подробно объяснено въ примъчаніяхъ изданія къ самимъ стихотвореніямъ. Примѣчанія эти слѣдуютъ у насъ по окончаніи каждаго года и относятся къ каждому изъ произведеній, въ немъ помѣщенному, указывая на особенности въ языкѣ и отчасти изъясняя исторію происхожденія пьесъ.

Второй отдъл : поэмъ, повъстей, разсказовъ и проч., заключаетъ въ себъ, въ строгой хронологической послъдовательности, поэтическія произведенія автора, начиная съ Руслана и Людмилы (1820) до Анджело (1833). Тутъ же помъщенъ и романъ Евгеній Онъгинъ (1825 — 1832). Примъчанія нашего изданія слъдуютъ здъсь тотчасъ за кажлымъ отдъльнымъ произведеніемъ, а собственныя замътки поэта, какъ при романъ Евгеній Онъгинъ, такъ и при другихъ созданіяхъ, отнесены уже въ самый текстъ, въ подстрочныя выноски. Въ отношеніи простонародныхъ сказокъ, принадлежащихъ, вмъстъ съ Пъснями Западныхъ Славянъ, къ тому же отдълу, примъчанія изданія слъдуютъ уже тотчасъ за примъчаніями автора, не смъщиваясь съ ними и только поясняя или дополняя ихъ.

Третій отдълє: произведеній драматической формы, открывается Борисомъ Годуновымъ (1825) и сообщаетъ за тъмъ, въ хронологической цъпи, весь рядъ небольшихъ драмъ и сценъ до Русалки (1832). Въ этотъ отдълъ не зачисленъ только: Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ, но Пушкинъ самъ подалъ примъръ печатанія его въ лирическихъ сочиненіяхъ, п, въроятно, по тому соображенію, что «Разговоръ» не имъетъ сущности драматической сцены. Примъчанія настоящаго изданія слъдуютъ тому же порядку, какъ и въ предшествующемъ отдъль, и здъсь сообщаемъ читателю причины, понудившія къ составленію ихъ и предметы, которыми они занимаются вообще.

Критическое обсуждение, какому подвергнуто было

въ журналахъ прежнее посмертное изданіе сочиненій Пупікина, достаточно указало недосмотры и упущенія его. Первою заботой новаго изданія должно было сдълаться исправление текста изданія предшествующаго, но это, по важности задачи, не иначе могло произойти какъ съ представлениемъ доказательствъ на право поправки или измъненія. Отсюда вся система примъчаній, допущенная въ настоящее изданіе. Каж-дое изъ произведеній поэта, безъ исключенія, снабжено указаніемъ, гдъ впервые оно явилось, какіе варіанты получило въ другихъ редакціяхъ при жизни поэта, и въ какомъ отношении съ текстомъ этихъ редакцій находится текстъ посмертнаго изданія. Читатель имъетъ предъ глазами своими, такимъ образомъ, по возможности, исторію внішних и отчасти внутреннихъ измъненій, полученныхъ въ разныя эпохи каждымъ произведеніемъ и по ней можетъ исправить недосмотры посмертнаго изданія, изъ коихъ напболье яркія исправлены уже и издателемъ предлагаемаго собранія сочиненій Пушкина. Многія изъ стихотвореній и статей поэта (особенно тъ, которыя явились въ печати уже послъ смерти его) сличены съ рукописями и по нимъ указаны числовыя помътки автора, его первыя мысли и намъренія. Само распредъленіе стихотвореній въ хронологическомъ порядкъ находитъ въ примъчаніяхъ свое оправданіе и подтвердительныя данныя, которыя почерпнуты отчасти изъ оставшихся бумагъ поэта, а отчасти изъ Сборниковъ, бывшихъ при жизни его, гдъ стихотворенія его пом'єщаемы были тоже въ хронологическомъ порядкъ. Таковы: Стихотворенія Александра Пушкина. С. П. Б., въ типогр. Д-та Народ. Прос. 1826 г. 1 часть, стр: XII и 192; Стихотворенія Александра Пушкина. С. П. Б., въ типогр. Д-та Народ. Прос. 1829 г. 2 части, стр. 224 и 176; Стихотворенія Александра Пушкина. С. П. Б., въ типогр. Д-та Народ. Прос. 1832 г. 1 часть, стр: 208; Стихотворенія Александра Пушкина. С. П. Б., въ типогр. Д-та Народ. Прос. 1835 г. 1 часть, стр: 189; Поэмы и повъсти Александра Пушкина. С.П.Б., въ Военной типогр. 1835 г. 2 части, стр.: 232 и 221. Вмъстъ съ варіантами и филологическими замътками, примъчанія, въ нькоторыхъ случаяхъ, представляютъ и поводы, опредълившія выборъ предмета у автора. Вполнъ убъжденный, что въ нынъшнемъ своемъ видъ, примъчанія еще далеко не исчерпываютъ всю задачу, которую имъли въ виду, издатель смъстъ только думать, что опытъ критическаго изданія сочиненій Пушкина, предпринятый имъ, не останется безъ нъкоторой пользы для изученія отечественнаго языка и для важныхъ эстетическихъ соображеній.

Переходя къ статьямъ въ прозѣ, необходимо замѣтить, что одинаковое хронологическое распредѣленіе ихъ было еще менѣе возможно, чѣмъ въ произведеніяхъ формы стихотворной. По разнообразію, несоединимости и краткости нѣкоторыхъ статей, оно произвело бы здѣсь смѣшеніе, которому врядъ-ли самая счастливая память и самое напряженное вниманіе могли бы пособить. Отдѣлы, принятые настоящимъ изданіемъ, основаны преимущественно на біографическихъ соображеніяхъ. Такимъ образомъ — первый отдъль заключаетъ, такъ называемыя, Записки Пушкина. Въ немъ помѣшены:

- а.) Родословная Пушкиныхъ и Ганнибаловыхъ.
- b.) Остатки настоящихъ записокъ (автобіографія) Пушкина, къ числу которыхъ относится и статья о Дельвигъ.
 - с.) Мысли и замъчанія.
 - d.) Критическія замътки.
 - е.) Анекдоты, собранные Пушкинымъ.

f.) Путешествіе въ Арэрумъ въ 1829 г.

Къ этому отдълу слъдовало бы присоединить и статью *Кирджали*, еслибъ не останавливало насъ названіе *повъсти*, данное ей самимъ авторомъ.

Второй отдъл заключаетъ повъсти и романы Пушкина, съ остатками повъстей неконченныхъ, въ хронологическомъ порядкъ. Въ этотъ отдълъ зачислены и Сцени изг рыцарских времент, не смотря на ихъ драматическую форму, но уже извъстно, что они представляютъ собственно планъ созданія, которому данъ только внъшній видъ сценическаго изложенія.

Третій отдоля заключаеть журнальныя статьи, напечатанныя въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ при жизни автора и другія, найденныя въ бумагахъ уже послѣ смерти его, образуя, такимъ образомъ, два подраздѣленія. Въ первомъ (произведенія, напечатанныя въ разныхъ журналахъ при жизни автора) включено нѣсколько статей, пропущенныхъ посмертнымъ изданіемъ:

- а.) Изъ Московскаго Телеграфа 1825 г. двѣ статьи, не попавшія въ посмертное изданіе сочиненій Пушкина.
- b.) Изъ Литературной газеты 1830 г. четыре статьи, пропущенныя посмертнымъ изданіемъ.
- с.) Изъ Литературныхъ прибавленій къ Русскому Инвалиду 1833 г. одна статья, пропущенная посмертнымъ изданіемъ.
- d.) Изъ Современника 1836 г. (изданія Пушкина) четыре статьи, тоже непопавшія въ посмертное изланіе.

Второе подраздъление вмъщаетъ затъмъ всъ статьи, отысканныя въ бумагахъ поэта послъ смерти его и напечатанныя, какъ въ Современникъ 1837 г. (изданія друзей покойнаго), такъ и въ посмертномъ изданіи его

сочиненій 1838—41 г. Изъ ряда этихъ статей одна: о Драмь, значительно искаженная изданіемъ 1838—41 г. является совсёмъ въ новомъ видъ.

Наконецъ послъдній четвертый отдых заключаетъ Исторію Пугачевскаго бунта, съ приложеніями и одну статью, пропущенную посмертнымъ изданіемъ 1838—41 г., именно: Возраженія Пушкина на критику г. Броневскаго.

Примъчанія нашего новаго изданія въ томъ смысль и направленіи, какъ уже показано, сопровождають прежде всего самые отдълы, объясняя подробнье цъль ихъ, а за тымъ и всы произведенія, въ нихъ заключающіяся. Вмысты съ примычаніями къ стихотвореніямъ они обнимають, по возможности, всю дыятельность автора, оставляя впрочемъ еще очень многое для послыдующихъ изслыдованій.

Затъмъ въ рукописяхъ Пушкина отыскано множество отрывковъ, какъ стихотворныхъ, такъ и прозаическихъ, нъкоторое число небольшихъ пьесъ и продолженія или дополненія его созданій. Всь эти остатки, принадлежащіе, по большей части, къ позднъйшему его развитію, собраны уже нами, какъ въ матеріалахъ для біографіи Александра Сергъевича Пушкина, такъ и въ приложеніяхъ къ нимъ. Читатель уже видълътамъ, еще никогда ни бывшія въ печати произведенія, между которыми: «Зампчанія на пъснь о Полку Пгореви» занимаютъ столь важное мъсто.

Объяснивъ такимъ образомъ порядокъ и систему, положенныя въ основаніи новаго Сборника, издатель нисколько не скрываетъ отъ себя, что найдется еще много упущеній и недосмотровъ, какъ въ примѣчаніяхъ къ произведеніямъ нашего автора, такъ и въ другихъ отношеніяхъ. При трудности собиранія у насъ библіографическихъ свѣдѣній, при кропотливой

работь, какая нужна была для осуществленія предположеннаго плана — недостатки почти неизбъжны. Совсьмъ тьмъ издатель смьеть питать надежду, что при системь, взятой для новаго изданія, всякая поправка свыдущей и благонамыренной критики скорые можеть быть приложена къ дылу, чымъ прежде, и всякое новое свыдыніе скорые найти себы приличное мысто. Арена для библіографической, филологической и эстетической критики открыта. Общимы дыйствіемы людей опытныхы и добросовыстныхы ускорится время изданія сочиненій народнаго писателя нашего, вполны удовлетворительнымы образомы.

Одно послѣднее слово въ отношеній правописанія. А. С. Пушкинъ имѣлъ свое особенное правописаніе, которое болѣе или менѣе проявлялось въ газетахъ, журналахъ и альманахахъ, куда онъ посылалъ свои произведенія, а также и въ изданіяхъ сочиненій, сдѣланныхъ подъ собственнымъ его наблюденіемъ. Эти ореографическія особенности собраны нами тоже въ примѣчаніяхъ, а вмѣстѣ съ ними и нѣкоторыя изътѣхъ, которыя уже не принадлежатъ поэту нашему, а употреблены посторонней редакціей его сочиненій. Какъ тѣ, такъ и другія заслуживаютъ вниманіе: это образцы грамматическихъ колебаній нашего языка, которыя слѣдовало сохранить для будущаго историка его развитія.

Издатель.

1-го Сентября 1853 г.

CTNXGTBOPEHIA.

отдълъ первый.

лицейскія стихотворенія.

лицейскія стихотворенія.

1814 г.

I.

въ сестръ.

Ты хочешь, другъ безцънной, Чтобъ я, поэтъ младой, Бесъдовалъ съ тобой; — И съ лирою забвенной, Мечтами окрыленной, Оставилъ монастырь И край уединенный, Гдъ непрерывный миръ Во мракъ опустился, И въ пустынъ глухой Безмолвно воцарился, Съ угрюмой тишиной!...

И быстрою стрълой На Невскій брегъ примчуся, Съ подругой обнимуся Весны моей златой, И какъ пъвецъ Людмилы, Мечты невольникъ милый, Взошедъ подъ отчій кровъ, Несу тебъ не злато — Чернецъ я не богатый — Въ подарокъ пукъ стиховъ. Тайкомъ взощедъ въ диванну, Хоть помощью пера, О, какъ тебя застану, Любезная сестра! Чъмъ сердце занимаешь Вечернею порой? Жанъ - Жака ли читаешь, Жанлисъ ли предъ тобой? Иль съ резвымъ Гамильтономъ Смъешься всей душой? Иль съ Греемъ и Томсономъ Ты пренеслась мечтой Въ поля, гдъ отъ дубравы Вдоль въетъ вътерокъ, И шепчеть льсь кудрявый, И мчится величавый Съ вершины горъ потокъ? Иль моську престарълу, Въ подушкахъ посъдълу, Окутавъ въ длинну шаль, И съ нъжностью лелья Ты къ ней зовешь Морфея? Иль смотришь въ темну даль Задумчивой Светланой, Надъ тумною Невой? Иль звучнымъ фортепьяно,

Подъ бъглою рукой, Моцарта оживляещь? Иль тоны повторяещь Пачини иль Рамо?

Но вотъ, ужъ я съ тобой, И въ радости нъмой Твой другъ расцвелъ душой, Какъ ясный въшній день. Забыты дни разлуки, Дни горести и скуки, Исчезла грусти тънь. Но это лишь мечтанье! Увы, въ монастыръ, При бледномъ свечь сіянье, Одинъ пишу къ сестръ. Все тихо въ мрачной кельт; Защелка на дверяхъ, Молчанье — врагъ веселья И скука на часахъ! Стулъ вътхій, необитый И шаткая постель, Сосудъ водой налитый, Соломенна свиръль-Вотъ все, что предъ собою Я вижу пробужденъ. Фантазія, тобою Одной я награжденъ! Тобою пренесенный Къ волшебной Ипокренъ И въ кельъ я блаженъ! Что было бы со мною, Богиня, безъ тебя? Знакомый съ сустою,

Пріятной для меня, Увлеченъ въ даль судьбою Я вдругъ, въ глухихъ стънахъ, Какъ Леты на брегахъ, Явился заключеннымъ, На въки погребеннымъ -И скрипнули врата Сомкнувшися за мною; И міра красота Одвлась черной мглою!... Съ тъхъ поръ гляжу на свътъ, Какъ узникъ изъ темницы, На яркій блескъ денницы. Свътило дня взойдетъ, $\mathbf{\Lambda}$ учь кинувъ позлащенной Сквозь узкое окно; Но сердце омраченно Не радуеть оно. Иль позднею зарею, Какъ ночь на небесахъ, Покрытыхъ темнотою, Чернъетъ въ облакахъ — Близь келіи встръчаю Я сумрачную тънь.... И вздохомъ провожаю Скрывающійся день! Но время протечетъ И съ каменныхъ воротъ Падутъ, падутъ запоры, И въ пышный Петроградъ Черезъ долины, горы Ретивые примчатъ, Спъша на новоселье....

II.

къ другу стихотворцу.

Аристъ! и ты въ толпъ служителей Парнасса! Ты хочешь осъдлать упрямаго Пегаса; За лаврами спъшишь опасною стезей, И съ строгой критикой вступаещь смъло въ бой!

Аристъ, повърь ты мнъ, оставь перо, чернилы, Забудь ручьи, льса, унылыя могилы, Въ холодныхъ пъсенкахъ любовью не пылай; Чтобъ не слетъть съ горы, скоръе внизъ ступай! Λ овольно безъ тебя поэтовъ есть и будетъ; Ихъ напечатаютъ — и целый светь забудеть. Быть можеть и теперь, отъ шума удалясь И съ глупой музою на въкъ соединясь, Подъ сънью мирною Минервиной эгиды Сокрытъ другой отецъ второй Телемахиды. Страшися участи безсмысленныхъ пъвцовъ, Насъ убивающихъ громадою стиховъ! Потомковъ позднихъ дань поэтамъ справедлива; На Пиндъ лавры есть, но есть тамъ и крапива. Страшись безславія! Что есть-ли Апполонъ Услышавъ, что и ты полезъ на Геликонъ, Съ презръньемъ покачавъ кудрявой головою, Твой геній наградить — спасительной лозою?

Но что? ты хмуришься и отвъчать готовъ; «Пожалуй» скажешь мнъ «не трать излишнихъ словъ, «Когда на что ръшусь, ужъ я не отступаю

«И знай, мой жребій паль, я лиру избираю.

«Пусть судить обо мне, какъ хочеть, целый светь, «Сердись, кричи, бранись, — а я таки поэть.»

Аристь, не тоть поэть, кто рифмы плесть умьеть И перьями скрыпя, бумаги не жальеть. Хорошіе стихи не такъ легко писать, Какъ Витгенштенну Французовъ побъждать. Межъ тьмъ какъ Дмитріевъ, Державинъ, Ломоносовъ, Пъвцы безсмертные и честь и слава Россовъ, Питаютъ здравый умъ и вмъстъ учатъ насъ, Сколь много гибнетъ книгъ, на свътъ едва родясь, Творенья громкія Риематова, Графова, Съ тяжелымъ Бибрусомъ гніютъ у Глазунова; Никто не вспомнитъ ихъ, не станетъ вздоръ читать, И Фебова на нихъ проклятія печать.

Положимъ, что на Пиндъ взобравшися щастливо, Поэтомъ можешь ты назваться справедливо: Всь съ удовольствіемъ тогда тебя прочтуть, Но мнишь ли что къ тебе рекой уже текутъ, За то, что ты поэтъ, несмътныя богатства, Что ты уже берешь на откупъ Государства, Въ желъзныхъ сундукахъ червонцы хоронишь, И лежа на боку покойно вшь и спишь? Не такъ, любезный другъ, писатели богаты. Судьбой имъ не даны ни мраморны палаты, Ни чистымъ золотомъ набиты сундуки: Лачужка подъ землей, высоки чердаки — Вотъ пышны ихъ дворцы, великолъпны залы. Поэтовъ хвалятъ всъ, читаютъ лишь журналы; Катится мимо ихъ фортуны колесо; Родился нагъ и нагъ вступаетъ въ гробъ Руссо, Камоэнсъ съ нищими постелю раздъляеть, Костровъ на чердакъ безвъстно умираетъ,

Руками чуждыми могилъ преданъ онъ; Ихъ жизнь — рядъ горестей, гремяща слава — сонъ.

Ты, кажется, теперь задумался немного.

- «Да что же, говоришь, и судя всъхъ такъ строго,
- «Перебирая все, какъ новый Ювеналъ,
- «Ты о поэзіи со мною толковалъ,
- «А самъ поссорившись съ Парнасскими сестрами,
- «Мнъ проповъдовать пришелъ сюда стихами?
- «Что сдълалось съ тобой? въ умъ ли ты иль нътъ?»

Аристъ, безъ дальныхъ словъ, вотъ мой тебъ отвътъ: Въ деревнъ, помнится, съ мирянами простыми, Отшельникъ пожилой и съ кудрями съдыми Въ миру съ сосъдями, въ чести, довольствъ жилъ—И первымъ мудрецомъ у всъхъ издавна слылъ. Однажды, осушивъ бутылки и стаканы, Со свадьбы, подъ вечеръ, онъ шелъ не много пъяный; Попалися ему на встръчу мужики:

- «Послушай, Батюшка», сказали простяки,
- «Настави гръшныхъ насъ ты пить въдь запрещаешь,
- «Быть трезвымъ всякому всегда повелъваешь,
- «И въримъ мы тебъ, да чтожъ сегодня самъ?...»
- «Послушайте», сказаль отшельнико мужикамь,
- «Какъ.... васъ учу, такъ вы и поступайте.
- «Живите хорошо, а мнт не подражайте».

И мнт то самое, пришлося отвечать; Я не хочу себя ни мало оправдать: Щастливъ, кто ко стихамъ не чувствуя охоты, Проводитъ тихій въкъ безъ горя, безъ заботы, Своими одами журналовъ не тягчитъ, И надъ экспромтами недъли не сидитъ; Не любитъ онъ гулять по высотамъ Парнасса,

Не ищеть чистыхъ Музъ, ни пылкаго Пегаса; Его съ перомъ въ рукахъ Рамаковъ не страшитъ; Спокоенъ, весель онъ. Аристъ, онъ не піитъ!

Но полно разсуждать — боюсь тебѣ наскучить. И сатирическимъ перомъ тебя замучить. Теперь, любезный другъ, я далъ тебѣ совѣтъ. Оставишь ли свирѣль, умолкнешь или нѣтъ? Подумай обо всемъ и выбери любое: Быть славнымъ — хорошо, спокойнымъ — лучшс вдвое.

III.

кольпл.

(подражание оссіану).

(Фингалъ послалъ Тоскара воздвигнуть на берегахъ источника Кроны памятникъ побъды, одержанной имъ нъкогда на семъ мъстъ. Между тъмъ, какъ онъ занимался симъ трудомъ, Карулъ, сосъдственный Государь, пригласилъ его къ пиршеству. Тоскаръ влюбился въ дочь его Кольну; нечаянный случай открылъ взаимныя ихъ чувства и ощастливилъ Тоскара.)

Источникъ быстрый Каломоны, Бъгущій къ дальнымъ берегамъ! Я эрю: твои взмущенны волны Потокомъ мутнымъ по скаламъ, При блескъ звъздъ ночныхъ сверкаютъ Сквозь дремлющій, пустынный лъсъ, Шумятъ и корни орошаютъ Сплетенныхъ въ темный кровъ древесъ. Твой мпистый брегъ любила Кольна,

Когда по небу тънь лилась; Ты эрълъ, когда въ любви невольной Здъсь другу Кольна отдалась.

Въ чертахъ Сельмы Царь могучихъ Тоскару юному въщаль: «Гряди во мракъ лѣсовъ дремучихъ, «Гдъ Крона катитъ черный валъ, «Шумящей прохлажденъ осиной. «Тамъ рядъ является могилъ; «Тамъ съ върной, храброю дружиной «Полки враговъ я разточилъ. «И много, много сильныхъ пало; «Ихъ гробы черный вранъ стрежетъ. «Гряди—и тамъ гдв ихъ не стало, «Воздвигни памятникъ побъдъ.» Онъ рекъ и въ путь безвъстный, дальной Пустился съ Бардами Тоскаръ, Идетъ во мглъ ночи печальной, Въ вечерній хладъ, въ полдневный жаръ. Денница красная выводитъ Златое утро въ небеса, И вотъ уже Тоскаръ подходитъ Къ мъстамъ, гдъ въ темные лъса Бъжитъ съдой источникъ Кроны И кроется въ долины Сонны. Воспъли Барды гимнъ святой; Тоскаръ обломокъ горъ кремнистыхъ Усильно мощною рукой Влечетъ изъ бездны волнъ сребристыхъ, И съ шумомъ на высокій брегъ Въ густой и дикой злакъ повергъ; На немъ повъсилъ черны латы,

Покрытый кровью предковъ мечь,

И круглый щить и шлемъ пернатый, и обратиль онъ къ камню рѣчь.

- «Въщай сынъ шумнаго потока,
- «О храбрыхъ позднимъ временамъ!
- «Да въ страшный часъ, какъ ночь глубока
- «Въ туманъ ляжетъ по лъсамъ,
- «Пришлецъ, дорогой утомленный,
- «Возлегши подъ надежный кровъ,
- «Воспомнитъ въки отдаленны
- «Въ мечтаньи сладкомъ легкихъ сновъ!
- «Съ разсвътомъ алыя денницы
- «Лучами солнца пробужденъ,
- «Онъ узрить мрачныя гробницы....
- «И грознымъ видомъ пораженъ
- «Вопроситъ сынъ иноплеменный:
- «Кто памятникъ воздвигъ надменный?
- «И старецъ льтами согбенъ,
- «Речетъ: Тоскаръ нашъ незабвенный,
- «Герой умчавшихся временъ!»

Небесъ сокрымся въчный житель,
Заря потухла въ небесахъ;
Луна въ воздушную обитель
Спъшитъ на темныхъ облакахъ.
Ужъ ночь на холмъ. Берегъ Кроны
Съ окрестной рощею заснулъ.
Владыка сильный Каломоны,
Иноплеменныхъ другъ, Карулъ
Призвалъ Морвенскаго героя
Въ жилищъ Кольны молодой,
Вкусить пріятности покоя
И пить изъ чаши круговой.

Близь пепелища всв возсъли; Веселья Барды пъснь воспъли; И въ пънъ кубокъ золотой Кругомъ несется чередой. Печаленъ лишь пришелецъ Лоры, Главу ко груди преклонилъ: Задумчиво онъ страстны взоры На нъжну Кольну устремилъ-И тяжко грудь его вздыхаеть, Въ очахъ веселья блескъ потухъ, То огнь по членамъ пробъгаетъ, То нѣгою томится духъ; Тоскуетъ, въ тайнъ ощущая Волненье сильное въ крови; На юны прелести взирая, Онъ полну чашу пьетъ любви. Но воть ужъ дубъ престалъ дымиться, И тънь мрачнъе становится, Чернъетъ тусклый небосклонъ, И царствуеть въ чертогахъ сонъ.

Ръдъетъ ночь—заря багряна Лучами солнца возжена; Предъ ней златится твердь румяна: Тоскаръ покинулъ ложе сна. Быстротекущей Каломоны Идетъ по влажнымъ берегамъ, Спъшитъ узръть долины Кроны И внемлетъ плещущимъ волнамъ. И вдругъ изъ съни темной рощи, Какъ въ часъ весенней полунощи Изъ облакъ мъсяцъ золотой, Выходитъ ратникъ молодой.

Мечь острый на бедрѣ сіяеть, Копье десницу воружаеть, Надвинуть на чело шеломъ, И гибкій станъ покрыть щитомъ; Зарею латы серебрятся Сквозь утренній въ долинъ паръ.

«О юный ратникъ!» рекъ Тоскаръ, «Съ какимъ врагомъ тебъ сражаться? «Ужель и въ сей странъ война «Багритъ ручьевъ струисты волны? «Но все спокойно-тишина «Окрестъ жилища нъжной Кольны.» — -«Спокойны дебри Каломоны, «Цвътетъ отчизны край златой; «Но Кольна тамъ не обитаетъ: — «И нынъ по стезъ глухой «Пустыню съ милымъ протекаетъ, «Пленившимъ сердце красотой!» — -« Что рекъ ты мнъ, младой воитель? «Куда сокрымся похититель? «Подай мнъ щитъ твой!» И Тоскаръ Пріемлетъ щитъ, пылая мщеньемъ — Но вдругъ изчезъ геройства жаръ: Что эрить онъ съ сладкимъ восхищеньемъ? Не въ силахъ въ страсти воздохнуть, Пылая вдругъ восторгомъ новымъ.... Лилейна обнажилась грудь Подъ грознымъ дышуща покровомъ.... «Ты ль это?» возопиль герой, И трепетно рукой дрожащей Съ главы снимаетъ шлемъ блестящій

И Кольну видить предъ собой. —

IV.

ВЛАЖЕНСТВО.

Въ рощъ сумрачной, тънистой, Гдъ журча въ травъ душистой, Свътлый бродитъ ручеекъ, Ночью на простой свиръли Пълъ влюбленный пастушокъ; Томный гулъ, унылы трели Повторялъ въ глуши долинъ...

Вдругъ, изъ глубины пещеры Чтитель Вакха и Венеры, Рызвыхъ Фавновъ господинъ, Выбъжаль Эрміевъ сынъ: Розами рога обвиты, Плюща на черныхъ волосахъ, Козій мъхъ виномъ налитый У Сатира на плечахъ. Богъ лъсовъ въ дугу склонившись Надъ искривленной клюкой, За кустами притаившись, Слушаль пъсенки ночной, Въ ладъ качая головой. — — «Дни, протекшіе въ весельи! (Пълъ въ тоскъ настухъ младой) «Отъ чего, явясь мечтой, «Вы какъ тънь отъ глазъ исчезли, «И покрылись въчной тьмой? «Ахъ! когда во мракъ нощи, «При таинственной лунъ, «Въ темну сѣнь прохладной рощи, «Сладко спящей въ тишинъ,

- «Медленно, рука съ рукою,
- «Съ нъжной Хлоей приходиль,
- «Кто сравниться могъ со мною?
- «Хлов быль тогда я миль!
 - «А теперь мнъ жизнь—могила
- «Бълый свътъ душъ постылъ,
- «Грустенъ лъсъ, потокъ унылъ....
- «Хлоя другу измѣнила!...
- «Я для милой... ужъ не милъ!...»

Звукъ исчезъ свиръли тихой; Смолкъ пъвецъ — и тишина Воцарилась въ рощъ дикой; Слышно, плещетъ лишь волна И колышетъ повиликой Тихо-въющій Зефиръ. Древъ оставя сънь густую, Вдругъ является Сатиръ. Чашу дружбы круговую Ивнистымъ сребря виномъ, Рекъ съ осклабленнымъ лицомъ. «Ты уныль, ты сердцемъ мраченъ; «Посмотри жъ какъ сокъ прозраченъ «Блещеть, осветясь луной! «Выпей чашу—и душой «Будешь также чисть и ясенъ. «Върь миъ:-стонъ въ бъдахъ напрасенъ. «Лучше, лучше веселись, «Въ горъ съ Бахусомъ дружись!» — И пастухъ, взявъ чашу въ руки, Скоро выпилъ все до дна. О могущество вина! Вдругъ сокрылись скорби, муки,

Мракъ душевный вмигъ изчезъ! Лишь фіалъ къ устамъ поднесъ, Все мгновенно премънилось, Вся природа оживилась: Шастливъ юноша въ мечтахъ! Вышивъ чашу золотую, Наливаетъ онъ другую; Пьетъ ужъ третью.... но въ глазахъ Видъ окрестной потемнился — И нещастный.... утомился. Томну голову склоня, «Научи, Сатиръ, меня» Говоритъ пастухъ со вздохомъ, «Какъ могу бороться съ рокомъ? «Какъ могу щастливымъ быть? «Я не въ силахъ вѣчно пить.» — Слушай, юноша любезный, Вотъ тебъ совътъ полезный: Мигъ блаженства въкъ лови; Помни дружбы наставленья: Безъ вина здъсь нътъ веселья, Нътъ и щастья безъ любви; Такъ поди жъ теперь съ похмълья Съ Купидономъ помирись; Позабудь его обиды, И въ объятіяхъ Дориды Снова щастьемъ насладись!

V.

опытность.

Кто съ минуту переможетъ

Хладнымъ разумомъ любовь,

Бремя тягостныхъ оковъ

Ей на крылья не возложитъ?

Пусть не смъйся, не ръзвись,

Съ строгой мудростью дружись;

Но съ разсудкомъ вновь заспоришь, —

Хоть не радъ, но дверь отворишь,

Какъ проказливый Эротъ

Постучится у воротъ.

Испыталь я самь собою
Истину сихь правыхь словь.
«Добрый путь! прости любовь!
«За богинею сльпою,
«Не за Хлоей полечу,
«Щастье, щастье ухвачу!»
Мниль я въ гордости безумной.
Вдругь услышаль хохоть шумной
Оглянулся.... и Эроть
Постучался у вороть.

Нѣтъ! мнѣ видно, не придется Съ богомъ симъ въ размолвкѣ жить, И покамѣсть жизни нить Старой Паркой тамъ прядется, Пусть владѣетъ мною онъ! Веселиться — мой законъ. Смерть откроеть гробъ ужасный, Потемнъють взоры ясны, И не стукнется Эротъ У могильныхъ ужъ воротъ.

VI.

венеръ отъ лансы при посвящени ей зеркала.

Вотъ зеркало мое—прими его Киприда!
Богиня красоты прекрасна будетъ ввъкъ;
Съдова времени не страшна ей обида:
Она не смертный человъкъ;
Но я покорствуя судьбинъ,
Не въ силахъ зрътъ себя въ прозрачности стекла,
Ни той, которой я была,
Ни той, которой нынъ.

VII.

красавицъ,

КОТОРАЯ НЮХАЛА ТАБАКЪ.

Возможно ль, вмѣсто розъ, Амуромъ насажденныхъ, Тюльпановъ гордо наклоненныхъ, Душистыхъ ландышей, ясминовъ и лилей, Которыхъ ты всегда любила, И прежде всякій день носила На мраморной груди своейВозможно ль, милая Климена? Какая странная во вкуст перемтна! Ты любишь обонять не утренній цвттокъ,

> А вредную траву зелену, Искусствомъ превращенну Въ пушистый порошокъ!

Пускай уже съдой профессоръ Геттингена,
На старой канедръ согнувшися дугой,
Вперивъ въ латинщину глубокій разумъ свой,

Раскашлявшись, табакъ толченый Пихаетъ въ длиный носъ изсохшею рукой; Пускай младой драгунъ усатой, Поутру сидя у окна, Стаканы сушитъ всъ до дна,

И чтобъ прогнать остатокъ сна, Изъ трубки пенковой дымъ гонитъ съроватый; Пускай красавица шестидесяти льтъ, У коей держится вся прелесть на подставкъ, У коей безъ морщинъ на тълъ мъста нътъ,

Чаёкъ въ-прикуску попиваетъ, Съ Сарептскимъ табакомъ печали забываетъ. А ты, прелестная! Но если ужъ табакъ Столь нравится тебъ... о пылъ воображенья!

Ахъ! если бъ, превращенный въ прахъ, И въ табакеркъ, въ заточеньи, Я въ персты нъжные твои попасться могъ;

Тогда бъ, въ сердечномъ восхищеньи, Разсыпался на грудь....
Но, что? мечта, мечта пустая!
Не будетъ этого никакъ!
О доля человъка злая!
Ахъ!... отъ чего я не... табакъ!

VIII.

пирующие друзья.

Друзья! досужный часъ насталъ,
Все тихо, все въ поков:
Скорѣе скатерть и бокалъ!
Сюда вино златое!
Шипи шампанское въ стеклѣ!
Друзья! почто же съ Кантомъ
Сенека, Тацитъ на столѣ
Фольянтъ надъ фоліантомъ?
Подъ столъ холодныхъ мудрецовъ!
Мы полемъ овладѣемъ!
Подъ столъ ученыхъ дураковъ —

Безъ нихъ мы пить умъемъ!

На всякій случай изберемъ
Скорѣе президента.
Въ награду пьянымъ онъ нальетъ
И пуншъ и грокъ душистой;
А вамъ, Спартанцы, поднесетъ
Воды въ стаканѣ чистой.
Защитникъ нѣги и прохладъ,
Мой добрый Г...чь, vale!
Ты Эпикуровъ младшій братъ,
Душа твоя въ бокалѣ.
Главу вѣнками убери —
Будь нашимъ президентомъ.

Дай руку, Д...! Что ты спишь? Проснись, лънивецъ сонный, Ты не подъ каеедрой сидинь, Латинью усыпленный.
Взгляни! Здъсь кругь твоихъ друзей,
Бутыль виномъ налита.
За здравье нашей Музы пей,
Парнасскій волокита!
Острякъ любезный! По рукамъ!
Полнъй бокалъ досуга
И вылей сотню эпиграммъ
На недруга и друга!

Товарищъ милой! Другъ прямой!

Тряхнемъ рукою руку,
Оставимъ въ чашъ круговой

Педантамъ сродну скуку.
Не въ первый разъ мы вмъстъ пьемъ,

Не ръдко и бранимся,
Но чашу дружества нальемъ

И тотчасъ помиримся.

О ты, который съ дътскихъ лътъ
Однимъ весельемъ дышешь!
Забавный, право, ты поэтъ,
Хоть плохо басни пишешь.
Съ тобой тостуюсь безъ чиновъ,
Люблю тебя душою,

Наполни кружку до краевъ; Разсудокъ, Богъ съ тобою!

А ты, повъса изъ повъсъ,

На шалости рожденный,

Удалый хватъ, головоръзъ,

Пріятель задушевный!

Бутылки, рюмки разобьемъ
За здравіе Платова,

Въ казачью шапку пуншъ нальемъ

И пить давайте снова.

Не лучше ль, Роде записной,
Въ честь Вакховой станицы,
Теперь скрипъть тебъ струной
Разстроенной скрипицы?
Запойте хоромъ, господа!
Нътъ нужды, что нескладно;
Охрипли?... Это не бъда:
Для пьяныхъ все въдь ладно.

Но что, я вижу все вдвоемъ: Двоится штофъ съ аракомъ, Вся комната пошла кругомъ, Покрылись очи мракомъ. Гдт вы, товарищи, гдт я?

Скажите Вакха ради.
Вы дремлете, мои друзья,

Склонившись на тетради.

Писатель! за свои гртхи

Ты съ виду встхъ трезвъе:
Вильгельмъ! прочти свои стихи —

Чтобъ мит уснуть скоръе.

IX.

КЪ Н. Г. A-OBY.

И ты, любезный другъ, оставилъ Надежну пристань тишины, Челнокъ свой весело направилъ По влагъ бурной глубины; Судьба на руль уже склонилась, Спокойно свътять небеса, Ладья крылатая пустилась — Расправитъ щастье паруса! Дай Богъ, чтобъ грозной непотоды 🦙 Вблизи ты ужасъ не видаль, Чтобъ бурный вихорь не вздуваль Предъ челнокомъ шумящи воды! Дай Богъ, подъ вечеръ, къ берегамъ Тебъ пристать благополучно, И отдохнуть спокойно тамъ Съ любовью, дружбой неразлучно! Нътъ, ты не можешь ихъ забыть! Но что! не скоро, можеть быть, Увижусь я, мой другь, съ тобою

Укромной хаты въ тишинтя? За чашей пунша круговою Подъ часъ воспомнишь обо мнт; Когда жъ пойду на новоселье (Заснуть въдь общій встить удълъ), Скажи: дай Богъ ему веселье! Онъ въ жизни хоть любить умълъ.

X.

POMARCT.

Подъ вечеръ, осенью ненастной, Въ пустынныхъ дъва шла мъстахъ, И тайный плодъ любви несчастной Держала въ трепетныхъ рукахъ. Все было тихо: лъсъ и горы, Все спало въ сумракъ ночномъ; Она внимательные взоры Водила съ ужасомъ кругомъ.

И на невинномъ семъ твореньъ, Вздохнувъ, остановила ихъ....
Ты спишь, дитя, мое мученье...
Не знаешь горестей моихъ!
Откроешь очи и, тоскуя,
Ты къ груди не прильнешь моей,
Не встрътишь завтра поцълуя

Несчастной матери твоей!

Ee манить напрасно будень! Мнъ въчный стыдъ вина моя! Меня на-въки ты забудешь...
Но не забуду я тебя?
Дадутъ покровъ тебъ чужіе,
И скажутъ: ты для насъ чужой!
Ты спросищь: гдъ мои родные?
И не найдешь семьи родной!

Несчастный! Будешь грустной думой Томиться межь другихъ дѣтей, И до конца съ душой угрюмой Взирать на ласки матерей. Повсюду странникъ одинокой, Всегда судьбу свою кляня, Услышишь ты упрекъ жестокой.... Прости, прости тогда меня!

Ты спишь!... Позволь себя, несчастный, Прижать къ груди въ послъдній разъ. Проступокъ мой, твой рокъ ужасный, Къ страданью осуждають насъ. Пока лъта не отогнали Невинной радости твоей, Спи, милой! Горькія печали Не тронутъ дътства тихихъ дней.

Но вдругъ за рощей освътила, Вблизи ей, хижину луна. Блъдна, трепещуща, уныла, Съ волненьемъ сына ухватила, Къ дверямъ приблизилась она, Склонилась, тихо положила Младенца на порогъ чужой; Со страхомъ очи отвратила—И скрылась въ темнотъ ночной.

XI.

КЪ Б---ОВУ.

Философъ рѣзвый и піить,
Парнасскій счастливый лѣнивецъ,
Харитъ изнѣженный любимецъ,
Наперсникъ милыхъ Аонидъ!
Почто на арфѣ златострунной
Умолкнулъ, радости пѣвецъ?
Уже-ль и ты, мечтатель юной,
Разстался съ Фебомъ наконецъ?

Уже съ вънкомъ изъ розъ душистыхъ, Межъ кудрей вьющихся златыхъ, Подъ тенью тополей ветвистыхъ, Въ кругу красавицъ молодыхъ, Заздравнымъ не стучишь фіаломъ, Любовь и Вакха не поешь; Довольный, счастливый началомъ, Цвътовъ Парнасскихъ вновь не рвешь; Не слышенъ нашъ Парни Россійскій. Пой, юноша! Пъвецъ Тіискій Въ тебя вліяль свой нъжный духъ. Съ тобою твой прелестный другъ, Лилета, красныхъ дней отрада: Пъвцу любви любовь награда. Настрой же лиру; по струнамъ Летай игривыми перстами, Какъ вешній зефиръ по цвътамъ, И сладострастными стихами, И тихимъ шопотомъ любви Лилету въ свой шалашъ зови.

И звъздъ ночныхъ при блъдномъ свътъ,
Плывущихъ въ дальной вышинъ,
Въ уединенномъ кабинетъ,
Волшебной внемля тишинъ,
Слезами счастья грудь прекрасной,
Счастливецъ милый, орошай;
Но, упоенъ любовью страстной,
И нъжныхъ Музъ не забывай!
Любви нътъ бодъ счастья въ міръ;
Люби — и пой ее на лиръ.

Когда жъ къ тебъ въ досужный часъ Друзья, знакомые сберутся, И вина пънныя польются, Отъ плъна съ трескомъ свободясь, Описывай въ стихахъ игривыхъ Веселье, шумъ гостей болтливыхъ Вокругъ накрытаго стола, Стаканъ, кипящій пеной белой, И стукъ блестящаго стекла; И гости дружно стихъ веселой, Бокалъ въ бокалъ ударя въ ладъ, Нестройнымъ хоромъ повторятъ. Поэтъ! Въ твоей предметы волъ! Во звучны струны смѣло грянь. Съ Ж.....пой кроваву брань, И грозну смерть на ратномъ полъ. И ты въ строяхъ ее встръчалъ, И ты, постигнутый судьбою, Какъ Россъ, питомецъ славы, палъ! Ты палъ, и хладною косою Едва, скошенный, не увялъ!

Иль, вдохновенный Ювеналомъ,

Вооружись сатиры жаломъ;
Подъ-часъ прими ея свистокъ,
Рази, осмъивай порокъ,
Шутя, показывай смъшное,
И, если можно, насъ исправь;
Но Тредьяковскаго оставь
Въ столь часто рушимомъ покоъ.
Увы! довольно безъ него
Найдемъ безчисленныхъ поэтовъ;
Довольно въ мірѣ есть предметовъ,
Пера достойныхъ твоего!

Но что? Цъвницею моею, Безвъстный въ міръ семъ поэтъ, Я пъсни продолжать не смъю. Прости — но помни мой совътъ: Доколъ, Музами любимый, Ты Піэридъ горишь огнемъ, Доколь, сраженъ стрълой незримой, Въ подземный ты не снидешь домъ, Мірскія забывай печали, Играй: тебя младой Назонъ, Эроть и Граціи вънчали, А лиру строилъ Аполлонъ!

примъчанія

КЪ СТИХОТВОРЕНІЯМЪ ПУШКИНА

1814 года.

- 1. Этимъ стихотвореніемъ открылась поэтическая дѣятельность Пушкина въ нашей литературѣ. Оно намъ дорого какъ первый, едва внятный, лепетъ его Музы. Надписи, четверостишія и стихи на Французскомъ языкѣ, писанныя прежде, всѣ, по большой части, утеряны, но, благодаря ихъ, Пушкинъ уже величаетъ себя младымъ поэтомъ. Стихотвореніе это до сихъ поръ не было издано и сообщено намъ сестрой поэта. Неправильный и вмѣстѣ какъ-то легкій, текучій стихъ составляютъ его отличительное качество. Не менѣе замѣчательно само описаніе школьной комнаты: это любопытная біографическая подробность, также какъ и описаніе порывовъ и належдъ ученика. Не надо прибавлять, что списокъ нашъ не можетъ быть вѣренъ; подлинной рукописи стихотворенія не существуетъ.
- Измайлова, № 13, за подписью «Александръ Н. к. ш. п При стихѣ: «Подъ сѣнью мирною Минервиной Эгиды» въ журналѣ была выноска: «т. е. въ школѣ», Одинъ стихъ тамъ же

неправильно папечатанъ такъ: «Потомковъ поздныхъ поэтамъ справеллива дань»; онъ долженъ быть: » Потомковъ позднихъ дань поэтамъ справедлива». Редакція Вѣстника Европы сличена здъзь съ редакціей одной рукописной тетради, весьма дюбопытной, которая принадлежить М. А. К. и содержить первые стихотворные опыты всъхъ лицейскихъ воспитанниковъ. По этой тетради, сообщенной намъ снисходительнымъ владъльнемъ си. мы впервые и узнали обстоятельно о произведеніяхь Пушкина, напечатанныхъ, какъ въ Вестнике Европы, такъ и въ Россійскомъ Музеумѣ. Какъ стихотвореніе, предназначенное уже для публики, оно содержить болье строгій взглядь на искусство, чёмь другія оставшіяся оть этой эпохи, но въ концѣ его проглядываетъ пронія и шутливость, доказывающія, что убъжденія туть искать еще рано. Въ нашей редакціи употреблено слово «отщельникъ» въ одномъ стихъ виъсто того, который быль въ журналъ.

- III. Напечатано въ Въстникъ Европы 1814 г. № 14, съ той перемъной противъ тетради М. А. К. что въ журналъ вездъ стоитъ Тоскаръ и Каруль. Подпись также, какъ и въ пред-шествующемъ стихотвореніи: Александръ Н. к. ш. п. Замъчательно, что стихи здъсь гораздо тяжелье, чъмъ въ Посланіи къ ссстръ и въ пьесъ Другу-Стихотворцу. Это первый образецъ сочиненія, безъ связи съ личностію автора. По этому пьеса и особенно любонытна.
- IV—V. Оба стихотворенія: «Блаженство» и «Опытность» напечатаны были въ Въстникъ Европы 1814 г. первое въ № 20, за подписью 1...14—16, а второе въ № 19 за подписью тоже 1...14—16. Еще неправильныя по стиху своему, они весьма замъчательны въ другихъ отношеніяхъ. Это самое раннее подражаніе Анакреонтическимъ поэтамъ Франціи или Батюшкову, который считался тогла ихъ представителемъ у насъ.
- VI. Это стихотвореніе помѣщено было въ Вѣстникѣ Европы 1814 г.
 № 18, въ статьѣ: «Объ эпиграммѣ и надчиси древнихъ» и было подписано одной буквой П. Мы обязаны тетради М. А. К. указаніемъ на нее, безъ чего, конечно, она никогда бы не явилась въ свѣтъ подъ именемъ настоящаго своего автора.
- VII. Это стихотвореніе уже напечатано было впервые посмертнымъ изданіемъ сочиненій Пушкина 1838—41 г, но такъ какъ лицейскія пьесы изданія большею частію взяты съ грубыхъ,

искаженных списковъ, ходившихъ по рукамъ, то мы принуждены были сличить ихъ съ тѣми оригиналами, которые еще остались въ рукописяхъ автора. При этомъ мы встрѣтили вездѣ одно и тоже: Пушкинъ хотѣлъ исправить свои дѣтскіе опыты, неизвѣстно въ какое время, маралъ, переиначивалъ стихи и наконецъ зачеркивалъ цѣлыя пьесы, надписывая сверьху: пе надо или исправить. Такъ было и съ настоящей пьесой. 21-й стихъ ея Пушкинъ измѣнилъ въ такой-

«Съ остаткомъ утренняго сна,»

24-й въ сабдующій:

- «У Грацій въ отпуску и у любви въ отставкѣ» и проч. Вообще надо замѣгить, что посмертное изданіе, съ котораго и мы печатаемъ лицейскія стихотворенія, даетъ обыкновенно текстъ не исправленной, когда беретъ его изъ рукописей Пушкина и текстъ, искаженной переписчиками, когда беретъ его съ многочисленныхъ списковъ Пушкинскихъ стихотвореній, ходившихъ по рукамъ. Кстати о пьесѣ насъ занимающей. Конецъ 34-го стиха пропущенъ въ посмертномъ изданіи, почему онъ и не рифмуетъ съ соотвѣгствующимъ ему 32-мъ стихомъ.
- VIII. Пьеса впервые напечатана посмертнымъ изданіемъ. Въ рукописи помъчена 1814 г. самимъ авторомъ и отнесена здъсь къ этой эпохъ, но уже внъшней формой превосходитъ предшествующіе опыты. Стихотвореніе, какъ кажется было передълано въ позднъйшее время. Оно особенно любопытно тъмъ, что заключаетъ потреты лицейскихъ друзей Пушкина, къ которымъ должно причисдитъ и Профессора Философіи и Эстетики Гадича. Нъкоторые изъ этихъ портретовъ онъ еще повторилъ вомвторомъ пославіи къ Г—чу и наконецъ въ стихотвореніи 1825 г. 19-е Февраля, возвелъ другіе до яркихъ поэтическихъ образовъ, извъстныхъ всъмъ. Между прочимъ во второмъ куплетъ пьесы измѣнено два стиха.
- IX. Напечатано впервые въ журналѣ: Россійскій Музеумъ или Журналѣ Европейскихъ новостей, изд. Владиміромъ Измайловымъ, 1815 г., № 3, за подписью 1... 14 16, и въ томъ самомъ видѣ, какъ здѣсь прилагается. Посмертное изданіе напечатало изъ этой пьесы одинъ отрывокъ съ заглавіемъ: «Путешественнику» и съ выноской: «Авторъ писалъ это четырнадцати лѣтъ.» Просимъ литателей помнить что нѣкоторыя изъ произведеній, напечатанныхъ какъ въ Вѣстникѣ Европы,

такъ и въ Россійскомъ Музеумѣ, можеть статься, написаны и ранѣе, но собраны здѣсь подъ одну рубрику изъ невозможности указать съ точностію времени ихъ сочиненія. Въ сдѣдующемъ отдѣдѣ уже можемъ мы говорить гораздо опредѣдительнѣе. Мы сохранили и въ предшествующихъ пьесахъ Пушкина, напечатанныхъ Вѣстникомъ Европы, нѣкоторые оттѣнки правописанія, общія тому времени.

Х. Впервые напечатань быль вь альманах в г. Федорова: Памятникъ Отечественныхъ Музъ на 1827 г., откуда и перешелъ прямо въ посмертное изданіе 1838 — 41 г. Извістно, что пьесы Пушкина печатались въ альманахѣ съ согласія автора. Вотъ что говориль отъ себя издатель его: «Уважающимъ скромность, украшающую блистательной геній, пріятно будеть узнать, что Ал. Сер. Пушкинъ позволиль издателю помъстить въ семъ Альманахъ нъкоторые изъ первыхъ произведеній своей Музы, не довъряя достоинству ихъ, желаль, чтобъ издатель означиль время сочиненія ихъ. Но въ сихъ произведеніяхь юнаго поэта видіть врізьній дарь генія — и тъмъ они драгоцьниве для Памятника Отечественныхъ Музъ.» Къ самому романсу издатель альманаха сдёлалъ еще выноску: «Помъщенные вдъсь стихи Алекс. Сер. Пушкина были изъ первыхъ опытовъ его очаровательной Музы. » Совсемъ тыть Пушкинь быль недоволень. Вы запискахи его находимь саблующія строки: «Въ Альманахь, изданномъ Г. Б. О. между найденными, Богъ знаеть гдь, стихами моими, напечатана Идиллія, писанная слогомъ переписчика стиховъ Г-на П-ва.» По этимъ словамъ можно полагать даже, что Пушкинъ не признаваль идиллію своей, но она находится въ тетради, съ которой печаталась книга: Стихотворенія А. Пушкина (1826 г.). Тамъ идилія вачеркнута собственной его рукой и трудно предполагать, чтобъ она ванесена была въ тетрадь тоже по ошибкъ. Върнъе, что Пушкинъ забылъ объ пьесъ по прошествіи н'якотораго времени. Вотъ еще н'ясколько подробностей, взятыхъ изъ тетради: романсъ означенъ тамъ 1814 г. и разнится съ текстомъ альманаха г. Федорова. Вторый стихъ въ ней читается такъ: «Въ далекихъ дъва шла мъстахъ, потомъ во второмъ куплетъ альманаха, Г нъ Федоровъ замфинать одинъ неправильный стихъ рукописи:

«И на невинное творенье Остановила ихъ» (взоры)

стихомъ: «И на невинномъ семъ твореньѣ»; далѣе альманахъ выпустилъ пѣлый куплетъ, пятый, дѣйствительно очень слабый по созданію и наконецъ просмотрѣлъ въ послѣднемъ куплетѣ одинъ стихъ, необходимый для рифмы: «Съ волненьемъ сына ухватила» и проч. Кстати сказать между прочимъ, что въ тетради 1826 г. зачеркнуто Пушкинымъ 9-тъ пьесъ, именно: Подражаніе (1816 г.), Къ ней (1817 г.), Уныніе (1816 г.), Восноминанія въ Царскомъ Селѣ (1815 г.), Романсъ (1814 г.), Наъздникъ (1815), Мъсяцъ (1816) и Усы. Всѣ они помѣщены въ въ нашемъ изданіи, съ примѣчаніями, отчасти объясняющими исторію ихъ происхожденія.

X1. Это посланіе къ Батюшкову впервые явилось въ Россійскомъ Музеумѣ № 1 за подписью 1...14—16. При стихѣ: «Едва скошенный не увялъ» тамъ была выноска: Кому неизвѣстны Воспоминанія на 1807 годъ, что перешло и въ посмертное изданіе. Въ Вѣстникѣ Европы 1809 г. № 21, напечатано было стихотвореніе Батюшкова подъ заглавіемъ: «Воспоминаніе 1807 года» съ подписью К... Б... изъ котораго въ собравіи его сочиненій (1817 г.) приведенъ одинъ только отрывокъ, что повторено и изданіемъ Смирдина. Кстати въ одинадцатомъ стихѣ вмѣсто тополей, журналъ В. В. Измайлова напечаталъ тополоев, вѣроятно по тогдашнему правописанію самаго автора что исправлено посмертнымъ изданіемъ вмѣстѣ съ другими ореографическими особейностями.

4845 r.

I.

городокъ.

(Ko * * *).

Прости мнѣ, милой другъ, Двухъ-летнее молчанье; Писать тебъ посланье Мнъ быдо не-досугъ. На тройкъ принесенный Изъ родины смиренной Въ великой градъ Петра, Отъ утра до утра Два года все кружился Безъ дъла въ хлопотахъ, Зъвая веселился Въ театръ, на пирахъ; Не въдалъ я покоя, Увы! ни на часокъ,

Но слава, слава Богу! На ровную дорогу Я вывхаль теперь; Ужъ вытолкалъ за дверь Заботы и печали, Которыя играли — Стыжусь — столь долго мной; И въ тишинъ святой Философомъ ленивымъ, Отъ шуму въ далекъ, Живу я въ городкъ Бъзвъстностью счастливомъ. Я нанялъ свътлый домъ Съ диваномъ, съ камелькомъ; Три комнатки простыя — Въ нихъ злата, бронзы нътъ, И ткани выписныя Не кроютъ ихъ паркетъ. Окошки въ садъ веселый, Гдъ липы престарълы Съ черемухой цвътутъ; Гдъ мнъ въ часы полдневны Березокъ своды темны Прохладну сънь даютъ; Гдъ ландышъ бълосиъжной Сплелся съ фіалкой нъжной, И быстрый руческъ, Въ струяхъ неся цвътокъ, Невидимый для взора, Лепечетъ у забора. Здъсь добрый твой поэтъ Живетъ благополучно; Не ходить въ модный свътъ; На улицъ кареть

Не слышенъ стукъ докучной; Здёсь грома вовсе нътъ; Лишь изрёдка телега Скрипитъ по мостовой, Иль путникъ, въ домикъ мой Пришедъ искать ночлега, Дорожною клюкой Въ калитку постучится.... Блаженъ, кто веселится Въ покоъ, безъ заботъ,

Съ къмъ втайнъ Фебъ дружится И маленькой Эротъ; Блаженъ, кто на просторъ Въ укромномъ уголкъ, Не думаетъ о горъ, Гуляетъ въ колпакъ, Пьетъ, встъ, когда захочетъ, О гость не хлопочеть! Никто, никто ему Лъниться одному Въ постелъ не мъщаетъ: Захочетъ — Аонидъ Толпу къ себъ свываетъ; Захочетъ — сладко спитъ, На Рифмова склоняясь И тихо забываясь. Такъ я, мой милой другъ, Теперь расположился; Съ толпой безстыдныхъ слугъ На-въки распростился; Укрывшись въ кабинетъ, Одинъ я не скучаю, И часто цълой свътъ Съ восторгомъ забываю.

Друзья мнв — мертвецы, Парнасскіе жрецы. Надъ полкою простою, Подъ тонкою тафтою, Со мной они живутъ. Пъвцы красноръчивы, Прозаики шутливы, Въ порядкъ стали тутъ. Сынъ Мома и Минервы, Ферпейскій злой крикунь, Поэть въ поэтахъ первый, Ты здесь, седой щалуны! Онъ Фебомъ былъ воспитанъ, Издетства сталь ціить; Всъхъ больше перечитанъ, Всвхъ менве томитъ; Соперникъ Эврипида, Эраты нѣжной другъ, Арьоста, Тасса внукъ --Скажу ль?... Отецъ Кандида! Онъ все: везлъ великъ Единственной старикъ! На полкъ за Вольтеромъ Виргилій, Тассь съ Гомеромъ, Всв вместе предстоять, Въ часъ утренній досуга Я часто другь огъ друга Люблю ихъ отрывать. Питомцы юныхъ Грацій — Съ Державинымъ потомъ Чувствительный Горацій Является вдвоемъ. И ты, пъвенъ любезной, Поэзіей прелестной

Сердца привлекщій въ пленъ, Ты здъсь, лънтяй безпечный, Мудрецъ простосердечный, Ванюша Лафонтенъ! Ты здесь — и Дмитревъ нежный, Твой вымысель любя. Нашель пріють надежный Съ Крыловымъ близъ тебя. Но вотъ наперсникъ милой Психеи златокрылой! О добрый Лафонтенъ, Съ тобой онъ смълъ сразиться... Коль можешь ты дивиться, Дивись: ты побъжденъ! Воспитанны Амуромъ Вержье, Парии съ Грекуромъ Укрылись въ уголокъ, (Не разъ они выходятъ И сонъ отъ глазъ отводятъ Подъ зимній вечерокъ). Здівсь Озеровь сть Расиномъ, Руссо и Карамзинъ; Съ Мольеромъ - исполиномъ Фонвизинъ и Княжнинъ. За ними, хмурясь важно, Ихъ грозный Аристархъ Является отважно Въ шестнадцати томахъ. Хоть страшно стихоткачу Лагарпа видъть вкусъ, Но часто, признаюсь, Надъ нимъ я время трачу. Кладбище обрѣли На самой нъжной полкъ

Всв школьнически толки. Лежащіе въ пыли: Визгова сочиненья, Глупона псалмопенья, Извъстныя творенья, \mathbf{y} вы, однимъ мышамъ! Миръ въчной и забвенье И прозв и стихамъ! Но ими огражденну (Ты долженъ это знать) Я спряталь потаенну Сафьянную тетрадь. Сей свистокъ драгоцънный Въками сбереженный, Отъ члена Русскихъ силъ, Двоюроднаго брата, Драгунскаго солдата Я даромъ получилъ. Ты, кажется, въ сомненьи... Не трудно отгадать; Такъ, это сочиненьи, Презръвшія печать. Хвала вамъ, чада славы, Враги Парнасскихъ узъ! О князь, наперсникъ Музъ, Люблю твои забавы; Люблю твой колкій стихъ Въ посланіяхъ твоихъ; Въ сатиръ — знанье свъта И слога чистоту, И въ рѣзвости куплета Игриву остроту ---И ты,

Какъ, въ юношески лъты, Въ волнахъ туманной Леты Ихъ гуртомъ потопилъ; И ты, замысловатый Буяцова пъвецъ, Въ картинахъ столь богатый И вкуса образецъ; И ты, шутникъ безцънный, Который Мельпомены Котурны и кинжалъ Игривой Тальи далъ! Чья кисть мнъ нарисуетъ, Чья кисть скомпанируетъ Такой оригиналъ! Туть вижу я съ Чернавкой Подщипа слезы льеть. Но назову ль дътину, Что доброю порой Тетради половину Наполнилъ лишь собой! О ты, высотъ Парнасса Бояринъ небольшой, Но пылкаго Пегаса Навздникъ удалой! Намаранныя оды Убранство чердаковъ, Гласятъ изъ роды въ роды: Великъ, великъ — Свистовъ! Твой даръ цънить умъю,

Хоть право незнатокъ; Но здъсь тебъ не смъю Хвалы сплетать вънокъ: Свистовскимъ должно слогомъ Свистова воспъвать; Но убирайся съ Богомъ! Какъ ты, въ томъ клясться радъ, Не стану я писать.

О вы, въ моей пустынъ Любимые творцы! Займите же отнынъ Безпечности часы. Мой другь! Весь день я съ ними, То въ думу углубленъ, То мыслями своими Въ Элизій пренесенъ. Когда же на закатъ Последній лучъ зари Потонетъ въ яркомъ златъ, И свътлые цари Смеркающейся нощи Плывуть по небесамъ, И тихо дремлють рощи И шорохъ по лъсамъ, Мой геній невидимкой Летаетъ надо мной, йонгон ишит ав в И Сливаю голосъ свой Съ пастушьею волынкой. Ахъ, счастливъ, счастливъ тотъ. Кто лиру въ даръ отъ Феба Во цвъть дней возьмёть! Какъ смълый житель неба. Онъ къ солнцу воспаритъ, Превыше смертныхъ станетъ, И слава громко грянетъ: «Безсмертенъ ввъкъ пінть!»

Но ею мнъ-ль гордиться?... Δ о слезъ я спорить радъ, Не бысь лишь объ закладъ, Какъ знать, и мнъ быть можетъ, Печать свою наложить Небесный Аполлонъ; Сіяя горнимъ свътомъ, Безтрепетнымъ полетомъ Взлечу на Геликонъ. Не весь я преданъ тлънью: Съ моей, быть можетъ, тънью, Полунощной порой, Сынъ Феба молодой, Мой правнукъ просвъщенный, Бесвдовать придетъ И, мною вдохновенный, На лиръ воздохнетъ.

Покамъстъ, другъ безцънный, Каминомъ освъщенный, Сижу я подъ окномъ Съ бумагой и перомъ. Не слава предо иною, Но дружбою одною Я нынъ вдохновенъ. Мой другъ, я счастливъ ею; Почто жъ ея сестрой, Любовію младой, Напрасно пламенъю? Иль юности златой Вотще даны мнъ розы, И лить на-въки слезы Въ юдоли, гдъ расцвълъ, Мой горестной удълъ?... Пъвца сопутникъ милой,

Мечтанье легкокрыло! О, будь же ты со мной! Дай руку сладострастью, И съ чашей круговой Веди меня ко счастью Забвенія тропой; И въ часъ безмолвной ночи, Когда ленивой макъ Покроетъ томны очи, На вътреныхъ крымахъ Примчись въ мой домикъ тесной, Тихонько постучись, И въ тишинъ прелестной Съ любимцемъ обнимись! Мечта! Въ волшебной съни Мнъ милую яви, Мой свътъ, мой добрый геній, Предметъ моей любви! И блескъ очей небесный, Ліющихъ огнь въ сердца, И Грацій станъ прелестный, И снъгъ ея лица; Представь, что на коленяхъ Покоясь у меня; Въ порывистыхъ томленьяхъ Склонилася она Ко груди грудью страстной, Устами на устахъ; Горитъ лицо прекрасной И слезы на глазахъ!... Почто стрълой незримой Уже летишь ты влаль? Обманетъ — и пропалъ Бъглецъ невозвратимой!

Не слышить плачь и стонъ. И гдъ крылатый сонъ? Исчезнеть обольститель, И въ сердцъ грусть-мучитель! Но все ли, милой другъ, Быть счастья въ упоень ? И въ грусти томный духъ Находитъ наслажденье: Люблю я въ дътній день Бродить одинъ съ тоскою, Встръчать вечерню тънь Надъ тихою ръкою, И съ сладостной слезою Въ даль сумрачну смотръть; Люблю съ моимъ Марономъ, Полъ яснымъ небосклономъ, Близь озера сидъть, Гдъ лебедь бълоснъжной, Оставя влакъ прибрежной, Любви и нъги полнъ. Съ подругою своею, Закинувъ гордо шею, Плыветъ во златъ волнъ; Или, для развлеченья, Оставя книгъ ученье, Въ досужной мив часокъ У добренькой старушки Душистый пью чаёкъ; Не подхожу я къ ручкъ, Не шаркаю предъ ней, Она не присъдаетъ, Но тотчасъ и въстей Мнъ пропасть наболтаетъ. Газеты собираетъ

Со всъхъ она сторонъ, Все свъдаетъ, узнаетъ: Кто умеръ, кто влюбленъ, Кого жена по молъ Рогами убрала, Въ которомъ огородъ Капуста цвътъ дала; Оома свою жозяйку Ни за что наказалъ, Антошка балалайку, Играя, разломалъ — Старушка все разскажетъ. Межъ-тъмъ какъ юбку вяжетъ, Болтаетъ все свое, А я сижу смиренно Въ мечтаньяхъ углубленный, Не слушая ее, Ни рифмы Удалова. Такъ нъкогда Свистова Въ столицъ я внималъ, Когда свои творенья Онъ съ жаромъ мнѣ читалъ. Ахъ, видно Богъ пыталъ Тогда мое терпънье! Иль добрый мой сосъдъ, Семидесяти лътъ, Уволенный отъ службы Маіоромъ отставнымъ, Зоветъ меня изъ дружбы Хлъбъ - соль откушать съ нимъ. Вечернею пирушкой Старикъ, развеселясь, За дъдовскою кружкой Въ прошедшемъ углубясь,

Я вовсе не люблю,

Но, другъ мой, если вскоръ Увижусь я съ тобой, То мы уходимъ горе За чашей круговой.

II.

къ и. . . у.

Любезный имянивникъ, О П—нъ дорогой! Прибрелъ къ тебъ пустынникъ Съ открытою душой; Съ пришельцемъ обнимися, Но добраго пъвца Встръчать не суетися Съ параднаго крыльца: Онъ гость безъ этикета, Не требуетъ привъта Лукавой суеты. Прими жъ его лобзанья И чистыя желанья Сердечной простоты! Устрой гостямъ пирушку. На столикъ вощаной Поставь пивную кружку И кубокъ пуншевой. Старинный собутыльникъ, Забудемся на-часъ! Пускай ума свътильникъ Погаснеть нынв въ насъ, Пускай старикъ крылатый Летитъ на почтовыхъ! Намъ дорогъ мигъ утраты Въ забавахъ лишь однихъ.

Ты счастливъ, другъ сердечный! Въ спокойствіи златомъ
Течетъ твой вѣкъ безпечный,
Проходитъ день за днемъ,
Й ты, въ бесѣдѣ Грацій,
Не зная черныхъ бѣдъ,
Живешь какъ жилъ Горацій,
Хотя и не поэтъ.
Подъ кровомъ небогатымъ
Ты вовсе незнакомъ
Съ зловѣщимъ Иппократомъ,
Съ нахмуреннымъ жрецомъ;

Не видишь у порогу
Толпящихся заботь;
Нашли къ тебъ дорогу
Веселость и Эротъ;
Ты любищь звонъ стакановъ
И трубки дымъ густой,
И демонъ метромановъ
Не влавствуетъ тобой.
Ты счастливъ въ этой долъ—
Скажи, чего же болъ
Мнъ другу пожелать?
Придется замолчать....

Дай Богъ, чтобъ я, съ друзьями Встръчая сотый май, Покрытый съдинами, Сказалъ тебъ стихами: «Вотъ кубокъ, наливай! Веселье, будь до гроба Сопутникъ върный нашъ, И пусть умремъ мы оба При стукъ полныхъ чашъ!»

III.

ВЪ Г....У.

Пускай угрюмый рифмотворъ, Повитый макомъ и крапивой, Холодныхъ одъ творецъ ретивой, На скучной ладъ сплетая вздоръ, Зоветъ объдать генерала; О Г—ь, върмый другъ бокала

И жирныхъ утреннихъ пировъ, Тебя зову, мудрецъ ленивой, Въ пріютъ поэзіи счастливой, Подъ отдаленный нъги кровъ! Давно въ моемъ уединеньи, Въ кругу бутылокъ и друзей, Не эръли кружки мы твоей, Подруги долгихъ наслажденій, Остротъ и хохота гостей. Въ тебъ трудиться нътъ охоты: Садись на тройку злыхъ коней, Оставь Петрополь и заботы, Лети въ счастливой городокъ, Зайди къ Жиду З---еву, Въ его всъмъ общій уголокъ; Мы тамъ, собравшися въ кружокъ, Прольемъ вина струю багрову, И съ громомъ двери на замокъ Запретъ веселье молодое. И гордый на столъ пирогъ Друзей стъсненными рядами, Сверкая свътлыми ножами, Съ тобою храбро осадимъ, И мигомъ станы разгромимъ; Когда жъ, виномъ отягощенный, Съ главой въ колъни преклоненный, Захочешь въ миръ отдохнуть, И вдругъ, спускаяся въ подушку, Дабы спокойнъе заснуть, Уронишь налитую кружку На старой, бархатной диванъ: Тогда посланія, куплеты, Баллады, басенки, сонеты Покинутъ скромной нашъ карманъ,

И крыпокъ сонъ ленивца будетъ!... Но рюмокъ звонъ тебя разбудить, Ты вскочишь съ бодрой головой, Оставишь смятую подушку, Подымешь милую подружку — И въ кельъ снова пиръ горой. О Г-ь, время невозвратно, И близокъ, близокъ грозный часъ, Когда, послыша славы гласъ, Покину кельи кровъ пріятной, Татарской сброшу свой халатъ. Простите, дъвственныя Музы! Прости, пріють младыхъ отрадъ! Надъну узкія рейтузы, Завью въ колечки гордый усъ, Заблещетъ пара эполетовъ, И я, питомецъ важныхъ Музъ, Въ числъ воюющихъ корнетовъ! О Г-ь, Г-ь, поспѣшай! Тебя зовуть и сонъ ленивый, И другъ ни скромный, ни спъсивый, И кубокъ, полный черезъ край! —

IV.

къ лельвиту.

Послушай, Музъ невинныхъ Лукавый духовникъ, Жилецъ полей пустынныхъ! Поэтовъ гръшмый ликъ

Умножилъ я собою, и я главой поникъ Предъ милою мечтою. Мой дядюшка-поэтъ На то мнъ далъ совътъ И съ Музами сосваталъ! Сначала я шалилъ, Шутя стихи кроилъ, А тамъ ихъ напечаталъ-И вотъ теперь я братъ Тому, сему, другому, Безтолкову, Пустому. Да я жъ и виноватъ, Да ты же мнъ въ досаду (Что скажетъ бълый свътъ?) Стихами до надсаду Жужжишь Икару вслъдъ: «Смотрите — вотъ поэтъ!» .. Спасибо за посланье; Но что мнъ пользы въ немъ? На грѣшника потомъ Въдь станутъ, въ посмъянье, Указывать перстомъ. Изменникъ, съ Аполлономъ • Ты, видно, за одно; И мнъ прослыть Прадономъ Отнынъ суждено. Увы мнв, метроману! Куда сокроюсь я? Вездъ бъды застану. Предатели-друзья Невинное творенье Украдкой въ городъ шлють, И плодъ уединенья

Тисненью предаютъ — Бумагу убиваютъ. Поэта окружають Съ улыбкой остряки. «Ахъ, сударь! мнъ сказали, «Вы пищете стишки? «Увидъть ихъ нельзя ли? «Вы въ нихъ изображали, «Конечно, ручейки, «Иль тихій вечерочекъ «И рощи и цвътки...» О Дельвигъ! Начертали Мнъ Музы мой удълъ; Но ты ль мои печали Умножить захотьль? Въ объятіяхъ Морфея Безпечный духъ лелъя, Еще хоть годъ одинъ Позволь мнв полвниться И нъгой насладиться: Я право нъги сынъ! А тамъ хоть нътъ охоты, Но придутъ ужъ заботы Со всъхъ ко миъ сторонъ: Я буду принужденъ Съ журналами сражаться, Съ газетой торговаться, Съ Графовымъ восхищаться... Помилуй, Аполлонъ!

٧.

КЪ БАТЮШКОВУ.

Въ пещерахъ Геликона
Я нъкогда рожденъ;
Во имя Аполлона
Тибулломъ окрещенъ,
И свътлой Иппокреной
Съ издътства напоенный,
Подъ кровомъ вешнихъ розъ,
Поэтомъ я возросъ.

Веселый сынъ Эрмія Ребенка полюбиль, Въ дни ръзвости златыя Мнъ дудку подариль. Знакомясь съ нею рано, Дудилъ я безпрестанно, Нескладно хоть игралъ, Но Музамъ не скучалъ.

А ты, пврецъ забавы, И другъ Пермесскихъ дѣвъ, Ты хочешь, чтобы славы Стезею полетѣвъ, Простясь съ Анакреономъ, Спѣшилъ я за Марономъ, И пѣлъ при звукахъ лиръ Войны кровавый пиръ.

Дано мнъ мало Фебомъ: Охота, скудный даръ Пою подъ чуждымъ небомъ, Вдали домашнихъ Ларъ, И съ дерзостнымъ Икаромъ Страшась летать не даромъ, Бреду своимъ путемъ: Будъ всякой при своемъ.

Vl.

послание въ г...у.

 $\Gamma_{\mathcal{A}}$ ты, ленивецъ мой, Любовникъ наслажденья? Уже-ль уединенья Не милъ тебъ покой? Уже-ли мнъ съ тобой Лишь помощью бумаги Минуты провождать И больше не вилать Парнасскаго бродяги? На Пиндъ, мой сосъдъ, И ты отъ Музъ укрылся; Минутныи домосъдъ, Съ пенатами простился! Ужъ темный уголовъ И садикъ опуствли, Гдъ мы подъ вечерокъ За рюмками шумъли, Гдъ Комъ насъ угощалъ Форелью, пирогами, И пънистый бокалъ

Намъ Бахусъ подавалъ.
Бъгутъ за днями дни
Безъ дружескихъ собраній;
Веселыхъ пированій
Веселые сыны
Съ тобой разлучены;
И шумныя бесъды
Й долгіе объды
Не столь оживлены.

Одинъ въ каморкъ тъсной, Вечерней тишиной, Хочу, мудрецъ любезной, Бесъдовать съ тобой. Ужъ темна ночь объемлетъ Брега спокойныхъ водъ, Мурлыча въ кельъ дремлетъ Спъсивый, старой котъ. Покамъстъ сонъ прелестной, Подъ сънью тихихъ крилъ, Въ обители безвъстной Меня не усыпилъ, Морфея въ ожиданъи Въ постелъ я лежу, И бъглое посланье, Безъ строгаго старанья, Предателю пишу. Далече той станицы, Гдъ Фебовы сестрицы, Мнъ съ нъгой вьють досугъ,--Скажи, среди столицы Чемъ занятъ ты, мой другъ? Уже-ль пріютъ поэта Теперь средь вихря свъта,

Вдали родныхъ полей, И ближнихъ, и друзей? Уже-ль въ театръ шумномъ, Гдв дюжій Аполлонъ Партеромъ полуумнымъ Прославленъ, оглушенъ, Измученный напъвомъ Безсмысленныхъ стиховъ, Ты спишь подъ страшнымъ ревомъ Актеровъ и смычковъ? Или мудрецъ придворный, Съ улыбкою притворной Предъ лентою цвътной Поникнувъ головой, Съ вертушкою слепой Знакомиться желаешь? Иль Креза за столомъ Въ куплетъ заказномъ Трусливо величаешь ?.... Нътъ, добрый Г....мой! Поклону ты не сроденъ. Другъ мудрости прямой, Правдивъ и благороденъ, Онъ любитъ тишину. Судьбъ своей послушной, На барскую казну Взираетъ равнодушно. Рублямъ откупщика, Смъясь веселымъ часомъ, Не сниметъ колпака Философъ предъ Мидасомъ. Пускай не друженъ онъ Съ фортуною коварной, Но Вакхомъ награжденъ

Философъ благодарной, Когда сей богъ младой Вечернею порой, Лафитъ и грокъ янтарный, Съ улыбкой на устахъ, Въ стеклъ ему подноситъ И каплю выпить просить, Качаясь на ногахъ. Мечтанье обнимая Любовь его ведеть, И дружба молодая Вънки ему плететъ. И счастливъ онъ, признаться, На лълъ, не въ мечтахъ, Когда минуты мчатся Веселья на крылахъ, Когда друзья — поэты Съ утра до ночи съ нимъ, Шумятъ, поютъ куплеты, Пьютъ мозель разогрѣтый, Пріятелямъ своимъ Посланія читаютъ, И грубку разживаютъ Безрифминымо михимъ!

Оставь же городъ скучной, Съ друзьями съединись, И съ ними не разлучно Въ пустынъ оживись, Бъги, бъги столицы. О Г.... мой, сюда! Гдъ розовой денницы Не видя никогда, Лънясь подъ одъяломъ,

Съ Тибурскимъ мудрецомъ Мы часто за бокаломъ Проснемся — и заснемъ; Смотри, тебъ въ награду Нашъ A... нашъ поэтъ, Несетъ свою балладу, И стансы винограду, И къ Лиліи куплетъ. — И полонъ становится Твой малой, тъсной домъ; Вотъ съ милымъ острякомъ Нашъ пъсельникъ тащится По лъстницъ съ гудкомъ, И вст къ тебт нагрянемъ — И снова каждый день Стихами, прозой станемъ Мы гнать печали твнь. Подруги молодыя Насъ будутъ посъщать; Намъ жизни дни златые Не страшно расточать. Подълимся съ забавой Мы въкомъ остальнымъ, Съ волшебницею — славой И съ Вакхомъ молодымъ.

VII.

изивны.

«Все миновалось! Мимо промчалось

Время любви. Страсти мученья ! Въ мракъ забвенья Скрылися вы. Такъ, я премъны Сладость вкусилъ, Гордой Елены Цтпи забылъ. Сердце, ты въ волѣ! Все позабудь; Въ новой сей долъ Счастливо будь. Только весною Зефиръ младою Розой плъненъ; Въ юности страстной Былъ я прекрасной Въ съть увлеченъ. Нътъ, я не буду Впредь воздыхать, Страсть позабуду; Полно страдать! Скоро печали Встръчу конецъ. Ахъ, для тебя ли Юный пъвецъ, Прелесть Елены Розой цвътетъ?... Пусть весь народъ, Ею прелыщенный, Вслъдъ за мечтой Мчится толпой; Въ мирномъ жилищъ, На пепелищъ,

Въ чашъ простой Стану въ смиреньи Черпать забвенье, И — для друзей Ръзвой рукою Двигать струною Арфы моей.»

Въ скучной разлукъ Такъ я мечталъ, Въ горести, въ мукъ Себя услаждаль, Въ сердцъ возженный Образъ Елены Мнилъ истребить. Прошлой весною Юную Хлою Вздумалъ любить. Какъ вътерочикъ Ранней порой Гонить листочикъ Съ ръзвой волной, — Такъ непрестанно Непостоянной Страстью играль. Лилу, Темиру, Всъхъ обожалъ; Сердце и лиру Всъмъ посвящалъ. Что же? — Напрасно Съ груди прекрасной Шаль я срывалъ. Тщетны измъны! Образъ Елены

Въ сердцѣ пылалъ!
Ахъ, возвратися
Радость очей,
Хладно тронися
Грустью моей!
Тщетно взываешь
Бъдный пъвецъ!
Нътъ, не встръчаешь
Мукамъ конецъ....
Такъ, до могилы
Грустенъ унылый,
Крова ищи!
Всъми забытый,
Терномъ увитый
Цъпи влачи...

VIII.

KO3ARB.

Разъ полунощной порою, Сквозь туманъ и мракъ, Бхалъ тихо надъ ръкою ... Удалой козакъ.

Черна шапка на бекренъ, Весь жупанъ въ пыли, Иистолеты при колънъ, Сабля до земли.

Върный конь узды не чуя Шагомъ выступалъ, Гриву долгую волнуя, Углублялся вдаль.

Вотъ предъ нимъ двъ, три избушки Выломанъ заборъ; Здъсь—дорога къ деревушкъ Тамъ—въ дремучій боръ.

«Не найду въ лъсу дъвицы»

Думалъ хватъ Денисъ;

«Ужъ красавицы въ свътлицы

На ночь убрались».

Шевельнулъ Донецъ уздою, Шпорой прикольнулъ, И помчался конь стрѣлою, — 1/ъ избамъ завернулъ.

Въ облакахъ луна сребрила Дальни небеса; Подъ окномъ сидитъ уныла Дъвица — краса.

Храбрый видитъ красну дѣву, Сердце бьется въ немъ, Конь тихонько къ лѣву, къ лѣву — Вотъ ужъ подъ окномъ.

«Ночь становится темнѣе, «Скрылася луна. «Выдь, коханечка, скорѣе, «Напои коня».

- Нътъ! Къ мущинъ молодому Страшно подойти, Страшно выдти мнъ изъ дому, Коню дать воды. —
- «Ахъ, небось дъвица красна,
 «Съ милымъ подружись!»
 Ночь красавицамъ опасна. —
 «Радость, не стращись!»
- «Върь, коханечка, пустое,
 «Ложный страхъ отбрось!
 «Тратишь время золотое,
 «Милая, небось!»
- «Сядь на борзаго; съ тобою «Въ дальный ъду край; «Будешь счастлива со мною: «Съ другомъ всюду рай!»

Что же дѣвица? Склонилась,
Побѣдила страхъ,
Робко ѣхать согласилась,
Счастливъ сталъ козакъ,

Поскакали, полетѣли, Дружку другъ любилъ: Былъ ей вѣренъ двѣ недѣли, Въ третью измѣнилъ.

IX.

BOJA W BWHO.

Люблю я въ полдень воспаленной Прохладу черпать изъ ручья, И въ рощъ тихой, отдаленной Смотръть, какъ плещетъ въ брегъ струя. Когда жъ вино въ края поскачетъ, Напънясь въ чашъ круговой, Друзья, скажите — кто не плачетъ, Заранъ радуясь душой?

Да будеть проклять дерзновенной, Кто первый гръшною рукой, Нечестьемъ буйнымъ ослъпленной, О страхъ, смъсилъ вино съ водой! Да будетъ проклять родъ злодъя! Пускай не въ силахъ будетъ пить, Или, стаканами владъя, Лафить съ Цымлянскимъ различить.

X.

SUMPAMME.

Аристъ намъ объщалъ трагедію такую,
Что всѣ отъ жалости въ театрѣ заревуть,
Что слезы зрителей рѣкою потекутъ...
Мы ждали Драму золотую.
И что же? Дождались—и нечего сказать,

Достоинству ее нельзя убавить въсу, Ну, право, удалось Аристу написать *Прежалостну* піэсу.

XI.

(подражание французскому.)

Супругою твоей я такъ плънился, Что естьлибъ три въ удълъ достались мнъ, Подобныя во всемъ твоей женъ, То даромъ двухъ я бъ отдалъ сатанъ. Чтобъ третью лишъ принять онъ согласился.

XII.

Бывало прежнихъ лѣтъ герой
Окончивъ славну брань съ противной стороной,
Повѣситъ мечь войны средь отческія кущи;
А трагикъ нашъ Бурунъ, скончавъ чернильный бой,
Повѣсилъ уши.

XIII.

RIDATUHE ROM

Здѣсь П—нъ погребенъ, онъ съ Музой молодою, Съ любовью, лѣностью провелъ веселый вѣкъ, — Не дѣлалъ добраго, — однакожъ былъ душою Ей Богу, добрый человѣкъ.

XIV.

мое завыщание друзьямъ.

Хочу я завтра умереть, И въ міръ волшебный наслажденья, На тихій берегъ водъ забвенья, Веселой танью полетать. Прости на-въкъ очарованье, Отрада жизни и любви! Приближьтесь, о друзья мои! Благоговънье и вниманье! Пъвецъ ръшился умереть. И такъ, съ вечернею луною, Въ саду нельзя-ли дернъ одъть Узорной, бълой пеленою? На темный берегъ сонныхъ водъ, Гдъ мы веди бесъды наши, Нельзя-ль, устроя длинный ходъ, Нести наполненныя чаши? Зовите на последній пиръ Спъсивой Семелеи сына, Эрота, друга нашихъ лиръ, Боговъ и смертныхъ властелина. Пускай веселье прибъжить, Махая ръзвою гремушкой, И насъ отъ-сердца разсмъщитъ За полной, пънистою кружкой; Пускай игривою толпой Слетятъ родныя наши Музы; Имъ первый кубокъ круговой: Друзья, священны намъ ихъ узы! До ранней утренней звъзды,

До тихаго лучей разсвъта, Не выйдуть изъ руки поэта Фіалы братской череды. Въ послъдній разъ мою цѣвницу, Мечтаній сладостныхъ пъвицу, Прижму къ восторженной груди; Въ последній разъ, томимый нежно, Не вспомню въчность и друзей; Въ послъдній разъ на груди снъжной Упьюсь отрадой юныхъ дней! Когда жъ востокъ озолотится Во тмъ денницей молодой. И былой тополь озарится, Покрытый утренней росой — Подайте гроздъ Анакреона: Онъ былъ учителемъ моимъ, И я сойду путемъ однимъ На грустный берегъ Ахерона... Простите, милые друзья! Подайте руку до свиданья, И дайте, дайте объщанье, Когда на-въкъ укроюсь я, Мое исполнить завъщанье. Приди, пъвецъ мой дорогой, Восивний Вакха и Темиру! Тебъ дарю и лънь и лиру: Да будутъ Музы надъ тобой! Ты не забудешь дружбы нашей О П..., вътренный мудрецъ! Прими съ моей глубокой чашей Увядшій миртовый втнецъ. Друзья! Вамъ сердце оставляю И память прошлыхъ красныхъ дней, Окованныхъ счастливой ленью

На ложѣ маковъ и лилей.
Мои стихи дарю забвенью.
Послѣдній вздохъ, о други, — ей!...
На тихій праздникъ погребенья,
Я васъ обязанъ пригласить.
Веселость, другъ уединенья,
Билеты будетъ разносить.
Стекитесь рѣзвою толпою,
Главы въ вѣнкахъ, рука съ рукою;
И пусть на гробъ, гдѣ пѣвецъ
Исчезнетъ въ рощахъ Геликона,
Напишетъ бѣглый вашъ рѣзецъ:
«Здѣсь дремлетъ юнопа-мудрецъ,
«Питомецъ нѣгъ и Аполлона.»

XV.

СРАЖЕННЫЙ РЫЦАРЬ.

Послъднимъ сіяньемъ за лъсомъ горя, Вечерняя тихо потухла заря; Безмольна долина глухая. Въ туманъ пустынномъ клубится ръка, Лънивой грядою идутъ облака; Межъ ними луна золотая.

Чугунныя латы на холмъ лежатъ, Копье раздробленно, въ перчаткъ булатъ И щитъ подъ шеломомъ заржавымъ (Вонзилися шпоры въ увлаженный мохъ) Лежатъ неподвижно — и мъсяца рогъ Надъ ними въ блистаньи кровавомъ.

Вкругъ холма обходитъ другъ сильнаго, конь Въ очахъ горделивыхъ померкнулъ огонь: Онъ бранную голову клонитъ, Безпечнымъ копытомъ бьетъ камень долинъ, И смотритъ на латы конь върный одинъ, И дико трепещетъ и стонетъ.

Во тьм'в заблудившись, пришелецъ идетъ: Съ надеждою робость онъ въ сердцъ несеть, Склонясь надъ дорожной клюкою. На холмъ онъ взобрался, и въ тусклую даль Онъ смотритъ, и сходитъ, и звонкую сталь Толкаетъ усталой ногою.

Хладветъ пришелецъ: кольчуги звучатъ, Погибшаго грозно въ нижъ кости стучатъ, По камнямъ шеломъ покатился, Скрывался въ немъ черепъ... При звукъ глухомъ Заржалъ конь ретивый; скокъ лётомъ на холмъ, Взглянулъ — и главою склонился!

Ужъ путникъ далече въ тъмъ бродитъ ночной, Все мнится, что кости хрустятъ подъ ногой, Но утро денница выводитъ.

Сраженный во брани на холмъ лежитъ, И латы недвижны, и шлемъ не стучитъ, И конь вкругъ погибшаго ходитъ.

XVI.

CARSA.

Вчера за чашей пуншевою Съ гусаромъ я сидълъ, И молча съ мрачною душою На дальній путь глядёлъ.

Скажи, что смотришь на дорогу? Мой храбрый вопросиль— Еще по ней ты, слава Богу, Друзей не проводиль.

Къ груди поникнувъ головою, Я скоро прошепталъ: «Гусаръ, ужъ нътъ ее со мною!...» Вздохнулъ и замолчалъ.

Слеза повисла на рѣсницѣ И канула въ бокалъ. Дитя! Ты плачешь о дѣвицѣ, Стыдись!—онъ закричалъ.

«Оставь, гусаръ! Ахъ, сердцу больно!... Ты, знать, не горевалъ! Увы! Одной слезы довольно, Чтобъ отравилъ бокалъ!»

XVII.

къ живописцу.

Дитя Харитъ, воображенье! Въ порывъ пламенной души, Небрежной кистью наслажденья, Мнъ друга сердца напиши: Красу невинности небесной, Надежды робкія черты,

Улыбку Душеньки прелестной И взоры юной красоты;

Вкругъ тонкаго Гебеи стана Венеринъ поясъ повяжи; Сокрытой прелестью Альбана Мою царицу окружи;

Прозрачны волны покрывала Накинь на трепетную грудь, Чтобъ и подъ нимъ она дышала, Хотъла тайно бы вздохнуть;

Представь мечту любви стыдливой — И той, которою дышу, Рукой любовника счастливой Внизу я имя напишу.

XVIII.

P 0 3 A.

Гдт наша роза,
Друзья мои?
Увяла роза,
Дитя зари.
Не говори:
Такъ вянетъ младость!
Не говори:
Вотъ жизни радость!
Цвътку скажи:
Прости, жалъю!
И на лилею
Намъ укажи.

1815 r.

74

XIX.

СТАРИКЪ.

Ужъ я не тотъ любовникъ страстной, Кому дивился прежде свътъ:
Моя весна и лъто красно
Навъкъ прошли, пропалъ и слъдъ.
Амуръ, богъ возраста младаго!
Я твой служитель върный былъ;
Ахъ, если бъ могъ родиться снова,
Ужъ такъ ли бъ я тебъ служилъ!

XX.

МЕЧТАТЕЛЬ.

По небу крадется луна,

На холмъ тьма съдъетъ,

На воды пала тишина,

Съ долины вътеръ въетъ;

Молчитъ пъвица вещнихъ дней

Въ пустынъ темной рощи,

Стада почили средь полей

И тихъ полетъ полнощи.

И мирной нъги уголокъ
Ночь сумракомъ одъла,
Въ каминъ гаснетъ огонекъ
И свъчка нагоръла;

Въ кивотъ небогатомъ,
И блъдный теплится ночникъ
Предъ глинянымъ пенатомъ.

Главою на руку склоненъ,
Въ забвеніи глубокомъ,
Я въ сладки думы погруженъ
На ложъ одинокомъ;
Съ волшебной ночи темнотой,
При мъсячномъ сіяньи,
Слътаютъ ръзвою толпой
Крылатыя мечтанья.

И тихой, тихой льется гласъ,
Дрожатъ златыя струны.
Въ глухой, безмолвной мрака часъ
Поетъ мечтатель юный;
Исполненъ тайною тоской,
Мечтаньемъ вдохновенной,
Летаетъ ръзвою рукой
На лиръ оживленной.

Блаженъ, кто въ низкой свой шалапъ
Въ мольбахъ не проситъ счастья!
Ему Зевесъ надежный стражъ
Отъ грознаго ненастья;
На макахъ лъни, въ тихой часъ,
Онъ сладко засыпаетъ,
И бранныхъ трубъ ужасной гласъ
Его не пробуждаетъ.

Пускай, ударя въ звучной щитъ И съ видомъ дерзновеннымъ, Мнъ слава издали грозитъ
Перстомъ окровавленнымъ,
И бранны вьются знамена,
И пышетъ бой кровавый —
Прелестна сердцу тишина;
Нейду, нейду за славой.

Нашель въ глуши я мирный кровъ.

И дни веду смиренно;
Дана мнъ лира отъ боговъ,
Поэту даръ безпънной;
И Муза върная со мной:
Хвала тебъ богиня!
Тобою красенъ домикъ мой
И дикая пустыня.

На слабомъ утръ дней златыхъ
Пъвца ты осънила,
Вънкомъ изъ миртовъ молодыхъ
Чело его покрыла,
И горнимъ свътомъ озарясь,
Влетала въ скромну келью,
И чуть дышала преклонясь
Надъ дътской колыбелью.

О, будь мнѣ спутницей младой До самыхъ вратъ могилы! Летай съ мечтаньемъ надо мной, Расправя легки крылы; Гоните мрачную печаль, Плѣняйте умъ.... обманомъ, И милой жизни свѣтлу даль Кажите за туманомъ!

И тихъ мой будетъ поздній часъ;

И смерти добрый геній

Шепнетъ у двери постучась:

«Пора въ жилище тъней!...»

Такъ въ зимній вечеръ сладкой сонъ
Приходитъ къ мирной съни,

Вънчанный макомъ, и склоненъ

На посохъ томной лъни....

XXI

гробъ анакреона.

Все въ таинственномъ молчаньи; Холиъ одълся темнотой; Ходитъ въ облачномъ сіяньи Полумъсяцъ молодой. Вижу: лира надъ могилой Дремлетъ въ сладкой тишинъ; Лишь порою звонъ унылый, Будто лени голось милый, Въ мертвой слышится струнъ. Вижу: горлица на лиръ, Въ розахъ кубокъ и вънецъ.... Други, здъсь почість въ миръ Сладострастія мудрецъ. Посмотрите: на порфиръ Оживилъ его ръзецъ! Здёсь онъ въ зеркало глядится, Говоря: я съдъ и старъ, Жизнью дайте жъ насладиться;

Жизнь, увы, не въчный даръ! Здъсь, поднявъ на лиру длани И нахмуря важно бровь, Хочетъ пъть онъ бога брани, Но поетъ одну любовь. Здесь, готовится природе Долгъ последній заплатить: Старецъ пляшетъ въ хороводъ, Жажду просить утолить. Вкругъ любовника съдаго Дъвы скачутъ и поютъ; Онъ у времени скупаго Крадетъ нъсколько минутъ. Воть и Музы и Хариты Въ гробъ любимца увели: Плющемъ, розами увиты Игры вслъдъ за нимъ пошли.... Онъ исчезъ, какъ наслажденье, Какъ веселый сонъ любви. Смертный, въкъ твой привидънье: Счастье ръзвое лови; Наслаждайся, наслаждайся, Чаще кубокъ наливай, Страстью пылкой утомляйся И за чашей отдыхай!

XXII.

на возвращение государя виператора изъ нарижа въ 1815 году.

Утихла брань племенъ; въ предълахъ отдаленныхъ Не слышенъ битвы шумъ и голосъ трубъ военныхъ;

Съ небесной высоты, при звукъ стройныхъ лиръ, На землю мрачную нисходить свътлый Миръ. Свершилось!... Русскій Царь, достигь ты славной цъли! Вотще надменные на родину летъли; Вотще, впреди знаменъ безчисленныхъ дружинъ, Въ могущей дерзости вънчанный исполинъ На гибель грозно шелъ, влекъ цъци за собою: Мечь огненный блеснулъ за дымною Москвою! Звъзда губителя потухла въ въчной мглъ, И пламенный вънецъ померкнулъ на челъ! Содрогся счастья сынъ, и брошенный судьбою, Онъ землю Русскую не взвидълъ подъ собою. — Бъжитъ ... и смерти громъ слетълъ ему во слъдъ; И съ трона гордый палъ... и вновь восталъ.... и нътъ! Тебъ нашъ храбрый Царь, хвала, благодаренье! Когда полки враговъ покрыли отдаленье, Во броню ополчась, взложивъ пернатый шлемъ, Кольна преклонивъ предъ вышнимъ алтаремъ, Ты браней мечь извлекъ, и клятву далъ святую Отъ ига оградить страну Свою родную. Мы вняли клятвъ сей; и гордыя сердца, Въ восторгъ пламенномъ летъли въ следъ Отца И смертью роковой горъли и дрожали; И Россы предъ врагомъ твердыней грозной стали!... Къ мечамъ! — раздался кликъ, и вихремъ понеслись; Знамена восшумъвъ по вътру развились, Обнялся съ братомъ братъ, и милымъ дали руку Младые ратники на грустную разлуку; Сразились: воспылаль свободы ярый бой, И смерть хватала ихъ холодною рукой!... А я.... вдали громовъ, въ съни Твоей надежной.... Я тихо расцвъталь безпечной, безмятежной! Увы! Мнъ не судилъ таинственный удълъ Сражаться за Тебя подъ градомъ вражьихъ стрълъ.

Сыны Бородина, о Кульмскіе Герои! Я видълъ какъ на брань летъли ваши строи; Душой восторженной за братьями спъщиль; Почто жъ на бранный доль я крови не пролилъ? Почто, сжимая мечъ младенческой рукою, Покрытый ранами, не паль я предъ Тобою, И славы подъ крыломъ на утръ не почилъ? Почто великихъ дълъ свидътелемъ не былъ? О сколь величественъ, безсмертный, Ты явился, Когда на сильнаго съ сынами устремился; И, челы приподнявъ изъ мрачности гробовъ, Народы падшіе подъ бременемъ оковъ, Тяжелой ценію съ восторгомъ потрясали И съ робкой радостью другъ друга вопрошали: «Ужель свободны мы?... Ужели грозный палъ?... «Кто Смълый, кто въ громахъ на Съверъ возсталъ?...» И ветхую главу Европа преклонила, Царя—Спасителя кольна окружила Освобожденною отъ рабскихъ узъ рукой, И власть мятежная исчезла предъ Тобой!... И нынъ Ты къ сынамъ, о Царь нашъ возвратился, И край полуночи восторгомъ озарился! Склони на Свой народъ смиренья полный взглядъ-Вст лица радостью, любовію блестятъ. Внемли: по всюду въсть отрадная несется, По всюду гордый кликъ веселья раздается; По стогнамъ шумъ, вездъ сіяетъ торжество, И Ты среди толпы, Россіи божество! Встръчать вождя побъдъ, летятъ Твои дружины; Старикъ, счастливый въкъ забылъ Екатерины, Взираетъ на Тебя съ безмолвною слезой. Ты нашъ, о Русскій Царь! Оставь же шлемъ стальной, И грозный мечъ войны, и щить-ограду нашу; Излей предъ Янусомъ священну мира чашу;

78 ' 1815 r.

И брани сокрушивъ могущею рукой, Вселенну осъни желанной тишиной!... И, придутъ времена спокойствія златыя, Покроетъ шлемы ржа, и стрълы каленыя, Въ колчанахъ скрытыя, забудутъ свой полетъ; Счастливый селянинъ, не зная бурныхъ бъдъ, По нивамъ повлечетъ плугъ миромъ изощренный; Суда летучія, торговлей окрыленны, Кормами разсъкутъ свободный океанъ; И юные сыны воинственныхъ Славянъ Спокойной праздности, съ досадой, предадутся, И молча, нъкогда вкругъ старца соберутся, Преклонятъ жадный слухъ: и ветхимъ костылемъ И станъ и ратный строй, и дальній боръ съ холмомъ На прахъ начертитъ онъ медленно предъ ними; Словами истины, свободными, простыми Имъ славу прошлыхъ лътъ въ разсказахъ оживитъ И добраго Царя въ слезахъ благословитъ. —

ххш.

наполеонъ на эльбъ.

Вечерняя заря въ пучинъ догорала, Надъ мрачной Эльбою носилась тишина. Сквозь тучи блъдныя тихонько пробъгала

Туманная луна;

Уже на западъ съдой, одътый мглою, Съ равниной синихъ водъ сливался небосклонъ: Одинъ во тъмъ ночной надъ дикою скалою Сидълъ Наполеонъ.

Въ умъ губителя тъснились мрачны думы:

Онъ новую въ мечтахъ Европъ цъпь ковалъ И, къ дальнимъ берегамъ возведши взоръ угрюмый, Свиръпо прошепталъ:

«Вокругъ меня все мертвымъ сномъ почило, Легла въ туманъ пучина бурныхъ волнъ, Не выплыветь ни утлый въ море чолнъ, Ни гладный звърь не взвоетъ надъ могилой. Я здъсь одинъ, мятежной думы полнъ... О, скоро-ли, напънясь подъ рулями, Меня помчитъ покорная волна, И спящихъ водъ прервется тишина ?... Волнуйся ночь надъ Эльбскими скалами, Мрачнъе тмись за тучами, луна! Тамъ ждутъ меня безстрашныя дружины; Уже сошлись, уже сомкнуты въ строй! Ужъ міръ лежитъ въ оковахъ предо мной! Прейду я къ вамъ сквозь черныя пучины, И гряну вновь погибельной грозой! И вспыхнетъ брань! За Гальскими орлами, Съ мечемъ въ рукахъ побъда полетитъ, Кровавой токъ въ долинахъ закишитъ, И троны въ прахъ низвергну я горами, И сокрушу Европы дивный щитъ!... Но вкругъ меня все мертвымъ сномъ почило, Легла въ туманъ пучина бурныхъ волнъ, Не выплыветъ ни упплый въ море чолнъ, Ни гладный звърь не взвоетъ надъ могилой — Я здёсь одинъ, мятежной думы полнъ....

О счастье! Злобный обольститель!
И ты, какъ сладкой сонъ, сокрылось отъ очей,
Средь бурей тайный мой хранитель
И втрный птстунъ съ юныхъ дней!
Давно-ль невидимой стезею
Меня ко трону ты вело

И скрыло дерзостной рукою
Въ вънцахъ лавровое чело!
Давно ли съ трепетомъ народы
Несли мнъ робко дань свободы;
Знамена чести преклоня,
Дымились громы вкругъ меня,
И слава въ блескъ надъ главою
Неслась, прикрывъ меня крыломъ?...

Но туча грозная нависла надъ Москвою,

И грянуль мести громь!... Полнощи Царь младой! Ты двигнуль ополченья, И гибель вслѣдъ пошла кровавымъ знаменамъ,

> Отозвалось могущаго паденье, П миръ землъ и радость небесамъ,

> > А мнт — позорт и заточенье! И раздроблент мой звонкій щить, Не блещеть шлемт на поле браней, Въ прибрежномт злакт мечь забытъ И тускнетъ на тумант.

И тихо все кругомъ. Въ безмолвіи ночей Напрасно чудятся мнъ смерти завыванье,

> И стукъ блистающихъ мечей, И падшихъ ярое стенанье.

Лишь плещущимъ волнамъ внимаетъ жадный слухъ; Умолкъ сраженій кликъ знакомый,

Вражды кровавой гаснутъ громы И факелъ мщенія потухъ.

Но близокъ часъ! Грядетъ минута роковая! Уже летитъ ладья, гдъ грозный тронъ сокрытъ;

Кругомъ простерта мгла густая

И, взоромъ гибели сверкая, Блъднъющій мятежъ на палубъ сидитъ. Страшись, о Галлія! Европа, мщенье, мщенье! Рыдай! Твой бичь возсталь—и все падетъ во прахъ, Все гибнетъ — и тогда, въ всеобщемъ разрушеньъ, Царемъ возсяду на гробахъ!»

Умолкъ. На небесахъ лежали мрачны тъни,

И мъсяцъ, дальнихъ тучъ покинувъ темны съни,
Дрожащій, слабой свътъ на Западъ изливалъ;
Восточная звъзда играла въ океанъ,
И зрълася ладья, бъгущая въ туманъ
Подъ сводомъ Эльбскихъ грозныхъ скалъ.
И Галлія тебя, о хищникъ, осънила!
Побъгли съ трепетомъ законные цари.
Но зришь ли? Гаснетъ день, мгновенно мгла сокрыла
Лице пылающей зари,
Простерлась тишина надъ бездною съдою,
Мрачится неба сводъ, гроза во мглъ виситъ,
Все смолкло.... трепещи! Погибель надъ тобою
И жребій твой еще сокрытъ!

XXIV.

восноминапія въ царскомъ свлъ.

Нависъ покровъ угрюмой нощи
На сводъ дремлющихъ небесъ;
Въ безмолвой тишинъ почили долъ и рощи,
Въ съдомъ туманъ дальній лъсъ;
Чуть слыпится ручей, бъгущій въ сънь дубравы,
Чуть дышетъ вътерокъ, уснувшій на листахъ,
И тихая луна, какъ лебедь величавый,
Плыветъ въ сребристыхъ облакахъ.

Плыветь — и блъдными лучами
Предметы освътила вкругъ;
Алеи древнихъ липъ открылись предъ очами,
Проглянули и холмъ и лугъ.
Здъсь, вижу, съ тополемъ сплелась младая ива
И отразилася въ кристалъ зыбкихъ водъ;
Царицей средь полей лилея горделива
Въ роскошной красотъ цвътетъ.

Съ холмовъ кремнистыхъ водопады Стекаютъ бисерной ръкой;
Тамъ въ тихомъ озеръ плескаются Наяды Его ленивою волной;
А тамъ въ безмолвіи огромные чертоги, На своды опершись, несутся къ облакамъ. Не здъсь ли мирны дни вели земные боги? Не се-ль Минервы Росской храмъ?

Не се-ль Елизіумъ полнощный, Прекрасной Царскосельской садъ, Гдъ, льва сразивъ, почилъ орелъ Россіи мощный На лонъ мира и отрадъ?

Увы! Промчалися тъ времена златыя, Когда, подъ скипетромъ Великія Жены, Вънчалась славою счастливая Россія, Цвътя подъ кровомъ тишины.

Здъсь каждый шагъ въ душъ раждаетъ Воспоминанья прежнихъ лътъ; Воззръвъ вокругъ себя, со вздохомъ Россъ въщаетъ: «Исчезло все, Великой нътъ!» И въ думу углубленъ, надъ злачными брегами Сидитъ въ безмолвіи, склоняя вътрамъ слухъ;

Протекція льта мелькають предъ очами И въ тихомъ восхищеньи духъ.

Онъ видитъ: окруженъ волнами, Надъ твердой, министою скалой Вознесся памятникъ. Ширяяся крылами, Надъ нимъ сидитъ орелъ младой. И цъпи тяжкія и стрълы громовыя Вкругъ грознаго столпа трикраты обвились, Кругомъ подножія, шумя, валы съдые Въ блестящей пънъ улеглись.

Въ тъни густой угрюмыхъ сосенъ
Воздвигся памятникъ простой.
О, сколь онъ для тебя, Кагульскій брегъ, поносенъ
И славенъ родинъ драгой!
Безсмертны вы во-въкъ, о Русски исполины,
Въ бояхъ воспитанны средь бранныхъ непогодъ;
О васъ, сподвижники, друзья Екатерины,
Пройдетъ молва изъ рода въ родъ.

О громкій въкъ военныхъ споровъ, Свидътель славы Россіянъ!
Ты видълъ, какъ Орловъ, Румянцовъ и Суворовъ, Потомки грозные Славянъ, Перуномъ Зевсовымъ побъду похищали.
Ихъ смълымъ подвигамъ, стращасъ, дивился міръ; Державинъ и Петровъ героямъ пъснь бряцали Струнами громозвучныхъ лиръ.

И ты промчался, незабвенный!
И вскорт новый втить узртать
И брани новыя и ужасы военны:
Страдать—есть смертнаго удълъ.

Блеснулъ кровавый мечь въ неукротимой длани Коварствомъ, дерзостью вънчаннаго царя. Возсталъ вселенной бичь—и вскоръ лютой брани Зардълась грозная заря;

И быстрымъ понеслись потокомъ
Враги на Русскія поля.
Предъ ними мрачна степь лежитъ во снъ глубокомъ,
Дымится кровію земля,
И селы мирныя и грады въ мглъ пылаютъ,
И небо заревомъ одълося вокругъ,
Лъса дремучія бъгущихъ укрываютъ,

И праздный въ поль ржавить плугъ.

Идуть; ихъ силѣ нѣтъ препоны,
Все рушатъ, все свергаютъ въ прахъ,
И тѣни блѣдныя погибшихъ чадъ Беллоны,
Въ воздушныхъ съединясь полкахъ,
Въ могилу мрачную нисходятъ непрестанно,
Иль бродятъ по лѣсамъ въ безмолвіи ночи....
Но клики раздались!... Идутъ въ дали туманной...
Звучатъ кольчуги и мечи!

Стращись, о рать иноплеменныхъ!
Россіи двинулись сыны;
Возсталь и старъ и младъ, летятъ на дерзновенныхъ,
Сердца ихъ мщеньемъ возжены.
Вострепещи, тиранъ! Ужъ близокъ часъ паденья!
Ты въ каждомъ ратникъ узришь богатыря.
Ихъ цъль: иль побъдить, иль пастъ въ пылу сраженья
За Въру, за Царя.

Ретивы кони бранью пышуть, Усъянь ратниками доль, За строемъ строй течетъ; всѣ местью, славой дышутъ, Восторгъ во грудь ихъ перешелъ; Летятъ на грозный пиръ, мечамъ добычи ищутъ, И се—пылаетъ бранъ; на холмахъ громъ гремитъ, Въ сгущенномъ воздухѣ съ мечами стрѣлы свищутъ, И брызжетъ кровъ на щитъ.

Сразились — Русской побъдитель!

И вспять бъжитъ надменный Галлъ;
Но сильнаго въ бояхъ небесный Вседержитель
Лучемъ послъднимъ увънчалъ:
Не здъсь его сразилъ воитель посъдълый.
О Бородинскія кровавыя поля!
Не вы неистовству и гордости предълы:
Увы, на башняхъ Галлъ Кремля!...

Края Москвы, края родные,
Гдт на зарт цвтущихъ лттъ
Часы безпечности я тратилъ золотые,
Не зная горестей и бъдъ,
И вы ихъ видъли, враговъ моей отчизны,
И васъ багрила кровь и пламень пожиралъ!
И въ жертву не принесъ я мщенья вамъ и жизни....
Вотще лишь гнтвомъ духъ пылалъ!

Гдѣ ты, краса Москвы стоглавой, Родимой прелесть стороны?
Гдѣ прежде взору градъ являлся величавой, Развалины теперь одни.
Москва! Сколь Русскому твой зракъ унылый страшенъ! Исчезли зданія вельможей и Царей, Все пламень истребилъ, вѣнцы затмились башенъ, Чертоги пали богачей.

И тамъ, гдѣ роскошь обитала,
Въ сѣнистыхъ рощахъ и садахъ,
Гдѣ миртъ благоухалъ и липа трепетала,
Тамъ нынѣ угли, пепелъ, прахъ;
Въ часы безмолвные прекрасной лѣтней нощи
Веселье шумное туда не полетитъ,
Не блещутъ ужъ въ огняхъ брега и свѣтлы рощи —
Все мертво, все молчитъ....

Утышься, мать градовъ Россіи,
Воззри на гибель пришлеца.
Отяготьла днесь на ихъ надменной выи
Десница мстящая Творца.
Взгляни: они бытуть, озрыться не дерзають,
Ихъ кровь не престаеть въ снытахъ рыками течь,
Бытуть—и въ тымы ночной ихъ гладъ и смерть срытають,
А съ тыла гонить Россовъ мечь.

О вы, которыхъ трепетали
Европы сильны племена,
О, Галлы хищные! И вы въ могилы пали....
О страхъ! О грозны времена!
Гдъ ты, любимый сынъ и счастья и Беллоны,
Презръвшій правды гласъ, и въру, и законъ?
Въ гордынъ возмечтавъ мечемъ низвергнуть троны,
Исчезъ, какъ утромъ страшной сонъ!

Въ Парижъ Россъ! Гдъ факелъ мщенья?
Поникни, Галлія, главой!
Но что я зрю? Герой съ улыбкой примиренья
Грядетъ съ оливою златой;
Еще военной громъ грохочетъ въ отдаленьи,
Москва въ уныніи, какъ степь въ полнощной мглъ —

А онъ несеть врагу не гибель, но спасенье $\mathbf{\Pi}$ благотворный миръ землъ.

Достойный Внукъ Екатерины!
Почто небесныхъ Аонидъ,
Какъ нашихъ дней пъвецъ, Славянской Бардъ дружины
Мой духъ восторгомъ не горитъ!
О, если бъ Аполлонъ піитовъ даръ чудесной
Вліялъ мнѣ нынѣ въ грудь! Тобою восхищенъ,
На лирѣ бъ возгремѣлъ гармоніей небесной
И возсіялъ во тьмѣ временъ!

О Скальдъ Россіи вдохновенной, Воспъвшій ратныхъ грозный строй! Въ кругу друзей твоихъ, съ душой воспламененной, Взгреми на арфъ золотой; Да снова стройный гласъ Герою въ честь прольется, И струны трепетны посыплють огнь въ сердца, И ратникъ молодой вскипитъ и содрогнется При звукахъ браннаго пъвца.

XXV.

лицинію.

Лициній, зришь ли ты: на быстрой колесницѣ, Вѣнчанный лаврами, въ блестящей багряницѣ, Спѣсиво развалясь, Ветулій молодой Въ толпу народную летитъ по мостовой? Смотри, какъ всѣ предъ нимъ смиренно спину клонятъ; Смотри, какъ ликторы народъ несчастный гонятъ!

Льстецовъ, сенаторовъ, прелестницъ длинный рядъ Умильно вслъдъ за нимъ стремитъ усердный взглядъ; Ждутъ, ловятъ съ трепетомъ улыбки, глазъ движенья, Какъ будто дивнаго боговъ благословенья; И лети малыя и старцы въ сединахъ, Вст ницъ предъ идоломъ безмолвно пали въ прахъ: Для нихъ и слъдъ колесъ, въ грязи напечатлънной, Есть некій памятинкъ почетный и священной. О Ромуловъ народъ, скажи, давно ль ты палъ? Кто васъ поработилъ и властью оковалъ? Квириты гордые подъ иго преклонились. Кому жъ, о небеса, кому поработились? (Скажу ль?) Ветулію! Отчизны стыдъ моей, Развратный юноша возстлъ въ совтть мужей; Любимецъ деспота сенатомъ слабымъ правитъ, На Римъ простеръ яремъ, отечество безславитъ; Ветулій Римлянъ царь!... О стыдъ, о времена! Или вселенная на гибель предана? Но кто подъ портикомъ, съ поникшею главою, Въ изорванномъ плащъ, съ дорожною клюкою, Сквозь шумную толпу нахмуренный идетъ? Куда ты нашъ мудрецъ, другъ истины, Даметъ! «Куда: не знаю самъ; давно молчу и вижу; Навъкъ оставлю Римъ: я рабство ненавижу.» Лициній, добрый другь! Не лучше ли и намъ. Смиренно поклонясь Фортунъ и мечтамъ, Съдаго циника примъромъ научиться? Съ развратнымъ городомъ не лучше-ль намъ проститься, Гдъ все продажное: законы, правота, И консуль и трибунь, и честь и красота? Пускай Глицерія, красавица младая, Равно всемъ общая, какъ чаша круговая, Неопытность другихъ въ наемну ловитъ съть! Намъ стыдно слабости съ морщинами имъть;

Тщеславной юности оставимъ блескъ веселій: Пускай безстыдный Клить, слуга вельможь, Корнелій, Торгують подлостью и съ дерзостнымъ челомъ Отъ знатныхъ къ богачамъ ползутъ изъ дома въ домъ! Я сердцемъ Римлянинъ; кипитъ въ груди свобода; Во мнъ не дремлетъ духъ великаго народа. Лициній, поспышимь далеко оть заботь, Безумныхъ мудрецовъ, обманчивыхъ красотъ! Завистливой судьбы въ душт презртвъ удары, Въ деревню пренесемъ отеческіе лары! Въ прохладъ древнихъ рощъ, на берегу морскомъ, Найти не трудно намъ укромный, свътлый домъ, Γ_{A} ъ, больше не страшась народнаго волненья, Подъ старость отдохнемъ въ глуши уединенья. И тамъ, расположась въ уютномъ уголкъ, При дубъ пламенномъ, возженномъ въ комелькъ, Воспомнивъ старину за дъдовскимъ фіаломъ, Свой духъ воспламеню жестокимъ Ювеналомъ, Въ сатиръ праведной порокъ изображу И нравы сихъ въковъ потомству обнажу. О Римъ, о гордый край разврата, элодъянья! Придеть ужасный день, день мщенья, наказанья. Предвижу грознаго величія конецъ: Падеть, падеть во прахъ вселенныя вънецъ. Народы юные, сыны свиртной брани, Съ мечами на тебя подымутъ мощны длани. И горы и моря оставять за собой И хлынуть на тебя кипящею ръкой. Исчезнеть Римъ; его покроетъ мракъ глубокой; И путникъ, устремивъ на груды камней око. Воскликнетъ, въ мрачное раздумье углубленъ: «Свободой Римъ возросъ, а рабствомъ погубленъ.»

RIHAP&MUII

къ стихотвореніямъ пушкина

1815 года.

- Пьеса явилась впервые въ журналѣ Россійскій Музсумъ 1815 г., № 7, съ подписью 1...17—14. Она принадлежитъ къ ряду тѣхъ легкихъ посланій Пушкина, гдѣ юношеская беззаботность идетъ объ руку съ мечтами о простотѣ деревенской жизни и о наслажденіяхъ, которыя извѣстны были автору болѣе по слуху, чѣмъ по опыту. Она, какъ и другія этого рода, содержитъ, пѣскодько біографическихъ подробностей. Путливость автора, знакомство съ корифеями Французской анакреонтической поэзіи и съ ихъ представителями у насъ; наконецъ описаніе лицъ, все это не сочинено и не придумано имъ. Мы сохранили правописаніе Пушкина въ прилагательныхъ: милой другъ, великой градъ, единственной старикъ. Пьеса эта имѣетъ много поправокъ, сдѣланныхъ журналомъ В. В. Измайлова. Посмертное изданіе сохранило ихъ, прибавивъ нѣкоторые пропуски отъ себя.
- П—III. Пьеса: «Къ П—ну» и слёдующая за ней: «Къ Г—у» помёщены рядомъ въ Россійскомъ Музеумт 1815 г. № 8 и за общей подписью 1...14—17. Они содержатъ тоже нткоторыя подробности ученической жизни Пушкина и вошли въ посмертное

изданіе его сочиненій безъ неремѣнъ. Поэтъ писаль Φ ебъ и и въ позднѣйшее свое время.

IV. Стихотвореніе, данное посмертнымъ изданіемъ 1838—41 г. Въ рукописи оно носитъ заглавіе «Отвѣтъ» и содержитъ множество поправокъ, брошенныхъна половинѣ. Вѣроятно это отвѣтъ на посланіе Дельвига къ Александру Сергѣевичу, напечатанное въ Рос. Музеумѣ № 9 Дядюшка—поэтъ, сосватавшій автора съ музами былъ В. Л. Пушкинъ. Поэтическое сватовство произошло, кажется, послѣ пьесы: «Лицинію». До тѣхъ поръ онъ и другіе близкіе люди смотрѣли съ сомнѣніемъ и недоброжелательствомъ на авторство молодаго человѣка.

Отсюда савдують девять пьесь, находящихся какь вь тетради М. А. К., такь и вь журналь: Россійскій Музеумь, но пропущенныхь посмертнымь изданіемь.

- V. Помещено въ Россійскомъ Музеуме 1815 г. № 6, за подписью: Александръ Икши. Это второе посланіе къ Батюшкову составляеть ответь на какой-то призывъ со стороны последняго. Можно догадываться, что дело шло о вступленіи въ военную службу. Оно довольно граціозно и ловко сохраняеть тонъ самихъ стиховъ Батюшкова.
- VI. Помъщено въ Россійскомъ Музеумъ 1815 г., № 10 и 11 съ подписью 1...16—14. Это второе посланіе въ Г—у, гдѣ авторъ обрисовываетъ самую личность послѣдвяго и притомъ съ особеннымъ расположеніемъ и участіемъ въ ней. Мы уничтожили щ, въ словѣ счастливъ, такъ какъ уже представили одинъ разъ полный образецъ этого правописанія и замѣнили большія буквы, до которыхъ Пушкинъ былъ вообще охотникъ, малыми, въ словахъ : столицы, славой.
- VII. Помѣщено въ Россійскомъ Музеумѣ 1815 г. № 12-й за подписью 1...17—14. Не смотря на помѣщеніе пьесы въ журналѣ 1815 г., мы относимъ ее къ самымъ первымъ опытамъ молодаго автора. Пьеса написана по крайней мѣрѣ въ одно время съ посланіемъ «Къ сестрѣ» и представляетъ образецъ слабыхъ подражаній произведеніямъ карамзинской стихотворческой эпохи.
- VIII. Помѣщено въ Россійскомъ Музеумѣ 1815 г., № 3-й за подписью 1...14—16. Не безполезно будетъ замѣтить, что въ эту эпоху пьесы Пушкина, не походившія на посланія или бесѣды съ друзьями, видимо стоили ему большаго труда. Со-

зданіе въ нихъ очень слабо и болье чымь въ послыднихъ встрычается опибокъ противъ удареній и языка. Между прочимъ С. Д. Полтарацкій сообщиль намъ еще строфу къ этой пьесь, пропущенную какъ журналомъ, такъ и тетрадью М. А.К.

Мѣткаго копья луною Свѣтится конецъ; Въ грудь опершись бородою Задремалъ Донецъ.

- Стихотвореніе напечатано въ Россійскомъ Музеумѣ 1815 г.,
 № 6, подпись: 1...17—14.
- Х—ХІ. Обѣ эпиграммы помѣщены въ одномъ № 1-мъ Россійскаго Музеума 1815 г.; за подписью 1...14—16 и принадлежать еще къ 1814 г. Форма естьлибъ вмѣсто если бъ, употреблялась тогда почти всѣми. Кстати объ эпиграммахъ. Въ журналѣ Невскій зритель 1820 г. часть четвертая, Ноябрь, есть еще двѣ эпиграммы, подписанныя цифрами 16—17. Кажется они также должны принадлежать Пушкину. Приволимъ ихъ:

I.

Ученые, уймитесь! Вашъ споръ теперь рѣшенъ. Я пустоту нашелъ не будучи ученъ..... Что въ этомъ дѣдѣ я не ослѣпленъ мечтою Дамонъ вамъ отвѣчать въ томъ можетъ головою.

II.

Эпитьфія.

Подъ памятникомъ симъ скрытъ докторъ Сасафрасъ. Онъ смертію своей отъ смерти многихъ спасъ.

- ХІІ. Пом'єщена въ Россійскомъ Музеум' 1815 г., № 6, за подписью: 1...17—14. Мы не знаемъ кого подразум' валъ авторъ въ Арист' и Бурун'.
- XIII. Помѣщена въ Россійскомъ Музеумѣ 1815 г, а потомъ въ альманахѣ: Сѣверная Звѣзда 1829 г. подъ заглавіемъ : «Будущая эпитафія и за подписью: An.
- XIV. Анакреонтическое стихотвореніе, напечатанное впервые посмертнымъ изданіемъ 1838—41 г. Рукопись Пушкина представляєть здёсь образець передёлокъ, какимъ хотёлъ онъ под-

вергнуть свои лицейскія стихотворенія. Съ 9 стиха въ ней есть исправленное четверостишіе:

«Устройте завтра шумный ходъ,
Несите радостныя чаши
На темный берегъ сомныхъ водъ,
Гдѣ мы вели бесѣды наши»,
а съ 36 другое, долженствовавшее замѣнить настоящій текстъ:
«И брякнутъ перстни золотые
Въ завѣтъ любви въ послѣдній разъ:
Гдѣ вы, подруги молодыя,
Летите — дорогъ смертный часъ».

Также и поправки въ отдъльныхъ стихахъ многочисленны: 6-й стихъ измъненъ такъ: «Безпечной жизни и любви!» 18-й «Семелы радостнаго сына» и т. д. Въ елъдъ за этой пьесой прилагаемъ еще двъ, данныя посмертнымъ изданіемъ впервые. Всъ онъ, по рукописямъ, принадлежатъ къ 1815 г:

- XV. Образецъ подражанія Жуковскому. Пьеса слабве и по стиху и по мысли анакреонтических подражаній, къ числу которыхъ принадлежитъ и большая часть посланій къ друвьямъ молодаго поэта. Пушкинъ, какъ будто самъ чувствоваль не достатки ея. Кромв поправокъ въ стихахъ, онъ подчеркнулъ въ 3-й строфв стихъ: «И дико трепещеть и стонеть». Онъ видимо пораженъ былъ неверностью образа при описаніи коня, о которомъ тутъ говорится, но вмёсто измёненія, написаль сверьку всей пьесы: «не надо».
- XVI. Въ рукописи надъ этой пьесой стоить опять отмѣтка: «не надо». Мы еще и не разъ встрѣтимъ подобныя замѣтки, относя— щіяся къ намѣренію Пушкина исправить свои лицейскія стихотворенія и подвергнуть ихъ строгому разбору, что было потомъ брошено посаѣ нѣсколько попытокъ.
- XVII. Вторая пьеса, напечатанная впервые въ альманахѣ Г-на Федорова: Памятникъ Отечественныхъ музъ на 1827 г., съ помѣткою 1815 г. откуда перешла и въ посмертное изданіе. Въ рукописи стихотвореніе носить отмѣтку: «передѣлать все оставя одну послѣднюю строфу». Исполняя намѣреніе, Пушкинъ измѣнилъ первый стихъ въ слѣдующій:

дитя Харитъ и вдохновенья»,
 переиначилъ второй куплетъ такъ:

«Красу невинности прелестной Надежды милыя черты, Улыбку радости небесной — И взоры самой красоты.

Но на этомъ передълка и остановилась. Кстати сказать, что пьеса есть только переводъ стихотворенія Парни: Peintre! qu' Hébé soit ton modèle. Она положена была на музыку однимъ воспитанпиковъ лицея М. Л. Як. — и часто распъвалась хоромъ въ стѣнахъ училища.

XVIII. Пьеса напечатана впервые изданіемъ стихотвореній Пушкина 1826 г. Изъ всей діятельности поэта въ 1815 г. Пушкинъ только четыремъ стихотвореніямъ: Старикъ, Лицинію, Гробъ Анакреона и этой пьесі оказаль особенную честь, помістивъ ихъ въ собраніи своихъ стихотвореній 1826 г. Оттуда перешли они въ изданіе стихотвореній его 1829 г. и наконецъ въ посмертное изданіе. При переході въ сборникъ 1826 г. эта пьеса получила окончательную отділку. Въ рукописи съ 5-го стиха еще читается:

«Вотъ жизни младость Не повтори: Такъ вянегъ радость Въ душъ скажи»....и проч.

XIX. Сначала пьеса приложена была въ Россійскомъ Музеумѣ 1815 г., № 5, съ указаніемъ: «изъ Марота», за тѣмъ въ изданіи стихотвореній 1826 г. съ такимъ же указаніемъ; за тѣмъ въ изданіи 1829 г. съ указаніемъ: «изъ Маро» и наконецъ въ посмертномъ изданіи безъ всякаго указанія. При переходѣ въ сборникъ 1826 г. пьеса почти вся передѣлана была ваново. Вотъ ея редакція въ журналѣ, любопытная по правописанію:

«Ужъ я не тотъ философъ страстной Что преждё такъ любить умёль, Моя весна и лёто красно Ушли — за тридевять земель! Амуръ, свётъ возвраста златова! Боговъ тебя всёхъ болё чтиль; Ахъ! Естьлибъ я родился снова, Ужъ такъ ли бы тебѣ служилъ». Александръ Н—П.

- ХХ. Въ Россійскомъ Музеумѣ 1815, № 9, за подписью: 1...14—17. Пьеса особенно замѣчательная тѣмъ, что это первое проявленіе самостоятельнаго таланта и манеры Пушкина въ средѣ самаго подражанія. Посмертное изданіе, перепечатывая ее, измѣнило обычное правописаніе Пушкина, какъ и мы, но сохранило ошибку журнала. Вмѣсто «горнимъ» свѣтомъ озарясь, оно напечатало»: горнымъ свѣтомъ.
- ХХІ. Первоначально напечатано было въ Трудахъ Общества Любителей Россійской Словесности при Московскомъ Университетъ 1818 г. часть Х, Стихотворенія, стр. 78, подъ заглавіемъ: «Гробница Анакреона» и съ подписью: Александръ Пушкинъ. Въ протоколъ 25-го засъданія Общества (24 Февр. 1817 г.) сказано: «Въ слъдствіе протокола приготовительнаго собранія были читаны.... Дъйствительнымъ Членомъ В. Л. Пушкинымъ Анакреонова Гробница, стихотвореніе Александра Пушкина—воспитанника Царско-сельскаго Лицея». Оттуда стихотвореніе перешло въ изданіе 1826 г., но съ такими поправками, что они дали совершенно другой видъ всей пьесъ. При этомъ и заглавіе было измѣнено въ нынѣшнее. Вотъ для нримъра старый текстъ Трудовъ.

Начиная съ пятаго стиха тамъ есть еще девять стиховъ, выпущенныхъ въ посабдствіи. Приводимъ ихъ:

Темныхъ миртовъ занавъса Наклонилася къ водамъ; Въ ихъ съни, у края лъса,— Чью гробницу вижу тамъ? Розы юныя алъютъ На покрытомъ камнъ мхомъ; Лавры цвътъ любви лельютъ, И Зефиры ихъ не смъютъ Свъять трепетнымъ крыломъ.

Дал'ве четыре стиха 12, 13, 14 и 15 напечатаны были такъ въ Трудахъ:

Други! Други! Въ сладкомъ мирѣ, Здъсь Тееской спить мудрепъ! Посмотрите: на гробницѣ Сынъ отрадъ изображенъ; Здѣсь на вѣтреной цѣвницѣ Рѣзвый нашъ Анакреонъ, Красотой очарованный, Нѣжно гимны еи поетъ; Виноградомъ увѣнчанный Въ чату сокъ его ліетъ.

Четверостишіе 1826 года:

Воть и Мувы и Хариты Въ гробъ любимца увели: Плющемъ, розами увиты Игры въ следъ за нимъ пошли....

читается въ Трудахъ такъ;

Вотъ и Музы и Хариты, Пригорюнившись, сидять, Плющемъ, розами повиты, Кажется, въ слезахъ твердятъ: Онъ исчезъ какъ наслажденье.... и пр.

Отдельные стихи тоже изменены; 20-й напримерт напечатанъ въ Трудахъ такъ:

Здъсь на лиру кинувъ длани,

и стихи: Вкругъ любовника съдаго; Какъ веселый сонъ любви; Смертный, въкъ твой, привидънье — читаются еще: Вкругъ философа съдаго; Какъ невинный сонъ любви; Смертный, въкъ твой сновидънье».

Съ этими измѣненіями и особенно съ пропусками, сдѣлавшими пьесу гораздо круглѣе и оконченнѣе — стихотвореніе перешло изъ изданія 1826 г. въ изданіе 1829 г. и наконецъ въ посмертное. Здѣсь получило оно поправки въ правописаніи прилагательныхъ: унылой, милой уже кончаются тутъ на ый.

XXII. Стихотвореніе это напечатано было въ Трудахъ Общества Іюбителей Россійской Словесности при Московскомъ Университетъ 1817 г., часть IX, Стихотворенія, стр. 25 и тоже съ полнымъ именемъ и фамиліей автора внизу: Александръ Пушкинъ. Въ протоколъ 27 васъданія Общества (Апръля 28, 1817 г.) скавано: Въ слъдствіе протокола приготовительнаго собранія... были читаны: Дёйствительнымъ Членомъ А. (?) Л. Пушкинымъ: на возвращение Государя Императора изъ Парижа въ 1815 году, стихотворение Александра Пушкина, воспитанника Царскосельскаго Лицея. Это восторженное привътствие молодого поэта Императору Александру Благословенному до сихъ поръ было пропущено всёми изданіями сочиненій Пушкина. У насъ сохранено «Въ могущей дерзости», а также Ужель въ видё одного слова. Между прочимъ Пушкинъ всегда писалъ: возшумёлъ, разцвёлъ, и проч.

- XXIII. Стихотвореніе впервые напечатано было въ журналь Сынъ Отечества 1815 г., \mathcal{N} \mathcal{N} XXV и XXVI, съ подписью: 1...14—17 и съ обозначеніемъ года: 1815. Оттуда оно перешло въ посмертное изданіе, миновавъ всѣ прочія.
- XXIV. Это стихотвореніе, столь замѣчательное само по себѣ и по одному обстоятельству изъ жизни Пушкина, напечатано было въ Россійскомъ Музеумѣ 1815 г., № 4, съ полнымъ именемъ и фамиліейавтора: Александръ Пушкинъ. Это было первое стихотвореніе его въ печати съ полнымъ именемъ. Въ началѣ его находилась тамъ выноска слѣдующаго содержанія: «За доставленіе сего подарка благодаримъ искренно родственниковъ молодаго поэта, котораго талантъ такъ много обѣщаетъ».

И. М. (Изд. Муз)

Другая выноска въ журналь относилась къ стиху: «Вознесся памятникъ» и гласила: «въ честь Графу А. Г. Орлову». Она перешла и въ посмертное изданіе сочиненій Пушкина, вмъсть съ самой пьесой, миновавшей всъ предшествовавшія изданія. Мы знаемъ, что оно было зачеркнуто Пушкинымъ въ тетрали, изготовленнои для печати его стихотвореній въ 1826 г. Лирическое одушевленіе этой пьесы такъ близко подходило къ силь и смълости Державинскихъ одъ, что старецъ-поэтъ полагалъ найти въ молодомъ Пушкинъ продолженіе себя и своей школы.

XXV. Напечатанная впервые въ Россійскомъ Музеумѣ 1815 г.; № 5, за подписью: 1...17—14, пьеса эта перешла въ изданіе 1826 г., оттуда въ изданіе 1829 г. и наконецъ въ посмертное, но при выборѣ ея въ первое собраніе своихъ стихотвореній, Пупікинъ, такъ сказать, обновилъ ее, передълавъ отъ начала до конца. Вотъ напримѣръ съ 24-го стиха текстъ журнала:

«Но кто подъ портикомъ съ руками за спиною Въ изорванномъ плащѣ и съ нищенской клюкою, Поникнувъ головой, нахмурившись идетъ? Не отпобаюсь я, философъ то Даметъ. Даметъ! куда скажи, въ одеждѣ столь убогой, Средь Рима пышнаго бредешь своей дорогой? — Куда? не знаю самъ. Пустыни я ищу Среди разврата жить ужъ болѣ не хочу, Япетовыхъ дѣтей пороки, злобу вижу, На вѣкъ оставлю Римъ: я людства ненавижу.

Лициній, добрый другъ! не лучше ли и намъ, Отдавъ поклонъ мечтѣ, фортунѣ, суетамъ Сѣдаго Стоика примѣромъ научиться Не лучше-ль поскорѣй со градомъ распроститься», и проч. Вотъ разныя двустишія и четверостишія журнальнаго текста, исправленныя въ издапіи 1826 г.

1-е, съ 6-го стиха:

«Льстецовъ, Сенаторовъ, прелестницъ длинный рядъ Съ покорностью ему умильный мещутъ взглядъ».

2-е, съ 11-го стиха:

«И дѣти милыя, и старцы съ сѣдиной Стремятся всѣ за нимъ и взоромъ и душой, И даже слѣдъ колесъ въ грязи напечатленной Какъ нѣкій памятникъ имъ кажется священной».

3-е, съ 14-го стиха:

«О Ромуловъ народъ! Предъ къмъ ты палъ во прахъ? Предъ къмъ возчуствовалъ столь ниской страхъ? »

4-е, съ 40-го стиха:

«Оставя ложе сна съ запъвшимъ пътухомъ Отъ знатныхъ къ богачамъ бъгутъ изъ дома въ домъ».

5-е, съ 47 стиха:

6-е, съ 55-го стиха.

«Докучныхъ Риторовъ, Парнасскихъ Геростратовъ; Въ деревню пренесемъ отеческихъ пенатовъ. Въ тънистой рощицъ на берегу морскомъ Найти не трудно намъ красивый, свътдый домъ».

«Свой духъ воспламеню Петрономъ, Ювеналомъ Въ премящей сатиры порокъ нвображу». Такія же многочисленныя поправки, являются и въ отдъльныхъ фразахъ. Вотъ нъсколько примъровъ:

Редакція 1826 г. и всёхъ послёдующихъ изданій:

- «Ждутъ, ловятъ съ трепетомъ улыбки, глазъ движенья». Редакція Россійскаго Музеума 1815 г.
- «Ждуть въ тайномъ трепеть улыбку, глазъ движенья».

Редакція 1826 г.

- «Неопытность другихъ въ наемну довитъ съть.» Редакція 1815 г.
- «Другихъ неопытныхъ въ любовну ловитъ съть.»

Редакція 1826 г.

- «Тщеславной юности, оставимъ блескъ веселій.» Редакція 1815 г.
- «Летить отъ старика любовь въ толпъ веселій.»

Редакція 1826 г.

- «Съ мечами на тебя подымутъ мощны длани». Редакція 1815 г.
- «Войны ужасной мечь пріявъ въ кровавы длани.»

Редакція 1826 г.

- «Воскликнетъ въ мрачное раздумье углубленъ.» Редакція 1815 г.
 - гедакція 1015 г.

«Речетъ, задумавшись въ мечтаньяхъ углубленъ.» и проч.

Наконецъ измѣнено множество прилагательныхъ и нарѣчій. Вмѣсто: «Усердно спину клонятъ»—«смиренно спину клонятъ», вмѣсто «Народы дикіе» — «народы юные», и проч.

Приводимъ всѣ эти поправки, какъ несомнѣнное доказательство, что лицейскія стихотворенія, выбранныя Пушкинымъ для изданія своихъ сочиненій, могутъ считаться лицейскими только по мысли, а со всѣмъ не по формѣ, измѣненной и усовершенствованной безъ всякаго сравненія съ первымъ оригиналомъ. Прибавимъ еще, что къ этой пьесѣ было указаніе «съ Латинскаго», выпущенное только посмертнымъ изданіемъ. Неосновательность его намъ уже извѣстна.

1816 г.

I.

MOEMY APHCTAPXY.

Помилуй, трезвой Аристархъ Моихъ бахическихъ посланій! Не осуждай моихъ мечтаній И чувства въ вътреныхъ стихахъ. Плоды веселаго досуга Не для безсмертья рождены, Но развъ такъ сбережены Для самаго себя, для друга, Да для Темиры молодой: Помилуй, сжалься надо мной!

Я знаю самъ свои пороки, Не нужны мнъ повърь уроки Твоей учености сухой. Конечно бъденъ геній мой: За рифмой часто холостой, На зло законамъ сочетанья, Бъгутъ трехстопные толпой

На аю, аеть и на ой. Еще не многія признанья: Я ставлю (кто же безъ гръха?) Для міры, рифмы, восклицанья, Aля смысла, лишнихъ три стиха; Не хорошо; но оправданья Позволь мнъ скромно принести: Мои летучія посланья Въ потомствъ будутъ ли цвъсти? Не думай, Цензоръ мой угрюмой, Что ленью жертвуя стихамъ, Объятый стихотворной думой, Встаю... бъснуюсь по ночамъ; Что засвътивъ свою лампаду, Едва дыша, нахмуря взоръ, За върный столъ крехтя засяду, Сижу, сижу три ночи сряду И высижу-трехстопный вздоръ.... Такъ пишетъ (молвить не въ укоръ) Конюшій дряхлаго Пегаса, Свистовъ, Хлыстовъ или Графовъ, Служитель старенькой Парнасса, Родитель старенькихъ стиховъ, И одъ не слишкомъ громозвучныхъ, И сказочекъ довольно скучныхъ!....

Но знаешь ли, о мой гонитель, Какъ я бестдую съ тобой? Безпечный Пинда посттитель Я съ Музой нъжусь молодой.... Ужъ утра яркое свътило Поля и рощи озарило; Давно пропъли пътухи!

Въ пол-глаза дремля и зъвая, Шапеля въ пъсняхъ призывая, Пишу короткіе стихи Среди пріятнаго забвенья, Склонясь въ подушку головой-И въ простотъ, безъ украшенья, Мои слагаю извиненья Не много сонною рукой, Подъ сънью лени неизвъстной: Такъ нъжился пъвецъ прелестной Когда Веръ-Вера возпъвалъ, Или съ улыбкой рисовалъ, Въ непринужденномъ упоеньи, Уединенный свой чердакъ. Въ такомъ лѣнивомъ положеньи Стихи текутъ и такъ и сякъ. Бозможно ли въ свое творенье; Унявъ веселыхъ мыслей шумъ, Тогда вперять холодный умъ, Отдълкой портить небылицы, Плоды бродящихъ ръзвыхъ думъ, И сокращать свои страницы?

Нашъ другъ Шамфоръ, Шолье, Парии Враги труда, заботъ, печали Не такъ бывало въ прежни дни Своихъ любовницъ возитвали. О вы любезные пъвцы, Сыны безпечности лънивой! Давно вамъ отданы въщы Отъ Музы праздности счастливой; Но не блестящіе дары Поэзіи трудолюбивой! На верхъ Фессальскія горы

. . . . *.*

104 1816 r.

Вели васъ тайные извивы!
Веселыхъ Грацій перстъ игривой
Младыя лиры оживлялъ,
И ваши челы обвивалъ
Дътей Павоскихъ рой шумливой!
И я—неопытный поэтъ,
Небрежный вашихъ риемъ наслъдникъ,
За вами крадуся вослъдъ....
А ты мой скучный проповъдникъ,
Умърь ученый вкуса гнъвъ!
Поди, кричи, брани другова
И брось лънивца молодова,
Объ немъ тихонько пожалъвъ.

II.

послание лиль.

Тебъ, наперсница Венеры,
Тебъ, которой Купидонъ
И дъти ръзвые Цитеры
Украсили цвътами тронъ,
Которой нъжные примъры,
Улыбка, взоры, нъжный тонъ
Красноръчивъй, чъмъ Вольтеры
Намъ проповъдаютъ законъ,
И Аристипповъ и Глицеры —
Тебъ привътливый поклонъ
Любви вънокъ и лиры звонъ!...

Всего.... но лишь извъстной мъры. Я вижу, хмурится Зенонъ, И вся его съдая свита.

И мудрый другъ вина Катонъ, И скучный рабъ Эпафродита, Сенека, даже Цицеронъ Кричатъ: Ты лжешь, профанъ, мученье -Прямое смертныхъ наслажденье! Друзья, согласенъ! Плачъ и стонъ Стократъ конечно лучше смъха; Терпъть великая утъха. Совътъ вашъ во все не смъщонъ: Но мит онъ, слышите-ль? не нуженъ. За темъ что слишкомъ онъ мудренъ. Дороже мнъ хорошій ужинъ Философовъ трехъ цълыхъ дюжинъ. Я вами право не прельщенъ. Соборъ угрюмой разсерженъ; Но пусть кричать на супостата. Ихъ споръ лишь времени утрата: Кто ихъ примъромъ обольщенъ? Люблю я добраго Сократа: Онъ въ мірѣ жилъ, онъ былъ уменъ; Съ своею важностью притворной, Любилъ пиры, театры, женъ; Онъ между прочимъ былъ влюбленъ, И у Аспазіи въ уборной, (Тому свидътель самъ Платонъ), Невольникъ робкой и покорной, Вздыхалъ частехонько въ хитонъ, И ей съ улыбкою придворной Шепталь: все призракь, ложь и сонь, И мудрость, и народъ, и слава. Что жъ истинно? Одна забава, Повъръ, одна любовь не сонъ! Такъ ладонъ жегъ прекрасной онъ, И ею.... бъдная Ксантиппа!

Твой мужъ, совмъстникъ Аристиппа, Бывалъ до неба вознесенъ. Межъ тъмъ на милыхъ грозно лая, Злой циникъ нъгу презирая, Одинъ всъхъ радостей лишенъ, Дышалъ отъ міра отлученъ; Но съ бочкой странствуя пустою Во слъдъ за мудростью слъпою, Пустой чудакъ былъ ослъпленъ, — И воду черпая рукою, Не могъ зачерпнуть счастья онъ.

III.

къ ней.

Эльвина, милый другъ! Приди, подай мнѣ руку, Я вяну, прекрати тяжелый жизни сонъ. Скажи, увижу ли? на долгую ль разлуку
Любовникъ осужденъ?

Уже ли никогда на друга другъ не взглянетъ, Иль въчной темнотой покрыты дни мои? Уже ли никогда насъ утро не застанетъ Въ объятіяхъ любви?

Эльвина! Почему въ часы глубокой ночи Я не могу тебя съ весельемъ обнимать, На милую стремить томленья полны очи И страстью трепетать?

И въ радости нъмой, въ восторгахъ упоенья Твой шопотъ сладостный и томный стонъ внимать И тихо въ скромной тьмъ для нъги пробужденья Близь милой засыпать.

IV.

заздравный кубовъ.

Кубокъ янтарный Полонъ давно. Пъною парной Блещетъ вино! Свъта дороже Сердцу оно. Но за кого же Выпью вино?

Пейте за славу, Славы друзья! Бранной забавы Любить нельзя; Это веселье Не веселить! Дружбы похмълье Грома бъжить.

Жители неба, Феба жрецы, Здравіе Феба, Пейте пъвцы! Ръзвой Климены
Ласки — бъда!
Токъ Иппокрены —
Други, вода!

Пейте за радость Юной любви. Скроется младоссть, Дети мои. Кубокъ янтарный Полонъ давно. Я, благодарный, Пью — за вино!

V.

отрывки изъ стихотворенія :

ФАВНЪ И ПАСТУШКА.

¥.

Съ пятнадцатой весною, Какъ лилія съ зарею Красавица цвътеть, И томное дыханье, И взоровъ томный свъть, И груди трепетанье, И розы нъжный цвъть — Все юность измъняеть. Ужъ Лилу не плъняеть Веселый хороводъ:

Одна, у сонных водъ, Въ лъсахъ она таится, Вздыхаетъ и томится, И съ нею тамъ Эротъ. Когда же, ночью темной, Ее въ постелъ скромной Застанетъ тихій сонъ Съ волшебницей-мечтою, И тихою тоскою Исполнитъ сердце онъ — И Лила, въ сновидъньи Вкушаетъ наслажденье И шепчетъ: о Филонъ!

11.

Здѣсь розы наклонились Надъ вами въ темный кровъ, И вѣтры притаились, Гдѣ царствуетъ любовь....

Но кто тамъ, близъ пещеры. Въ густой травъ лежитъ? На жертвенникъ Венеры Съ досадой онъ глядитъ; Нагнулась межъ цвътами Косматая нога; Надъ грустными очами Нависли два рога. То Фавнъ, угрюмый житель Лъсовъ и горъ крутыхъ, Докучливый гонитель Пастушекъ молодыхъ. Прекраснаго Филона Давно соперникъ онъ...

Въ пріють сладострастья
Онъ слышить вздохи счастья
И ньги томный стонъ.
Въ безмолвін несчастный
Страданья чашу пьетъ,
И въ ревности напрасной
Горючи слезы льетъ.
Но воть ночей царица
Скатилась за льса,
И тихая денница
Румянить небеса;
Зефиры прошептали —
И Фавнъ въ дремучій боръ
Бъжить сокрыть печали
Въ ущельяхъ дикихъ горъ.

III.

Одна поутру Лила Нетвердою ногой Средь рощицы густой Задумчиво ходила. «О, скоро ль, мракъ ночной «Съ прекрасною луной «Ты небомъ овладъешь? «О, скоро ль, темный лъсъ, «Въ туманахъ засинвешь «На западт небесъ?» Но шорохъ за кустами Ей слышится глухой, И вдругъ — сверкнулъ очами Предъ нею богъ лъсной! Какъ въшній вътерочикъ, Летитъ она въ лесочикъ;

Онъ гонится за ней — И трепетная Лила Всъ тайны обнажила Младой красы своей; И нъжна грудь открылась Лобзаньямъ вътерка, И стройная нога Невольно обнажилась. Порхая надъ травой, Пастушка робко дышить, И Фавна за собой Все ближе, ближе слышитъ. ${f y}$ жъ чувствуетъ она Огонь его дыханья: Напрасны всъ старанья! Ты Фавну суждена; Но шумная волна Красавицу сокрыма: Ръка — ея могила. Нътъ! Лила спасена.

IV.

Эроты златокрилы
И нъжный Купидонъ
На помощь юной Лилы
Летятъ со всъхъ сторонъ;
Всъ бросили Цитеру
И мирныхъ селъ Венеру.
По трепетнымъ волнамъ
Несутъ они въ пещеру
Любви пустынный храмъ.
Счастливецъ былъ ужъ тамъ....
Спокойно дремлетъ Лила,

На розахъ нѣтъ и сна, И лучъ свой угасила За облакомъ луна.

V.

Поникнувъ головою, Несчастный богь льсовъ Одинъ съ вечерней тьмою Бродилъ у береговъ: Прости, любовь и радость! Со вздохомъ молвилъ онъ; Въ печали тратить младость Я рокомъ осужденъ! Вдругъ изъ льсу румяный Шатаясь передъ нимъ, Сатиръ явился пьяный Съ кувшиномъ круговымъ; Онъ смутными глазами Пути домой искалъ, и козьими ногами Едва переступаль; Шелъ, шелъ, и натолкнулся На Фавна моего, Со смъхомъ отщатнулся, Склонился на него... «Ты ль это, брать любезной? Вскричалъ Сатиръ съдой: Въ какой странъ безвъстной Я встрътился съ тобой?» — Ахъ! молвилъ Фавнъ уныло, Завяли дни мои! Все, все мнѣ измѣнило, Несчастенъ я въ любви. —

«Что слышу? Отъ Амура
Ты страждещь и грустищь,
Малютку-бъдокура
И ты боготворищь!
Возможно ль? Такъ забвенье
Въ кувшинъ почерпай,
И чашу въ утъшенье
Наполни черезъ край!
И пъна засверкала
И на краяхъ шипить,
И съ перваго фіала
Амуръ уже забытъ.

VII.

О Лила! Вянутъ розы Минутныя любви: Познай же грусть и слезы, И нынъ терны рви. Въ губительномъ стремленьи За годомъ годъ летитъ, И старость въ отдаленьи Красавицъ грозитъ. Амуръ уже съ поклономъ Разстался съ красотой, И въ слъдъ за Купидономъ Веселья скрылся рой. Въ лъсу пастушка бродитъ Печальна и одна: Кого же тамъ находитъ? Вдругъ Фавна зритъ она. Философъ козлоногій Подъ липою лежалъ, И пънистый фіаль.

Вънкомъ украсивъ роги, Лъниво осущалъ. Хоть Фавнъ и не находка Для Лилы прежнихъ лътъ, Но вздумала красотка Любви раскинуть съть: Подкралась, устремила На Фавна томный взоръ, И слышаль я, клонила Къ развязкъ разговоръ. Но Фавнъ съ улыбкой злою, Напъня свой фіалъ, Качая головою, Красавицъ сказалъ: «Нътъ Дила! Я въ покоъ — Другихъ, мой другъ, лови, Есть время для любви, Для мудрости другое. Бывало, я тобой Въ безуміи плънялся, Бывало, восхищался Коварной красотой, И сердце, тлъя страстью, Къ тебъ, меня влекло. Бывало... но, по счастью, Что было — то прошло.»

VI.

ИСТИНА.

Недавно мудрые искали Забытыхъ истины слъдовъ, И долго, долго толковали Давнишни толки стариковъ, Твердили: «истина нагая Въ колодезь убралась тайкомъ.» И дружно воду выпивая, Кричали. «здъсь ее найдемъ!»

Но кто-то, смертныхъ благодътель И чуть ли не старикъ Силенъ, Ихъ важной глупости свидътель, Водой и крикомъ утомленъ, Оставилъ невидимку нашу, Подумалъ первый о винъ И, осущивъ до капли чашу, Увидълъ истину на днъ.

VII.

ФІАЛЪ АНАКРЕОНА.

Когда на поклоненье
Ходилъ я въ дальній Павосъ,
Повърьте мнѣ, я видѣлъ
Въ уборной у Венеры
Фіалъ Анакреона!
Онъ былъ тогда наполненъ
Свътлъющею влагой;
Кругомъ висъли розы,
Зеленый плющъ и мирты,
Сплетенныя рукою
Царицы наслажденій;
На краюшкъ я видълъ

Коварнаго Амура; Смотрълъ онъ пригорюнясь На птнистую влагу. «Что смотришь ты, проказникъ, На пфиистую влагу?» Спросилъ я Купидона, «Скажи, что такъ утихнулъ? Иль хочется зачерпнуть Тебъ златаго соку, Да ручка не достанеть?» «- Нетъ!» отвечалъ малютка: «Ръзвясь, я въ это море «Колчанъ, и лукъ, и стрълы «Всъ бросилъ ненарочно — «А плавать не умъю. «Вонъ, вонъ, на днъ блистаютъ! «Ахъ, жалко мнъ, послушай: «Достань мнъ ихъ оттуда.» — «О нътъ!» сказалъ я богу: «Спасибо, что упали; Пускай тамъ остаются. Тъмъ лучше для меня!»

VIII.

C O H B.

(отрывокъ).

Пускай поэтъ съ кадильницей наемной Гоняется за счастьемъ и молвой, Мнъ страшенъ свътъ, проходитъ въкъ мой темной Въ безвъстности, заглогшею тропой.

Пускай пъвцы гремящими хвалами
Полубогамъ безсмертіе даютъ;
Мой голосъ тихъ, и звучными струнами
Не оглашу безмолвія пріютъ.
Пускай любовь Овидіи поютъ,
Мнѣ не даетъ покоя Цитерея;
Счастливыхъ дней амуры мнѣ не вьютъ.
Я сонъ пою, безцѣнный даръ Морфея.
И научу, какъ должно въ тишинѣ
Покоиться въ пріятномъ крѣпкомъ снѣ.

Приди, о лѣнь, приди въ мою пустыню!
Тебя зовутъ прохлада и покой;
Въ одной тебѣ я зрю свою богиню,
Готово все для гостьи молодой.
Все тихо здѣсь, докучный шумъ укрылся
За мой порогъ; на свѣтлое окно
Прозрачное спустилось полотно,
И въ темной нишъ, гдѣ сумракъ воцарился,
Чутъ крадется невѣрный свѣтъ дневной.
Вотъ мой диванъ; приди жъ въ обитель мира,
Царицей будь, я плѣнникъ нынѣ твой.
Учи меня, води моей рукой,
Все, все твое: вотъ краски, кистъ и лира!

А вы, друзья моей прелестной музы, Которыми любви забыты узы, Которые владычеству земли Конечно бъ сонъ спокойный предпочли — О мудрецы! Дивиться вамъ умъя, Для васъ однихъ я нынъ тронъ Морфея Поэзіи цвътами обовью, Для васъ однихъ блаженство воспою. Впемлите же съ улыбкой снисхожденья Моимъ стихамъ, урокамъ наслажденья. Въ назначенный природой нъги часъ,

Хотите ли забыться каждый разъ, Въ ночной тиши, средь общаго молчанья, Въ объятіяхъ игриваго мечтанья? Спъшите же подъ сельскій мирный кровъ: Тамъ можно жить и праздно и безпечно, Тамъ прямо рай; но прочь отъ городовъ, Гав крикъ и шумъ ленивцевъ мучитъ вечно. Согласенъ я, въ нихъ можно цълый день Съ прелестницей ловить веселья тънь; Въ платокъ зъвать, блистая въ модномъ свътъ; На баль въ ночь вертьться на паркеть: Но можно ли вкушать отраду сновъ? Настала тънь, уснуть лишь я готовъ, Обманутый призраками ночными — И вотъ уже, при свъть фонарей, На бышеной четверкы лошадей, Стуча, гремя колесами златыми, Катится спъсь подъ окнами моими. Я вновь дремлю, вновь улица дрожитъ — На скучный балъ разсъянье летитъ.... О Боже мой! уже ли здъсь ложатся, Чтобы всю ночь безсонницей терзаться? Еще стучать, а тамъ уже свътло, И гдъ мой сонъ? Не лучше ли въ село? Тамъ рощица листочковъ трепетаньемъ, Въ лугу потокъ таинственнымъ журчаньемъ, Златыхъ полей, долины тишина: Въ деревнъ все къ томленью клонитъ сна! О сладкій сонъ, ничьмъ невозмущенный! Одинъ пътухъ, зарею пробужденный, Свой ръзкій крикъ подыметь, можеть быть; Опасенъ онъ, онъ можетъ разбудить. И такъ, пускай, въ сераляхъ удаленны, Султаны куръ гордятся заключенны

Иль поселянъ сзывають на поля: Мы спать хотимъ, любезные друзья! Стократъ блаженъ, кто можетъ сномъ забыться Влали столицъ, каретъ и пътуховъ! Но сладостью веселой ночи сновъ Не думайте вы даромъ насладиться, Средь мирныхъ селъ, безъ всякаго труда. Что жъ надобно? Движенье, господа! Похвальна лень: но есть всему пределы: Смотрите, Клитъ, въ подушкахъ посъдълый, Размученный, изнъженный, больной, Весь въкъ сидитъ съ подагрой и тоской! Наступить день: несчастный! задыхаясь, Крехтя, ползетъ съ постели на диванъ; Весь день сидить; когда жъ ночной туманъ Подернетъ свътъ, во мракъ разстилаясь, Съ дивана Клитъ къ постелъ поползетъ; И какъ же ночь, несчастный, проведетъ? Въ покойномъ снъ, въ пріятномъ сновидъньъ? Нътъ! Сонъ ему не радость, а мученье; Не маками, тяжелою рукой Ему Морфей закроетъ томны очи, И медленной проходять чередой Для бъднаго часы угрюмой ночи. Я не хочу, какъ общій другъ, Бершу, Предписывать вамъ тяжкія движенья: Упрямый плугъ, охоты наслажденья — Нътъ, въ рощи я лънивца приглашу. Друзья мои, какъ утро здесь прекрасно! Въ тиши полей, сквозь тайну сънь дубравъ, Какъ юный день сіяеть гордо, ясно! Свътлъетъ все; другъ друга перегнавъ, Журчатъ ручьи, блестятъ брега безмолвны; Еще роса надъ свъжей муравой;

Златыхъ озеръ недвижно дремлютъ волны. Друзья мои! Возьмите посохъ свой, Идите въ лъсъ, бродите по долинъ, Крутыхъ холмовъ устаньте на вершинъ -И въ долгу ночь глубокъ вашъ будетъ сонъ. Какъ только тень оденетъ небосклонъ, Пускай войдетъ, отрада жизни нашей, Веселья богъ съ широкой, полнои чашей — И царствуй Вакхъ со всъмъ дворомъ своимъ! Умъренно пируйте, други, съ нимъ. Стакана три шипящими волнами Румяныхъ винъ налейте вы полнъй; Но толстый Комъ съ надутыми щеками Не приходи стучаться у дверей; Я радъ ему; но только за объдомъ, И дружески я въ полдень уберу Его дары; но право въ вечеру Гораздо я дружней съ его соседомъ. Не ужинать — святой тому законъ, Кому всего дороже легкій сонъ. Брегитесь вы, о дети мудрой лени. Обманчивой успокоенья тъни! Не спите днемъ: о горе, горе вамъ, Когда дремать привыкли по часамъ! Что вашъ покой? Безчувствіе глубоко. Сонъ истинный отъ васъ уже далеко. Не знаете веселой вы мечты; Вашъ целый выкъ несносное томленье, И скученъ сонъ и скучно пробужденье, И дни текутъ средь въчной темноты. Но ежели, въ глуши, близь водопада. Что подъ горой клокочетъ и кипитъ, Прелестный сонъ, усталости награда. При шумъ волнъ на дикій брегь слетить.

Покроетъ взоръ туманной пеленою, Обниметъ васъ, и тихою рукою На мягкій мохъ преклонитъ, остнитъ: О, сладостно близъ шумныхъ водъ забвенье! Пусть далте продлится вамъ покой: Завидно мнт счастливца наслажденье.

Случалось ли ненастной вамъ порой Дня зимняго при позднемъ, тихомъ свътъ, Сидеть однимъ безъ свечки въ кабинетъ. Все тихо вкругъ; березы больше нътъ; Часъ-отъ-часу темнъетъ оконъ свътъ; На потолкъ какой-то призракъ бродитъ; Блъднъетъ ужъ-и синеватый дымъ, Какъ легкій паръ, въ трубу віясь, уходитъ. И вотъ, жезломъ невидимымъ своимъ, Морфей на все невтрный мракъ наводитъ. Темнъетъ взоръ; Кандидъ изъ вашихъ рукъ Закрывшися упаль въ кольни вдругь; Вздохнули вы; рука на столъ валится, И голова съ плеча на грудь катится. Вы дремлете, надъ вами мира кровъ: Нежданный сонъ пріятнъй многихъ сновъ! Душевныхъ мукъ волшебный исцълитель, Мой другъ Морфей, мой давній утышитель! Тебъ всегда я жертвовать любилъ, И ты жреца давно благословилъ. Забуду ли то время золотое, Забуду ли блаженный нъги часъ, Когда, въ углу подъ вечеръ притаясь, Я призываль и ждаль тебя въ покоъ? Я самъ не радъ болтливости своей; Но детскихъ летъ люблю восноминанье. Ахъ, умолчу ль о мамушкъ моей, О прелести таинственныхъ ночей,

Когда, въ чепцъ, въ старинномъ одъяньъ,

Она духовъ молитвой уклоня, Съ усердіемъ перекрестить меня, И шопотомъ разсказывать мнъ станетъ О мертвецахъ, о подвигахъ Бовы. Отъ ужаса не шелохнусь, бывало; Едва дыша прижмусь подъ одъяло, Не чувствуя ни ногъ, ни головы; Подъ образомъ простой ночникъ изъ глины, Чуть освъщалъ глубокія морщины. Драгой антикъ, прабабушкинъ чепецъ, И длинный ротъ, гдъ зуба два стучало — Все въ душу страхъ невольный поселяло; Я трепеталъ, и тихо наконецъ Томленье сна на очи упадало. Тогда толпой, съ лазурной высоты, На ложе розъ крылатыя мечты, Волшебники, волшебницы слетали, Обманами мой сонъ обворожали; Терялся я въ порывъ сладкихъ думъ; Въ глуши лъсной, средь Муромскихъ пустыней, Встръчалъ лихихъ Полкановъ и Добрыней — И въ вымыслахъ носился юный умъ... Но вы прошли, о ночи безмятежны! И юности ужъ возрастъ наступилъ. Подайте мнъ Альбана кисти нъжны, И я мечту младой любви вкусилъ. И гдъ жъ она? Восторгами родилась, И въ тотъ же мигъ восторгомъ истребилась. Проснулся я; ищу на небъ день; Но все молчитъ; луна во тьмъ сокрылась, И вкругъ меня глубокой ночи тънь. Но сонъ мой тихъ! Безпечный сынъ Парнасса, Въ ночной тиши я съ рифмою не быссь,

Не вижу ввъкъ ни Феба, ни Пегаса, Ни старый дворъ какихъ-то старыхъ Музъ.

Я не герой, по лаврамъ не тоскую, Спокойствіемъ и нѣгой не торгую. Не чудится мнѣ ночью грозный бой; Я не богачь, и лаемъ песъ привратной Не возмущалъ мечты моей пріятной; Я не злодѣй; съ волненьемъ и тоской Не зрю во снѣ кровавыхъ привидѣній, Убійственныхъ дѣтей предразсужденій, И въ поздній часъ ужасный, блѣдный страхъ Не хмурится угрюмо въ головахъ.

IX.

навздникъ.

Глубокой ночи на поляжь
Давно лежали покрывала,
И слабо въ бледныхъ облакахъ
Звезда пустынная сіяла.
При умирающихъ огняхъ,
Въ неверной темноте тумана,
Безмолвно два стояли стана
На помраченныхъ высотахъ.
Все спитъ, лишь волнъ мятежный ропотъ
Разносится въ тиши ночной,
Да слышенъ издали глухой
Булата звонъ и конскій топотъ!
Толпа наездниковъ младыхъ
Въ дубраве едетъ молчаливой;
Дрожатъ и пышутъ кони ихъ,

Главой трясуть нетерпъливой.
Ужъ полемъ воины летятъ,
Дубравы кровъ покинувъ зыбкой,
Усами грозно шевелятъ
И съ гордой шепчутся улыбкой;
Ихъ лица радостью горятъ,
Огнемъ пылаютъ гнѣвны очи,
Лишь ты, воинственный поэтъ,
Унылъ, какъ сумракъ полуночи,
И блѣденъ, какъ осенній свѣтъ.
Съ главою мрачно наклоненной
Къ тѣснимой горестью груди;
Печальной думой увлеченный,
Онъ молча ѣдетъ впереди.

- «Пъвецъ угрюмый, что съ тобою?
- «Одинъ предъ боемъ ты унылъ,
- «Поникъ безстрашною главою,
- «Бразды и саблю опустилъ.
- «Уже ль, невольникъ праздной нъги,
- «Отраднъй сонъ твоихъ полей,
- «Чъмъ наши бурные набъги
- «И ночью бранный стукъ мечей?
- «Стезя войны пускай опасна,
- «Завиденть сордый нашть удталь.
- «Тебъ ли въ полъ смерть ужасна?
- «Но ты средь боевть не бледитьль:
- «Тебя мы зръли подъ мечами
- «Съ спокойнымъ дерзостнымъ челомъ,
- «Всегда межъ первыми рядами,
- «Все тамъ, гдт падалъ первый громъ.
- «Съ побъднымъ съединяясь кликомъ,
- «Твой голосъ наши битвы пълъ,
- «А нынъ ты, въ уныньи дикомъ,
- «Какъ робкій ратникъ онъмълъ.»

Но медленно пъвецъ печальный Главу и взоры приподнялъ, Взглянулъ угрюмо въ сумракъ дальный И вздохомъ грудь поколебалъ.

- «Глубокій сонъ въ долинъ бранной;
- «Одни мы мчимся въ тьмъ ночной;
- «Готовъ, готовъ ударъ желанный;
- «Предчувствую послъдній бой.
- «Зоветъ меня конецъ желанный;
- «Мы грозно рипемся въ огонь;
- «Ударитъ часъ-и одинокой
- «Въ долину выбъжитъ мой конь!...
- «О вы! которые костями
- «Сей ночью ляжете со мной,
- «Скажите: милая слезами
- «Вашъ усладитъ ли сонъ нъмой?
- «Но я.... напрасно сердце дышетъ,
- «Настанетъ хладъ и тишина,
- «Эльвина скоро въсть услышитъ.
- «Онъ палъ!... и не вздохнетъ она.
- «А вы, хранимые судьбами
- «Для тихихъ жизненныхъ отрадъ,
- «Счастливцы!... Милыя слезами
- «Благословится вашъ возвратъ.
- «За чашей сладкаго спасенья,
- «О братья, вспомните пъвца,
- «Его любовь, его мученья
- «И славу грознаго конца!...»

Умолкъ, и мчится въ бой кровавый; Уже не возвратился онъ:

. . На полъ славы

Его покрыль безвъстный сонъ. И утромъ юнаго поэта Наъздники, въ веселый часъ, За чашей дружнаго привъта Въ послъдній вспомянули разъ.

X.

письмо въ в. л. пушкину.

Тебъ, о Несторъ Арзамаса, Въ бояхъ воспитанный Поэтъ, Опасный для пъвцовъ сосъдъ На страшной высотъ Парнасса, Защитникъ вкуса, грозный Вотъ! Тебъ, мой дядя, въ новый годъ Веселья прежняго желанье, И слабый сердца переводъ — Въ стихахъ и прозою посланье.

Въ письмъ Вашемъ вы назвали меня братомъ; но я не осмълился назвать васъ этимъ именемъ, слишкомъ для меня лестнымъ.

Я не совствить еще разсудовъ потерялъ
Отъ рифиъ бакхическихъ шатаясь на Пегасъ:
Я знаю самъ себя хоть радъ, хотя не радъ....
Нътъ, нътъ, вы мнъ совствить не братъ:
Вы дядя мнъ и на Парнассъ.

Итакъ любезнъйшій изъ всѣхъ дядей—Поэтовъ здѣшняго міра—можно ли мнѣ надѣяться, что вы простите девятимѣсячную беременность пера лѣнивѣйшаго изъ Поэтовъ—племянниковъ.

Да, каюсь я; конечно, передъ вами Совсѣмъ неправъ пустынникъ-рифмоплетъ: Онъ въ лѣности сравнится лишь съ богами; Онъ виноватъ и прозой и стихами, Но старов забудьте въ Новый годъ.

Кажется, что судьбою опредълены мнъ только два рода писемъ—объщательныя и извинительныя: первыя въ началъ годовой переписки, а послъднія при послъднемъ ея издыханіи. Къ тому же примътилъ я, что и вст они состоять изъ двухъ посланій; это мнъ кажется непростительно.

Но вы, которые умѣли
Простыми пѣснями свирѣли
Красавицъ нашихъ воспѣвать,
И съ гнѣвной музой Ювенала
Глухаго варварства начала
Сатирой грозной осмѣять,
И мучить блѣднаго Ослова
Священнымъ Феба языкомъ,
И лобъ угрюмый Шутовскова
Клеймить единственнымъ стихомъ!
О вы, которые умѣли
Любить, обѣдать и писать —
Скажите искренно — уже ли
Вы не умѣете прощать?

Напоминаю о себт моимъ незабвеннымъ; не имтю больше времени; но.... надобно ли еще объщать? Простите вы вст, которыхъ любитъ мое сердце, и которые любите еще меня.

Шолье Андреевичь конечно Меня забыль давнымъ давно; Но я люблю его сердечно, За то, что любить онъ безпечно И пъть и пить свое вино, И надъ всемірными глупцами Своими ръзвыми стихами Смъется, право, пресмъщно.

XI.

КЪ ПРИНЦУ ОРАНСКОМУ.

Довольно битвы мчался громъ, Тупился мечь окровавленный, И смерть погибельнымъ крыломъ Шумъла грозно надъ вселенной.

Свершилось.... подвигомъ царей Европы твердый миръ основанъ; Оковы свергнувшій злодъй Могущей бранью снова скованъ.

Узрѣлъ онъ въ пламени Москву — И былъ низверженъ ужасъ міра; Покрыла падшаго главу Благословеннаго порфира!

Повлекся, мглою окруженъ, Притекъ, и буйной вдругъ измѣной Ужъ воздвигалъ свой шаткой тронъ, И палъ, отторженъ отъ вселенной.

Утихло все. Не мчится громъ, Не блещетъ мечъ окровавленный! И брань погибельнымъ крыломъ Не мчится грозно надъ вселенной.

Хвала, о юноша - герой! Съ героемъ дивнымъ Албіона Онъ върныхъ велъ въ послъдній бой И мстилъ за лиліи Бурбона.

Предъ нимъ мятежныхъ громъ гремълъ, Текли во слъдъ щиты кровавы; Грозой онъ въ бранной мглъ летълъ И разливалъ блистанье славы!

Его текла младая кровь, На немъ сіяетъ язва чести. Вънчай, вънчай его любовь! Достойный былъ онъ воинъ мести!

XII.

желаніе.

Медлительно влекутся дни мои,
И каждый мигь въ увядшемъ сердцъ множитъ
Всъ горести несчастливой любви
И тяжкое безуміе тревожить.
Но я молчу; неслышенъ ропотъ мой.
Я слезы лью.... мнъ слевы утъшенье.
Моя душа, объятая тоской,
Въ нихъ горькое находитъ наслажденье.
О жизни сонъ, лети, не жаль тебя!

Исчезни въ тъмъ пустое привидънье! Мнъ дорого любви моей мученье, Пускай умру, но пусть умру — любя!

XIII.

OCEHHEE TTPO.

Поднялся шумъ, свирълью полевой Оглашено мое уединенье, И съ образомъ любовницы драгой Последнее слетело сновиденье. Съ небесъ уже скатилась ночи тънь, Взошла заря, сіяетъ блъдный день, А вкругъ меня глухое запустънье.... Ужъ нътъ ея.... Я былъ у береговъ, Гдъ милая ходила въ вечеръ ясный; На берегу, на зелени луговъ Я не нашелъ чуть видимыхъ слъдовъ, Оставленныхъ ногой ея прекрасной. Задумчиво бродя въ глуши лъсовъ, Произносилъ я имя несравненной, Я звалъ ее — и гласъ уединенной Пустыхъ долинъ позвалъ ее въ дали. Къ ручью пришелъ, мечтами привлеченной; Его струи медлительно текли: Не трецеталь въ нихъ образъ незабвенной. Ужъ нътъ ея!... До сладостной весны Простился я съ блаженствомъ и съ душою; Ужъ осени холодною рукою Главы березъ и липъ обнажены.

Она шумить въ дубравахъ опустълыхъ:
Тамъ день и ночь кружится желтый листъ,
Стоитъ туманъ на волнахъ охладълыхъ
И слышится мгновенный вътра свистъ.
Поля, холмы, знакомыя дубравы!
Хранители священной тишины!
Свидътели безпечныя забавы!
Забыты вы.... до сладостной весны!

XIV.

Счастливъ, кто въ страсти самъ себъ Безъ ужаса признаться смъетъ, Кого въ невъдомой судьбъ Надежда робкая лелъетъ. Кому луны туманный лучъ Въ полночи свътитъ сладострастно, Кому тихонько върный ключь Во тьмъ отворитъ дверь прекрасной!

Но мнъ, въ унылой жизни, нътъ Отрады тайныхъ наслажденій. Увялъ надежды ранній цвътъ; Цвътъ жизни сохнетъ отъ мученій; Печально младость улетитъ; Услышу старости угрозы; Но я, любовью позабытъ, Моей любви забуду ль слезы?

$\mathbf{X}\mathbf{V}$

0 K H O.

Гдъ міръ, одной мечтъ послушный? Мнъ настоящій опустыль! На все взираю равнодушно; Дышать уныньемъ мой удълъ. Напрасно лътнею порою Любовникъ рощицъ и луговъ Колышетъ розой полевою, Летя съ тънистыхъ береговъ; Напрасно поздняя зарница Мерцаетъ въ темнотъ ночной, Иль въ зыбкихъ облакахъ денница Разлита пламенной ръкой, Иль день багряный вечеръетъ И тихо тускнетъ небосводъ, И кленъ на мъсяцъ бълъетъ, Склонясь на берегъ синихъ водъ!...

Недавно темною порою,
Когда пустынная луна
Текла туманною стезею.
Я видълъ: дъва у окна
Одна задумчиво сидъла.
Дышала въ тайномъ страхъ грудь,
Она съ волненіемъ глядъла
На темный подъ колмами путь.
Я здъсь! шепнули торопливо;
И дъва трепетной рукои
Окно открыла боязливо.
Луна покрылась темнотой....

Счастливецъ! молвилъ я съ тоскою, Тебя веселье ждетъ одно; Когда жъ вечернею порою И мнъ откроется окно?

XVI.

мъсяцъ.

Зачъмъ изъ облака выходишь. Уединсиная луна, И на подушки сквозь окна Сіянье тусклое наводишь? Явленьемъ пасмурнымъ своимъ Ты будишь грустныя мечтанья, Любви напрасныя страданья И гордымъ разумомъ моимъ Чуть усыпленныя желанья. Летите прочь, воспоминанья! Засни, несчастная любовь! Ужъ не бывать той ночи вновь, Когда спокойное сіянье Твоихъ таинственныхъ лучей Сквозь темный ясень проницало И блѣдно, блѣдно озаряло Красу любовницы моей. _Почто, минуты, вы летѣли Тогда столь быстрой чередой, И тени легкія редели Предъ неожиданной зарей? Зачъмъ ты мъсяцъ укатился И въ небъ свътломъ утонулъ?

Зачъмъ лучъ утренній блеснулъ? Зачъмъ и съ милою простился?...

XVII.

Опять я вашъ, о юные друзья! Туманные сокрымись дни разлуки, И брату вновь простерлись ваши руки, Вашъ ръзвый кругъ увидълъ снова я! Все тъ же вы, но сердце ужъ не то же: Уже не вы ему всего дороже, Ужъ я не тогъ.... Невидимой стезей Ушла пора веселости безпечной, Ушла на въкъ, и жизни скоротечной Лучъ утренній бладнаеть надо мной; Веселіе расталося съ душой. Отверженный судбиною ревнивой, Улыбку, смъхъ, и ръзвость и покой, Я все забылъ: печали молчаливой Покровъ лежитъ надъ юною главой. Напрасно вы, бестдою шутливой И нъжностью души красноръчивой. Мой тяжкій сонъ хотите перервать! Все кончилось — и ръзвости счастливой Въ душъ моей изгладилась печать. Чтобъ удалить угрюмыя страданья, Напрасно вы несете лиру мнъ: Минувшихъ дней погаснули мечтанья, И умеръ гласъ въ безчувственной струнъ. Все кончилось, одну печаль я вижу: Мнъ страшенъ міръ, мнъ скученъ дневный свътъ; Пойду въ лъса, въ которыхъ жизни нътъ, Гдъ мертвый мракъ: я радость ненавижу; Во тъмъ застылъ ся минутный слъдъ. Опали вы, листы вчерашней розы, Не доцвъли до мъсячныхъ лучей! Умчались вы, дни радости моей! Умчались вы—невольно льются слезы, И вяну я на темномъ утръ дней. О дружество, предай меня забвенью! Въ безмолвіи, покорствуя судьбамъ, Оставь меня сердечному мученью, Оставь меня пустынямъ и слезамъ!

XVIII.

Любовь одна веселье жизни хладной!
Любовь одна мученіе сердецъ!
Она дарить одинь лишь мигь отрадный,
А горестямъ не видънъ и конецъ.
Стократь блаженъ, кто въ юности прелестной
Сей быстрый мигь поймаетъ на лету;
Кто къ радостямъ и нъгъ неизвъстной
Стыдливую преклонитъ красоту!

Но кто любви не жертвоваль собою?
Вы, чувствами свободные, птвцы!
Предъ милыми смирялись вы душою,
Вы птвли страсть — и гордою рукою
Красавицамъ несли свои втянцы.
Слъпой Амуръ, жестокій и пристрастный,
Вамъ тернія и мирты раздавалъ;
Съ Пермесскими царицами согласный,
т. п.

Инымъ изъ васъ на радость указалъ; Другихъ на въкъ печалями связалъ, И въ даръ послалъ огонь любви несчастной.

Наследники Тибулла и Парни!
Вы знаете безценной жизни сладость,
Какъ утра лучъ, сілютъ ваши дни.
Певцы любви, младую пойте радость!
Склонивъ уста къ пылающимъ устамъ,
Въ объятіяхъ любовницъ умирайте;
Стихи любви, тихонько воздыхайте!....
Завидовать уже не смею вамъ.

Пъвцы любви, вы въдали печали!
И ваши дни по терніямъ текли;
Вы свой конецъ съ волненьемъ призывали;
Пришелъ конецъ, и въ жизненной дали
Не зръли вы минутную забаву;
Но, не нашедъ блаженства вашихъ дней,
Вы встрътили по крайней мъръ славу —
И мукою безсмертны вы своей!

Не тотъ удълъ судьбою мит назначенъ:
Подъ сумрачнымъ навъсомъ облаковъ,
Въ глуши долинъ, въ печальной тьмъ лъсовъ,
Одинъ, одинъ брожу унылъ и мраченъ.
Въ вечерній часъ, надъ озеромъ съдымъ,
Въ тоскъ, слезахъ, неръдко я стенаю;
Но ропотъ волнъ стенаніямъ моимъ
И шумъ дубравъ въ отвътъ лишь я внимаю.

Прервется ли души холодной сонъ,
Поэзіи зажжется ль упоенье?
Родится жаръ, и тихо стынетъ онъ:
Безплодное проходитъ вдохновенье.
Пускай она прославится другимъ;
Одинъ люблю — онъ любитъ и любимъ!...
Люблю, люблю!... По къ ней ужъ не коснется

Страдальца гласъ; она не улыбнется Его стихамъ небрежнымъ и простымъ. Къ чему мнѣ пѣть? Подъ кленомъ полевымъ Оставилъ я пустынному зефиру Ужъ навсегда покинутую лиру — И слабый даръ, какъ легкій скрылся дымъ.

XIX.

РАЗЛУКА.

Когда пробиль последній счастью чась, Когда въ слезахъ надъ бездной я проснулся И, трепетный, уже въ последній разъ Къ рукъ твоей устами прикоснулся — Ла, помню все! Я сердцемъ ужаснулся, Но заглушаль несносную печаль; Я говорилъ: «не въчная разлука Всъ радости уноситъ нынъ вдаль. Забудемся! Въ мечтахъ потонетъ мука. Уныніе, губительная скука, Π устынника пріютъ не пос \pm тятъ; Мою печаль усладой Муза встрътитъ. Утещусь я, и дружбы тихій взглядъ Aуши моей холодной мракъ осв \pm титъ». Какъ мало я любовь и сердце зналъ? Часы идуть, за ними дни проходять, Но горестямъ отрады не приводятъ И не несутъ забвенія фіалъ. О милая, повсюду ты со мною! Но я уныль и въ тайнъ я грущу. Блеснетъ ли день за синею горою,

Взойдеть ли ночь съ осеннею дуною — Я все тебя, прелестной другъ, ищу. Засну ли я — лишь о тебъ мечтаю, Одну тебя въ невърномъ вижу снъ; Задумаюсь — невольно призываю, Заслушаюсь — твой голосъ слышенъ мнъ. Разстянный сижу между друзьями, Невнятенъ мнъ ихъ шумный разговоръ; Гляжу на нихъ недвижными глазами, Не узнаетъ ужъ ихъ мой хладный взоръ! И ты со мной, о лира, пріуныла, Наперсница души моей больной! Твоей струны печаленъ звонъ глухой И лишь любви ты голосъ не забыла... О върная, грусти, грусти со мной! Пускай твои небрежные напъвы Изобразять уныніе мое, И слушая бряцаніе твое, Пускай вздохнутъ задумчивыя дъвы.

XX.

УНЫНІВ.

Мой милый другъ разстался я съ тобою, Душой уснувъ безмолвно я грущу. Блеснетъ ли день за синею горою, Взойдетъ ли ночь съ осеннею луною, Я все тебя далекій другъ ищу; Одну тебя вездъ воспоминаю, Одну тебя въ невърномъ вижу снъ, Задумаюсь — невольно призываю, Заслушаюсь — твой голосъ слышенъ мнъ.

И ты со мной, о лира, пріуныла, Наперсница души моей больной! Твоей струны печаленъ звонъ глухой О върная, грусти, грусти со мной! Пускай твои пебрежные напъвы Изобразятъ уныніе любви, И слушая бряцанія твои Пускай вздохнутъ задумчивыя дъвы!

XXI

подражание.

Я видълъ смерть; она сидъла У тихаго порога моего.

XXII.

Я Лилу слушаль у клавира: Ея прелестный, томный глась Волшебной грустью нъжить нась, Какъ ночью въянье зефира. Упали слезы изъ очей, И я сказаль пъвицъ милой: «Волшебенъ голосъ твой унылой; Но слово милыя моей Волшебнъй пъсенъ, пътыхъ Лилой».

XXIII.

друзьямъ.

Къ чему, веселые друзья, Мое тревожитъ васъ молчанье? Запъвъ послъднее прощанье, Ужъ Муза смолкнула моя. Напрасно лиру взялъ я въ руки Бряцать веселье на пирахъ, И на ослабленныхъ струнахъ Искаль потерянные звуки. Богами вамъ еще даны Златые дни, златыя ночи, И на любовь устремлены Огнемъ исполненныя очи! Играйте, пойте, о друзья! Утратьте вечеръ скоротечной: И вашей радости безпечной Сквозь слезы улыбнуся я.

XXIV.

друзьямъ.

Богами вамъ еще даны Златые дни, златыя ночи, И томныхъ дъвъ устремлены На васъ внимательныя очи. Играйте, пойте, о друзья! Утратьте вечеръ скоротечной: И вашей радости безпечной Сквозь слезы улыбнуся я.

XXV.

C H J.

Знакомецъ милый и старинный, О сонъ, хранитель добрый мой! Гдъ ты? Подъ кровлею пустынной Мнъ ложе стелетъ ужъ покой Въ безмолвной тишинъ ночной. Приди, задуй мою лампаду, Мои мечты благослови, До утра только дай отраду Моей мучительной любви! Сокрой отъ памяти унылой Разлуки грустной приговоръ; Пускай увижу милый взоръ, Пускай услышу голосъ милый.

Когда жъ умчится ночи мгла, И ты мои покинешь очи, О, если бы душа могла Забыть любовь до новой ночи!

IVXX.

въ морфею.

Морфей, до утра дай отраду Моей мучительной любви! Приди, задуй мою лампаду, Мои мечты благослови! Сокрой отъ памяти унылой Разлуки страшный приговоръ! Пускай увижу милый взоръ, Пускай услышу голосъ милой. Когда жъ умчится ночи мгла И ты мои покинешь очи, О, если бы душа могла Забыть любовь до новой ночи!

XXVII.

пробуждение.

Мечты, мечты! Гдв ваша сладость? Гдв ты, гдв ты, Ночная радость?

Исчезнулъ онъ, Веселый сонъ, И одинокой Во тьмъ глубокой Я пробужденъ. Кругомъ постели Нъмая ночь. Вмигъ охладъли, Вмигъ удетъли деодп оюпкоТ Любви мечтанья. Еще полна Душа желанья И ловить сна Воспоминанья. Любовь, любовь, Внемли моленья: Пошли миж вновь Свои виденья, И поутру, Вновь упоенный, Пускай умру Непробужденный.

XXVIII.

Ш * * * ВУ.

Шалунъ, увънчанный Эратой и Венерой, Ты ль узника манишь въ владънія свои, Въ помъстье мирное межъ Пиндомъ и Цигерой, Гдъ нъжился Тибуллъ, Мълецкій и Парни? Тебъ, балованный питомецъ Аполлона, Съ ихъ лирой соглашать игривую свиръль: Веселье ръзвое и нимфы Геликона Твою счастливую качали колыбель.

Друзей любить открытою душою, Въ молчаньи чувствовать, плъняться красотою: Вотъ жребій мой; ему я слъдовать готовъ.

Но, милый, сжалься надо мною, Не требуй отъ меня стиховъ! Не въчно нъжиться въ пріятномъ ослъпленьи: Докучной истины я поздній вижу свътъ. По добротъ души я върилъ въ упоеньи

Мечть, шепнувшей: ты поэть, И, презря мудрые угрозы и совтты, Съ небрежной леностью нанизываль куплеты, Игрушкою себя невинной веселилъ; Угодникъ Бахуса, я, трезвый, межъ друзьями, Бывало, пелъ вино водяными стихами; Мечтательныхъ Доридъ и славилъ и бранилъ, Иль дружбъ плелъ вънокъ: и дружество зъвало II сонные стихи въ просонкахъ величало. Но долго ли меня лелвилъ Аполлонъ? Душт наскучили Парнасскія забавы; Не долго снились мнъ мечтанья музъ и славы: И, строгимъ опытомъ невольно пробужденъ, Уснувъ межъ розами, на тернахъ я проснулся, Увидълъ, что еще не генія печать Охота смертная на рифмахъ лепетать, Сравнивъ стихи твои съ моими, улыбнулся:

XXIX.

АМУРЪ И ГИМЕНЕЙ.

Сегодня, добрые мужья, Повеселю васъ новой сказкой. Знавали ль вы, мои друзья, Слъпаго мальчика съ повязкой? Слъпаго?... Вотъ? Помилуй, Фебъ! Амуръ совсъмъ, друзья, не слъпъ: Но шалуну пришла жъ охота, Чтобъ, людямъ на смъхъ и на зло, Его безуміе вело. Безуміе ведеть Эрота; Но вдругъ, не знаю почему, Оно наскучило ему. Взялся за новую затъю: Повязку съ милыхъ снавъ очей, Идетъ проказникъ къ Гименею... А что такое Гименей? Онъ сынъ Вулкана молчаливый, Холодный, дряхлый и ленивый, Ворчитъ и дремлетъ цълый въкъ, А впрочемъ добрый человъкъ, Да нравъ имъетъ онъ ревнивый. Отъ ревности печальный богъ Спокойно подремать не могъ; Все трусилъ маленькаго брата, За нимъ подсматривалъ тайкомъ, И караулилъ супостата Съ своимъ докучнымъ фонаремъ.

Вотъ мальчикъ мой къ нему подходитъ И ръчь коварную заводить: «Развеселися, Гименей! «Ну, помиримся, будь умнъй! «Забудь, товарищъ мой любезный, «Раздоръ смъшной и безполезный! «Ла только навсегда, смотри! «Возьми жъ повязку въ память, милый, «А мнъ фонарь свой подари!» И что жъ? Повърилъ богъ унылый. Амуръ отъ радости прыгнулъ, И на глаза со всей онъ силы Обнову брату затянулъ. Гимена скучные дозоры Съ техъ поръ пресеклись по ночамъ; Его завистливые взоры Теперь не страшны красотамъ; Спокоенъ онъ, но братъ коварный, Шутя надъ честью и надъ нимъ, Войну ведетъ неблагодарный Съ своимъ союзникомъ слепымъ. Лишь сонъ на смертныхъ налетаетъ, Амуръ въ молчаніи ночномъ Фонарь жобовнику вручаеть, И самъ счастливца провожаетъ Къ уснувшему супругу въ домъ; Самъ отъ безпечнаго Гимена Онъ охраняетъ тайну дверь... Пойми меня, мой другъ Елена, И мудрой повъсти повърь!

XXX.

ПВВЕЦЪ.

Слыхали ль вы за рощей гласъ ночной Пъвца любви, пъвца своей печали? Когда поля въ часъ утренній молчали, Свиръли звукъ унылый и простой Слыхали ль вы?

Встръчали ль вы въ пустынной тьмъ лъсной Пъвца любви, пъвца своей печали? Слъды ли слезъ, улыбку ль замъчали, Иль тихій взоръ, исполненный тоской, Встръчали вы?

Вадохнули ль вы внимая тихій гласъ Пъвца любви, пъвца своей печали? Когда въ лъсахъ вы юношу видали, Встръчая взоръ его потухшихъ глазъ, Вздохнули ль вы?

RIHAP&MUII

КЪ СТИХОТВОРЕНІЯМЪ ПУШКИНА

1816 года.

І. Это посланіе, впервые появляющееся на свыть, составляеть какъ бы продолжение посланія: Къ Дельвигу 1815 г. (Послутай Музъ невинныхъ). Въроятно оно къ Дельвигу же и написано. Мы указываемъ на него опять какъ на біографическій матеріаль. Взглядь автора на свое дарованіе, обычныя, любимыя его чтенія, образцы, взятыя имъ для себя и наконецъ участіе Дельвига въ его поэтическомъ образованіи-выражаются очень ясно. Въ рукописи оно носить помътку: «переписано 10-го марта 1817», но мы имъемъ одинъ только черновой оригиналь, до того перемаранный въ некоторыхъ мъстахъ, что нъсколько стиховъ мы принуждены были выпустить, не желая добавлять или исправлять ихъ. По той же причинъ не придагаемъ и другаго посланія Пушкина: Къ Ю*, изъ котораго мы уже взяли описаніе деревни Захарова для біографическихъ матеріаловъ нашихъ и въ которомъ можно еще разобрать следующее место за темъ вполне:

> Туда зарею поспѣшаю Съ смиреннымъ заступомъ въ рукахъ, Въ лѣсахъ тропинку извиваю, Тюльпанъ и розу поливаю

И щастливъ въ утреннихъ трудахъ! Вотъ завсь подъ дубомъ наплоненномъ, Съ Гораціемъ и Лафонтеномъ Въ пріятныхъ погружень мечтахъ. Вблизи ручей шумить и скачеть И мчится въ влажныхъ берегахъ, И светлый токъ съ досадой прячетъ Въ сосъднихъ рощахъ и лугахъ. Но воть ужь полдень. Въ свътлой залъ Весельемъ круглый столь накрыть, Хльбъ-соль на чистомъ попрываль. Аымятся ти, вино въ бокалъ И щука въ скатерти лежитъ. Сосваи шумною толиою Взошли, прервали тишину. Садятся: чашъ внимаемъ звону-Всь хвалять Вакха и Помону — И съ ними красную весну.

Все это наивно какъ ученическая мечта, но какая то существенность и ясность проявляются даже въ раннихъ мечтахъ ученика. Вотъ еще мъсто изъ посланія:

Вотъ мой каминъ; подъ вечеръ темной Осенней бурною порой, Люблю, подъ свнію укромной, Предъ нимъ задумчиво мечтать, Волтера, Виланда читать, Пли, въ минуту вдохновенья, Небрежно стансы намарать И жечь потомъ свои творенья.... Вотъ здъсь... но быстро привидънья, Родясь въ волшебномъ фонарѣ, На быломъ полотны мелькають: Мечты находять, изчезають, Какъ тень на утренней заре.... Я слышу топотъ, слышу ржанье; Блеснувъ узорнымъ чепракомъ, Въ блестящемъ ментика сіяньи, Гусаръ промчался подъ окномъ....

И гдѣ вы мирныя картины
Прелестной сельской простоты?
Среди воинственной лолипы
Ношусь на крыльяхъ я мечты....
Огни во станѣ догараютъ;
Межъ нихъ окутанный плащомъ,
Съ сѣдымъ, усатымъ казакомъ
Лежу... вдали штыки сверкаютъ...

Далье картина стана и битвы спутывается и чтеніе дылается невозможнымъ. — Какъ здъсь, такъ и въ пьесь: «Моему Аристарху» сохранено тогдашнее правописаніе Пушкина, которое отчасти сохранилось и въ поздныйшихъ его произведеніяхъ.

- 11. Стихотвореніе это было напечатано въ журналь: Съверный Наблюдатель 1817 г. № 23, изданія Гг. Корсакова и Затоскина, съ подписью: А. Пушкинъ, и пропущено всёми изданіями его сочиненій. Журналь Съверный Наблюдатель быль вмёсть съ Въстпикомъ Европы 1814 г. и Россійскимъ Музеумомъ 1815 г. первымъ воспріемникомъ музы Пушкина, но въ немъ, какъ и въ двухъ послёднихъ, есть стихотворенія, помѣщенныя безъ въдома автора. Къ числу такихъ принадлежитъ и эта пьеса, вссьма слабая по сочиненію и стихамъ. Въ рукописи надъ нею помѣчено «не надо» Въ нашей редагціи нъсколько стиховъ выпущено.
- III Другая пьеса, впервые напечатавная въ журналѣ Сѣверный Наблюдатель 1817 г. № 11-й, съ подписью: А. Пушкинъ и перешедшая оттуда въ посмертное изданіе. Вообще въ этомъ журналѣ было приложено пять лицейскихъ стихотвореній нашего автора.
- IV. Это третья пьеса, пом'вщенная впервые въ Памятник'в Отечественныхъ Музъ на 1827 г. и также перешедшая оттуда прямо въ посмертное изданіе. Въ альманахѣ, вмѣстѣ съ подписью автора, находится отмѣтка: 1816.
 - V. Четвертая пьеса изъ альманаха Памятникъ Отечественныхъ Музъ на 1827 г. перешедшая въ посмертное изданіе. Здѣсь и тамъ она помѣчена 1818 г., но въ тетради М. А. К. съ большей вѣрностью обозначена 1816 г. Это переводъ или лучше вольное подражаніе стихотворенію Парви: Les déguisements de Vénus. Пушкинъ, какъ уже мы знаемъ, отказывался и отъ этого произведенія, но оно не могло бы попасть безъ достаточной

причины въ тетрадь М. А. К., составленную по свъжимъ воспоминаніямъ. Между прочимъ, въ альманахѣ она напечатана съ такими пропусками, повторенными и посмертнымъ изданіямъ, что во многихъ мѣстахъ затемненъ самый смыслъ пьесы.

- VI Впервые дана посмертнымъ изданіемъ.
- VII. Какъ и предшествующая пьеса, Фіалъ Анакреона данъ былъ посмертнымъ изданіемъ и принадлежитъ къ незначительнымъ Французскимъ подражаніямъ. Въ немъ замѣчательно одно. Это первое стихотвореніе, написанное бѣлыми стихами, которыхъ Пушкинъ довольно долго не признавалъ за стихи. На обѣихъ пьесахъ отмѣтка рукописи : не надо.
- VIII. Эта длинная похвала сну, написанная чуть ли не по поводу Дельвига, напечатана впервые посмертнымъ изданіемъ. Въ ней есть, однакожъ, поэтическое воспоминаніе о нянѣ Аринѣ. Родіоновнѣ и ея разсказахъ, занимавшихъ дѣтство Пушкина. Вообще, однакожъ, пьеса имѣетъ мало соотношеній съ авторомъ, въ натурѣ котораго не было и признаковъ расположенія къ дѣни и бездѣйствію.
 - 1X. Подражаніе Батюткову, тоже впервые данное посмертнымъ изданіемъ. Всё эти пьесы помёчены въ рукописяхъ 1816 г. и всё онё имёютъ недовершенныя поправки. Такъ и въ этой пьесё странный стихъ: «Усами гордо тевелятъ», Пушкинъ замёнилъ другимъ, но тоже неправильнымъ стихомъ: «Коней ласкаютъ и смирятъ». Между прочимъ послёднихъ восьми стиховъ въ рукописи совсёмъ нётъ.

Уже по составленіи этого примѣчанія, мы нашли пьесу въ тетради, съ которой печатались стихотворенія Пушкина 1826 г., но уже въ исправленномъ видѣ. Тамъ она названа: «Наѣздники» и отнесена къ 1815 г. (вѣроятно по времени первой мысли объ ней). Поправка, указанная нами, внесена въ текстъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, не только восьми послѣднихъ стиховъ въ ней нѣтъ, но и 16 первыхъ уничтожены, и пьеса начинается со стиха: «Ужъ полемъ воины летятъ», который, между прочимъ, читается: «Ужъ полемъ всадники спѣшатъ». За тѣмъ двухъ четверостишій въ серединѣ пьесы тоже нѣтъ, именно: а) отъ стиха: «Стезя войны пускай опасна», b) отъ стиха: «Съ побѣднымъ съединяясь кликомъ». Другіе читаются совсѣмъ иначе. Такъ вмѣсто: «Зоветъ меня конецъ желанный», стихъ, имѣющій въ

посмертвомъ изданіи рифму тоже на желанный (Готовъ, готовъ ударъ желанный), лолжно читать:

« Расторгну цёнь судьбы жестокой, Влечу я съ братьями въ огонь; Ударъ падетъ ... и одинокой Въ долину выбёжитъ мой конь».

Такъ еще вивсто стиха: «А вы, хранимые сульбами» воть что должно читать:

«О вы, хранимые сульбами Для сладостных любви наградъ! Любви безпёнными слезами Благословится вашъ возвратъ. Въ минуты сладкаго спасенья, О други, вспомните пёвца!»

- X. Стихотвореніе это, въ томъ видѣ какъ здѣсь прилагается, напечатано было въ Сывѣ Отечества 1821 г. № XI, за подписью. А. Пушкинъ. Въ посмертномъ ізданіи изъ него помѣщенъ одинъ отрывокъ: «Я не совсѣмъ еще разсудокъ потерялъ» всего 5 стиховъ и притомъ съ произвольнымъ заглавіемъ: «Дядѣ, назвавшему сочинителя братомъ» Фраза:
 «грозный Вото!» поясняется, какъ уже замѣтили мы въ матеріалахъ для біографіи тѣмъ, что въ обществѣ Арзамаса Василій
 Львовичъ имѣлъ односложное прозваніе: Вото!
- XI. Стихотвореніе, напечатанное впервые посмертнымъ изданіемъ. Пушкинъ удостоился получить за него подарокъ — золотые часы съ ціпочкой, отъ Государыни Императрицы Маріи Оеодоровны, Августійшему вниманію которой оно было поднесено.

Отсюда прилагаемъ — 10 элегій Пушкина, порожденныхъ чувствомъ юношеской привяванности, появившейся у него нѣсколько ранѣе этой эпохи. Первая изъ нихъ «Желаніе» напечатана была сначала въ Памятникѣ Отечественныхъ Музъ на 1827 г. и оттуда перешла въ посмертное изданіе. Семь за ней слѣдующихъ даны самимъ посмертнымъ изданіемъ и наконецъ двѣ только теперь являются на свѣтъ. Въ отношеніи элегій посмертнаго изданія мы представляемъ примѣры невѣрности ихъ редакціи, порожденныя грубыми списками, съ которыхъ оно печатало лицейскія стихотворенія. Справедливость требуетъ прибавить однакожъ, что другихъ оно и не

могло имъть. Можеть быть именно эта цъпь элегій и возбудила въ одномъ изъ товарищей и друвей Пушкина, сильныя нападки на элегическую его настроенность и выговоры за нихъ (см. Мнемозину 1824 г.). Намъ они кажутся, на оборотъ, первыми проявленіями самостоятельности въ Пушкинъ, первыми попытками къ выходу изъ Французскаго Анакреонтическаго направленія. Особенно замъчательны въ этомъ отношеніи первыя пять элегій.

- XII. Памятникъ Отечественныхъ Музъ на 1827 г.
- XIII. Посмертное изданіе.
- XIV. Посмертное изданіе. Въ рукописи стихотвореніе названо: Элегія и пом'ячено: «не надо».
 - XV. Посмертное изданіе. Кажется, что это прекрасное стихотвореніе составлено изъ двухъ различныхъ стихотвореній, сбитыхъ вмѣстѣ посмертнымъ изданіемъ. По крайнѣй мѣрѣ въ рукописи мы имѣемъ только вторую половину его со стиха: «Недавно темною порою», а первой совсѣмъ нѣтъ.
- XVI. Посмертное изданіе. Въ рукописи отм'ятка: «Надо». Въ тетради, изготовленной для печатанія стихотвореній Пушкина 1826 г. онъ изм'яниль самъ одинъ стихъ такъ: «Красу возлюбленной моей». Въ ней также н'ять четвероститія, д'яйствительно неум'ястнаго и попавшаго сюда чуть ли не изъ другой пьесы:

«Что вы восторги сладострастья, Предъ тайной прелестью отрадъ, Прямой любви, прямаго счастья? Примчатся ль радости назадъ?»

Мы его выпустили въ текстъ.

XVII. Посмертное изданіе. Стихъ: «Во тымь застыль ея минутный слёдь» должень, кажется, читаться: Во мию застыль...

XVIII. Посмертное изданіе.

XIX. Посмертное изданіе; — но тамъ не было заглавія, которое находится въ рукописи. Какъ эта, такъ и дев предшествующихъ пьесы напечатаны съ особенно грубыхъ списковъ, такъ что едва ли сохраняютъ и третью долю авторской мысли. Въ рукописяхъ они исполены помарокъ. Такъ второй стихъ Разлуки, ничего не выражающій: «Когда въ слезахъ надъ бездной я проснулся», Пушкинъ хотвлъ замънить болье опредвленнымъ: «Когда въ слезахъ съ тобой я разставался». Такъ еще зачеркнулъ

онъ всѣ 17 стиховъ, слѣдующихъ за нимъ, но не возстановилъ ихъ въ другомъ видѣ. По счастливому случаю, мы нашли это стихотвореніе, уже исправленнымъ окончательно самимъ авторомъ. Это совсѣмъ другая пьеса. Она находилась въ тетради, съ которой печатались стихотворенія Пушкина 1826 г., и не смотря на новый видъ, ей данный, еще зачеркнута тамърукою самого поэта. Прилагаемъ эту передѣлку; сличеніе тутъ и любопытно и поучительно. Пьеса уже называется: Унывіе.

XX.

- XXI. Это неизданное стихотвореніе съ загадочнымъ оглавленіемъ: «Подражаніе» найдено также въ тетради стихотвореній Пушкина, приготовленной для изданія 1826 г. и также зачеркнуто въ ней самимъ авторомъ, но въ рукописяхъ его, оно носитъ заглавіе: Элегія и имъетъ еще 14 окончательныхъ стиховъ, которые напоминаютъ отчасти пьесу Парни: Oui, sans regret du flambeau de mes jours etc. Этой пьесой кончаются Элегіи Пушкина 1816 г. въ которыхъ, не смотря на подражаніе элегіямъ Батюшкова, слышится уже присутствіе самобытнаго таланта.
- XXII. Посмертное изданіе. Въ рукописи отмѣтка: «не надо» и заглавіе: Слово милой.
- XXIII. Стихотвореніе, данное посмертным изданіемь, но это только первый, не совершенный еще очеркь маленькой пьесы, слідующей за нимь и слідавшейся, послів переділки, одной изь изящнійшихь пьесь Пушкина. Такь хотіль онь поступить и съ другими лицейскими своими произведеніями.
- XXIV. Иьеса, уже напечатанная въ изданіяхъ стихотвореній 1826 и 1829 годовъ.
- ХХV. Второй образецъ мастерской передълки. Посмертное изданіе напечатало пьесу въ двухъ разныхъ мъстахъ и безъ всякаго поясненія; но это одно и тоже стихотвореніе, только въ двухъ видахъ: грубомъ, первоначальномъ и второмъ измѣненномъ и усовершенствованномъ. Прилагаемъ обѣ пьесы вмѣстѣ для сличенія.
- XXVI. Переділка эта уже напечатана была въ Полярной Звізді 1824 г. и оттуда перешла прямо въ посмертное изданіе. Послі нея идуть у насъ четыре пьесы, выбранныя Пушкинымъ изъ пьесъ 1816 г. для перваго изданія своихъ стихотвореній

въ 1826 году; всего же удостоились выбора тогда пять пьесъ этой эпохи.

XXVII. Впервые напечатано въ журналѣ Сѣверный Наблюдатель 1817 г. № 25 изд. Гг. Корсакова и Загоскина, съ подписью: А. Пушкинъ. При помѣщеніи пьесы въ собраніе своихъ стихотвореній 1826 г. авторъ, по обыкновенію, передѣлаль ее. Вотъ отрывокъ изъ текста журнала:

«Любовь, любовь! Пусть упоенный, Усну я вновь Обвороженный»

и проч.

- XXVIII. Посланіе Кн. Шаликову, замѣчательное признаніемъ, что авторъ славиль и браниль мечтательных Доридъ, трезвый пѣль вино и проч. Оно тоже передѣлано позднѣе для изданія 1826 г.: вотъ почему поэтъ и говоритъ о своихъ произведеніяхъ въ протедшемъ времени: «бывало».
- XXIX. Въ изданіи 1826 г. было прибавлено въ оглавленію: сказва ». замѣтка, отброшенная какъ изданіемъ 1829 г., такъ и посмертнымъ.
- XXX. Впервые напечатано въ журналѣ: Сѣверный Наблюдатель 1817 г. № 1-й, съ полной подписью имени и фамиліи автора. Одинъ только стихъ пьесы былъ измѣненъ въ изданіи 1826 г. Вмѣсто: «Прискорбную ль улыбку замѣчали» читаемъ: «Слѣды ли слезъ, улыбку ль замѣчали». За тѣмъ пьеса перепечатана была въ изданіи 1829 г. и въ посмертномъ изданіи. Въ промежутокъ, она еще разъ дана была публикѣ въ альманахѣ: Денница 1831 г., изданія Г-на Максимовича, и уже съ приложеніемъ музыки Г. Верстовскаго.

1817 r.

ı.

къ жуковскому.

Благослови, поэтъ! Въ тиши Парнасской съни, Я съ трепетомъ склонилъ предъ Музами колъни, Опасною тропой съ надеждой полетълъ, Мнъ жребій вынулъ Фебъ—и лира мой удълъ. Страшусь, неопытный, безславнаго паренья, Но пылкаго смирить не въ силахъ я влеченья. Не грозный приговоръ на гибель внемлю я: Сокрытаго въ въкахъ священный судія, * Стражъ върный прошлыхъ лѣтъ, наперсникъ Музъ любимый И блъдной зависти предметъ неколебимый, Привътливымъ меня вниманьемъ ободрилъ; И Дмитревъ слабый даръ съ улыбкой похвалилъ, И славный старецъ нашъ, Царей пъвецъ избранный, ** Крылатымъ Геніемъ и Граціей вънчанный, Въ слезахъ обнялъ меня дрожащею рукой

^{*} Карамзинъ.

^{**} Державинъ.

Куплетомъ раненъ онъ, низверженъ въ прахъ журналомъ. При свистахъ критики къ собратьямъ онъ бѣжитъ, И маковый вѣнецъ Өеспису ими свитъ. Всѣ, руку положивъ на томъ Тилимахиды, Клянутся отомстить сотрудниковъ обиды, Волнуясь, возстаютъ неистовой толпой. Бѣда, кто въ свѣтъ рожденъ съ чувствительной душой, Кто тайно могъ плѣнить красавицъ нѣжной лирой, Кто смѣло просвисталъ шутливою сатирой, Кто выражается правдивымъ языкомъ, И Русской глупости не хочетъ бить челомъ! Онъ врагъ отечества, онъ сѣятель разврата, И рѣчи сыплютея дождемъ на супостата.

И вы возстаньте же, Парнасскіе жрецы, Природой и трудомъ воспитанны пъвцы! Въ счастливой ереси и вкуса и ученья, Разите дерзостныхъ друзей непросвъщенья! Отмститель генія, другъ истины-поэтъ! Ліющая съ небесъ и жизнь и въчный свъть, Стрълою гибели десница Аполлона Сражаетъ наконецъ ужаснаго Пиоона. Смотрите! Пораженъ враждебными стрелами, Съ потухшимъ факеломъ, съ недвижными крылами, Къ вамъ Озерова дукъ взываетъ, други, месть! Вамъ оскорбленный вкусъ, вамъ знанья дали въсть. Летите на враговъ-и Фебъ и Музы съ вами! Разите варваровъ кровавыми стихами: Невъжество, смирясь, потупить хладный взоръ; Спъсивыхъ риторовъ безграмотный соборъ.... Но вижу, возвъщать намъ истины опасно: Ужъ Мевій на меня нахмурился ужасно И смертный приговоръ талантамъ возгремълъ. Гоненія терпъть уже ль и мой удъль? Что нужды? Смъло въ даль дорогою прямою:

Ученью руку давъ, поддержанный тобою, Ихъ злобы не страшусь; мнъ твердый Карамзинъ, Мнъ ты примъръ—что крикъ безумныхъ сихъ дружинъ? Пускай бесьдують отверженные Феба. Имъ прозы, ни стиховъ не посланъ даръ отъ неба; Ихъ слава имъ же стыдъ, творенья смъхъ уму — И въ тъмъ возникшие низвергнутся во тъму.

II.

въ дельвигу.

Блаженъ, кто съ юныхъ лѣтъ увидѣлъ предъ собою Извивы темные двухолмной высоты, Кто жизни въ тайный путь, съ невинною душою,

Пустился планникомъ мечты!
Наперснику боговъ безвастны бури злыя!
Надъ нимъ ихъ промыселъ: безмолвною порой
Его баюкаютъ Камены молодыя,
И съ перстомъ на устахъ хранятъ пъвца покой.
Стыдливой Граціи внимаетъ онъ совъты
И, чувствуя въ груди огонь еще младой,
Восторженный, поетъ на лиръ золотой:

О Дельвигъ, счастливы поэты!

Милой другъ, и я пъвецъ! И мой смиренный путь Въ цвътахъ украсила богиня пъснопънья,

> И мнъ въ младую боги грудь Вліяли пламень вдохновенья.

Въ младенчествъ моемъ я чувствовать умълъ;

Все жизнью вкругъ меня дышало, Все ръзвой умъ обворожало

И первую черту я быстро пролет**ыт.**Съ какою тихою красою
Минуты дътства протекли!

Хвала, о боги, вамъ! Вы мощною рукою Отъ ярыхъ грозъ мірскихъ невинность отвели.

Но все прошло — и скрымись въ темну даль Свобода, радость, восхищенье!
Другимъ и юность наслажденье:
Она мнъ — мрачная печаль!
Такъ рано встрътилъ я и зракъ кровавой И низкой клеветы сокрытый ядъ!
Нътъ, нътъ, ни счастіемъ, ни славой Не буду ослъпленъ. Пускай они манятъ
На край погибели любимцевъ обольщенныхъ!

Исчезъ священный жаръ,
Забвенью сладкихъ пъсней даръ,
И голосъ струнъ одушевленныхъ!
Во прахъ и лиру и вънецъ!
Пускай не будутъ знать, что нъкогда пъвецъ
Враждою, завистью на жертву обреченный,
Погибъ на утръ лътъ,
Какъ ранній на полянъ цвътъ,
Косой безвременно сраженный!

И тихо проживу въ безвъстной тишинъ, Потомство грозное не вспомнить обо мнъ — И гробъ несчастнаго, въ пустынъ мрачной, дикой, Забвенья поростетъ ползущей павиликой!

III.

ДЕЛЬВИГУ.

Аюбовью, дружествомъ и ленью Укрытый отъ заботъ и бедъ, Живи подъ ихъ надежной сенью; Въ уединеніи ты счастливъ: ты поэтъ. Наперснику боговъ нестрашны бури злыя: Надъ нимъ ихъ промыселъ высокій и святой; Его баюкаютъ Камены молодыя, И съ перстомъ на устахъ хранятъ его покой. О милый другъ, и мнъ богини пъснопънья, Еще въ младенческую грудь, Вліяли искру вдохновенья И тайный указали путь: Я мирныхъ звуковъ наслажденья Младенцемъ чувствовать умълъ, И лира стала мой удълъ; Но гдъ же вы, минуты упоенья, Неизъяснимый сердца жаръ, Одушевленный трудъ и слезы вдохновенья! Какъ дымъ исчезъ мой легкій даръ Какъ рано зависти привлекъ я взоръ кровавой И злобной клеветы невидимый кинжаль!

Нътъ, нътъ, ни счастіемъ, ни славой,
Пи гордой жаждою похвалъ
Не буду увлеченъ! Въ бездъйствіи счастливомъ,
Забуду милыхъ музъ, мучительницъ моихъ,
Но, можетъ быть, вздохну въ восторгъ молчаливомъ,
Внимая звуку струнъ твоихъ.

IV.

письмо къ лидв.

Лишь благосклонный мракъ раскинетъ Надъ нами тихій свой покровъ, И время къ полночи придвинетъ Стрълу медлительныхъ часовъ Въ счастливой тишинъ природы, Когда не спитъ одна любовь: Тогда моей темницъ вновь Покину и нъмые своды..... Летучихъ остальныхъ минутъ Мнъ слишкомъ тягостна потеря; Но скоро Аргусы заснутъ Замкамъ предательнымъ повъря, И и въ обители твоей!....

V.

УСЫ.

ФИЛОСОФИЧЕСКАЯ ОДА.

Глаза скосивъ на усъ кудрявый, Гусаръ, съ улыбкой величавой, На палецъ завитки моталъ; Мудрецъ съ обритой бородою, Качая тихо головою, Со вздохомъ усачу сказалъ:

Гусаръ! Все тлънно подъ луною: Какъ волны слъдомъ за волною, Проходятъ царства и въка. Скажи, гдъ стъны Вавилона? Гдъ драмы тощія Клеона? Умчала все временъ ръка.

За уши усъ твой закрученный, Виномъ и ромомъ окропленный, Гордится юной красотой, Не знаетъ бритвы, выписною Онъ въчно лоснится сурмою, Расправленъ гребнемъ и рукой.

Чтобы не смять уса лихова,
Ты къ ночи одою Хвостова
Его тихонько обвернешь,
Въ подушку носомъ лечь не смѣепь,
И въ крѣпкомъ снѣ его лелѣешь,
И утромъ вновь его завьешь.

На долгихъ ужинахъ веселыхъ, Въ кругу гусаровъ посъдълыхъ И черноусыхъ удальцовъ, Веселый гость, любовникъ пылкій, За чье здоровье бьешь бутылки? Коня, красавицъ и усовъ!

Сраженья страшный часъ настанетъ, Въ ряды ядро со трескомъ грянетъ, А ты, надъ ухарскимъ съдломъ, Разсудка, памяти не тратишь, Сперва кудрявый усъ ухватишь, А саблю върную потомъ.

Окованный волшебной силой, Наединъ съ красоткой милой, Ты маешься одной рукой; Въ восторгахъ нъги сладострастной, Блуждаешь по груди прекрасной, А грозный усъ крутишь другой.

Гордись, гусаръ! Но помни въчно, Что все на свътъ скоротечно: Летятъ губительны часы! Румяны щеки пожелтъютъ, И черны кудри посъдъютъ, И старость выщициетъ усы.

VI.

наслаждение.

Въ неволъ скучной увядаетъ Едва развитый жизни цвътъ, Украдкой младость отлетаетъ И слъдъ ея — печали слъдъ! Съ минутъ безчувственныхъ рожденья · До нъжныхъ юношества лътъ, Я все не знаю наслажденья, И счастья въ томномъ сердце нътъ! Съ порога жизни въ отдаленье Нетерпъливо я смотрълъ: Тамъ, тамъ, мечталъ я, наслажденье; Но я за призракомъ летълъ. Златыя крылья развивая Волшебной, нъжной красотой, Любовь явилась молодая И полетъла предо мной. Я мчался къ цѣли отдаленной, Но цели милой не достигь!.. Когда жъ, весельемъ окриленной, Настанеть счастья быстрый мигь?

Когда въ сіяньи возгорится Свътильникъ тусклый юныхъ дней, И мрачной путь мой озарится Улыбкой спутницы моей?

VII.

стансы.

(изъ вольтера).

Ты мнъ велишь пылать душою: Отдай же мнъ протекши дни; Съ моей вечернею зарею Мое ты утро съедини.

Мой въкъ невидимо проходитъ Изъ круга смъховъ и Харитъ; Ужъ время скрыться мнъ велитъ И за руку меня выводитъ.

Не дастъ оно пощады намъ: Кто примъняться не умъетъ Къ своимъ измънчивымъ годамъ, Тотъ ихъ несчастья лишь имъетъ.

> Счастливцамъ ръзвымъ, молодымъ Оставимъ страсти заблужденья; Живемъ мы въ міръ два мгновенья— Одно разсудку отдадимъ.

Вы, услаждавшія печали Минутной младости моей, Любовь, мечтанья первыхъ дней! Уже ль на въкъ вы убъжали? Намъ должно дважды умирать.

Проститься съ сладостнымъ мечтаньемъ:

Пока его за прегръщенья Не промънялъ я на шишакъ; Пока лънивому возможно, Не опасаясь грозныхъ бъдъ, Еще рукой неосторожной Въ іюлъ распахнуть жилетъ.

X.

Взглянувъ когда нибудь на тайный сей листокъ,
Исписанный когда-то мною,
На время улети въ Лицейскій уголокъ
Всесильной, сладостной мечтою.
Ты вспомни быстрыя минуты первыхъ дней,
Неволю мирную, шесть лѣтъ соединенья,
Печали, радости, мечты души твоей,
Размолвки дружества и сладость примиренья,
Что было и не будетъ вновь ...
И съ тихими тоски слезами
Ты вспомни первую любовь.

Мой другъ! Она прошла... но съ первыми друзьями Не резвою мечтой союзъ твой заключенъ; Предъ грознымъ временемъ, предъ грозными судьбами, О милый, въченъ онъ!

XI.

РАЗЛУКА.

Въ послъдній разъ, въ съни уединенья, Моимъ стихамъ внимаетъ нашъ пенатъ. Лицейской жизни милый братъ, Дълю съ тобой послъднія мгновенья. Прошли лѣта соединенья;
Разорванъ онъ, нашъ вѣрный кругъ.
Прости! Хранимый небомъ,
Не разлучайся, другъ,
Съ свободою и Фебомъ!
Узнай любовь, невѣдомую мнѣ,
Любовь надеждъ, восторговъ, упоенья;
И дни твои полетомъ сновидѣнья
Да пролетятъ въ счастливой тишинѣ!
Прости! Гдѣ бъ ни былъ я: въ огнѣ ли смертной битвы,
При мирныхъ ли брегахъ родимаго ручья,
Святому братству вѣренъ я.
И пусть (услышитъ ли судьба мои молитвы?)
Пусть будутъ счастливы всѣ, всѣ твои друзья!

XII.

ВЪ АЛЬБОМЪ А. Н. ЗУБОВУ.

Пройдетъ любовь, умрутъ желанья, Разлучитъ насъ холодный свътъ; Кто вспомнитъ тайныя свиданья Мечты, восторги прежнихъ лътъ? Позволь въ листкахъ воспоминанья Оставить имъ свой легкій слъдъ.

XIII.

BE3BBPIE.

О вы, которые съ язвительнымъ упрекомъ, Считая мрачное безвъріе порокомъ, Бъжите съ ужасомъ того, кто съ первыхъ лътъ Безумно погасилъ отрадный сердцу свътъ, Котораго вся жизнь есть мракъ и изступленье! Восплачьте вы о немъ, имъйте сожалънье! Взгляните на него — не тамъ, гдъ каждый день Тщеславіе на всъхъ наводить ложну тень, Но въ тишинъ семьи, подъ кровлею родною, Въ бесъдъ съ дружествомъ, иль съ темною мечтою — Взгляните: бродить онъ съ увядшею душой, Своей ужасною томимый пустотой; То горьки слезы льеть; то рабъ страстей, волненья Напрасно ищеть онъ унынью развлеченья. Напрасно, въ пышности свободной простоты, Природы передъ нимъ открыты красоты; Напрасно вкругъ себя печальный взоръ онъ водитъ: Умъ ищетъ божества, а сердце не находитъ. Настигнетъ ли его глухихъ судебъ ударъ; Отымется ли вдругъ минутный счастья даръ; Въ любви ли, въ дружествъ ль обниметь онъ измъну И невозвратную онъ имъ узнаетъ цъну: Лишенный встхъ опоръ, отпадшій втры сынъ, Ужъ видитъ съ ужасомъ, что въ міръ онъ одинъ, И мощная рука къ нему съ дарами мира Не простирается изъ-за предъловъ міра. Несчастные страстей и немощей сыны, Мы вст на страшный гробъ, родясь, осуждены; Всечасно бренныхъ узъ готово разрушенье;

Нашъ въкъ-невърный день; смерть-быстрое затмънье. Когда холодна тьма объемлетъ грозно насъ. Завъсу въчности колеблетъ смертный часъ: Ужасно чувствовать слезы последней муку И съ міромъ начинать безвъстную разлуку! Тогда, бестдуя съ оставленной душой, О въра, ты стоишь у двери гробовой! Ты ночь могильную ей тихо освъщаещь И, ободренную, съ надеждой отпускаешь. Но, други, пережить ужасные друзей!... Лишь въра въ тишинъ, отрадою своей, Живитъ унылый духъ и сердца ожиданье: «Настанетъ-говоритъ-назначенно свиданье.» А онъ, слъпой мудрецъ, у гроба стонетъ онъ! Съ усладой бытія несчастный разлученъ, Надежды тихаго не внемлетъ онъ привъта: Подходить къ гробу онъ, взываетъ... нътъ отвъта! Видали ль вы его въ безмолвныхъ тъхъ мъстахъ, Γ_{A} ть кровныхъ и друзей священный тлетъ прахъ?... Видали ль вы его надъ хладною могилой, Гдъ Деліи его таится пепелъ милой? Къ почившимъ позванный вечерней тишиной, Къ кресту приникнулъ онъ безчувственной главой; Одинъ, съ отчаяньемъ, въ слезахъ ожесточенья, Въ молчаньи ужаса, въ безумствъ изступленья, Дрожить! И между-тъмъ, подъ сънью темныхъ ивъ, У гроба матери кольна преклонивъ, Тамъ дъвая юная, въ печали безмятежной, Возводитъ къ небу взоръ болъзненной и нъжной. Одна туманною луной озарена, Какъ ангелъ горести является она; Вздыхаетъ медленно, могилу обнимаетъ: Все тихо; но она, какъ кажется, внимаетъ... Несчастный на нее въ безмолвіи глядить,

Поникнуль головой, трепещеть и бъжить. Спъшить онъ далъе, но вслъдъ унынье бродитъ; Во храмъ Всевышняго съ толпой онъ молча входитъ; Тамъ умножаетъ лишь тоску души своей: При древнемъ торжествъ священныхъ алтарей, При гласт пастыря, при сладкомъ хоровъ птыть Тревожится его безвърное мученье. Онъ Бога тайнаго нигдъ, нигдъ не вритъ; Съ померкшею душой святынъ предстоитъ; Холодный ко всему и чуждый умиленью, Съ досадой тихому внимаетъ онъ моленью. «Счастливецъ, мыслитъ онъ, почто не можно мнъ, «Страстей бунтующихъ въ смиренной тишинъ, «Забывъ о разумъ, и немощномъ, и строгомъ, «Съ одной лишь върою повергнуться предъ Богомъ?» Напрасный сердца крикъ! Нътъ, нътъ, не суждено Ему сей тайны знать! Безвъріе одно, По жизненной стезъ, во мракъ вождь унылый, Несчастного влечетъ до въчныхъ вратъ могилы!

XIV.

КЪ КАВЕРИНУ.

Забудь, любезный мой Каверинъ, Минутной ръзвости нескромные стихи, Люблю я первый, будь увъренъ, Твои счастливые гръхи. Все чередой идетъ опредъленной, Всему пора, всему свой мигъ; Смъшенъ и вътренный старикъ, Смъшенъ и юноша степенный.

Пока живется намъ, живи;
Гуляй въ мое воспоминанье;
Усердствуй Вакху и любви,
И черни презирай роптанье:
Она не въдаетъ, что дружно можно жить
Съ Киеерой, съ Портикомъ, и съ книгой, и съ бокаломъ;
Что умъ высокій можно скрыть
Безумной шалости подъ легкимъ покрываломъ.

XV.

отрывокъ изъ посланія в. л. пушкину.

Что восхитительный, живый Войны, сраженій и пожаровъ, Кровавыхъ и пустыхъ полей, Бивака, рыцарскихъ ударовъ; И что завиднъй краткихъ дней Не слишкомъ мудрыхъ усачей, Но сердцемъ истинныхъ гусаровъ? Они живутъ въ своихъ шатрахъ, Вдали забавъ и нъгъ и грацій, Какъ жилъ безсмертный трусъ Горацій Въ Тибурскихъ сумрачныхъ лъсахъ; Не знаютъ свъта принужденья, Не въдаютъ, что скука, страхъ, Даютъ объды и сраженья, Поютъ и рубятся въ бояхъ. Счастливъ, кто милъ и страшенъ міру, Объ комъ за пъсни, за дъла Гремитъ правдивая хвала; Кто славитъ Марса и Темиру

И бранную повъсилълиру Межъ върной сабли и съдла!

XVI.

къ молодой вдовъ.

Лида, другъ мой неизмънный! Почему, сквозь легкій сонъ, Часто нъгой утомленный Слышу я твой тихій стонъ? Почему, въ любви счастливой Видя страшную мечту, Взоръ недвижный, боязливый Устремляешь въ темноту? Почему, когда вкушаю Быстрый обморокъ любви, Иногда я примъчаю Слезы тайныя твои? Ты разсъянно внимаешь Ръчи пламенной моей, Хладно руку прижимаешь, Хладенъ взоръ твоихъ очей. О, безцънная подруга! Въчно ль слезы проливать? Въчно ль мертваго супруга Изъ могилы вызывать? Върь миъ: узниковъ могилы Тамъ объемлетъ въчный сонъ, Имъ не милъ ужъ голосъ милый, Не прискорбенъ скорби стонъ.

Не для нихъ весении розы, Сладость утра, шумъ пировъ, Откровенной дружбы слезы И любовницъ робкой зовъ! Рано другъ твой незабвенный Вздохомъ смерти воздохнулъ, И, блаженствомъ упоенный, На груди твоей уснулъ. Спить увънчанный счастливецъ! Върь любви, невинны мы. Нътъ, разгитванный ревнивецъ Не придетъ изъ въчной тьмы! Тихой ночью громъ не грянетъ, И завистливая тынь Близь любовника не станетъ, Вызывая спящій день!

XVII.

добрый совътъ.

Давайте пить и веселиться, Давайте жизнію играть; Пусть чернь слъпая суетится: Не намъ безумной подражать. Пусть наша вътреная младость Потонеть въ нъгъ и въ винъ; Пусть измъняющая радость Намъ улыбнется хоть во снъ. Когда же юность легкимъ дымомъ Умчитъ веселость юныхъ дней, Тогда у старости отымемъ Все, что отымется у ней.

XVIII.

въ ней.

Въ печальной праздности и лиру забывалъ, Воображеніе въ мечтахъ не разгоралось, Съ дарами юности мой геній отлеталъ И сердце медленно хладъло, закрывалось. Васъ вновь и призывалъ, о дни моей весны, Вы пролетъвшіе подъ сънью тишины, Дни дружества, любви, надеждъ и грусти нъжной, Когда поэзіи поклонникъ безмитежной, На лиръ счастливой и тихо воспъвалъ Волненіе любви, уныніе разлуки —

И гулъ дубравъ горамъ передавалъ Мои задумчивые звуки.

Напрасно! Я влачилъ постыдной лѣни грузъ, Въ дремоту хладную невольно погружался, Бѣжалъ отъ радостей, бѣжалъ отъ милыхъ музъ И — слезы на глазахъ — со славою прощался! Но вдругъ, какъ молніи стрѣла,

Зажглась въ увядшемъ сердцѣ младость, Душа проснулась, ожила,

Узнала вновь любви надежду, скорбь и радость. Все снова расцвъло! Я жизнью трепеталъ; Природы вновь восторженный свидътель Живъе чувствовалъ, свободнъе дышалъ, Сильнъй плъняла добродътель....

Хвала любви, хвала богамъ! Вновь лиры сладостной раздался голосъ юный И съ звонкимъ трепетомъ воскреснувшія струны Несу къ твоимъ ногамъ!....

XIX.

TOPMECTBO BARKA.

Откуда чудный шумъ, неистовые клики? Кого, куда зовутъ и бубны и тимпанъ? Что значать радостные лики И пъсни поселянъ? Въ ихъ кругъ свътлая свобода Пріяла праздничный вънокъ. Но двинулись толпы народа... Онъ приближается... вотъ онъ, вотъ сильный богъ! Вотъ Бахусъ мирный, въчно юный! Вотъ онъ, вотъ Индіи герой! О радость! Полныя тобой Дрожатъ, готовы грянуть струны Нелицемърною хвалой. Эванъ, эвое! Дайте чаши; Несите свъжіе вънцы! Невольники, гдт тирсы наши? Бъжимъ на мирный бой, отважные бойцы!

Воть онь, воть Вакхъ! О часъ отрадный! Державный тирсъ въ его рукахъ; Вънецъ желтъетъ виноградный Въ чернокудрявыхъ волосахъ... Течетъ. Его младые тигры Съ покорной яростью влекутъ; Кругомъ летятъ эроты, игры, И гимны въ честь ему поютъ. За нимъ тъснится козлоногій И фавновъ и сатировъ рой; Плющемъ опутаны ихъ роги;

Бъгутъ смятенною толпой Во слъдъ за быстрой колесницей: Кто съ тростниковою цѣвницей, Кто съ върной кружкою своей; Тотъ оступившись упадаетъ И бархатный коверъ полей Виномъ багровымъ обливаетъ, При дикомъ хохотъ друзей. Тамъ далъ вижу дивный ходъ: Звучатъ веселые тимпаны; Младыя нимфы и сильваны, Составя шумный хороводъ, Несутъ недвижнаго Силена... Вино струится, брызжеть пъна, И розы сыплются кругомъ; Несутъ за спящимъ старикомъ И тирсъ, сумволъ побъды мирной, И кубокъ тяжко - золотой, Вънчанный крышкою сапфирной, Подарокъ Вакха дорогой.

Но воеть берегь отдаленный. Власы раскинувъ по плечамъ, Вънчанны гроздъемъ, обнаженны, Бъгутъ Вакханки по горамъ.

Тимпаны звонкія кружась межт ихъ перстами, Гремять и вторять ихъ ужаснымъ голосамъ. Промчалися, летять, свиваются руками,

> Волшебной пляской топчуть лугь; И младость пылкая толпами Стекается вокругь.

Поютъ неистовыя дѣвы; Ихъ сладострастные напѣвы Въ сердца вливаютъ жаръ любви;
Ихъ перси дышатъ вожделѣньемъ;
Ихъ очи, полныя безумствомъ и томленьемъ,
Сказали: счастіе лови!
Ихъ вдохновенныя движенья
Сперва изображаютъ намъ
Стыдливость милаго смятенья,
Желанье робкое, а тамъ
Восторгъ и дерзость наслажденья.
Но вотъ разсыпались по холмамъ и полямъ,
Махая тирсами несутся;
Ужъ издали ихъ вопли раздаются,
И гулъ имъ вторитъ по лѣсамъ:
Эванъ, эвое! Дайте чаши!
Несите свѣжіе вѣнцы!

Друзья, въ сей день благословенной Забвенью бросимъ суеты!
Теки, вино, струею пънной Въ честь Вакха, музъ и красоты!
Эванъ, эвое! Дайте чаши!
Несите свъжіе вънцы!
Невольники, гдъ тирсы наши?
Бъжимъ на мирный бой, отважные бойцы!

Невольники, гдъ тирсы наши? Бъжимъ на мирный бой, отважные бойцы!

XX.

RT. * * '

Не спрашивай, зачъмъ унылой думой Среди забавъ я часто омраченъ, Зачѣмъ на все подъемлю взоръ угрюмой, Зачѣмъ не милъ мнѣ сладкой жизни сонъ? Не спрашивай, зачѣмъ душой остылой Я разлюбилъ веселую любовь, И никого не называю милой? Кто разъ любилъ, ужъ не полюбитъ вновъ; Кто счастье зналъ, ужъ не узнаетъ счастья. На краткій мигъ блаженство намъ дано: Отъ юности, отъ нѣгъ и сладострастья Останется уныніе одно.

__

примъчанія

КЪ СТИХОТВОРЕНІЯМЪ ПУШКИНА

1817 roza.

1. Это посланіе, впервые напечатанное въ Сынѣ Отечества 1840 г. Томъ 2-й, Мартъ мѣсяцъ, и оттуда перешедшее въ посмертное изданіе, чрезвычайно важно въ томъ смыслѣ, что даетъ подробности объ отношеніяхъ тогдашнихъ литераторовъ между собою, и вообще можетъ служить матеріаломъ для Исторіи литературы нашей. Любопытно и свидѣтельство Пушкина о ласковомъ вниманіи къ нему Карамзина, Дмитріева, Державина и о первой бесѣдѣ съ самимъ Жуковскимъ. Что касается до завистниковъ, не признававшихъ Озерова и таланты, то это какъ будто отвѣтъ на посланіе самаго В. А. Жуковскаго къ Вяземскому и Пушкину (Василью), напечатанное въРоссійскомъ Музеумѣ 1815 г. № 6, гдѣ также выражено негодованіе на коварство людей, погубившихъ творца Димитрія и на хулителей дарованій.

Увы! Димитрія творецъ Не отличиль простыхъ сердецъ Отъ хитрыхъ, полныхъ вёроломства! и проч.

Посланіе Жуковскаго не находится въ последнемъ, пятомъ, изданіи его сочиненій 1849 г.; но оно весьма замечательно. Вът. п. 13

- своемъ отвътъ Пушкинъ сохранилъ даже нъкоторыя фразы его. Между прочимъ 9-й стихъ былъ неправильно напечатанъ въ посмертномъ изданіи: «наперсникъ, мужъ любимый» вмъсто..... «наперсникъ Музъ любимый.» Прибавимъ еще, что въ рукописи, стихотвореніе подписано: «Арзамазецъ».
- П. Снова представляемъ читателямъ образецъ передълки Лицейскихъ стихотвореніи самимъ Пушкинымъ и вмѣстѣ разницы, какая существуетъ у него между первымъ выраженіемъ мысли и послѣдующей, обдѣлавной формой ея. Пьеса: «Блажевъ, кто съ юныхъ лѣтъ» данная посмертнымъ изданіемъ, есть грубый очеркъ другой пьесы, слѣдующей за ней: «Любовью, дружествомъ и лѣнью», которая уже является стихотвореніемъ вполнѣ оконченнымъ и прекраснымъ. Въ этомъ видѣ она была помѣщена въ изданіи стихотвореній 1826 г. Все это заставляетъ насъ повторить, что пьесы, выбранныя авторомъ для изданія, уже совсѣмъ не походятъ на Лицейскія, и объ нихъ понятія не даютъ. Между прочимъ въ обоихъ посланіяхъ къ Дельвигу, жалобы автора на зависть и клевету уже для насъ совсѣмъ неизъяснимы, да можетъ быть и тогда не имѣли истиннаго основанія.
- III. Въ изданіи 1826 г., затёмъ въ изданіи 1829 г., и въ посмертномъ.
- IV. Эти начальныя стихи стихотворенія, не бывшаго въ печати, принадлежать къ переводу одной изъ пьесъ Парни: Billet. Dès que la nuit sur nos demeures. По энергія стиха, переводъ намъ кажется выше подлинника.
- V. Пъеса, данная посмертнымъ изданіемъ. Со своимъ ироническимъ заглавіемъ, она находится и въ рукописяхъ, гдѣ кромѣ того отмѣтка: «писано 8-го Марта 1817». Между гусарами Царскаго Села, Пушкинъ и тогда уже имълъ много знакомыхъ и друзей.
- VI. Дано впервые посмертнымъ изданіемъ.
- VII. Это пероводъ извъстныхъ стиховъ Вольтера: «А madame Duchatelet, 1741». Слъдующая за нимъ пьеса тоже обязана происхожденіемъ Вольтеру и представляетъ переводъ стиховъ, написанныхъ имъ къ принцессъ Луизъ-Ульрихъ, въ послъдствіи Королевъ Шведской. Объ впервые напечатаны посмертнымъ изданіемъ, какъ и двъ приложенныя послъ нихъ. Чтобы дать понятіе о тонъ стиховъ Вольтера и Русскомъ ихъ переводъ, приводимъ изтую строфу посланія къ Г-жъ Дюшатлэ:

"Quoi! pour toujours vous me fuyez Tendresse, illusion, folie. Dons du ciel, qui me consoliez Des amertumes de la vie!

VIII.

- ІХ. Въ шутливомъ посланіи этомъ заключается одна біографическая черта—мысль Пушкина о вступленіи на военное поприще.
- Х. Посланіе къ одному изъ лицейскихъ товарищей.
- XI. Это стихотвореніе, впервые напечатанное въ журналь: Невскій Зритель 1820 г., часть II, Апрель, помещено за темъ въ изданіяхъ стихотвореній Пушкина 1826, 1829 г. и наконець въ посмертномъ. Въ 1826 г. оно получило нынѣщнее свое заглавіе и, по обыкновенію, значительныя поправки. Первый стихъ въ журналь быль: «.... вт тиши уединенья» вывсто теперешняго: "...вт сти уединенья"; два стиха начинались одинаково: «И такт онь прошли льта соединенья» — И такт разорвань онь, нашь братскій кругь». Они упрощены впоследствія: «Прошли льта соединенья» — «Разорвань онь, нашь вырный круго». Наконецъ стихи: «Хранимый тайнымо небомо» и «Съ фортуной, дружествомъ и Фебомъ» замънены : «Хранимый небомь» и «Сь свободою и Фебомь». Въ журналь была пом'єтка: «Лицей, 9-го Іюня 1817» Это день выпуска изъ Лицея, последній день ученической жизни Пушкина и его товарищей.
- ХІІ. Отрывокъ помѣщенъ былъ въ жур. Москвитянинъ 1842 г., № 6, съ помѣткой: «1817, при выпускѣ изъ Лицея». Онъ также принадлежитъ къ эпохѣ разставанія съ Лицеемъ, благодарное воспоминаніе о которомъ, какъ и о товарищахъ своихъ, Пушкивъ сохранялъ, можно сказать, до гроба.
- XIII. Это стихотвореніе, читанное на публичномъ Липейскомъ экзаменів, впервые было напечатано въ Трудахъ Общества Любителей Россійской словесности при Московскомъ Университетів 1817 г., часть Х, Стихот. стр. 58, съ подписью полнаго имени и фамиліи автора и оттуда перешло прямо въ посмертное изданіе, которое исправило одинъ стихъ: «На нее въ безмолвіш глядить» вмісто прежняго: «На нее въ безмолвствій глядить» и по недосмотру пропустило другой ціликомъ: «Во храмъ Всевышняго съ толпой онь молча входить». Въ

этомъ стихотвореніи есть уже перемѣны противъ рукописи (знакъ, что оно было псправлено) и въ немъ же встрѣчается впервые оборотъ, не совсѣмъ правильный, но очень любимый Гушкинымъ:

«Въ любви ди, дружеств дь обнимет онъ изм ну.»

()боротъ встрвается даже въ Кавказскомъ Пленник и Гд обняль грозное страданье» и потомъ уже пропадаетъ. Современная критика зам тила неправильность выраженія и образа, но Пушкинъ, кажется, не быль тогда согласенъ съ ней. Кстати приведемъ выписку изъ протокола зас данія Общества Любителей Россійской Словесности при И. М. У. 30-го Ноября 1817 г.: «Въ следствіе протокола приготовительнаго собранія были читаны:... Действительнымъ членомъ В. Л. Пушкинымъ: «Безв фріе» стихи воспитанника Царскосельскаго Лицея Александра Пушкина».

XIV. Стихотвореніе это было исправлено Пушкинымъ въ 1828 г. и тогда же напечатано имъ въ Московскомъ Вѣстникѣ за своей подписью (1828, № XVII), откуда перешло и въ посмертное изданіе. Черезъ годъ послѣ его перваго обнародованія, оно снова появилось въ альманахѣ Сѣверная Звѣзда 1829 г. изд. М. Бестужевъ-Рюминъ, который пріобрѣлъ извѣстность своевольными публикаціями чужихъ произведеній; но тамъ оно имѣетъ совсѣмъ другую, растянутую и многословную форму. Вмѣсто 16 стиховъ журнала, въ альманахѣ ихъ уже 31 и въ срединѣ перваго восмистишія заключены еще слѣдующія фразы:

Пристыть защитникомъ Зенонова ученья, Быть можетъ, хорошо— но ви тебѣ, ни мнѣ. Я знаю, что страстей волненье, И шалости, и заблужденье, Пристали нашихъ дней блистательной веснѣ. Пускай умно, котя не осторожно, Дурачиться мы будемъ иногда, Пока безъ лишняго стыда Дурачиться намъ будетъ можно.

Все это имѣетъ довольно прозаичесное выраженіе и мы готовы были бы принять текстъ Сѣверной Звѣзды за первую форму стихотворенія, хотя можетъ быть еще и искаженную

изустной передачей, но все еще любопытную для изслёдованія, если бы мы не знали, что издатель альманаха исправляль стихи Пушкина по своему. Со всёмъ тёмъ прилагаемъ и конецъ пьесы, подъ которой стояла подпись, какъ и подъ другими стихотвореніями Пушкина, тамъ же напечатанными: An.

Насытясь жизнію у юных двей въгостяхь,
Простимся на всегда съ веселіемъ шутливымъ,
Съ Венерой пылкою, и съ Вакхомъ прихотливымъ;
Вздохнемъ о нихъ, какъ о друзьяхъ,
П старость удивимъ поклономъ молчаливымъ
Теперь въ безпечности живи,
Люби друзей, храни о нихъ воспоминанъе,
Служи и Вакху и любви,
Минуту юности лови
И черни презирай болтанье.
Она не въдаетъ, что можно дружно жить
Съ стихами, съ картами, съ Платономъ и бокаломъ,
Что ръзвыхъ пиалостей подъ легкимъ покрываломъ
И умъ возвышенный, и сердже можно скрыть.

- XV. Это посланіе къ Василью Львовичу Пушкину напечатано было впервые въ Полярной Зв'язд'ь 1824 г., потомъ въ изданіи 1826 и за тімь безъ перемінь въ изданіи 1829 г. и посмертномъ, гд'я, между прочимъ, приложено было дважды.
- XVI. Стихотвореніе дано впервые посмертнымъ изданіемъ Въ рукописи отм'тка: «переписать» и поправки. Стихъ: «Вздохомъ смерти воздохнуль» зам'тненъ другимъ: «Встротиль смертный чась» и соотв'тствующій ему по рифм'т : «На груди твоей уснуль» перед'танъ такъ: «На груди твоей угась».
- XVII. Это весьма близкій переводъ сгихотворенія Парни: A mes amis. Rions, chantons, о mes amis. Данъ впервые посмертнымъ изданіемъ
- XVIII. Это непаданное стихотвореніе Пушкина мы нашли въ тетради, съ которой печатались «Стихотворенія Александра Пушкина 1826 г.». Уже одобренное цепсоромъ, оно было зачеркнуто и уничтожено въ ней самимъ авторомъ. Основную мысль стихотворенія, Пушкинъ воспроизвелъ въ другой и превосходной формѣ, спустя 8 лѣть, именно въ пьесѣ: «Я помию чудное мгновенье», принадлежащей уже къ 1825 г. Онъ ча-

1817 r.

сто поступалъ такъ съ первыми своими произведеніями. Между прочимъ, стихотвореніе это написано уже послѣ выпуска изъ Лицея и чуть ли не въ Михайловскомъ, куда уѣхалъ Пушкинъ и гдѣ, вѣроятно, встрѣтилъ и лице, вызвавшее само посланіе.

ХІХ. Это стихотвореніе, которое Пушкинъ самъ уважалъ, даже и въ послѣдніе года своего поприща, было имъ напечатано впервые въ изданіи своихъ стихотвореній 1826 г., куда изъ эпохи 1817 г. вошло только пять пьесъ. Оно повторено безъ измѣненій изланіемъ 1829 г. и посмертнымъ. Пушкинскія большія, прописныя буквы въ словахъ Фавны, Нимфы и проч. замѣнены были малыми еще въ 1826 г.

ХХ Этой пьесой, помещенной въ изданіи 1826 г. и за темъ во всёхъ слёдующихъ, заключаемъ поэтическую дёятельность нашего автора въ 1817 г. Прибавимъ, что посланіе отнесено было авторомъ въ собраніи своихъ стихотвореній 1826 г. къ числу пьесь, время происхожденія которыхь неизвъстно, но въ рукописи на немъ есть помѣтка: «27-го Ноября 1817». Вообще помътки Пушкина и тетради его служили намъ указаніемъ при хронологическомъ распредівленіи такихъ пьесъ, года которыхъ пропущены модчаніемъ изданіями, бывшими при жизни его. Приведенная нами помътка еще и тъмъ важна, что относить пьесу къ произведеніямъ, паписаннымь уже по выходъ изъ Лицея. Таковы и всъ приложенныя у насъ послъ стихотворенія: «Безвѣріе.» Между тімь, собраніе стихотвореній Пушкина 1826 г. обозначая года, принядо вмёстё съ темъ и методу распределенія ихъ по родамъ, что уже въ последующемъ изданія 1829 г. было отброшено совсемъ. Для техъ. которые хотели бы знать, какъ распределяль Иушкинъ свои Лицейскія стихотворенія прилагаемъ слідующую табличку: 1) къ Элегіямъ: а, Пробужденіе, b, Друзьямъ, 2) Къ Разнымъ стихотвореніямъ: а, Гробъ Анакреона, b, Торжество Вакха. с, Пъвсиъ, d, Амуръ и Гименей, е, Разлука; 3) Къ Эпиграммамъ и Надиисямъ (безъ означенія годовъ): а, Роза, b, Старикъ, с, Къ**, и 9 небольшихъ пьесъ, отнесенныхъ и нами къ отделу пьесъ безъ означенія годовъ. 4) Къ Посланіямъ: а, Лицинію, b, П-ну, с, Ш-ву, d, Дельвигу. Всего выбрано было тогда двадцать три стихотворенія изъ Лицейской эпохи для печати.

неизвъстныхъ годовъ.

. I.

воже! паря храни.

Боже! Царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли:
Гордыхъ смирителю,
Слабыхъ хранителю,
Всъхъ утъщителю
Все ниспошли.

Тамъ громкой славою, Сильной державою Міръ онъ покрылъ; Здъсь — безмятежною Сънью надежною, Благостью нъжною Насъ осънилъ.

Брани въ ужасный часъ Мощно хранила насъ Върная длань: Гласъ умиленія, Благодаренія, Сердца стремленія— Вотъ наша дань!

11.

OCTAPB.

По камнямъ гробовымъ, въ туманахъ полуночи, Ступая трепетно усталою ногой, По Лоръ путникъ шелъ; напрасно очи Ночлега мирнаго искали въ тъмъ густой. Пещеры нътъ предъ нимъ на берегъ угрюмомъ; Не видитъ хижины, наслъдъя рыбаря; Въ дали дремучій боръ качаютъ вътры съ шумомъ, Луна за тучами и въ моръ спитъ заря.

Идетъ, и на скалъ, обросшей влажнымъ мохомъ, Зритъ Барда стараго — веселье прошлыхъ лътъ: Склонясь съдымъ челомъ надъ воющимъ потокомъ, Въ безмолвіи, временъ онъ созерцалъ полетъ. Зубчатый мечъ висълъ на вътви мрачной ивы. Задумчивый пъвецъ взоръ тихій обратилъ На сына чуждыхъ странъ, и путникъ боязливый Содрогся въ ужасъ и мимо поспъщилъ.

«Стой, путникъ, стой! въщалъ пъвецъ въковъ минувшихъ: Здъсь пали храбрые; почти ихъ бранный прахъ, Почти геройство чадъ, могилы сномъ уснувшихъ!» Пришлецъ главой поникъ—и, мнилось, на холмахъ Возставшій рядъ тѣней, главы окровавленны Съ улыбкой гордою на странника склонялъ.

— Чей гробъ я вижу тамъ? въщалъ иноплеменный, И Барду посохомъ на берегъ указалъ.

Колчанъ и шлемъ стальной, къ утесу пригвожденный, Бросали тусклый лучъ, луною озлатясь. Увы, здѣсь палъ Осгаръ! рекъ старецъ вдохновенный. О, рано юношѣ насталъ послъдній часъ! Но онъ искалъ его: я зрѣлъ, какъ въ ратномъ строѣ Онъ первыя стрѣлы съ весельемъ ожидалъ, И рвался изъ рядовъ, и палъ въ кипящемъ боѣ. Покойся, юноша, ты въ брани славной палъ!

Во цвътъ нъжныхъ лътъ любилъ Осгаръ Мальвину; Неразъ онъ въ радости съ подругою встръчалъ Вечерній свътъ луны, скользящій на долину, И тънь упадшую съ приморскитъ грозныхъ скалъ. Казалось, ихъ сердца другъ къ другу пламенъли; Одной, одной Осгаръ Мальвиною дышалъ!.. Но быстро дни любви и счастья пролетъли, И вечеръ горести для юноши насталъ!..

Однажды, въ темну ночь зимы порой унылой, Осгаръ стучится въ дверь красавицы младой, И шепчетъ: «юный другъ, немедли, здѣсь твой милой!» Но тихо въ хижинъ. Вновь робкою рукой Стучитъ и слушаетъ: лишь вѣтры съ свистомъ воютъ: «Уже ли спишь теперь, Мальвина?» Мгла вокругъ, Валится снѣгъ, власы въ туманъ леденѣютъ:

«Услышь, услышь меня, Мальвина, милый другь!»

Онъ въ третій разъ стучитъ. Со скрипомъ дверь шатнулась;
Онъ входитъ съ трепетомъ; несчастный, что жъ узрѣлъ?

Темнѣетъ взоръ его; Мальвина содрогнулась:
Онъ зритъ — въ объятіяхъ измѣнницы Звигнелъ!
И ярость дикая во взорахъ закипѣла;
Нѣмѣетъ и дрожитъ любовникъ молодой;
Онъ грозный мечь извлекъ — и нѣтъ уже Звигнела,
И блѣдный духъ его сокрылся въ тьмѣ ночной!

Мальвина обняла несчастнаго колѣна, Но взоры отвративъ: «живи!» въщалъ Осгаръ; «Живи, ужъ я не твой, презрѣна мной измѣна, Забуду, потушу къ невѣрной страсти жаръ.» И тихо за порогъ выходитъ онъ въ молчанъѣ, Окованъ мрачною, безмолвною тоской: Исчезло сладкое на вѣкъ очарованъе!

Я видълъ юношу. Поникнувъ головою, Мальвины имя онъ въ отчаяныи шепталъ; Какъ сумракъ, дремлющій надъ бездною морскою, На сердцъ горестномъ унынья мракъ лежалъ. На друга дътскихъ лътъ взглянулъ онъ торопливо: Уже недвижный взоръ друзей не узнавалъ. Отъ пиршествъ удаленъ, въ пустынъ молчаливой Онъ одиночествомъ печаль свою питалъ.

И длинный годъ провелъ Осгаръ среди мученій. Вдругъ грянулъ трубный гласъ. Оденовъ сынъ, Фингалъ, Вель грозныхъ на мечи, въ кровавый пылъ сраженій. Осгаръ послышалъ въсть и бранью воспылалъ. Здъсь мечъ его сверкнулъ, и смерть предъ нимъ бъжала: Покрытый ранами, здёсь паль на груду тёль; Онъ палъ; еще рука меча кругомъ искала, И кръпкій сонъ въковъ на сильнаго слетьль! Побъгли вспять враги — и тихій миръ герою! И тихо все вокругъ могильнаго холма! Лишь въ осень хладную, безмъсячной порою, Когда вершины горъ тягчитъ сырая тьма, Въ багровомъ облакъ, одъянна туманомъ, На камит гробовомъ уныла твиь сидить, И стрълы дребезжатъ, стучитъ броня съ колчаномъ, И кленъ, зашевелясь, таинственно шумитъ.

III.

BBJETA.

Вдали ты эришь утесъ уединенный? Пещеры въ немъ изрылась глубина; Темнъетъ входъ, кустами окруженный; Вблизи шумитъ и пънится волна. Вечоръ, когда туманилась луна, Здъсь милаго, Эвлега призывала; Здъсь тихій гласъ горамъ передавала Во тьмъ ночной, печальна и одна:

«Приди, Одульфъ! Ужъ роща побледнела; На дикій мохъ Одульфа ждать я села, Пылаетъ грудь, за вздохомъ вздохъ летитъ. О, сладко жить, мой другъ, душа съ душою! Приди, Одульфъ, забудусь я съ тобою, И поцелуй любовью возгоритъ!

Бъги, Осгаръ! Твои мнъ страшны взоры, Твой грозенъ видъ и хладны разговоры! Оставь меня, не мною торжествуй! Уже другой въ ночи со мною дремлетъ, Ужъ на заръ другой меня объемлетъ. И сладостенъ его мнъ поцълуй!

Что жъ медлить онъ свершить мои надежды? Для милаго я сбросила одежды, Завистливый покровъ у ногъ лежитъ. Но, чу... идутъ—такъ, это другъ надежный! Ужъ начались восторги страсти нѣжной, И поцѣлуй любовью возгоритъ.» Идетъ Одульфъ, во взорахъ упоенье,

ндетъ Одульфъ, во взорахъ упоенье, Въ груди любовь, и прочь бъжитъ печаль; Но близь него во тьмъ сверкнула сталь, И вздрогнулъ онъ—родилось подозрънье: «Кто ты? спросилъ, почто ты здъсь, въщай! Отвътствуй мнъ, о шумъ угрюмой ночи!» — «Безсильный врагъ, Осгара убъгай! Въ пустынной тьмъ что ищутъ робки очи? Страшись меня; я страстью воспаленъ; Въ пещеръ здъсь Эвлега ждетъ Осгара.»—Булатный мечъ въ минуту обнаженъ, Огонь летитъ струями отъ удара.

Услышала Эвлега стукъ мечей.
И бросила со страхомъ хладъ пещерной.
«Приди узръть предметъ любви твоей!»
Вскричалъ Одульоъ подругъ нъжной, върной.
«Измънница! Ты здъсь его зовещь?
Во тъмъ ночной васъ услаждаетъ нъга;
Но дерзкаго въ Валгалъ ты найдешь.»

Онъ поднялъ мечь, и съ трепетомъ Эвлега Падетъ на дернъ, какъ клокъ летучій снъга, Метелицей отторженный со скаль! Другъ на друга соперники стремятся, Кровавый токъ по камнямъ побъжалъ: Въ кустарники съ отчаяньемъ катятся. Послъдній гласъ Эвлегу призывалъ — И смерти хладъ ихъ ярость оковалъ!

IV.

ABAA.

(KAHTATA).

Средь темной рощицы, подъ тенью липъ душистыхъ, Въ высокомъ тростникъ, гдъ чистымъ жемчугомъ

Вздувалась пъна водъ сребристыхъ, Колеблясь тихимъ вътеркомъ, Покровъ красавицы стыдливой, Небрежно кинутый, у берега лежалъ — И прелести ея потокъ волной игривой Съ весельемъ орошалъ.

Житель рощи, торопливый, Будь же скроменъ, о ручей! Тише, струйки говорливы! Измънить страшитесь ей!

> Леда робостью трепещеть, Тихо дышеть снъжна грудь, Ни волна вокругь не плещеть, Ни зефиръ не смъеть дуть.

Въ рощъ шорохъ утихаетъ, Все въ прелестной тишинъ; Нимфа далѣе ступаетъ, Робкой ввърившись волнъ.

Но что-то межъ кустовъ прибрежныхъ восшумъло, И чувство робости прекрасной овладъло; Невольно вздрогнула, не въ силахъ воздохнутъ; И вотъ пернатыхъ царь изъ-подъ склоненной ивы, Расправя крылья горделивы,

Къ красавицъ плыветъ : веселья полна грудь; Съ шумящей пъною отважно волны гонитъ,

Крылами воздухъ бьетъ,

То въ кольцы шею вьеть,

То гордую главу, смирясь предъ Ледой, клонитъ:...

Леда смъется,
Вдругъ раздается
Радости кликъ. . .
Видъ сладострастный!
Къ Ледъ прекрасной
Лебедь приникъ,

Слышно стенанье; Нимфа лѣсовъ Съ нѣгою сладкой Видитъ украдкой Тайну боговъ.

Опомнясь, наконецъ, красавица младая Открыла тихій взоръ, въ томленьяхъ воздыхая. И что жъ увидъла? На ложъ изъ цвътовъ Она покоится въ объятіяхъ Зевеса;

 ${f M}$ ежъ ними юная любовь, ${f M}$ пала таинства прелестнаго завъса!

Симъ примъромъ научитесь Розы — дъвы красоты; Лътнимъ вечеромъ страшитесь Въ темной рощицъ воды: Въ темной рощицъ таится Часто пламенный Эротъ; Съ хладной струйкою катится, Стрълы прячетъ въ пънъ водъ. Симъ примъромъ научитесь, Розы — дъвы красоты; Лътнимъ вечеромъ страшитесь Въ темной рощицъ воды.

v

альфонсъ.

HAYANO IIODMH.

Альфонсъ садится на коня; Ему хозяинъ держитъ стремя. «Синьоръ, послушайтесь меня:

Пускаться въ путь теперь не время, Въ горахъ опасно, ночь близка, $\mathbf{\Lambda}$ ругая вента далека; Останьтесь здёсь, готовъ вамъ ужинъ; Въ каминъ разложенъ огонь: Постеля есть, покой вамъ нуженъ, И къ стойлу тянется вашъ конь.» — Мит путешествіе привычно И днемъ и ночью: былъ бы путь; Тотъ отвъчаетъ. Неприлично Бояться мнъ чего нибудь. Я дворянинъ; ни чортъ, ни воры Не могутъ удержать меня, Когда спъшу на службу я.— И донъ Альфонсъ коню далъ шпоры, И вдеть рысью. Передъ нимъ Идетъ дорога круто въ горы Ущельемъ тъснымъ и глухимъ; Вотъ вывзжаетъ онъ въ долину: Какую жъ видитъ онъ картину? Кругомъ пустыня, дичь и голь; А въ сторонъ торчитъ глаголь, И на глаголъ томъ два тъла Висятъ. Закаркавъ, отлетъла Ватага черная воронъ, Лишь только къ нимъ подъбхалъ онъ. То были трупы двухъ Гитановъ, Двухъ славныхъ братьевъ-атамановъ, Давно повъщенныхъ, и тамъ Оставленныхъ въ примъръ ворамъ. Aождями небо ихъ мочило, И солнце знойное сушило, Пустынный вътеръ ихъ качалъ, Клевать их воронъ прилеталь,

И шла молва въ простомъ народъ, Что, обрываясь по ночамъ, Они до утра на свободъ Гуляли, мстя своимъ врагамъ.

VI.

BOBA.

отрывокъ изъ поэмы.

Часто, часто я бестдовалъ Съ болтуномъ страны Эллинскія, И не смълъ осиплымъ голосомъ, Съ Шапеленомъ и съ Рифматовымъ, Воспъвать героевъ Съвера. Несравненнаго Виргилія Я читалъ и перечитывалъ, Не стараясь подражать ему Въ нъжныхъ чувствахъ и гармоніи. Разбиралъ я Нъмца Клопштока И не могъ понять премудраго; Не хотълъ я воспъвать, какъ онъ. Я хочу, меня чтобъ поняли Всъ отъ мала до великаго. За Мильтономъ и Камоэнсомъ Опасался я безъ крилъ парить. Но вчера, въ архивахъ рояся, Отыскалъ я книжку славную, Золотую, незабвенную,

Прочиталъ — и въ восхищеніи Про Бову пою царевича.

Незапомню, сколько летъ спустя Послъ рождества Спасителя, Царь Додонъ со славой царствовалъ Въ Светоміре, сильномъ городе. Царь Додонъ вънецъ со скипетромъ Не примой досталь дорогою, Но убивъ царя законнаго Бендокира Слабоумнаго. Царь Додонъ не слабоумнаго Былъ достоинъ злаго прозвища, Но тирана неусыпнаго: (Онъ однако не имълъ его). Лънь мнъ всъ его достоинства И пороки вамъ показывать; Вы слыхали, люди добрые, О царъ, что двадцать цълыхъ лътъ Не снималь съ себя оружія, Не слъзалъ съ коня ретиваго, Всюду пролеталь съ побъдою, Міръ крещеный потопиль въ крови, Не щадилъ и некрещенаго, И, въ ничтожество низверженный Александромъ, грознымъ ангеломъ, Жизнь проводить въ униженіи, И, забытый всеми, кличется Нынъ Эльбы Императоромъ. . . . Вотъ таковъ-то былъ и царь Додонъ! Разъ, собравъ бородачей совътъ (Безбородыхъ не любилъ Додонъ) На престоль пригорюнившись, Произнесъ онъ имъ такую ръчь: «Вы, которые совътами

- «Облегчали тяжесть скипетра,
- «Услаждали участь царскую

(Не горька она была ему)

- «Мудрые друзья, сподвижники!
- «Къ вамъ прибъгнуть я ръшаюся:
- «Что мнъ дълать нынъ? Слушайте.» Всъ привстали важно хмуряся,

Низко, низко поклонилися,

И, поправя усъ и бороду, Съли на скамьи дубовыя.

«Вамъ извъстно, продолжалъ Додонъ,

- «Что искусствомъ и неправдою
- «Я достигъ престола шаткаго
- «Бендокира Слабоумнаго;
- «Сочетался съ Милитрисою,
- «Милой женкой Бендокировой,
- «И въ темницу посадилъ Бову,
- «Принца крови, сына царскаго.
- «Легче, легче захватить было
- «Слабоумнаго златой вънецъ,
- «Чъмъ, надъвъ вънецъ на голову,
- «За собою удержать его.
- «Вотъ уже народъ безсмысленный,
- «Ходя въ праздники по улицамъ,
- «Межъ собой неразъ говариваль:
- «Дай Богь помочь королевичу;
- «Въдь Бова уже не маленькой,
- «Не въ отца своей толовушиюй.
- «Нужды нътъ, что за ръшеткою,
- «Онъ моимъ онасенъ замысламъ.
- «Что мнъ дълать съ намъ, окажите мнъ?» Все собранье призадумалось, Всъ въ молчаньи потупили взоръ. То-то право золотой Совъть :

Не болтали здъсь, а думали. Арзаморъ, мужъ старый, опытный, Ротъ открымъ-было (совътовать Знать хотвлось поставлому) Громко крякнуль, но одумался И въ молчаньи закусилъ языкъ. Ко лбу перстъ приставя тщательно, Лекарь, славный Эскулапа внукъ, Эзельдорфъ, обритый весь, зъвалъ Табакеркою поскрипываль, Но молчалъ; своей премудрости Онъ предъ всеми не показывалъ. Вихромахъ, Полканъ съ Дубынею, Стражи трона, славны рыцари, Всъ сидъли будто вкопаны. Громобурь, извъстный силою, Но умомъ непроницательный, Думалъ, думалъ и печаянно Задремалъ и захращемъ въ углу. Что примъра лучше дъйствуетъ, Что людьми сильнъй ворочаетъ? Вотъ зъвнули подъ перчаткою Храбрый Мировзоръ съ Ивашкою, И Полканъ, и Арзаморъ съдой, И ко груди приклонилися Тихо головами буйными. Глядь — съ Додономъ задремалъ Совътъ, Захрапъли многомыслящи! Долго спать-было совътникамъ, Если бъ Нъмцу не пришлось изъ рукъ Табакерку на полъ вырожить; Табакерка покатилася И о шпору вдругъ ударилась Громобуря, кръпко спавенаго,

Загремыла, раздвоилася,
Отлетыла въ разны стороны.
Храбрый воинъ пробуждается,
Озираетъ все собраніе;
Между тыть табакъ разсыпался,
Къ носу рыцаря подъемлется,
И чихнулъ герой съ досадою
Такъ, что своды потрясаются,
Окны всь дрожатъ и сыплются,
И на петляхъ двери хлопаютъ:
Пробуждается собраніе.

- «Что тутъ думать, закричалъ герой:
- «Царь! Бова тебъ не надобенъ,
- «Ну, и къ чорту королевича!
- «Ръшено ему въ живыхъ не быть.
- «Послъ, братцы, вы разсудите,
- «Какъ съ нимъ надобно раздълаться.

Тъмъ и кончилъ: храбры воины Ръчи любятъ лаконически.

«Ладно, мы тебя послушаемъ! Царь промолвилъ протянувшися;

«Завтра, други, мы увидимся.

«А теперь ступайте всъ домой.» Оплошалъ Додонъ отсрочкою:

Не твердилъ онъ върно въ азбукъ:

«Не откладывай до завтраго, Что сегодня можешь выполнить.» Разошлися вст придворные.

Ночь межъ тъмъ уже сгущалася; Царь Додонъ въ постелю царскую Вмъстъ съ милой легъ супругою, Съ несравненной Милитрисою.

Милитрисина служаночка, Зоя, молодая дёвица, Ангелъ станомъ, взоромъ, личикомъ. Бълой ручкой, нъжной ножкою, Съ госпожи снявъ платье шелково, Юбку, чепчикъ, ленты, кружева, Все подъ ключь въ комодъ спрятала И пошла тихонько въ дъвичью. Тамъ она сама раздълася, Подняла съ трудомъ окошечко, И легла въ постель пуховую, Ожидая друга милаго, Свътозара, пажа царскаго: Къ темной ночкъ объщался онъ Изъ окна прыгнуть къ ней въ комнату Ждетъ, пождетъ дъвица красная — Нътъ какъ нътъ все друга милаго. Чу... бьетъ полночь; что же Зоинька? Видитъ: входятъ къ ней въ окошечко — Кто же? другъ ли сердца нъжнаго? Нътъ, совсъмъ не то, читатели! Видитъ Зоя привидъніе: Старичишка съ длинной шапкою, Въ балахонъ вмъсто мантіи, Опоясанный мочалкою; Видъ противный, глазъ на выкать, Ротъ разинутъ, зубы скалятся, Уши длинные, ослиные Надъ плечами громко хлопаютъ.... Зоя смотрить и со трепетомъ Узнаетъ она, читатели, Бендокира Слабоумнаго.

Трепетна, смятенья полная, Стала на кольни Зоинька, Съединила ручку съ ручкою, Потупила очи ясные,

Прочитала скорымъ шопотомъ Отче нашъ и Богородицу, И тихонько промолвила: Что я вижу? Боже! Господи! О Никола, Савва мученикъ, Осъните беззащитную! Ты ли это, царь нашъ батюшка? Отъ чего, скажи, оставилъ ты Нынъ царствіе небесное? Страннымъ смѣхомъ освѣтившися, Тънь рекла прекрасной Зоинькъ: «Зоя, Зоя, не страшись, мой свътъ! «Не пугать тебя мнъ хочется, «Не на то сюда явился я «Съ того свъта привидъніемъ. «Весело пугать живыхъ людей; «Но могу ли веселиться я, «Если сына Бендокирова, «Милаго Бову царевича, «На костръ изжарятъ завтра же?» Бъдной царь заплакалъ жалобно; Больно стало доброй девушкъ. — Чемъ могу, скажи, помочь тебъ? Я во всемъ тебъ покорствую. — «Вотъ что хочется миъ, Зоинька: «Изъ темницы сына выручи, «И сама въ жилище мрачное «Сядь на мъсто королевича; «Пострадай ты за невиннаго; «Поклонюсь тебъ низехонько «И скажу: спасибо, Зоинька!» Зоинька тутъ призадумалась; Это жестко ей казалося; Но, имъя чувства нъжныя,

Зоя втайнъ согласилася На такое предложение Такъ, ты правъ, оракулъ Франціи, Говоря, что жены, слабыя Противъ стрълъ Эрота юнаго, Всв имвють душу добрую, Сердце нъжно - непритворное! — Но скажи, о царь возлюбленный! Зоя молвила покойнику, Какъ могу - ну, посуди ты самъ -Пренестись въ темницу мрачную, Гдъ горюетъ твой любезный сынъ? Пятьдесятъ отборныхъ воиновъ Днемъ и ночью стерегутъ его. Мнъ ли, слабой, робкой женщинъ, Обмануть ихъ очи воркія? ---«Будь спокойна, случай найдется; «Поклянись лишь только, милая, «Не отвергнуть сего случая, «Если самъ тебъ представится.» — Я клянусь! — сказала дъвица. Вмигъ исчезло привидъніе, Изъ окошка быстро вылетъвъ. Воздыхая тихо, Зоинька Опустила туть окошечко, И въ постелъ успокоившись,

Скоро, скоро сномъ забылася.

VII.

РАЗСУДОВЪ И ЛЮБОВЬ.

Младой Дафнисъ, гоняясь за Доридой,
Постой, кричалъ, прелестная, постой!
Скажи: люблю — и бъгать за тобой
Не стану я, клянуся въ томъ Кипридой.
«Молчи, молчи!» разсудокъ говорилъ,
А плутъ Эротъ: «скажи, ты сердцу милъ!»

Ты сердцу милъ! пастушка повторила,
И ихъ сердца огнемъ любви зажглись,
И палъ къ ногамъ красавицы Дафнисъ,
И страстный взоръ Дорида потупила!
«Бъги, бъги!» разсудокъ ей твердилъ,
А плутъ Эротъ: «останься!» говорилъ.

Осталася, и трепетной рукою Взялъ руку ей счастливый пастушокъ: Взгляни, сказалъ, съ подругой голубокъ Тамъ обнялись подъ тънью липъ густою!

«Бъги, бъги!» разсудокъ повторилъ; «Учись отъ нихъ,» Эротъ ей говорилъ,

И нъжная улыбка пробъжала Красавицы на пламенныхъ устахъ, И вотъ она съ томленіемъ въ глазахъ Къ любезному въ объятія упала....

> «Будь счастлива!» Эротъ ей прошепталъ; Разсудокъ что жь? Разсудокъ ужъ молчалъ.

VIII.

RB ABAIN.

О Делія драгая! Спъщи, моя краса, Звъзда любви златая, Спъщи: твой Аргусъ удалился, И сонъ сомкнулъ его глаза.

Подъ сънью потаенной Дубравной тишины, Гдъ токъ уединенной Сребристыя волны Журчитъ съ унылой Филомелой, Готовъ пріютъ любви веселой, И блескомъ освъщенъ луны.

Накинутъ тъни нощи
Покровы намъ свои,
И дремлютъ съни рощи,
И быстро мигъ любви
Летитъ—я весь горю желаньемъ:
Спъши, о Делія, свиданьемъ,
Спъши въ объятія мои!

IX.

ABAIA.

Ты ль передо мною, Делія моя?

lib.pushkinskijdom.ru

Разлученъ съ тобою, Сколько плакалъ я! Ты ль передо мною, Или сонъ мечтою Обольстилъ меня?

Ты узнала ль друга? Онъ не то, что былъ; Но тебя, подруга, Все жъ не позабылъ; И твердитъ унылой: Я любимъ ли милой, Какъ, бывало, былъ?

Что теперь сравнится Съ долею моей? Вотъ слеза катится По щекъ твоей... Делія стыдится.... Что теперь сравнится Съ долею моей?

X.

къ наташъ.

Вянеть, вянеть льто красно, Улетають ясны дни! Стелется туманъ ненастной Ночи въ дремлющей тъни; Опустъли злачны нивы, Хладенъ ручеекъ игривый,

Лесъ кудрявый поседель; Сводъ небесный побледнель.

Свътъ-Наташа, гдъ ты нынъ? Что никто тебя не зритъ? Иль не хочешь часъ единый Съ другомъ сердца раздълить? Ни надъ озеромъ волнистымъ, Ни подъ кровомъ липъ душистымъ Ранней, позднею порой, Не встръчаюсь я съ тобой.

Скоро, скоро холодъ вимній Рощу, поле посѣтитъ; Огонекъ въ лачужкѣ дымной Скоро ярко заблеститъ; Не увижу я прелестной И, какъ чижикъ въ клѣткѣ тѣсной, Дома буду горевать И Натащу вспоминать.

XI.

КЪ НАТАЛЬВ.

Такъ, и миъ узнать случилось, Что за птица Купидонъ; Сердце страстное плънилось, Признаюсь: и я влюбленъ! Пролетъло счастья время, Какъ, любви не зная бремя,

Я живаль, да попъваль; Какъ въ театръ, и на балахъ, На гуляньяхъ, иль въ воксалахъ Легкимъ зефиромъ леталъ; Какъ, смъясь, во эло Амуру Я писаль каррикатуру На любезный женскій полъ. Но напрасно я смъялся; Наконецъ и самъ попался: Самъ, увы, съ ума сощелъ. Смѣхи, вольность, все подъ лавку, Изъ Катоновъ я въ отставку, И теперь я — Селадонъ! Миловидной жрицы Тальи, Видълъ прелести Натальи, И ужъ въ сердцъ Купидонъ! Такъ, Наталья, признаюся: Я тобою полоненъ; Въ первый разъ еще (стыжуся) Въ женски прелести влюбленъ; Цълый день, какъ ни верчуся, Лишь тобою занять я; Ночь придетъ-и лишь тебя Вижу я въ пустомъ мечтаньъ. Вижу, въ легкомъ одъяньъ, Будто милая со мной: Робко сладостно дыханье, Бълой груди колебанье, Снъгъ затмившей бълизной! И полуотверсты очи, Скромный мракъ безмолвной ночи Духъ въ восторгъ приводятъ мой!... Я одинъ въ бесъдъ съ нею; Вижу дъвственну лилею,

Трепещу, томлюсь, нъмъю.... И проснулся; вижу мракъ Вкругъ постели одинокой. Испускаю вздохъ глубокой; Сонъ ленивый, томноокой Отлетаетъ на крылахъ; Страсть сильнее становится; И, любовью утомясь, Я слабъю каждый часъ — Все къ чему-то умъ стремится Но, Наталья, ты не знаешь, Кто твой нъжный Селадонъ? Ты еще не понимаешь, Отъ чего не смъетъ онъ И надъяться?—Наталья! Выслушай еще меня: Не владътель я сераля, Не Арапъ, не Турокъ я; За учтиваго Китайца, Грубаго Американца Почитать меня нельзя: Не представь и Нъмчурою, Съ колпакомъ на волосахъ, Съ кружкой пивомъ налитою И съ цыгаркою въ зубахъ; Не представь кавалергарда Въ каскъ съ длиннымъ палашомъ — Не люблю я бранный громъ: Шпага, сабля, алебарда Не тягчатъ моей руки. Кто же ты, болтунъ влюбленный?... XII.

КЪ МОЛОДОЙ АКТРИСВ.

Ты не наслъдница Клероны; Не для тебя свои законы Владълецъ Пинда начерталъ; Тебъ немного Богъ послалъ; Твой голосокъ, тълодвиженья, Нъмыя взоровъ обращенья Не стоятъ, признаюсь, похвалъ И шумныхъ плесковъ удивленъя. Жестокой суждено судьбой Тебъ актрисой быть дурной; Но, Хлоя, ты мила собой. Тебъ во слъдъ толиятся смъхи, Сулятъ любовникамъ утъхи — И такъ, вънцы передъ тобой, И несомнительны успъхи.

Ты пленнымъ зрителя веденть, Когда безъ такта ты поещь; Недвижно стоя передъ нами, Поещь, и часто, не въ-нопадъ; А мы усердными рукамы Все громко хлопаемъ: кричатъ: Вravo! bravissimo! чудесно! Свистки сатириковъ молчатъ, И все покорствуютъ прелестной.

Когда, въ неловкости своей, Ты сложишь руки у грудей, Или подымешь ихъ, и снова На грудь положишь, застыдясь; Когда Милона молодаго,
Лепеча что-то не для насъ
Въ любви, безъ чувства, увъряешь,
Или безъ памяти, въ слезахъ,
Холодный испуская: ахъ,
Спокойно въ кресла упадаешь,
Краснъя и чуть-чуть дыша;
Всъ шепчуть: ахъ, какъ хороша!
Увы, другую бъ освистали!
Велико дъло красота!
О Хлоя, мудрые солгали:
Не все на свътъ суета.

Плъняй же, Хлоя, красотою! Стократъ блаженъ любовникъ тотъ, Который нъжно предъ тобою, Осмълясь, о любви поетъ Въ стихахъ и прозою, на сценъ Тебя клянется обожать, Кому ты моженъ отвъчать, Не смъя молвить объ измънъ; Блаженъ, кто можетъ роль забыть на сцънъ съ миленькой актрисой, Жать руку ей, надъясь бытъ Еще блаженнъй за кулисой!

XIII.

къ машь.

Вчера мнъ Маніа приказала Въ куплеты рифмы набросать, И мнъ въ награду объщала Спасибо въ прозъ написать. Спѣшу исполнить приказанье. Года не смѣютъ погодить. Еще семь лѣтъ—и объщанье Ты не исполнишь, можетъ быть. инно, молча, сложа руки,

Вы чинно, молча, сложа руки, Въ собраньяхъ будете сидъть, И жертвуя богинъ скуки, Съ воксала въ маскарадъ летъть.

> И ужъ не вспомните поэта. .. О Маша, Маша, посивши, И за четыре мнв куплета Мою награду напиши!

XIV.

князю А. М. горчакову.

Пускай, не знаясь съ Аполлономъ
Поэтъ, придворный философъ,
Вельможъ знатному съ поклономъ
Подноситъ оду въ двъсти строфъ;
Но я, любезный Горчаковъ,
Не просыпаюсь съ пътухами,
И напыщенными стихами,
Наборомъ громозвучныхъ словъ,
Я пътъ пустаго не умъю
Высоко, тонко и хитро;
И въ лиру превращать не смъю
Мое гусиное перо!
Нътъ, нътъ, любезный князь, не оду
Тебъ намъренъ посвятить;

Что прибыли соваться въ воду, Сначала не спросившись броду, И въ слъдъ Державину парить? Пишу своимъ я складомъ нынъ Кой какъ стихи на имянины!

Что долженъ я, скажи, въ сей часъ Желать отъ чиста сердца другу? Глубоку ль старость, милый князь, Дътей, любезную супругу, Или богатства, громкихъ дней, Крестовъ, алмазныхъ звъздъ, честей? Не пожелать ли, чтобы славой Ты увлеченъ былъ въ путь кровавой, Чтобъ въ лаврахъ и вънцахъ сіялъ, Чтобъ въ битвахъ громъ изъ рукъ металъ? И чтобъ побъда за тобою, Какъ древле Невскому герою, Всегда, вездъ летала въ слъдъ? Не сладострастія поэтъ Такою пъсенкой поздравитъ .. Онъ лучше музъ на въкъ оставитъ... Дай Богъ любви, чтобъ ты свой въкъ, Питомцемъ нъжнымъ Эпикура, Провелъ межъ Вакха и Амура! А тамъ, когда Стигійскій брегъ Мелькиетъ въ туманномъ отдаленьи, Дай Богъ, чтобъ въ страстномъ упоеньи Ты съ томной сладостью въ очахъ, Изъ рукъ младаго Купидона, Вступая въ мрачный чолнъ Харона, Уснулъ.... Эллены на грудяхъ!

XV.

въ альбомъ илличевскому.

Мой другъ, не славный я поэтъ, Хоть христіанинъ православной. Душа безсмертна слова нътъ; Моимъ стихамъ удълъ неравной: И пъсни Музы своенравной, Забавы ръзвыхъ, юныхъ лътъ Погибнутъ смертію забавной, И насъ не тронетъ здъшній свътъ. Ахъ, въдаетъ мой добрый Геній, Что предпочелъ бы я скоръй

Безсмертіе своихъ твореній. Не властны мы въ судьбъ своей; По крайней мъръ нътъ сомнънья, Сей плодъ небрежной вдохновенья, Безъ подписи, въ твоихъ рукахъ, На скромныхъ дружества листкахъ, Уйдетъ отъ общаго забвенья. Но пусть напрасенъ будетъ трудъ, Твоею дружбой оживленной; Мои стихи пускай умрутъ: Гласъ сердца, чувства неизмънны Навърно ихъ переживутъ.

XVI.

BOCHOMBHAHIB.

(къ плшинл).

Помнишь ли, мой брать по чашт, Какъ въ отрадной тишинт, Мы топили горе наше Въ чистомъ пънистомъ винт?

> Какъ, укрывшись молчаливо Въ нашемъ темномъ уголкъ, Съ Вакхомъ нъжились лъниво, Школьной стражи вдалекъ?

Помнишь ли друзей шептанье Вкругъ бокаловъ пуншевыхъ, Рюмокъ грозное молчанье, Пламя трубокъ грошевыхъ?

Закипъвъ, о сколь прекрасно Токи дымные текли!... Вдругъ педанта гласъ ужасной Намъ послышался вдали:

П бутылки вмигъ разбиты, И бокалы всъ въ окно, Всюду по полу разлиты Пуншъ и свътлое вино.

Убъгаемъ торопливо;
Вмигъ исчезъ минутный страхъ!
Щекъ румяныхъ цвътъ игривой,
Умъ и сердце на устахъ,
Хохотъ чистаго веселья,
Неподвижной, тусклой взоръ—

Измъняли чадъ похмълья,
Сладкой Вакха заговоръ!
О друзья мои сердечны!
Вамъ клянуся, за столомъ,
Всякій годъ, въ часы безпечны,
Поминать его виномъ.

XVII.

погребъ.

О, сжальтесь надо мною Товарищи, друзья! Красоткой удалою Въ конецъ измученъ я!

Всечасно я тоскую; Горька моя судьба! Несите жъ круговую, Откройте погреба.

Тамъ, тамъ во льду хранится Бутылокъ гордый строй, И портера таится Беменокъ выписной.

Нашъ Либеръ, заикаясь,
Къ нему покажетъ путь:
Пойдемте всъ, шатаясь,
Подъ бочками заснуть!
Въ нихъ сердца утъшенье,
Награда для пъвцовъ,
И мукъ любви забвенье,
И жаръ моихъ стиховъ.

XVIII.

застольная пъсня.

Други, пусть года несутся! О годажь ли намъ тужить, Коль не все и лозы вьются? Но скоръй и пить, и жить.

Громкій смѣхъ надъ лекарями, При плесканьи полныхъ чашъ! Вѣрьте мнѣ: Игея съ нами, Самъ Ліэй цѣлитель нашъ.

Пънный мозель восхищенье Изливаеть въ нашу кровь; Пейте жъ съ нимъ вы утъщенье И болтливую любовь!

Выпили? Еще! Кругами Рдветъ радость на щекахъ; Порхъ! Амуръ забилъ крылами... И мы дремлемъ на цвътахъ.

XIX.

0 H A.

«Печаленъ ты, признайся; что съ тобою?»
— Люблю мой другъ! — «Но кто жъ тебя пленилъ?»

— Она.—«Да кто жъ, Глицера ль, Хлоя, Лила?»

— О нътъ — «Кому жъ ты жертвуешь душою?»

— Ахъ, ей! — «Ты скроменъ другъ сердечный!

Но почему жъ ты столько огорченъ?

И кто виной? Супругъ, отецъ конечно....»

Не то, мой другъ! — «Но что-жъ?» — Я ей не онъ!

XX.

твой и мой.

Богъ въсть, за что философы, пінты На твой и мой давнымъ-давно сердиты. Не спорю я съ ученой ихъ толпой, Но и бранить причины не имъю То, что даритъ мнъ радость и покой. Что, ежели бъ ты не была моею? Что, ежели бъ я не былъ, Ниса, твой?

XXI.

RT HOPTPETY R***.

Въ немъ пунша и войны кипитъ всегдашній жаръ. На Марсовыхъ поляхъ онъ грозный былъ воитель, Друзьямъ онъ върный другъ, красавицамъ мучитель, И всюду онъ гусаръ.

XXII.

экспромтъ на а.

Въ молчаньи предъ тобой сижу. Напрасно чувствую мученье, Напрасно на тебя гляжу: Того ужъ върно не скажу, Что говоритъ воображенье.

XXIII.

въ письму.

Въ немъ радости мои; когда померкну я, Пускай оно груди безчувственной коснется: Быть можетъ, милые друзья, Быть можетъ, сердце вновь забъется.

XXIV.

RIDATUHE.

Покойникъ Клитъ въ раю не будетъ: Творилъ онъ тяжкіе гръхи. Пусть Богъ дъла его забудетъ, Какъ свътъ забылъ его стихи.

XXV.

. ИНИНЯМИ

Умножайте шумъ и радость; Пойте пъсни въ добрый часъ: Дружба, грація и младость Имянинницы у насъ. Между тъмъ дитя крылато, Васъ привътствуя, друзья, Втайнъ думаетъ: когда-то Имянинникъ буду я?

XXVI.

ANAB.

Лила, Лила, я страдаю Безотрадною тоской, Я томлюсь, я умираю, Гасну пламенной душой, Но любовь моя напрасна: Ты смъещься надо мной. Смъйся, Лила: ты прекрасна И безчувственной красой.

XXVII.

R. A. B***.

Что можемъ наскоро стихами молвить ей? Мнъ истина всего дороже. Подумать не успъвъ, скажу: ты всъхъ милъй; Подумавъ, я скажу все тоже.

XXVIII.

ИСТОРІЯ СТИХОТВОРЦА.

Мараетъ́ онъ единымъ духомъ
Листъ;
Внимаетъ онъ привычнымъ ухомъ
Свистъ;
Потомъ всему терзаетъ свъту
Слухъ;
Потомъ печатаетъ — и въ Лету
Бухъ!
.

XXIX.

добрый человъкъ.

Ты правъ, несносенъ Оирсъ ученый, Педантъ надутый и мудреный: Онъ важно судитъ обо всемъ, Всего онъ знаетъ понемногу. Люблю тебя, сосъдъ Пахомъ: Ты просто глупъ — и слава Богу.

XXX.

Какъ брань тебъ не надоъла! Расчетъ коротокъ мой съ тобой: Ну, такъ, я празденъ, я безъ дъла, А ты бездъльникъ дъловой.

XXXI.

Охотникъ до журнальной драки, Сей усыпительный зоилъ Разводитъ опіумъ чернилъ Слюнею бъшеной собаки.

XXXII.

«Хоть впрочемъ онъ поэтъ изрядный, Эмилій человъкъ пустой.»
Да ты чъмъ полонъ шутъ нарядный?
А, понимаю: самъ собой;
Ты полонъ дряни, милой мой!

XXXIII.

«Скажи, что новаго? — Ни слова. — «Не знаешь ли, гдъ. какъ и кто?» — О братецъ! отвяжись: я знаю только то, Что ты дуракъ, но это ужъ не ново.

XXXIV.

ФРАНЦУЗСКІЕ СТИХИ.

написанные А. С. Пушкинымъ (въ его молодости) къ одному товарищу и совоспитаннику его по Царскосельскому лицею.

MON PORTRAIT

Vous me demandez mon portrait,

Mais peint d'après nature; Mon cher, il sera bientôt fait

Quoique en miniature.

Je suis un jeune polisson Encore dans les classes; Point sot, je le dis sans façon

Et sans fades grimaces.

Onc il ne fut de babillard, Ni docteur en Sorbone — Plus ennuyeux et plus braillard Que moi même en personne.

Ma taille à celle des plus longs Ne peut être égalée; J'ai le teint frais, les cheveux blonds

Et la tête bouclée.

J'aime et le monde, et son fracas, Je haïs la solitude: J'abhorre et noises et débâts,

Et tant soit peu l'étude.

Spectacles, bals me plaisent fort.

мой портретъ.

Ты просишь у меня портрета моего.

Но-списаннаго съ натуры: Любезный другъ, онъ скоро будеть готовъ,

Хоть и въ миніатюрѣ.
Я молодой повѣса,
Еще не вышедшій изъ классовъ.
Не глупъ. сознаюсь въ томъ безъ
чиновъ

И безъ притворныхъ ужимокъ. Не бывало еще ни болтуна, Ни Сорбонскаго доктора, Скучнъе и горластъе Моей особы.

Станъ мой съ высокимъ Не можетъ быть въ уровень; Я свъжъ лицомъ; волосы мои бълокуры *.

А голова курчава.

Люблю и свътъ и шумъ его, Ненавижу одиночество; Терпътъ не могу досадъ и перекоровъ **,

А-отъ малой части-и ученья. Спектакли, балы мив очень нравятся ***.

^{*} Въ молодости Пушкина волоса его были свътлорусы.

^{**} Прекрасное свойство автора-родное не всёмъ литераторамъ нашего въка.

^{***} Пушкинъ быль душой общества, а веселость его неистощимая —какъ истинный

Et d'après ma pensée, Je dirais ce que j'aime encor... Si n'étais au Lycée.

Après cela, mon cher ami, L'on peut me reconnaître: Oui! tel que le bon Dieu me fit,

Je veux toujours paraître.
Vrai démon pour l'espièglerie,
Vrai singe par sa mine,
Beaucoup et trop d'étourderie.—

Ma foi - voilà Pouchkine.

И—по душѣ (по мысли)—
Сказалъ бы, что еще люблю...
Еслибъ не находился въ Лицеѣ.
Послѣ этого, милый другъ,
Узнатъ меня можно:
Да! такимъ, какъ Богъ создалъ
меня,

Хочу всегда казаться.

Настоящій демонъ въ шалостяхъ,
Настоящая обезьяна по виду,
Я вътренникъ большой и даже
черезчуръ.

По чести таковъ-Пушкинъ.

геній. Таковъ именно быль юноша Пушкинъ, когда присылаль мит первые стпли свои для печати. И теперь еще храню я, какъ клейнодъ, собственноручное письмо его, въ которомъ онъ напоминаль мит о томъ за два мъсяца до своей смерти.

(Примъчанія и переводъ стиховъ П. К - ва).

конецъ лицейскихъ стихотвореній

примъчанія

КЪ СТИХОТВОРЕНІЯМЪ ПУШКИНА

неизвъстныхъ годовъ.

- І. Первая строфа этого благодарнаго гимна не принадлежитъ Пушкину. Онъ взялъ ее у пѣвца, которому одному предстояла слава создать народный гимнъ, у Жуковскаго. Эта первая строфа помѣщена была въ журналѣ Сынъ Отечества 1815 г., № XLVIII, за подписью: Жуковскій и внесена цѣликомъ въ послѣднее иятое изданіе его сочиненій 1849 г., томъ пятый, стр. 142. Слѣдующія за ней строфы дѣйствительно написаны Пушкинымъ и трогательно выражаютъ чувство признательсти къ Державному основателю Лицея.
- П. Пьесою: «Осгарь» открывается у насъ отдёлъ стихотвореній неизвёстныхъ годовъ, напечатанныхъ впервые посмертнымъ изданіемъ и не нахолящихся въ рукописяхъ поэта. Онъ содержитъ 33 пьесы. Мы лишены не только возможности провёрить ихъ, но лаже и опредёлить точно ли всё они принадлежатъ Пушкину. Одна пьеса: «Застольная пёсня» уже окончательно признана не Пушкинской. Такое же точно подозрёніе дежитъ еще на двухъ : «Къ Деліи» и "Делія». Ошибки и описки всякаго рода достаточно показываютъ съ какихъ копій, испорченныхъ переписчиками, взяты были другія посмертнымъ изданіемъ. Всего болёе пострадала при этомъ

пьеса : «Къ Натальв (Такъ, и мнв узнать случилось)» и частію два посланья : «Кн. Горчакову» и «Илличевскому». Важность всёхъ вообще стихотвореній въ поэтическомъ отношеній не значительна, но въ замѣнъ, какъ матеріалы для опрельденія развитія поэта и какъ матеріалы для жизнеописанія вообше они имбють несомнічное значеніе. По пьесамъ: Осгаръ, Эвлега, Лела, Бова, Альфонсъ и проч. можно видеть, какъ молодой авторъ прошелъ чрезъ всф ступени подражанія отъ Макферсона и Парви до Карамвина и Жуковскаго. По его посланіямъ къ друзьямъ, пъснямъ, экспромтамъ - многія частности и подробности Царскосельской жизни, живо представляются читателю. Большая часть упоминаемыхъ тамъ лицъ, дъйствительно существовала, вмфсть съ бывшимъ тогда домашнимъ театромъ у одного изъ жителей города и проч. Вообще объяснение біографическихъ подробностей въ стихотвореніяхъ Пушкина, могло бы составить содержаніе довольно большаго и не нелюбопытнаго труда.

III, IV, V.

- XVIII. По замѣчанію В. П. Гаевскаго, стихотвореніе это должно принадлежать Дельвигу, а не Пушкину. Оно дѣйствительно напечатано въ Соревнователѣ Просвѣщенія и Благотворенія, часть XII съ подписью: Д—, и попало въ разрядъ Пушкинскихъ, какъ замѣчаетъ критикъ, потому, что есть много стихотвореній Дельвига, переписанныхъ рукою нашего автора. (См. Отечествевныя Записки 1853, № 6, ст. Библіографическія замѣтки). Впослѣдствіи г. Гаевскій приложилъ «Застольную пѣсню» Дельвига въ исправленномъ видѣ. Она уже мало схожа съ той, которую посмертное изданіе выдало за Пушкинскую и которую мы сохраняемъ здѣсь, какъ примѣръ, оправлывающій наши сомнѣнія и въ отношеніи другихъ пьесъ.

XIX, XX. XXI, XXII, XXIII.

- XXIV. Эпитафія, хотя и напечатана была въ Сѣверномъ Наблюдателѣ 1817 г. № 2, подъ заглавіемъ: «Эпиграмма на смерть стихотворца» но въ изданіе 1826 г. не попада.
- XXV. Какъ эта пьеса, такъ и 8 следующихъ за ней выбраны были Пушкинымъ для изданія 1826 г. и оттуда перешля во

всѣ послѣдующія. Пушкинъ желалъ сохранить свои Лицейскіе экспромиты, надписи и эпиграмы, доставившія ему раннюю славу между товарищами.

XXVI, XXVII.

XXVIII. Впервые напечатана въ журналѣ: «Соревнователь Просвъщенія и Благотворенія» 1821 г.

XXIX, XXX, XXXI, XXXII, XXXIII.

ХХХІV. Французскіе стихи Пушкина, съ примѣчаніями П. Корсакова, перепечатаны были посмертнымъ изданіемъ изъ журнала: «Маякъ современнаго просвѣщенія и образованія», издатели П. Корсаковъ и С. Бурачекъ, 1840 г., часть ІІІ. Тамъ было еще приложено отъ редакціи слѣдующее объясненіе: «Стихи эти сообщены намъ почтеннымъ товарищемъ и соученикомъ незабвеннаго Пушкина—Бар. И. Ө Гревенсомъ. Помѣщаемъ ихъ здѣсь (съ подстрочнымъ прозаическимъ переводомъ), какъ драгоцѣнность, еще не обнародованную, какъ вѣрную характеристику Пушкина, имъ самимъ написанную, какъ достояніе исторіи нашей Литературы. Ред.»

ОГЛАВЛЕНІЕ

лицейскимъ стихотвореніямъ пушкина.

(съ 1814 по 1817 включительно).

(Пьесы, выбранныя Пушквнымъ изъ Лицейскихъ стихотвореній, для пом'вщенія въ изданіяхъ своихъ сочиненій 1826 г. и 1829 г. — напечатаны здёсь большими, прописными буквами. Пьесы, никогда не бывшія въ печати, обозначены словами: неизд).

1814 FOAA.

												Ст	ран.
1	Къ сестрѣ.	(Неизд).											1
	Къ другу ст												
	Кольна												
	Блаженство.												
	Опытность.												
	Вънеръ отъ												
	Красавипѣ,												
	Пирующіе												
	Къ Н. Г. Л												
	Романсъ (П												
	Къ Б-ву												
	Примъчанія	•	_										
		1	8	L5 1	ro,	ДA							
1	Городокъ.											•	33
	. Къ П—ну												
	. Къ Г—чу												
	r. 11.		1			•		•	•	•	3		

	•	Стран.
 Къ Дельвигу (Послушай, Музъ невинныхъ) 		49
v. Къ Батюшкову (Въ пещерахъ Геликона)		52
v1. Посланіе къ Г-чу (Гль ты льнивець мой)		53
vii. Измѣны ,		57
viii. Козакъ		60
іх. Вода и випо		63
х. Эпиграмма. (Аристь намъ объщаль трагедію такун	0) .	
хі. Эпиграмма (Супругою твоей я такъ плънился).		64
хи. Эпиграмма (Бывало прежнихъ лътъ герой)		
хии Моя Эпитафія		
хи. Мое завъщание друзьями		65
ху. Сраженный рыдарь		67
хүг, Слеза		68
хин. Къ Живописцу		69
хүш. РОЗА		70
хіх. СТАРИКЪ		71
хх. Мечтатель (По небу крадется луна)		
ххі. ГРОБЪ АНАКРЕОНА		74
ххи. На возвращевіе Государя Императора изъ Парижа	въ	
1815 r		75
ххии. Наполеовъ на Эльбъ		78
ххи Воспоминанія въ Цэрскомъ сель		81
хху. ДПЦПНІЮ		87
Примъчанія		. 90
1	•	
1816 года.		
Manus Angerons (source)		
1. Моему Аристарку (неизд.)		101
п. Посланіе Лидѣ	_	104
пі. Къ ней (Эльвина милый другъ).		106
гу. Заздравный Кубокъ.	• •	107
v. Фавиъ и Пастушка	• •	108
vi. Истина		114
уп. Фіаль Анакреона	• •	115
учи. Сонъ (Пускай поэть съ кадильницей наемной) .	• •	116
ту. Наведникъ	•	123
к. Письмо къ В. Л. Пушкину		126
хі. Принцу Оранскому	• •	128
хи. Желаніе.	•	129
хии. Осеннее утро	• •	130
хіт. Счастливъ кто въ страсти самъ себъ	• •	131
ху. Окно.		139

											CT	ран.
хуі. Мѣсяцъ	•						•				. :	133
хуп. Опять я вашъ, о в	оные	е дру	тавн.								•	134
хуни. Любовь одна весел												135
хіх. Разлука (Когда пр											•	137
хх. Уныніе (неизд.)												138
ххі. Подражаніе (неизд.	.)					•		•				139
ххи. Я Лилу слушаль								•	•			140
ххии. Друзьямъ				٠		•		•	•	•		
ххіу. ДРУЗЬЯМЪ						•	•	•	•	•	•	141
хху. Сну								•	•	•		
ххуі. Къ Морфею											•	142
ххүн. ПРОБУЖДЕНІЕ.												
ххин. Ш—ОВУ (Шалун	ь, у	вънч	аннь	ıй	Эра	той	И	Be	нег	ЮÙ)	•	143
ххіх. АМУРЪ в ГИМЕН												145
ххх. Пъвецъ.									•			147
$I\!I p$ имњиан i я \ldots	•	• •	•		:	•	•	•		•		148
		317										
г. Къ Жуковскому ()	Благ	ослов	и по	Этъ							•	156
н. Къ Дельвигу (Бла	Благ жент	ослов 6 кто	и по	этъ)	ıхъ	rål	ъ).					161
и. Къ Дельвигу (Бла и. КЪ ДЕЛЬВИГУ	Благ жент	OCJOB 6 RTO	и по	этъј юнь	ахі 		ъ). ·		•			161 162
и. Къ Дельвигу (Бла иг. КЪ ДЕЛЬВИГУ . иг. Письмо къ Лидъ	Благ жент , ,	ослов 5 кто • • •	съ 1	ЭТЪ ОНЬ	axi	181	ъ).		•			161 162 163
и. Къ Дельвигу (Бла ии. КЪ ДЕЛЬВИГУ и. Письмо къ Лидъ у. Усы	Благ жент (неиз	ослов 5 кто ; . 3д.) .	съ 1	ать Ано	1XЪ		ъ).					161 162 163 164
 п. Къ Дельвигу (Бла п. Къ ДЕЛЬВИГУ п. Письмо къ Лидѣ у. Усы у. Наслажденіе 	Благожент	ослов 5 кто • • • • • • • • • • • • • • • • • • •	и по съ 1	Этъ Юнь	1XЪ		ъ).		· · · ·			161 162 163
 п. Къ Дельвигу (Бла п. КЪ ДЕЛЬВИГУ . п. Письмо къ Лидъ т. Усы т. Наслажденіе . т. Стансы изъ Вольз 	Благ жент (неиз	OCJOB 5 RTO 	съ 1	ЭТЪ АНОН		rår.	ъ).					161 162 163 164 166
 п. Къ Дельвигу (Бла п. Къ ДЕЛЬВИГУ п. Письмо къ Лидѣ у. Усы у. Наслажденіе 	Благожент,	OCAOB • • • • • • • • • • • • • • • • • • •	и по съ 1	атъ ано		råu	ъ).					161 162 163 164 166 167
 п. Къ Дельвигу (Бла п. КЪ ДЕЛЬВИГУ . п. Письмо къ Лидъ у. Усы уг. Наслажденіе . уп. Стансы изъ Волы уп. Сновидъніе 	Благ жент (неи: тера 	ослов	и по	ЭТЪ ЮНЬ 		Tåk.	**************************************					161 162 163 164 166 167 168
п. Къ Дельвигу (Бла пп. КЪ ДЕЛЬВИГУ пу. Письмо къ Лидѣ у. Усы уп. Наслажденіе уп. Стансы изъ Вольт уп. Сновидѣніе к. Къ Товарищамъ к. Взглянувъ когда хт. РАЗЛУКА (Въ по	Благо жент по	OC.10B 6 RTO 3.4.)	и по съ п пуска тай	ЭТЪ,	ixts id c	ritr eii	ъ).	стои				161 162 163 164 166 167 168 169
п. Къ Дельвигу (Бла п. Къ ДЕЛьвигу . п. Письмо къ Лидъ г. Усы г. Наслажденіе . г. Стансы изъ Вольт г. Къ Товарищамъ в к. Взглянувъ когда в к. РАЗЛУКА (Въ по	Благо жент по	ослов	и по съ п пуск а тай разъ бовь	ЭТЪ, ЮНЬ 	ixa · · · · · · · · · · · · · · ·	лът ей еи	ъ).	стон				161 162 163 164 166 167 168 169 170
п. Къ Дельвигу (Бла п. КЪ ДЕЛЬВИГУ п. Письмо къ Лидъ г. Усы г. Наслажденіе г. Стансы изъ Вольт г. Къ Товарищамъ к. Взглянувъ когда к. РАЗЛУКА (Въ по ки. Въ Альбомъ (Про ки. Безвъріе.	Благо жент по	ослов	и по съ п пуск а тай разъ бовь	этъ, юнь омъ въ въ	IXTS	лѣт ей ни ;	ъ).	стон				161 162 163 164 166 167 168 169 170
п. Къ Дельвигу (Бла п. КЪ ДЕЛЬВИГУ . п. Письмо къ Лидъ г. Усы г. Наслажденіе . г. Стансы изъ Вольт г. Къ Товарищамъ в к. Взглянувъ когда в хі. РАЗЛУКА (Въ по хіі. Въ Альбомъ (Про хііі. Безвъріе г. Къ Каверину .	Благ- жент (неиз- сера пред пред идет	OC. 10B	и по съ 1	этъ, юнь 	ixa iii c cts leus	лът ей мни мни	ъ).	· · · · · · · · · · · · · · · · · · ·				161 162 163 164 166 167 168 169 170 — 171 172 174
п. Къ Дельвигу (Бла п. Къ Дельвигу (п. Къ Дельвигу (п. Къ Дельвигу (п. Къ Дельвигу (п. Къ Дельвиг (п. Къ Товарищамъ (п. Въ Альбомъ (про ки. Безвъріе	Благ жент	ослов в кто вд.)	и по съ 1	ЭТЪ, ЮНЬ ОМЪ іны ВЪ В.	IXX	льт	ть).			· · · · · · · · · · · · · · · · · · ·		161 162 163 164 166 167 168 169 170 — 171 172 174 175
и. Къ Дельвигу (Бла и. Къ Дельвигу . и. Письмо къ Лидъ v. Усы v. Наслажденіе . vи. Стансы изъ Вольт vи. Сновидъніе . іх. Къ Товарищамъ к. Взглянувъ когда и хі. РАЗЛУКА (Въ по хи. Въ Альбомъ (Про хи. Безвъріе viv. Къ Каверину . хv. ОТРЫВОКъ ИЗЗ хvі. Къ молодой вдов	Благ жент	OCJOB b RTO BA.) BBI TB BBI TB BB	и по съ 1	ЭТЪ, ЮНЬ 	ixa	и ъ т	ть).					161 162 163 164 166 167 168 169 170 — 171 172 174 175 176
и. Къ Дельвигу (Бла и. Къ Дельвигу . и. Письмо къ Лидъ v. Усы v. Наслажденіе . vи. Стансы изъ Вольт vи. Сновидъніе их. Къ Товарищамъ и х. Взглянувъ когда и хи. РАЗЛУКА (Въ по хи. Въ Альбомъ (Про хи. Безвъріе vиv. Къ Каверину . хv. ОТРЫВОКЪ ИЗТ хvі. Къ молодой вдов хvи. Добрый совътъ	Благ жент (неиз сера сера сера сера сера сера сера сера	OCJOB BA.) BA.) BBI BBI BBI BBI BBI BBI BBI B	и по съ п	ЭТЪ, ЮНЬ 	ixb	лѣт	TE).					161 162 163 164 166 167 168 169 170 ———————————————————————————————————
п. Къ Дельвигу (Бла п. Къ Дельвигу . п. Къ Дельвигу . п. Письмо къ Лидъ г. Усы г. Наслажденіе . г. Стансы изъ Вольт ги. Сновидъніе г. Къ Товарищамъ п. к. Взглянувъ когда п. хи. Въ Альбомъ (Про хи. Въ Альбомъ (Про хи. Безвъріе г. Къ Каверину . ху. ОТРЫВОКъ ИЗТ хуи. Къ молодой вдов хуи. Добрый совътъ хуш. Къ ней (Въ печа	Благ жент (неиз сера сера сера сера сера сера сера сера	ослов 6 кто 3.д.) 6 вы дь на най ть лю	и по съ п	этъ, 	IXTS	льт ей ни пу	лисуел.					161 162 163 164 166 167 168 169 170 — 171 172 174 175 176 177 178
п. Къ Дельвигу (Бла п. Къ Дельвигу . п. Къ Дельвигу . п. Письмо къ Лидъ г. Усы г. Наслажденіе . г. Стансы изъ Вольт ги. Сновидъніе г. Къ Товарищамъ п. к. Взглянувъ когда п. хи. Въ Альбомъ (Про хи. Въ Альбомъ (Про хи. Безвъріе г. Къ Каверину . ху. ОТРЫВОКъ ИЗТ хуи. Къ молодой вдов хуи. Добрый совътъ хуш. Къ ней (Въ печа	Благ жент (неиз сера сера сера сера сера сера сера сера	ослов 6 кто 3.д.) 6 вы дь на най ть лю	и по съ п	этъ, 	IXTS	льт ей ни пу	лисуел.					161 162 163 164 166 167 168 169 170 — 171 172 174 175 176 177 178
и. Къ Дельвигу (Бла и. Къ Дельвигу . и. Письмо къ Лидъ v. Усы v. Наслажденіе . vи. Стансы изъ Вольт vи. Сновидъніе их. Къ Товарищамъ и х. Взглянувъ когда и хи. РАЗЛУКА (Въ по хи. Въ Альбомъ (Про хи. Безвъріе vиv. Къ Каверину . хv. ОТРЫВОКЪ ИЗТ хvі. Къ молодой вдов хvи. Добрый совътъ	Благо жент	ословь кто ВА.) В вы Ть вы ОСЛА ОСЛА ОЙ пр	и по съ т	ЭТЪ, юнь омъ іны въ). Н	IXB Cobiners Leus Lux Lux Lux Lux Lux Lux Lux L	лът	Auc yea	тон н				161 162 163 164 166 167 168 169 170 — 171 172 174 175 176 177 178 179

Неизвъстныхъ годовъ.

				стран.
 Боже Царя храни. 		•		189
п. Остаръ		•		190
пі, Эвлега				193
гу. Леда		•		194
у. Альфонсъ	•	•		196
уг. Бова		•		198
vii. Разсулокъ и Любовь		•		2 06
vm. Къ Деліи				207
1х. Делія				
х. Къ Наташъ		•		208
хі. Къ Натальъ		•		209
хи. Къ молодой актрисъ		•		212
хш. Къ Машъ				213
хич. Князю Горчакову				214
ху. Въ Альбомъ Илличевскому				216
хүг. Воспоминаніе (къ Пущину)				217
хүн. Погребъ				218
хупп. Застольная пъсня				219
хіх Она				
хх. Твой и мой				220
ххі. Къ портрету К***				
ххи. Экспромтъ на А				221
ххии Къ письму			. ,	
ххіч. Покойникъ Клитъ				
Idhnhrmu .vxx				222
ххуг. ЛИЛЪ (Лила, Лила, я страдаю)				
ххүн. К*. А*. Б*				
ххүнг. ИСТОРІЯ СТИХОТВОРЦА				223
ххіх. ДОБРЫЙ ЧЕЛОВЪКЪ		•	•	
ххх. КАКЪ БРАНЬ ТЕБЪ НЕ НАДОБЛА.				224
хххі. ОХОТНИКЪ ДО ЖУРНАЛЬНОЙ ДРАКИ				
кххи. ХОТЬ ВПРОЧЕМЪ ОНЪ ПОЭТЪ ИЗРЯД	цны	Й.		
EXXIII. CKAMU TO HOBATO?				
exxiv. Mon portrait				225
Примпчанія				997

продолжение перваго отдела.

CTNXOTBOPEHIA.

1818 г.

I.

КЪ Ю . . . ВУ.

Любимецъ вътреныхъ Лаисъ, Прелестный баловень Киприды, Умъй сносить, мой Адонисъ, Ея минутныя обиды! Она дала красы младой Тебъ въ удълъ очарованье: II черный усъ и взглядъ живой, Λ юбви улыбку и молчанье. Съ тебя довольно милый другъ! Пускай, желаній пышныхъ чуждый, Ты поцълуями подругъ Не наслаждаешься; что нужды? Въ чаду веселій городскихъ, На легкихъ крыльяхъ Терпсихоры, Къ тебъ красавицъ молодыхъ Летятъ задумчивые взоры.... Увы, языкъ любви нёмой, Сей вздохъ души красноръчивой,

lib.pushkinskijdom.ru

Быть долженъ сладокъ, милый мой, Безпечности самолюбивой: И счастливъ ты своей судьбой! А я — повъса въчно праздный, Потомокъ Негровъ безобразный, Взрощенный въ дикой простотъ, Любви не-въдая страданій, Я нравлюсь юной красотъ Безстыднымъ бъщенствомъ желаній... Съ невольнымъ пламенемъ ланитъ, Украдкой Нимфа молодая, Сама себя не понимая, На Фавна иногда глядитъ.

11.

RB * * *, OTCOBBTOBABILEMY MIIB BCTYLLATE BE BOEHLYHO CAYREY.

Надъ озеромъ въ покойной хать, Или въ травъ густой луговъ, Или холма на злачномъ скатъ, Въ Бухарской шапкъ и халатъ Я буду пъть моихъ боговъ — И буду ждать! Когда жъ возстанетъ Съ одра покоя богъ мечей, И брани грозный вызовъ грянетъ, Тогда покину міръ полей. Питомецъ пламенной Беллоны, У трона върный гражданинъ, . . . въ! Я стану подъ знамены Твоихъ воинственныхъ дружинъ: Въ шатрахъ, средь съчи, средь пожаровъ, Съ мечемъ и лирой боевой, Рубиться буду предъ тобой И славу петь твоихъ ударовъ!

III.

БЪ N N.

Любви, надежды, тихой славы, Не долго нѣжилъ насъ обманъ: Исчезли юныя забавы, Какъ дымъ, какъ утреній туманъ! Но въ насъ кипятъ еще желанья: Нетерпѣливою дупой Мы ждемъ, съ томленьемъ упованья, Подруги сердцу дорогой, Какъ ждетъ любовникъ молодой Минуты тайнаго свиданья.

Пока надеждою горимъ, Пока сердца для чести живы, Мой другъ, отчизнъ посвятимъ Души прекрасные порывы!...

lV

BAEFIA.

О ты, которая изъ дътства
Зажгла во мнъ священный жаръ,
При коей сносны жизни бъдства,
Безъ коей счастье тщетный даръ.
Я звучнымъ строемъ пъсней новыхъ
Тебя привътствовать дерзалъ;
Будилъ молчанье скалъ суровыхъ
И слухъ ничтожныхъ устрашалъ.
Услышатъ пъснь мою потомки
Средь отдаленнъйшихъ въковъ,
И лиры гордые обломки
Переживутъ вънки льстецовъ,

V.

въ альбомъ михайлу андреевичу щербинину.

Житье тому, любезный другь, Кто страстью глупою не болень, Кому влюбиться недосугь, Кто занять всемь и всемь доволень; Кто Надиньку подъ вечерокь За тайнымь ужиномь ласкаеть,

И жирный Страсбургскій пирогъ Виномъ душистымъ запиваетъ. Поутру сладко дремлетъ онъ, Читая листикъ Инвалида; Весь день веселью посвященъ, И мы не такъ ли дни ведемъ, Щербининъ, ръзвый другъ забавы, Покамъстъ молоды и здравы? Но дни младые пролетять, Сердца изсохнуть и остынуть. Тогда безъ пъсенъ, безъ подругъ, Безъ наслажденій, безъ желаній, Найдемъ отраду, милый другъ, Въ туманномъ снъ воспоминаній! Тогда, качая головой, Скажу тебъ у двери гроба: «Ты помнишь Фанни, милый мой?»

VI.

кривцову,

при посылкъ вольтеровой поэмы.

Когда сожмешь ты снова руку, Которая тебъ даритъ, На скучный путь и на разлуку, Вотъ эту книжечку Харитъ?

— И тихо улыбнемся оба.

lib.pushkinskijdom.ru

Амуръ нашель ее въ Цитеръ, Въ архивъ шалости младой. По ней молись своей Венеръ Благочестивою душой. Прости, эпикуреецъ мой! Останься въкъ, каковъ ты нынъ! Лети во мрачный Альбіонъ! Да сохранитъ тебя въ чужбинъ . . . и върный Купидонъ! Неси въ чужой предълъ Пената; Но помни прежни дни свои: Люби недъвственнаго брата, Страдальца чувственной любви.

VΠ.

прелестницв.

Къ чему нескромнымъ симъ уборомъ, Умильнымъ голосомъ и взоромъ Младое сердце распалять, И тихимъ, сладостнымъ укоромъ Къ побъдъ легкой вызывать? Къ чему обманчивая нъжность, Стыдливости притворный видъ, Движеній томная небрежность, И трепетъ устъ, и жаръ ланитъ? Напрасны хитрыя старанья: Въ порочномъ сердцъ жизни нътъ... Невольный хладъ негодованья Тебъ мой роковой отвътъ. Твоею прелестью надменной Кто не владълъ во тьмъ ночной?

Скажи: у двери оцъненной
Твоей обители презрънной
Кто смълой не стучалъ рукой?
Нътъ, нътъ, другому свой завялый
Неси, прелестница, вънокъ;
Ласкай неопытный порокъ,
Въ твоихъ объятіяхъ усталый;
Но гордый замыселъ забудь:
Не привлечешь питомца Музы
Ты на предательскую грудь.
Неси другимъ наемны узы,
Своей любви постыдный торгъ,
Корысти хладныя лобзанья,
II принужденныя желанья,
II принужденныя желанья,
II златомъ купленный восторгъ!

VIII.

выздоровление.

Тебя ль я видёлъ, милый другъ?

Или невёрное то было сновидёнье,
Мечтаньс смутное, и пламенный недугъ
Обманомъ волновалъ мое воображенье?
Въ минуты мрачныя болёзни роковой,
Ты ль, дёва нѣжная, стояла надо мной
Въ одеждё воина съ неловкостью пріятной?
Такъ, видёлъ я тебя; мой тусклый взоръ узналъ
Знакомыя красы подъ сей одеждой ратной:
И слабымъ шепотомъ подругу я назвалъ...
Но вновь въ умё моемъ тёснились мрачны грезы:

Я слабою рукой искаль тебя во мгль...
И вдругь я чувствую твое дыханье, слезы
И влажный поцьлуй на пламенномъ чель...
Безсмертные, съ какимъ волненьемъ
Желанья, жизни огнь по сердцу пробъжаль!
Я закипълъ, затрепеталъ!
И скрылась ты прелестнымъ привидъньемъ.
Жестокій другъ, меня томишь ты упоеньемъ.

Приди, меня мертвить любовь!
Въ молчаньи благосклонной ночи
Явись, волшебница! Пускай увижу вновь
Подъ грознымъ киверомъ твои небесны очи,

И плащъ, и поясъ боевой,
И бранной обувью украшенныя ноги...
Не медли, поспъшай, прелестный воинъ мой,
Приди, я жду тебя: здоровья даръ благой
Мнъ снова ниспослали боги,

А съ нимъ и сладкія тревоги Любви таинственной и шалости младой.

IX.

мечтателю.

Ты въ страсти горестной находишь наслажденье:
Тебъ пріятно слезы лить,
Напраснымъ пламенемъ томить воображенье
И въ сердцѣ тихое уныніе таить.
Повърь, не любишь ты, неопытный мечтатель!
О если бы тебя, унылыхъ чувствъ искатель,
Постигло страшное безуміе любви;
Когда бъ весь ядъ ея кипълъ въ твоей крови;

Когда бы въ долгіе часы безсонной ночи, На ложъ медленно терзаемый тоской, Ты звалъ обманчивый покой, Вотще смыкая скорбны очи,

Покровы жаркіе рыдая обнималь

И сохнуль въ бъщенствъ безплоднаго желанья:

Повърь, тогда бъ ты не питалъ
Неблагодариаго мечтанья;
Нътъ, нътъ: въ слезалъ упавъ къ ногамъ
Своей любовницы надменной,
Дрожащій, блъдный, иступленной,
Тогда бъ воскликнулъ ты къ богамъ:
Отдайте, боги, мнъ разсудокъ омраченный,
Возьмите отъ меня сей образъ роковой;
Довольно я любилъ; отдайте мнъ покой....

Но мрачная любовь и образъ незабвенный Остались въчно бы съ тобой.

X.

КЪ ПОРТРЕТУ ЖУКОВСКАГО.

Его стиховъ плъщительная сладость Пройдетъ въковъ завистливую даль, И, внемля имъ, вздохнетъ о славъ младость, Утъшится безмолвная печаль И ръзвая задумается радость.

XI.

жуковскому.

Когда, къ мечтательному міру Стремясь возвышенной душой, Ты держишь на колтнахъ лиру Нетерпъливою рукой; Когда сменяются виденья Передъ тобой въ волшебной мглъ, И быстрый холодъ вдохновенья Власы подъемлеть на чель: Ты правъ, творишь ты для немногихъ, Не для завистливыхъ судей, Не для сбирателей убогихъ Чужихъ сужденій и въстей, Но для друзей таланта строгихъ, Священной истины друзей. Не всякаго полюбитъ счастье, Не вст родились для втицовъ. Блаженъ, кто знаетъ сладострастье Высокихъ мыслей и стиховъ, Кто наслаждение прекраснымъ Въ прекрасный получилъ удълъ, И твой восторгъ уразумълъ Восторгомъ пламеннымъ и яснымъ!

ПРИМЪЧАНІЯ

КЪ СТИХОТВОРЕНІЯМЪ ПУШКИНА

1818 года.

- 1. Пьеса принадлежить къ числу стихотвореній, напечатанных въ альманах в Съверная Звъзда, изд. Бестужева-Рюмина, вмъстъ съ тремя, за ней слъдующими. Она повторена была журналомъ Отечественныя Записки 1841 г., № 4, а за тъмъ посмертнымъ изданіемъ. Она, какъ и другія, подписана была Ап въ альманах в и года происхожденія всъхъ ихъ указаны намъ людьми, знавшими ихъ при самомъ появленіи.
- По необходимости сохраняемъ какъ этой пьесъ, такъ и слъдующимъ двумъ оглавленія и редакцію альманаха: Съверная Звъзда 1829 г. Всъ они имъютъ видъ неоконченности и отрывочности, который произошель отъ выпуска однихъ стиховъ и перемъны другихъ издателемъ, что и оправдываетъ жалобы Пушкина, какъ на преждевременное напечатаніе, такъ и на искаженіе ихъ. (См. Записки Пушкина).

III. IV.

V. Пьеса впервые напечатана журналомъ: Москвитянинъ 1841 г., № 4, съ подписью: А. Пушкинъ. Посмертное изданіе перепечатало ее безъ измѣненій. Слѣдующая за ней: Кривцову, дана самимъ посмертнымъ изданіемъ, сохранившимъ при этомъ помѣтку рукописи: 2 марта 1818.

- VI. Послій этой пьесы слійдують у насъ пять стихотвореній, выбранных в Пушкинымь для изданія своих в стихотвореній въ 1826 г. Оттуда перешли они въ изданіе 1829 г., и въ посмертное, но гораздо прежде перваго Сборника напечатаны еще были въ разных журналах того времени.
- VII Стихотвореніе первоначально явилось въ журналѣ: Невскій Зритель 1820 г., апрѣль, часть 2, за подписью: А. П. Два стиха его послѣ: «Тебѣ мой роковой отвѣтъ» были выпущены въ 1826 г., и возстановлены опять въ 1829 г. Они сохранены и посмертнымъ изданіемъ. Окончаніе 3-го стиха въ журналѣ было: «Млалое сердце воспалять», въ изданіи 1826—разпалять, а въ 1829 и въ посмертномъ распалять

VIII. Дано впервы изд. 1826 года.

- 13. Первоначально напечатано въ журналѣ: Сынъ Отечества 1818 г., № LI, съ подписью: Св...ч.к. (Арзамасское прозвище Пушкина Сверчокъ). При переходѣ въ изд. 1826 г., стихотвореніе получило значительныя поправки: четвертый стихъ: «И въ сердце хладное страданіе таить» замѣненъ: «И въ сердцѣ тихое униніе таить»; лесятый стихъ: «На ложѣ медленно растерзанной тоской» замѣненъ: «.... терзаемый тоской». Слѣдующій за нимъ стихъ: «Забывъ надежду и покой и измѣненъ въ другой: «Ты звалъ обманчивый покой». Пако нецъ вмѣсто «Доржащій, дикій, изступленный», Пушкинъ поставилъ: «... блюдный..... », вмѣсто:.... «воскликнулъ онъ... »— «Воскликнулъ ты» и вмѣсто: «Довольно я страдалъ....» «Довольно я любилъ». Всѣ поправки вти значительно улучшили внѣшную форму, и безъ того, прекраснаго стихотворенія.
- Х. Впервые напечатано въ журналѣ: Благонамѣренный 1818 г., часть 3, подъ заглавіемъ: «Надпись къ потрету Жуковскаго.» Пьеса тоже исправлена въ 1826 г. Вотъ прежняя редакція ея:

«Его стиховъ плънительная сладость Пройдетъ временъ въ таинственную даль: Услыша ихъ, воспламенится младость, Безмолвная утъщится печаль И ръзвая задумается радость».

XI. Посланіе это впервые напечатано въ журналѣ : Сынъ Отечества 1821 г., № LII, съ прибавкой : «по прочтеніи из-

данныхъ имъ книжекъ: Для не многихъ». Объяснение это сохранено изданіями 1826 и 1829 г., въ измѣненной формѣ: «На изданіе книжекъ его: Для не многихъ», но посмертнымъ выпущено совсѣмъ. Книжки: «Для не многихъ», содержали нѣсколько стихотвореній и переводовъ Жуковскаго и въ продажу никогда не поступали, будучи назначены не публикѣ, но другой, Высокой цѣли.

При переходѣ въ изданіе 1829 г, стихотвореніе Пушкина получило совсѣмъ другой видъ, чѣмъ въ Сынѣ Отечества и даже въ изданіи 1826 г. Изъ 43 стиховъ первой редакціи въ немъ осталось уже тогда только 22. Первымъ условіемъ поправки у Пушкина было почти всегда сжатіе пьесы, уничтоженіе побочныхъ объясненій и замѣна многословія—опредѣленностію мысли и лаконизмомъ выраженія ея. Такъ и здѣсь. Три начальные стиха нынѣшней пьесы заступили, въ 1826 г., слѣлующее расгянутое мѣсто редакціп Сына Отечества.

«Когда младымъ воображеньемъ Твой гордый геній окрыленъ, Тревожитъ лѣни праздный сонъ, Томясь мятежнымъ упоеньемъ; Когда возвышенной душой Детя къ мечтательному міру, Ты держишь на колѣняхъ лиру»....

Въ 1829 г. сдълано еще измъненіе, именно выпущень конецъ пьесы, находящійся въ изданіи 1826 г. Возстановляемъ его теперь:

«Смотри, какъ пламенный поэт» Вниманьем в сладкимъ упоенный. На свитокъ генія склоненный, Читаетъ повѣсть древнихъ лѣтъ! Онъ духомъ тамъ, въ дыму сголѣтій: Предъ нимъ волнуюлся толпой Злодѣйства, мрачной славы дѣти, Съ сынами доблести прямой; Отъ сна воскресшими вѣками Онъ бродитъ таино окружёнъ,

И благодарными слезами
Карамзину приносить онъ
Живой души благодаренье
За мигъ восторга золотой,
За благотворное забвенье
Безплодной суеты вемной:
И въ немъ трепещетъ вдохновенье».

Въ серединъ стихотворенія, Пушкинъ изъ двухъ стиховъ первой редакціи:

«Не для подкупленныхъ судей Ревнивыхъ милостью своей,

сдёлаль одинь нынёшній — десятый. Какь уже тогда выходиль онь изь общей череды стихотворчества, можеть служить извёстный стихь пьесы, удивившій въ то время сословіе литераторовь:

И быстрый холодо вдохновенья Власы подъемлеть на чель.

До техь порь общепринятой фразой быль огонь, жарт и пыль вдохновенія. Холодт вдохновенія свидётельствоваль о самобытномь таланте его почти столько же, сколько и нёкоторыя пельныя пьесы.

Въ Сынъ Отечества приложена была къ этому стихотворенію выноска издателей слъдующаго содержанія: «Сочинитель не подписаль своего имени, но кто не узнаетъ здѣсь того поэта, который въ такія лѣта, когда другіе еще учатся правиламъ стихотворства—сталь уже на ряду съ нашими первоклассными писателями!»

1819 г.

I.

РУСАЛВА.

Надъ озеромъ, въ глухихъ дубровахъ, Спасался нъкогда монахъ, Всегда въ занятіяхъ суровыхъ, Въ постъ, молитвъ и трудахъ. Уже лопаткою смиренной Себъ могилу старецъ рылъ, И лишь о смерти вожделъннои Святыхъ угодниковъ молилъ.

Однажды льтомъ у порогу
Поникшей хижины своеи
Анахоретъ молился Богу.
Дубравы дълались чернъи;
Туманъ надъ озеромъ дымился,
И красный мъсяцъ въ облакахъ
Тихонько по небу катился.
На воды сталъ глядъть монахъ.

Глядитъ, невольно страха полный; Не можетъ самъ себя понять... И видитъ: закипъли волны И присмиръли вдругъ опять... И вдругъ... легка, какъ тънь ночная, Бъла, какъ ранній снъгъ холмовъ, Выходитъ женщина нагая; И молча съла у бреговъ.

Глядитъ на стараго монаха И чешетъ влажные власы. Святой монахъ дрожитъ со страха И смотритъ на ея красы. Она манитъ его рукою, Киваетъ быстро головой... И вдругъ падучею звъздою Подъ сонной скрылася волной!

Всю ночь не спалъ старикъ угрюмой И не молился цълый день: Передъ собой съ невольной думой Все видълъ чудной дъвы тънь. Дубравы вновь одълись тьмою, Пошла по облакамъ луна, И снова дъва надъ водою Сидитъ прелестна и блъдна.

Глядить, киваеть головою, Цълуеть издали шутя, Играеть, плещется волною, Хохочеть, плачеть, какъ дитя, Зоветь монаха, нъжно стонеть... «Монахъ, монахъ! Ко мнъ, ко мнъ!...» И вдругь въ волнахъ прозрачныхъ тонеть: И все въ глубокой тишинъ. На третій день отшельникъ страстнои Близь очарованныхъ бреговъ Сидълъ и дъвы ждалъ прекрасной, А тънь ложилась средь дубровъ... Заря прогнала тьму ночную: Монаха не нашли нигдъ, И только бороду съдую Мальчишки видъли въ водъ.

П.

В `**У.

Прости, счастливый сынъ шировъ, Балованный дитя свободы, Любимецъ Музъ, поклонникъ моды, И Терпсихоры, и стиховъ! Ты въ жизни любишь перемъну: Ты скачень въ мирную Москву, Гдъ сладко дремлютъ наяву И наслажденьямъ знаютъ цѣну. Разнообразной и живой Москва пленяеть пестротой, Старинной роскошью, пирами, Невъстами, колоколами, Забавной, легкой сустой, Невинной прозой и стихами. Ты тамъ на шумныхъ вечерахъ Увидишь важное бездълье, Жеманство въ тонкихъ кружевахъ,

И глупость въ золотыхъ очкахъ, И тяжкой знатности веселье, И скуку съ картами въ рукахъ. Всего минутный наблюдатель, Ты посмъешься подъ рукой; Но вскоръ, върный обожатель Забавъ и лъни золотой, Держася моего совъта И волю всей душой любя, Оставишь кругъ большаго свъта И жить ръшишься для себя. Уже въ пріють отдаленномъ Я вижу мысленно тебя: Кипить въ бокаль опъненномъ Аи холодная струя; Въ густомъ дыму лънивыхъ трубокъ, Въ халатахъ, новые друзья Шумять и пьють; задорный кубокъ Обходитъ ихъ безумный кругь, И мчится въ радостяхъ досугъ; А тамъ Египетскія дівы Λ етають, выются предъ тобой; Я слышу звонкіе напъвы, Стонъ нъги, вопли, дикій вой, Ихъ изступленныя движенья, Огонь неистовыхъ очей — И все, мой другъ, въ душъ твоей Рождаетъ трепетъ упоенья... Но вспомни, милый: здъсь одна, Тебя всечасно ожидая, Вздыхаетъ плѣнница младая; Весь день уныла и томна, Въ своей задумчивости сладкой, Тихонько плачетъ подъ окномъ

Отъ грозныхъ аргусовъ украдкой, И смотрить на пустынный домъ, Гдъ мы такъ часто пировали Съ Кипридой, Вакхомъ и тобой, Куда съ надеждой и тоской Ея желанья улетали. О, скоро ль милаго найдутъ Ея потупленные взоры, И предъ любовью упадутъ Замковъ ревнивые затворы? А нашъ осиротълый кругъ, Товарищъ, скоро ль оживится? Когда прискачешь, милый другъ? \mathcal{A} уша вослъдъ тебъ стремится. $\Gamma_{\mathcal{A}}$ ъ бъ ни былъ ты, возьми вънокъ Изъ рукъ младаго сладострастья, И докажи, что ты знатокъ Въ невъдомой наукъ счастья.

III.

N. N.

Я ускользнуль отъ Эскулапа Худой, обритый, но живой: Его мучительная лапа Не тяготъетъ надо мной. Здоровье, легкій другъ Пріапа, И сонъ, и сладостный покой, Какъ прежде, посътили снова Мой уголъ тъсный и простой. Утъшь и ты полубольнаго!

Онъ жаждетъ видъться съ тобой, Съ тобой, счастливый беззаконникъ, Лънивый Пинда гражданинъ, Пировъ и нъги върный сынъ, Венеры вътренный поклонникъ И наслажденій властелинъ! Отъ суеты столицы праздной, Отъ кладныхъ прелестей Невы, Отъ вредной сплетницы молвы, Отъ скуки, столь разнообразной, Меня зовутъ холмы, луга, Тънисты клены огорода, Пустынной ръчки берега И деревенская свобода.

IV.

кривцову.

Не пугай насъ, мидый другъ, Гроба близкимъ новосельемъ: Право, надъ такимъ бездъльемъ Заниматься недосугъ. Пусть остылой жизни чашу Тянетъ медленно другой; Мы жъ утратимъ юность нашу Вмъстъ съ жизнью дорогой, Каждый у своей гробницы,

Мы присядемъ на порогъ; У Пафосскія царицы Свъжій выпросимъ вънокъ, Лишній мигъ у върной лъни, Круговой нальемъ сосудъ, И толпою наши тъни Къ тихой Летъ убъгутъ; Смертный мигъ нашъ будетъ свътелъ: И подруги шалуновъ Соберутъ ихъ легкій пепелъ Въ урны праздныя пировъ.

Y.

CTARCH T*** My.

Философъ ранній, ты бѣжищь Пировъ и наслажденій жизни, На игры младости глядишь Съ молчаньемъ хладнымъ укоризны.

Ты милыя забавы свъта На грусть и скуку промъняль, И на лампаду Эпиктета Златой Гораціевъ фіалъ.

Повърь, мой другь, она придеть, Пора унылыхъ сожальній, Холодной истины заботъ

И безполезныхъ размышленій

Зевесъ, балуя смертныхъ чадъ, Всъмъ возрастамъ даетъ игрушки: Надъ съдинами не гремятъ Безумства ръзвыя гремушки.

Ахъ, младость не приходитъ вновь! Зови же сладкое бездълье, И легкокрылую любовь, И легкокрылое похмълье!

До капли наслажденье пей, Живи безпеченъ, равнодущенъ! Мгновенью жизни будь послушенъ, Будь молодъ въ юности твоей!

VI.

УЕДИНЕНІЕ.

Привътствую тебя, пустынный уголокъ, Пріютъ спокойствія, трудовъ и вдохновенья, Гдъ льется дней моихъ невидимый потокъ

На лонъ счастья и забвенья! Я твой: я промънялъ порочный дворъ цирцей, Роскошные пиры, забавы, заблужденья На мирный шумъ дубровъ, на тишину полей, На праздность вольную, подругу размышленья.

Я твой: люблю сей темный садъ Съ его прохладой и цвътами, Сей лугъ, уставленный душистыми скирдами, Гдъ свътлые ручьи въ кустарникахъ шумять. Вездъ передо мной подвижныя картины: Здъсь вижу двухъ озеръ лазурныя равнины, Гдъ парусъ рыбаря бълъетъ иногда, За ними рядъ холмовъ и нивы полосаты,

Вдали разсыпанныя хаты, На влажныхъ берегахъ бродящія стада, Овины дымныя, и мельницы крылаты;

Вездъ слъды довольства и труда. Я здъсь, отъ суетныхъ оковъ освобожденной, Учуся въ истинъ блаженство находить, Свободною душой законъ боготворить, Роптанью не внимать толпы непросвъщенной, Участьемъ отвъчать застънчивой мольбъ

И не завидовать судьбъ Злодъя, иль глупца въ величіи неправомъ. Оракулы въковъ, здъсь вопрошаю васъ!

Въ уединеньи величавомъ Слышнъе вашъ отрадный гласъ; Онъ гонитъ лъни сонъ угрюмый, Къ трудамъ раждаетъ жаръ во мнъ, И ваши творческія думы Въ душевной зръютъ глубинъ.

VII.

AOMOBOMY.

Помъстья мирнаго незримый покровитель, Тебя молю, мой добрый домовой, Храни селенье, лъсъ и дикій садикъ мой И скромную семьи моей обитель! Да не вредять полямъ опасный хладъ дождей И вътра поздняго осенніе набъги;

Да въ пору благотворны снъги Покроютъ влажный тукъ полей! Останься, тайный стражъ, въ наслъдственной съни, Постигни робостью полуночнаго вора,

И отъ недружескаго взора
Счастливый домикъ охрани!

Ходи вокругъ него заботливымъ дозоромъ,
Люби мой милый садъ и берегъ сонныхъ водъ
И сей укромный огородъ

Съ калиткой ветхою, съ обрушеннымъ заборомъ!
Люби зеленый скатъ холмовъ,
Луга, измятые моей бродящей лънью,
Прохладу липъ и кленовъ шумный кровъ:
Они знакомы вдохновенью.

VIII.

9 AETIA.

Увы, зачъмъ она блистаетъ Минутной, нъжной красотой! Она примътно увядаетъ Во цвътъ юности живой... Увянетъ! Жизнью молодою Недолго наслаждаться ей, Недолго радовать собою Счастливый кругъ семьи своей,

Безпечной милой остротою Бесѣды наши оживлять, И тихой, ясною душою Страдальца душу услаждать. Спѣшу, въ волненьи думъ тяжелыхъ, Сокрывъ уныніе мое, Наслушаться рѣчей веселыхъ И наглядѣтся на нее. Смотрю на всѣ ея движенья, Внимаю каждый звукъ рѣчей, И мигъ единый разлученья Ужасенъ для души моей.

IX.

НЕДОКОНЧЕННАЯ КАРТИНА.

Чья мысль восторгомъ угадала, Постигла тайну красоты? Чья кисть, о небо, означала Сіи небесныя черты?

Ты, геній!... Но любви страданья Его сразили. Взоръ нъмой Вперилъ онъ на свое созданье И гаснетъ пламенной душой.

Χ.

возрожление.

Художникъ-варваръ кистью сонной Картину генія чернитъ. И свой рисунокъ беззаконной Надъ ней безсмысленно чертитъ.

Но краски чуждыя, съ лътами, Спадаютъ ветхой чешуей; Созданье генія предъ нами Выходитъ съ прежней красотой.

Такъ исчезають заблужденья Съ измученной души моей, И возникають въ ней видънья Первоначальныхъ, чистыхъ дней.

ПРИМЪЧАНІЯ

КЪ СТИХОТВОРЕНІЯМЪ ПУШКИНА

1819 roza.

І. Стихотвореніе дано было впервые изданіемъ 1826 г., съ означеніемъ: «Баллада» и тогда же перепечатано журналомъ: Новости Литературы 1826 г., Январская книжка, съ припиской: «Изъ прекраснаго собранія мелкихъ стихотвореній, на сихъ дняхъ только отпечатаннаго. Сія книга продается у коммиссіонера Р. А. Сленина по 10 руб. за экземпляръ, а съ пересылкою по 11 рублей». Издатель журнала, А. Воейковъ, вообще любившій перепечатывать стихотворенія изъ другихъ изданій, измѣнилъ послѣдній стихъ пьесы и вмѣсто:

И только бороду сёдую Мальчишки видили въ водё,

напечаталь:

И только бороду сѣдую Русалки дергали въ водѣ.

Пьеса повторена изданіемъ 1829 г. и посмертнымъ, какъ и семь следующихъ за ней, вошедшихъ въ составъ изданія 1826 г. и перепечатанныхъ оттуда последующими изданіями, безъ измененій.

18

- II. Посланіе къ Н. В. Все му. Оно содержить любопытную картину жизни вь Москв' молодых людей того времени.
- III. Посланіе къ Эн ту, написанное вскор' посл' тяжкой бользани автора, о которой онъ упоминаетъ въ своихъ запискахъ и въ пьес': «Выздоровленіе».
- IV. Посланіе особенно замівчательное тімь, что одна случайная замінтка товарища подала поводь къ такому поэтическому возраженію со стороны Пушкина.
- V. Стансы, обращенные къ извъстному нашему поэту Туманскому. Мысль стансовъ изложена еще прежде въ посланіи: «Къ Каверину», но идъсь является она въ болъе граціозной и художественной формъ, соотвътствующей высшему развитію самаго поэта. Между прочимъ въ изданіи 1826 г., къ 4-й его строфъ, къ стиху: «Зови же сладкое бездълье» было сдълано примъчаніе: «Какъ здъсь, такъ и въ другихъ мъстахъ, поэть шутитъ надъ философіею эпикурейцевъ. Читатель, безъ сомнънія, не будетъ смъщивать чистыхъ, душевныхъ наслажденій съ удовольствіями чувственными.»
- VI. Въ одно время съ собраніемъ стихотвореній Пушкина 1826 г., пьеса эта подъ названіемъ: «Возвращеніе на родину, Элегія», и съ подписью. Н.Б. напечатана была въ альманахѣ 1826 г. Сиріусъ, изд. М. А. Бестужева-Рюмина, въ последствін издателя Съверной Звъзды. Въ Сиріусъ стихотвореніе имъетъ 74 стиха, и раздёлено на 3 отдёла, между тёмъ какъ въ собраніи стихотвореній 1826 г., оно сокращено до 34 стиховъ и только 14 начальныхъ стиховъ пьесы Сиріуса сбережены въ этой передълкъ. Редавція Сиріуса представляєть намъ еще примъръ, какъ пьесы Пушкина, напечатанныя съ безобразныхъ рукописныхъ снимковъ, не могутъ быть причтены къ Пушкинскимъ, не смотря на сходство некоторыхъ отдельныхъ стиховъ. «Возвращение на родину» есть запутанная, растянутая, прозаическая элегія, межлу темъ какъ «Уединеціе» является въ изд. 1826 г., произведениемъ совершенно облуманнымъ и прекраснымъ. Не считаемъ нужнымъ приводить целикомъ элегію Сиріуса, такъ какъ, по нашему митнію, три четверти ея принадлежать дъйствительно какому нибудь г. Н. Б., прибавившему къ собственнымъ стихамъ нѣсколько Пушкинскихъ. Вотъ для образца одна выдержка изъ нея:

Отъ милыхъ сердцу отдаленный, Я долженъ быль всё дни въ уныніи влачить, Съ одной лишь Музою, мнё вёрной и послушной, Могъ иногда тоску свою я раздёлить, И презиралъ невёждъ всё толки равнодушно. Спокойно слушалъ я и пересуды ихъ, Какъ исчисляли всё они мои пороки,

И думали въ сужденіяхъ своихъ,
Мить дать полезные уроки!
Они жъ и оптить моихъ свойствъ не могли,
И столь въ сужденіяхъ своихъ слёпыми были,
Что и достоинство порокомъ находили,
Пороки же мои достоинствами чли!
Я видёлъ ясно въ ихъ очахъ негодованье,

И имъ пренебрегазъ! и проч.

Въ подлинных в рукописяхъ Пушкина, стихотворенія этого не находится. Оно написано, какъ и слёдующее за нимъ, въ Михайловскомъ и заключаетъ картину самой деревни поэта.

VII. Впервые напечатано въ Полярной Звёздё 1824 г., гдё второй стихъ былъ приведенъ иначе: «Тебя молю, нашь добрый домовой».

VIII. Подъ этимъ названіемъ, стихотвореніе напечатано было впервые въ Полярной Звѣздѣ 1823 г., и тотчасъ же перепечатано было оттуда въ журналѣ: Новости Литературы 1823 г., Л² 1, изд. А. Воейкова и В. Козлова. Оно вошло безъ перемѣны въ собраніе стихотвореній 1826, 1829 г. и въ посмертное, но во второмъ заглавіе его было уничтожено. Любопытно что въ рукописи оно носитъ помѣтку «1820 г., Юрзуфъ», хотя изданіе 1826 г., указало при немъ 1819 г. Мы считаемъ годъ рукописи болѣе върнымъ, но сохраняемъ ему тотъ, который призналъ за пимъ Пушкинъ печатно. Не менѣе любопытно, что въ рукописи, перебѣленной на-чисто самимъ авторомъ, есть стихи, непохожіе на печатный текстъ: знакъ, что оно было еще разъ исправлено, до отсылки въ альманахъ. Такъ шестой стихъ еще въ тетради читается:

«Не долго жизнью молодою
Въ забвеньи наслаждаться ей»,
«Больную душу услаждать».

а 12-й:

266 1819 г.

Необыкновенная тщательность отделки и удивительно ясный поэтическій образь, являющіеся въ стихотвореніи, открывають уже вполнѣ существенныя качества Пушкинскаго таланта.

- ІХ. Стихотвореніе напечатано впервые только въ 1828 г., въ журналѣ: Московскій Вѣстникъ, № XV, изд. М. Погодина, хотя въ собраніи стихотвореній 1829 г., годъ происхожденія его указанъ тотъ, подъ которымъ и мы его зачислили. Кстати замѣтить, что разницы въ указаніяхъ годовъ происходили у Пушкина отъ того, что онъ иногда помѣчалъ свои стихотворенія годомъ первой мысли; а иногда годомъ послѣдней отдѣлки. Намъ неизвѣстно къ кому относится стихотвореніе. Оно повторено безъ измѣненій посмертнымъ изданіемъ.
- Х. Пьеса тоже явившаяся въ 1828 г., гд слово геній везд начина-Невскій альманахъ на 1828 г., гд слово геній везд начиналось съ большой буквы. Она отнесена собраніемъ стихотвореній 1829 г., къ эпох в, въ которой находимся. Посмертное изданіе повторило ее безъ изм неній. Возрожденіе Пушкина не было однимъ поэтическимъ призракомъ, но сбылось д в ствительно, какъ въ отношеніи нравственномъ, такъ и въ отношеніи эстетическомъ на самомъ автор в. Отсюда является намъ ц в произведеній, созданныхъ имъ уже на Юг в Россіи.

1820 г.

I

Погасло дневное свътило;

На море синее вечерній паль тумань.

Шуми, шуми, послушное вътрило,

Волнуйся подо мной, угрюмый океань!

Я вижу берегь отдаленный,

Земли полуденной волшебные края:

Съ волненьемъ и тоской туда стремлюся я,

Воспоминаньемъ упоснный...

И чувствую: въ очахъ родились слезы вновь;

Душа кипитъ и замираетъ;

Мечта знакомая вокругъ меня летаетъ;

Я вспомнилъ прежнихъ лътъ безумную любовь,

И все, чъмъ я страдалъ, и все, что сердцу мило,

Желаній и надеждъ томительный обманъ...

Шуми, шуми, послушное вътрило,

lib.pushkinskijdom.ru

Лети, корабль, неси меня къ предъламъ дальнымъ

Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ!

По грозной прихоти обманчивыхъ морей,

Но только не къ брегамъ печальнымъ
Туманной родины моей,
Страны, гдъ пламенемъ страстей
Впервые чувства разгарались,
Гдъ Музы нъжныя мнъ тайно улыбались,
Гдъ рано въ буряхъ отцвъла
Моя потерянная младость,

Гдъ легкокрылая мнъ измънила радость И сердце хладное страданью предала.

> Искатель новыхъ впечатлъній, Я васъ бъжаль, отечески края,

Я васъ бѣжалъ, питомцы наслажденій, Минутной младости минутные друзья; И вы, наперсницы порочныхъ заблужденій, Которымъ безъ любви я жертвовалъ собой, Покоемъ, славою, свободой и душой, И вы забыты мной, измѣнницы младыя, Подруги тайныя моей весны златыя, И вы забыты мной... Но прежнихъ сердца ранъ, Глубокихъ ранъ любви, ничто не излечило...

Шуми, шуми, послушное вътрило, Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ!...

II.

доридъ.

Я върю: я любимъ; для сердца нужно върить. Нътъ, милая моя не можетъ лицемърить; Все непритворно въ ней: желаній томный жаръ, Стыдливость робкая—Харитъ безценный даръ, Нарядовъ и ръчей пріятная небрежность, И ласковыхъ именъ младенческая нъжность.

III.

ДОРИЛА.

Въ Доридъ нравятся и локоны златые, И блъдное лице, и очи голубыя. Вчера, друзей моихъ оставя пиръ ночной, Въ ея объятіяхъ я нъгу пилъ душой; Восторги быстрые восторгами смънялись, Желанья гасли вдругъ и снова разгорались, Я таялъ: но среди невърной темноты Другія милыя мнъ видълись черты, И весь я полонъ былъ таинственной печали, И имя чуждое уста мои шептали.

IV.

нереила.

Среди зеленыхъ волнъ, лобзающихъ Тавриду, На утренней заръ я видълъ Нереиду. Сокрытый межъ деревъ, едва я смълъ дохнуть: Надъ ясной влагою полубогиня грудь Младую, бълую какъ лебедь, воздымала И пъну изъ власовъ струею выжимала.

V.

Ръдъетъ облаковъ летучая гряда.
Звъзда печальная, вечерняя звъзда!
Твой лучъ осеребрилъ увядшія равнины,
И дремлющій заливъ, и черныхъ скалъ вершины.
Люблю твой слабый свътъ въ небесной вышинт;
Онъ думы разбудилъ, уснувшія во мнъ.
Я помню твой восходъ, знакомое свътило,
Надъ мирною страной, гдѣ все для сердца мило,
Гдѣ стройны тополи въ долинахъ вознеслись,
Гдѣ дремлетъ нѣжный миртъ и темный кипарисъ,
И сладостно шумятъ полуденныя волны.
Тамъ нѣкогда въ горахъ, сердечной думы полный,
Надъ моремъ я влачилъ задумчивую лѣнь....

VI.

О дъва-роза, я въ оковахъ;
Но не стыжусь твоихъ оковъ:
Такъ соловей въ кустахъ лавровыхъ,
Пернатый царь лъсныхъ пъвцовъ,
Близь розы гордой и прекрасной
Въ неволъ сладостной живетъ,
И нъжно пъсни ей поетъ
Во мракъ ночи сладострастной.

VII.

ВИНОГРАДЪ.

Не стану я жальть о розахъ, Увядшихъ съ легкою весной; Мить милъ и виноградъ на лозахъ, Въ кистяхъ созръвшій подъ горой, Краса моей долины злачной, Отрада осени златой, Продолговатый и прозрачной, Какъ персты дъвы молодой.

VIII.

4 * * * y.

Къ чему холодныя сомнънья?
Я върю: здъсь былъ грозный храмъ, Гдъ крови жаждущимъ богамъ Дымились жертвоприношенья;
Здъсь успокоена была
Вражда свиръпой Эвмениды:
Здъсь провозвъстница Тавриды
На брата руку занесла!
На сихъ развалинахъ свершилось
Святое дружбы торжество,
И душъ великихъ божество
Своимъ созданьемъ возгордилось:

Ч * * * *, помнишь ли былое?
Давно ль съ восторгомъ молодымъ
Я мыслилъ имя роковое
Предать развалинамъ инымъ?
Но въ сердцъ, бурями смиренномъ,
Теперь и лънь и тишина,
И, въ умиленьи вдохновенномъ,
На камнъ, дружбой освященномъ
Пишу я наши имена.

IX.

ФОНТАНУ БАХЧИСАРАЙСКАГО ДВОРЦА.

Фонтанъ любви, фонтанъ живой! Принесъ я въ даръ тебъ двъ розы. Люблю немолчный говоръ твой И поэтическія слезы.

Твоя серебряная пыль Меня кропитъ росою хладной: Ахъ, лейся, лейся, ключъ отрадной! Журчи, журчи свою мнъ быль...

Фонтанъ любви, фонтанъ печальной! И я твой мраморъ вопрошалъ: Хвалу странъ прочелъ я дальной; Но о Маріи ты молчалъ....

Свътило блъдное гарема! И здъсь уже ль забвенно ты? Или Марія и Зарема Однъ счастливыя мечты?

Иль только сонъ воображенья Въ пустынной мглъ нарисовалъ Свои минутныя видънья, Души неясный идеалъ?

Χ.

дочери карагеоргія.

Гроза луны, свободы воинъ, Покрытый кровію святой, Чудесный твой отецъ, преступникъ и герой, И ужаса людей, и славы быль достоинъ. Тебя млалениа онъ ласкалъ На пламенной груди рукой окровавленной; Твоей игрушкой былъ кинжалъ Братоубійствомъ изощренной. Какъ часто, возбудивъ свиръпой мести жаръ. Онъ, молча надъ твоей невинной колыбелью, Убійства новаго обдумываль ударъ И лепетъ твой внималъ, и не былъ чуждъ веселью! Таковъ былъ сумрачный, ужасный до конца. Но ты, прекрасная, ты бурный въкъ отца Смиренной жизнію предъ небомъ искупила: Съ могилы грозной къ небесамъ Она, какъ сладкій оиміамъ, Какъ чистая любви молитва восходила.

XI.

черная шаль.

Гляжу какъ безумный на черную шаль, И хладную душу терзаетъ печаль.

Когда легковъренъ и молодъ я былъ, Младую Гречанку я страстно любилъ.

Прелестная дъва ласкала меня; Но скоро я дожилъ до чернаго дня.

Однажды я созваль веселыхъ гостей: Ко мнъ постучался презрънный Еврей.

Съ тобою пируютъ (шепнулъ онъ) друзья; Тебъ жъ измънила Гречанка твоя.

Я далъ ему злата и проклялъ его, И върнаго позвалъ раба моего.

Мы вышли: я мчался на быстромъ конт; И кроткая жалость молчала во мнт.

Едва я завиделъ Гречанки порогъ, Глаза потемнъли, я весь изнемогъ....

Въ покой отдаленный вхожу я одинъ.... Невърную дъву лобзалъ Армянинъ.

Не взвидълъ я свъта: булатъ загремѣлъ... Прервать поцълуя злодъй не успълъ. Безглавое тъло я долго топталъ, И молча на дъву, блъднъя, взиралъ.

Я помню моленья, текущую кровь.... Погибла Гречанка, погибла любовь.

Съ главы ея мертвой снявъ черную шаль, Отеръ я безмолвно кровавую сталь.

Мой рабъ, какъ настала вечерняя мгла, Въ Дунайскія волны ихъ бросилъ тъла.

Съ тъхъ поръ не цълую прелестныхъ очей, Съ тъхъ поръ я не знаю веселыхъ ночей.

Гляжу какъ безумный на черную шаль, И хладную душу терзаетъ печаль.

HPHNRYAHI

КЪ СТИХОТВОРЕНІЯМЪ ПУПІКИНА

1820 года.

1. Прежде всего скажемъ, что всё стихотворенія 1820 г. находятся въ собраніяхъ стихотвореній Пушкина 1826, 1829 г. и въ посмертномъ. Намъ остается только указать, гдё они были впервые напечатаны и какія измёненія получили въ этихъ сборникахъ, а при нёкоторыхъ изъ нихъ въ какомъ отношеніи они находятся къ рукописямъ автора

«Погасло дневное свѣтило» явилось въ Сынѣ Отечества 1820 г., № 46, съ заглавіемъ: Элегія. Оно не имѣло авторской подписи, но снабжено было отмѣткой: «Черное море, 1820. Сентябрь». Въ изданіи 1826 г. оно отнесено еще къ Элегіямъ, но уже не имѣетъ заглавія, помѣтка уничтожена, и только въ листкѣ оглавленія книги сдѣлана къ нему приписка: «Подражаніе Байрону». Такъ было и въ 1829 г., а посмертнос изданіе, уничтоживъ и помѣтку и приписку, отнесло уже его къ «Разнымъ стихотвореніямъ». При переходѣ своемъ изъ журнала въ изданіе 1826 г., стихотвореніе было исправлено и въ новомъ своемъ видѣ дошло и до насъ, черезъ всѣ послѣдующія изданія. Вмѣсто нынѣшняго десятаго стиха: «Душа кипитъ и замираетъ» въ журналѣ было : «Смущенный духъ во мню кипитъ и замираетъ», виѣсто 17-го «Лети, корабль, неси меня

къ предъламъ дальнымъ», въ журналъ было : «Неси меня, корабль, неси къ предъламъ...» Въ 32-мъ вмъсто «Порочных заблужденій» было въ журналъ: «Мятежных заблужденій».

II. Пьеса, напечатанная въ журналѣ: Невскій Зритель 1820 г., Часть І-я, Январь, съ этимъ оглавленіемъ и съ подписью: А. II. Это подражаніе началу элегіи А. Шенье: S'ils n'ont point de bonheur, en est-il sur la terre? Послѣдній стихъ пьесы Пушкина у Шенье читается такъ:

Et des mots caressants la mollesse enfantine.

- П. Вторая пьеса, напечатанная въ журналѣ: Невскій Зритель 1820 г., часть І-я, Февраль, съ оглавленіемъ: Доридѣ. Въ изданіи 1826 г. обѣ онѣ отиесены къ отдѣлу: «Подражаніе Древнимъ», а въ посмертномъ къ отдѣлу: «Антологическія стихотворенія». Она еще два раза перепечатывалась: въ Новостяхъ Литературы 1823 г., № XXXIV и въ Антологіи М. Яковлева 1828 г.
- IV. Въ альманахѣ: Полярная Звѣзда 1824 г., гдѣ въ четвертомъ стихѣ была отибка. Вмѣсто: «Надъ ясной влагою», тамъ напечатано: «Какъ ясной влагою», что заставило Путкина переслать ее вмѣстѣ съ элегіей: «Простить ли мнѣ ревнивыя мечты? въ Литературные листки г. Булгарина, гдѣ она и повторена (1824, № 4), но тутъ второй стихъ читается: «Сокрытый межъ оливъ», между тѣмъ какъ въ изданіи 1826 г. и всѣхъ другихъ, онъ напечатанъ: «Сокрытый межъ деревъ».
- V. Вторая пьеса, напечатанная въ Полярной Звъздъ 1824 г., съ тремя заключительными стихами, выпущенными за тъмъ всъми послъдующими изданіями:

Когда на хижины сходила ночи тёнь, И дёва юная во мгл'т тебя искала И именемъ своимъ подругамъ называла.

Объ пьесы отнесены изданіемъ 1826 г. къ Подражаніямъ Древнимъ, а посмертнымъ къ Антологическимъ стихотвореніямъ, но въ рукописи они соединены подъ одно заглавіе: «Эпиграммы во вкусъ древнихъ и имъютъ общую помътку: «Каменка». Во второй изъ нихъ вмъсто прилагательнаго:

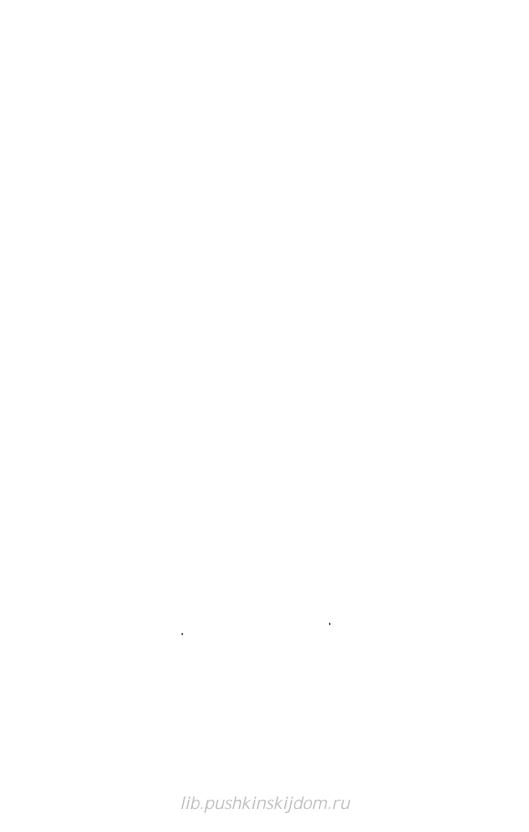
«И сладостно шумять Таврическія волны», Пушкинъ, чрезвычайно боявшійся неосновательныхъ приміненій, надписаль сверку: «полуденныя волны», какъ и пере-

- ти во всё редакціи. Это стихотвореніе, какъ и три предшествующія, навъяны были поэту природой Юга и чтеніемъ А. Шенье.
- VI. Впервые напечатано въ изданія 1826 г. съ оглавленіемъ: «Подражаніе Турецкой пѣснѣ.» Въ изданія 1829 г. тоже самое приписано было къ пьесѣ въ листкѣ оглавленія книги, но въ посмертномъ изданіи все это уничтожено и она отнесена къ отдѣлу: «Подражанія Восточнымъ стихотворцамъ».
- VII. Стихотвореніе, отнесенное изд. 1826 г., гдѣ оно появилось впервые, къ разнымъ стихотвореніямъ, а посмертнымъ изд. опять къ Подражаніямъ Восточнымъ стихотворцамъ.
- VIII. Впервые напечатано въ Сѣверной Пчелѣ 1825 г., № 12, съ подписью: А. П. Въ изданіяхъ 1826 и 1829 г., къ посланію этому было приписано: «Съ морскаго берега Тавриды», что уничтожено посмертнымъ изданіемъ. Прежде того, пьеса явилась въ альманахѣ: «Сѣверные Цвѣты на 1826 г.» Тамъ оно заключено было въ извѣстномъ письмѣ Пушкина изъ Тавриды къ Дельвигу, которое теперь обыкновенно печатается въ приложеніяхъ въ Бахчисарайскому Фонтану.
 - ІХ. Въ изданіи 1826 г., гдѣ явилось впервые, стихотвореніе отнесено въ Разнымъ Стихотвореніямъ, въ 1829 г. не имѣло обозначенія рода, а посмертнымъ изданіемъ включено въ отдѣлъ: «Пѣсни, Стансы и Советы».
 - Х. Стихотвореніе, данное изданіемъ 1826 г., гдѣ оно отнесено къ Посланіямъ, между тѣмъ какъ посмертнымъ изданіемъ отнесено къ Разнымъ стихотвореніямъ. Въ рукописи Пушкина, оно имѣетъ помѣтку 1820 и при стихѣ: «Покрытый кровію святой», выноску: «Отца и брата». Вмѣсто стиха: «Братоубійствомъ изощренной» тамъ еще читается: «На гибель многихъ обреченный». Вотъ еще три стиха рукописи, слабые по формѣ и прекрасно исправленные для изданія 1826 г. Они слѣдують послѣ: «И лепетъ твой внималь, и не быль чуждъ веселью»

«Внезапно мечъ блеснулъ и дни его пресъкъ, Но ты, прекрасная, отца преступный въкъ Невинной жизнію.... и проч.

Іюбопытно было бы знать съ нѣкоторой подробностію исторію жизни этой дочери Карагеоргія, породившей стихотвореніе Пушкина.

XI. Стихотвореніе, напечатанное впервые въ Сын'в Отечества 1821 г., № 15, съ объясненіемъ: «Молдавская пѣсня» которое сохранилось, какъ въ изданіи 1826 г., такъ и въ изд. 1829 г. на листкахъ, содержавшихъ оглавленія пьесъ, но выпущено было посмертнымъ изданіемъ. Последнее заменило его темъ, что отнесло пьесу къ Балладамъ. Между прочимъ текстъ журнала Сына Отечества, исправленъ для сборника 1826 г. только въ одномъ мъстъ, въ первомъ стихъ. Въ журналъ было: «Гляжу я безмолено на черную шаль», а въ изданіи 1826 г.: «Гляжу какт безумный » Затымь въ 1829 г. измынены два мыста: « Младую Гречанку я страстно любилъ», вмъсто прежняго стиха: «Гречанку младую ...» и eme: «Въ покой отдаленный вхожу я одинь», вывсто: «Вхожу вт отдаленный покой я одинь» Можно замътить, какъ особенность, что во всъхъ изданіяхъ, вромъ посмертнаго, правописание въ одномъ и томъ же случать двоякое: «Прервать поцилуя... не успыть»; «Съ тыхь поръ не цалую очей ». Пушкинъ предпочиталъ первый способъ правописанія — второму.

1821 г.

I.

къ моей чернильницъ.

Подруга думы праздной, Чернильница моя! Мой въкъ однообразной Тобой украсилъ я. Какъ часто другъ веселья Съ тобою забывалъ Условный часъ похмълья И праздничный бокалъ! Подъ съныо хаты скромной, Въ часы печали томной, Была ты предо мной Съ лампадой и мечтой. Въ минуты вдохновенья Къ тебъ я прибъгалъ, И Музу призывалъ На пиръ воображенья...

Сокровища мои На днъ твоемъ таятся.... Тебя я посвятилъ Занятіямъ досуга, И съ ленью примирилъ: Она твоя подруга! Съ тобой успъхъ узналъ Отшельникъ неизвъстной... Завътной твой присталъ Хранитъ огонь небесной; И подъ вечеръ, когда Перо по книжкъ бродитъ, Безъ всякаго труда Оно въ тебъ находитъ Концы моихъ стиховъ И върность выраженья, То звуковъ или словъ Нежданное стеченье, То ъдкой шутки соль, То странность рифмы новой, Неслыханной дотоль. Съ глупцовъ сорвавъ одежду, Я весело клеймилъ Зоила и невъжду Пятномъ твоихъ чернилъ... Но ихъ не разводилъ Ни тайной злости пъной, Ни ядомъ клеветы — И сердца простоты Ни лестью, ни измъной Не замарала ты.

Безпечный сынъ природы, Пока златые годы Въ забвеньи трачу я, Со мною неразлучно Живи благополучно, Наперсница моя! Но здъсь, на лонъ лъни, Я слышу нъжны пъни Заботливыхъ друзей.... Уже ли ихъ забуду Друзей души моей, И имъ невъренъ буду? Оставь, оставь порой Привычныя затви, И дактиль и хореи, Для прозы почтовой. Минуты хладной скуки, Сердечной пустоты, Уныніе разлуки, Всегдашнія мечты, Мои надежды, чувства Безъ лести, безъ искусства Бумагв передай.... Болтливостью небрежной И вътренной и нъжной Ихъ сердце утъщай....

Когда же берегъ ада
На въкъ меня возьметъ,
Когда со мной заснетъ
Перо, моя отрада,
И ты, въ углу пустомъ
Осиротъвъ, остынешь,
И навсегда покинешь
Поэта тихій домъ —
Тебя возьметъ унылой

Ч , другъ мой милой: Послъдній будь привътъ Любимцу праздныхъ лътъ; Взыскательнаго свъта Очей не привлекай, Но върнаго поэта Друзьямъ напоминай.

11.

желаніе.

Кто видълъ край, гдъ роскошью природы Оживлены дубравы и луга, Гдъ весело синъють, блещутъ воды, Роскошные лаская берега, Гдъ на холмы, подъ лавровые своды, Не смъютъ лечь угрюмые снъга? Скажите мнъ: кто видълъ край прелестный, Гдъ я любилъ, изгнанникъ неизвъстный?

Златой предълъ, любимый край Эльвины! Туда летятъ желанія мои. Я помню горъ высокія вершины, Прозрачныхъ водъ веселыя струи, И тънь, и шумъ, и красныя долины, Гдъ бъдныя простыхъ Татаръ семьи, Среди заботъ и съ дружбою взаимной, Подъ кровлею живутъ гостепріимной.

Все мило тамъ красою безмятежной, Все путника плъняетъ и манитъ, Какъ въ ясный день дорогою прибрежной Привычный конь по склону горъ бъжитъ. Повсюду трудъ веселый и прилежный Сады Татаръ и нивы богатитъ, Холмы цвътутъ, и въ листьяхъ винограда Виситъ янтарь, ночныхъ пировъ отрада.

Все живо тамъ: кудрявыхъ рощь прохлада, Въ тъни оливъ уснувшія стада, Вокругъ домовъ ръшетки винограда, Монастыри, селенья, города, И моря шумъ, и говоръ водопада, И средь валовъ бъгущія суда, И яркіе лучи златаго Феба, И синій сводъ полуденнаго неба.

Приду ли вновь, поклонникъ Музъ и мира, Забывъ молву и свъта суеты, На берегахъ веселаго Салгира Воспоминать души моей мечты? Въ моихъ рукахъ Овидіева лира, Счастливая пъвица красоты, Пъвица нъгъ, изгнанья и разлуки, Найдетъ ли вновь свои живые звуки?

И тамъ, гдъ миртъ шумитъ надъ тихой урной, Увижу ль вновь, сквозь темные льса, И своды скалъ, и моря блескъ лазурной, И ясныя, какъ радость, небеса? Утихнетъ ли волненье жизни бурной? Минувшихъ лътъ воскреснетъ ли краса?

Приду ли вновь подъ сладостныя твии Душой заснуть на лонъ мирной лени?...

Ш

АЛЕКСВЕВУ.

Мой милый, какъ несправедливы Твои ревнивыя мечты: И плънъ опасной красоты; Свободы другъ миролюбивый, Въ толпъ красавицъ молодыхъ, Я, равнодушный и ланивый, Своихъ боговъ не вижу въ нихъ. Ихъ томный взоръ, привътный лепетъ Уже не властны надо мной. Забыло сердце нъжный трепетъ И пламя юности живой. Теперь ужъ мнъ влюбиться трудно, Вздыхать неловко и смъшно, Надеждъ върить безразсудно, Мужей обманывать гръшно. Прошелъ веселый жизни праздникъ. Какъ мой задумчивый проказникъ, Какъ Баратынскій, я твержу: »Нельзя ль найти подруги нъжной? «Нельзя ль найти любви надежной?» И ничего не нахожу. Оставя счастья призракъ ложный,

Безъ упоительныхъ страстей, Я сталь наперсникь осторожный Моихъ неопытныхъ друзей. Когда любовникъ иступленной, Тоскуя, плачетъ предо мной, И для красавицы надменной Клянется жертвовать собой; Когда, въ жару своихъ желаній, Съ восторгомъ изъясняетъ онъ Неясныхъ, темныхъ ожиданій Обманчивый, но сладкій сонъ, И, кръпко руку сжавъ у друга, Клянетъ ревниваго супруга, Или докучливую мать: Его безумнымъ увъреньямъ И поминутнымъ повтореньямъ Люблю съ участіемъ внимать; Я льщу слепой его надежде, Я молодъ юностью чужой И говорю: такъ было прежде Во время оно и со мной.

IV.

Мой другъ, забыты мной слъды минувшихъ лътъ И младости моей мятежное теченье. Не спрашивай меня о томъ, чего ужъ нътъ, Что было мнъ дано въ печаль и въ наслажденье,

Что я любилъ, что измѣнило мнѣ; Пускай я радости вкушаю не вполнѣ; Но ты, невинная, ты рождена для счастья. Безпечно вѣрь ему, летучій мигъ лови: Душа твоя жива для дружбы, для любви, Для поцълуевъ сладострастья.

Душа твоя чиста: унынье чуждо ей; Свътла, какъ ясный день, младенческая совъсть Къ чему тебъ внимать безумства и страстей

Незанимательную повъсть?
Она твой тихій умъ невольно возмутитъ;
Ты слезы будешь лить, ты сердцемъ содрогнешься;
Довърчивой души безпечность улетитъ,
И ты моей любви, быть можетъ, ужаснешься.
Быть можетъ, навсегда... Нътъ, милая моя,
Лишиться я боюсь послъднихъ наслажденій.
Не требуй отъ меня опасныхъ откровеній:
Сегодня я люблю, сегодня счастливъ я.

٧.

КЪ * * ^{*}

Зачёмъ безвременную скуку
Зловещей думою питать,
И неизбежную разлуку
Въ уныньи робкомъ ожидать?
И такъ ужъ близокъ день страданья!
Одинъ, въ тиши пустыхъ полей,
Ты будешь звать воспоминанья
Потерянныхъ тобою дней:
Тогда изгнаньемъ и могилой,
Несчастный, будешь ты готовъ
Купить хоть слово дёвы милой,
Хоть легкій шумъ ея шаговъ.

VI.

B * * * y.

Кто мнъ пришлетъ ея портреть. Черты волшебницы прекрасной? Талантовъ обожатель страстной, Я прежде быль ея поэть. Съ досады, можетъ быть, неправой, Когда одна въ дыму кадилъ Красавица блистала славой, Я свистомъ гимны заглушилъ. Погибни, злобы мигъ единой, Погибни, лиры ложный звукъ: Она виновна, милый другъ, Предъ Селименой и Моиной. Такъ легкомысленной душой, О боги, смертный васъ поноситъ; Но вскоръ трепетной рукой Вамъ жертвы новыя приноситъ.

VII.

CTOBAHIE.

Недавно я, въ часы свободы, Уставъ нападника читалъ, И даже ясно понималъ Его искусные доводы; Узналъ я рѣзкія черты Неподражаемаго слога, И перевертывалъ листы,

И думаль: вътреный пъвець!
Перебъсилась наконецъ
Твоя проказливая лира;
И сердцемъ охладъвъ на въкъ,
Ты видно сталъ въ угоду міра
Благоразумный человъкъ!
О, горе! молвилъ я сквозъ слезы,
Кто далъ Давыдову совътъ
Оставить лавръ, оставить розы?
Какъ могъ унизиться до прозы
Вънчанный музою поэтъ,
Презръвъ и славу прежнихъ лътъ,
И тъни Бурцова угрозы?

VIII,

KB HOPTPETY * * *.

Судьба свои дары явить желала въ немъ, Въ счастливомъ баловнъ соединивъ ошибкой Богатство, знатный родъ съ возвышеннымъ умомъ, И простодушіе съ язвительной улыбкой. IX.

гробъ юноши.

..... Сокрылся онъ, Любви, забавъ питомецъ нъжной; Кругомъ него глубокій сонъ И хладъ могилы безмятежной...

Любилъ онъ игры нашихъ дѣвъ, Когда весной въ тѣни деревъ Онѣ кружились на свободѣ; Но нынче въ рѣзвомъ хороводѣ Не слышенъ ужъ его припѣвъ.

Давно ли старцы любовались Его веселостью живой. Полупечально улыбались И говорили межъ собой: «И мы любили хороводы, Блистали также въ насъ умы; Но погоди, приспъютъ годы, И будешь то, что нынъ мы. Какъ намъ, о міра гость игривый, Тебъ постынетъ бълый свътъ; Теперь играй...» Но старцы живы, А онъ увяль во цвъть льть. И безъ него друзья пирують, Другихъ ужъ полюбить успъвъ; Ужъ ръдко, ръдко именуютъ Его въ бесъдъ юныхъ дъвъ. Изъ милыхъ женъ, его любившихъ,

Одна, быть можеть, слезы льеть, И память радостей почившихъ Привычной думою зоветъ... Къ чему?

Надъ ясными водами Гробницы мирною семьей, Подъ наклоненными крестами, Таятся въ рощъ въковой. Тамъ, на краю большой дороги, Гдъ липа старая шумитъ, Забывъ сердечныя тревоги, Нашъ бъдной юноша лежитъ.

Напрасно блещеть лучь денницы, Иль ходить мевяць средь небесь, И вкругь безчувственной гробницы Ручей журчить и шепчеть льсь; Напрасно утромъ за малиной Къ ручью красавица съ корзиной Идеть и въ холодъ ключевой Пугливо ногу опускаетъ: Ничто его не вызываетъ Изъ мирной съни гробовой.

Χ.

ВОЙНА.

Война!... Подъяты наконецъ, Шумятъ знамена бранной чести! Увижу кровь, увижу праздникъ мести! Засвищетъ вкругъ меня губительный свинецъ. И сколько сильных впечатленій Для жаждущей души моей: Стремленье бурных ополченій, Тревоги стана, звукъ мечей, И въ роковомъ огнъ сраженій Паденье ратныхъ и вождей! Предметы гордыхъ пъснопъній Разбудять мой уснувшій геній.

Все ново будетъ мнѣ: простая сѣнь патра, Огни враговъ, ихъ чуждое взыванье, Вечерній барабанъ, громъ пушки, визгъ ядра

И смерти грозной ожиданье.
Родишься ль ты во мнт, слтпая славы страсть,
Ты, жажда гибели, свиртный жарт героевт?
Втнокт ли мнт двойной достанется на часть,
Кончину ль темную судилт мнт жребій боевт,
И все умретт со мной: надежды юныхт дней,
Священный сердца жарт, кт высокому стремленье,
Воспоминаніе и брата и друзей,
И мыслей творческихт напрасное волненье,
И ты, и ты, любовь?... Уже ль ни бранный шумт,
Ни ратные труды, ни ропотт гордой славы,
Ничто не заглушить моихт привычныхт думт?

Я таю, жертва злой отравы: Покой бъжитъ меня; нътъ власти надъ собой, И тягостная лънь душою овладъла...

Что жъ медлитъ ужасъ боевой? Что жъ битва первая еще не закипъла?...

XI.

Я пережилъ свои желанья, Я разлюбилъ свои мечты! Остались мнѣ одни страданья, Плоды сердечной пустоты.

Подъ бурями судьбы жестокой Увялъ цвътущій мой вънецъ! Живу печальный, одинокой, И жду: придетъ ли мой конецъ?

Такъ позднимъ хладомъ пораженной, Какъ бури слышенъ зимній свистъ, Одинъ на въткъ обнаженной Трепещетъ запоздалый листъ.

XII.

земля и море.

Когда по синевъ морей
Зефиръ скользить и тихо въетъ
Въ вътрила гордыхъ кораблей,
И челны на волнахъ лелъетъ;
Заботъ и думъ слагая грузъ,
Тогда лънюсь я веселъе
И забываю пъсни Музъ:
Мнъ моря сладкій шумъ милъе.
Когда же волны по брегамъ
Ревутъ, кипятъ и пъной плещутъ,
И громъ гремитъ по небесамъ,
И молніи во мракъ блещутъ;
Я удаляюсь отъ морей
Въ гостепріимныя дубровы:

Земля мнѣ кажется вѣрнѣй, И жалокъ мнѣ рыбакъ суровый: Живетъ на утломъ онъ челнѣ, Игралище слѣпой пучины, А я въ надежной тишинѣ Внимаю шумъ ручья долины

XIII.

примъты.

Старайся наблюдать различныя приметы.

Пастухъ и земледелъ въ младенческія леты,
Взглянувъ на небеса, на западную тень,
Умеютъ ужъ предречь и ветръ, и ясный день,
И майскіе дожди, младыхъ полей отраду,
И мразовъ ранній хладъ, опасный винограду.
Такъ, если лебеди, на лоне тихихъ водъ
Плескаясь вечеромъ, окличутъ твой приходъ,
Иль солнце яркое зайдетъ въ печальны тучи,
Знай: завтра сонныхъ девъ разбудитъ дождь ревучій,
Иль быощій въ окна градъ, а ранній селянинъ,
Готовясь ужъ косить высокій злакъ долинъ,
Услыша бури шумъ, не выйдетъ на работу
И погрузится вновь въ ленивую дремоту

XIV.

ABBA.

Я говорилъ тебъ: стращися дъвы милой! Я зналъ: она сердца влечетъ невольной силой. Неосторожный другъ, я зналъ: нельзя при ней Иную замъчать, иныхъ искать очей. Надежду потерявъ, забывъ измъны сладость, Пылаетъ близъ нея задумчивая младость; Любимцы счастія, наперсники судьбы Смиренно ей несутъ влюбленныя мольбы: Но дъва гордая ихъ чувства ненавидитъ И, очи опустивъ, не внемлетъ и не видитъ

XV.

АНТОЛОГИЧЕСКІЙ ОТРЫВОВЪ.

Подруга милая, я знаю, отчего
Ты съ нынъшней весной отъ нашихъ игръ отстала!
Я тайну сердца твоего

Давно, повърь мнъ, угадала:

Кларисъ въ тебя влюбленъ; онъ молодъ — и не разъ Украдкою вдвоемъ я замъчала васъ; Ты слушаешь его въ безмолвіи, краснъя, Твой взоръ потупленный желаніемъ горитъ...

И долго послъ, Галатея, Улыбку нъжную лицо твое хранитъ.

XVI.

дюнея.

Хромидъ въ тебя влюбленъ: онъ молодъ, и не разъ Украдкою вдвоемъ мы замъчали васъ; Ты слушаешь его, въ безмолвіи краснтя; Твой взоръ потупленный желаніємъ горить, И долго послъ, Діонея, Улыбку нъжную лицо твое хранитъ.

XVII.

врасавица передъ зерваломъ.

Взгляни на милую, когда свое чело
Она предъ зеркаломъ цвътами окружаетъ,
Играетъ локономъ, и върное стекло
Улыбку, хитрый взоръ и гордость отражаетъ.

хүш.

N J 3 A.

Въ младенчествъ моемъ она меня любила И семиствольную цъвницу мнъ вручила; Она внимала мнъ съ улыбкой: и слегка По звонкимъ скважинамъ пустаго тростника Уже наигрывалъ я слабыми перстами И гимны важные, внушенные богами, И пъсни мирныя Фригійскихъ пастуховъ. Съ утра до вечера въ нъмой тъни дубовъ Прилежно я внималъ урокамъ дъвы тайной; И, радуя меня наградою случайной,

Откинувъ локоны отъ милаго чела, Сама изъ рукъ моихъ свиръль она брала: Тростникъ былъ оживленъ божественнымъ дыханьемъ И сердце наполнялъ святымъ очарованьемъ.

XIX.

Умолкну скоро я. Но если въ день печали Задумчивой игрой мнъ пъсни отвъчали; Но если юноши, внимая молча мнъ, Дивились долгому любви моей мученью; Но если ты сама, предавшись умиленью, Печальные стихи твердила въ тишинъ И сердца моего языкъ любила страстной; Но если я любимъ: позволь, о милый другъ, Позволь одушевить прощальный лиры звукъ Завътнымъ именемъ любовницы прекрасной. Когда меня на въкъ обыметъ смертный сонъ, Надъ урною моей промолви съ умиленьемъ: «Онъ мною былъ любимъ; онъ мнъ былъ одолженъ И пъсенъ и любви послъднимъ вдохновеньемъ».

XX.

Ч***ВУ.

Въ странъ, гдъ я забылъ тревоги прежнихъ лътъ, Гдъ прахъ Овидіевъ пустынный мой сосъдъ, Гдъ слава для меня предметъ заботы малой, Тебя не достаетъ душъ моей усталой.

Врагу стеснительныхъ условій и оковъ, Нетрудно было мнъ отвыкнуть отъ пировъ. Гдъ праздный умъ блеститъ, тогда какъ сердце дремлетъ И правду пылкую приличій хладъ объемлетъ. Оставя шумный кругъ безумцевъ молодыхъ, Въ изгнаніи моемъ я не жальль о нихъ; Вздохнувъ, оставилъ я другія заблужденья, Враговъ моихъ предалъ проклятію забвенья, И, съти разорвавъ, гдъ бился я въ плъну, Для сердца новую вкущаю тишину. Въ уединеніи мой своеправный геній Позналъ и тихій трудъ, и жажду размышленій. Владъю днемъ моимъ; съ порядкомъ друженъ умъ; Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ; Ищу вознаградить, въ объятіяхъ свободы, Мятежной младостью утраченные годы И въ просвъщеніи стать съ въкомъ наравиъ. Богини мира, вновь явились Музы мнъ И независимымъ досугамъ улыбнулись; Цъвницы брошенной уста мои коснулись; Старинный звукъ меня обрадовалъ: и вновь Пою мои мечты, природу и любовь, И дружбу върную, и милые предметы, Плънявшіе меня въ младенческія лъты, Въ тв дни, когда, еще незнаемый никъмъ, Не зная ни заботъ, ни цъли, ни системъ, Я пъньемъ оглашалъ пріютъ забавъ и лъни И Царскосельскія хранительныя сти. Но дружбы нътъ со мной: печальный вижу я Лазурь чужихъ небесъ, полдневные края; Ничто не замънитъ единственнаго друга: Ни Музы, ни труды, ни радости досуга. Ты быль целителемъ моихъ душевныхъ силь; О неизменный другь, тебе я посвятиль

300 1821 г.

И краткій въкъ, уже испытанный судьбою, И чувства, можетъ быть, спасенныя тобою! Ты сердце зналъ мое во цвътъ юныхъ дней; Ты видълъ, какъ потомъ въ волненіи страстей Я тайно изнывалъ, страдалецъ утомленной; Въ минуту гибели надъ бездной потаенной Ты поддержалъ меня недремлющей рукой; Ты другу замънилъ надежду и покой; Во глубину души вникая строгимъ взоромъ, Ты оживлялъ ее совътомъ иль укоромъ; Твой жаръ воспламенялъ къ высокому любовь; Терпънье смълое во мнъ рождалось вновь; Ужъ голосъ клеветы не могъ меня обидъть: Умълъ я презирать, умъя ненавидъть.

Мнт ль было стовать о толкахъ шалуновъ, О лепетаньи дамъ, зоиловъ и глупцовъ И сплетней разбирать игривую затью, Когда гордиться могъ я дружбою твоею? Благодарю боговъ: прошелъ я мрачный путь; Печали раннія мою тѣснили грудь: Къ печалямъ я привыкъ, расчелся я съ судьбою, И жизнь перенесу стоической душою. Одно желаніе: останься ты со мной! Небесъ я не томилъ молитвою другой. О, скоро ли, мой другъ, настанетъ срокъ разлуки? Когда соединимъ слова любви и руки? Когда услышу я сердечный твой привътъ? Какъ обниму тебя! Увижу кабинетъ, Гдъ ты всегда мудрецъ, а иногда мечтатель И вътренной толпы безстрастный наблюдатель; Приду, приду я вновь, мой милый домосъдъ, Съ тобою вспоминать бестды прежнихъ лътъ, Младые вечера, пророческіе споры,

Знакомыхъ мертвецовъ живые разговоры; Посмотримъ, перечтемъ, посудимъ, побранимъ, И счастливъ буду я: но только ради Бога Гони ты *** отъ нашего порога.

XXI.

къ овидію.

Овидій, я живу близь тихихъ береговъ, Которымъ изгнанныхъ отеческихъ боговъ Ты нъкогда принесъ и пепелъ свой оставилъ! Твой безотрадный плачъ мъста сіи прославилъ: И лиры нъжный гласъ еще не онъмълъ; Еще твоей молвой наполненъ сей предълъ. Ты живо впечатлълъ въ моемъ воображеньъ Пустыню мрачную, поэта заточенье, Туманный сводъ небесъ, обычные снъга И краткой теплотой согратые луга. Какъ часто, увлеченъ унылыхъ струнъ игрою, Я сердцемъ слъдовалъ, Овидій, за тобою: Я видълъ твой корабль игралищемъ валовъ, И якорь, верженный близъ дикихъ береговъ, Гдъ ждетъ пъвца любви жестокая награда. Тамъ нивы безъ тъней, холмы безъ винограда; Рожденные въ снъгахъ для ужасовъ войны, Тамъ хладной Скиоіи свиръпые сыны, За Истромъ утаясь, добычи ожидаютъ, И селамъ каждый мигъ набъгомъ угрожаютъ. Преграды нътъ для нихъ: въ волнахъ они плывутъ И по льду звучному безтрепетно идутъ.

302 1821 r.

Ты самъ (дивись, Назонъ, дивись судьбъ превратной!), Ты, съ юныхъ летъ презревъ волненье жизни ратной, Привыкнувъ розами вънчать свои власы И въ нъгъ провождать безпечные часы, Ты будешь принужденъ взложить и шлемъ тяжелой, И грозный мечъ хранить близь лиры оробълой. Ни дочерь, ни жена, ни върный сонмъ друзей, Ни Музы, легкія подруги прежнихъ дней, Изгнаннаго пъвца не усладятъ печали. Напрасно Граціи стихи твои вънчали, Напрасно юноши ихъ помнятъ наизусть: Ни слава, ни лъта, ни жалобы, ни грусть, Ни пъсни робкія Октавія не тронуть; Дни старости твоей въ забвеніи потонутъ. Златой Италіи роскошный гражданинъ, Въ отчизнъ варваровъ безвъстенъ и одинъ, Ты звуковъ родины во кругъ себя не слышишь; Ты въ тяжкой горести далекой дружбъ нишешь: «О, возвратите мнъ священный градъ отцовъ И тени мирныя наследственных садовъ! О други, Августу мольбы мои несите! Карающую длань слезами отклоните! Но если гифвиый богъ досель неумолимъ, И въкъ мнъ невидать тебя, великій Римъ, Послъднею мольбой смягчая рокъ ужасной, Приближьте хоть мой гробъ къ Италіи прекрасной!» Чье сердце хладное, презръвшее Харитъ, Твое уныніе и слезы укорить? Кто въ грубой гордости прочтетъ безъ умиленья Сіи Элегіи, послъднія творенья, Гдъ ты свой тщетный стонъ потомству передаль?

Суровый Славянинъ, я слезъ не проливалъ, Но понимаю ихъ. Изгнанникъ самовольный, И свътомъ, и собой, и жизнью недовольный, Съ душой задумчивой, я нынъ посътилъ Страну, гдъ грустный въкъ ты нъкогда влачилъ. Здъсь, ожививъ тобой мечты воображенья, Я повториль твои, Овидій, песнопенья, II ихъ печальныя картины повърялъ; Но взоръ обманутымъ мечтаньямъ измънялъ. Изгнаніе тве планяло втайна очи, Привыкшія къ снъгамъ угрюмой полуночи. Здъсь долго свътится небесная лазурь; Здъсь кратко царствуетъ жестокость зимнихъ бурь. На Скиескихъ берегахъ переселенецъ новый, Сынъ юга, виноградъ блистаетъ пурпуровый. Ужъ пасмурный Декабрь на Русскіе луга Слоями разстилалъ пушистые снъга; Зима дышала тамъ, а съ вешней теплотою Здъсь солнце ясное катилось надо мною; Младою зеленью пестръль увядшій лугь; Свободныя поля взрываль ужъ ранній плугъ; Чуть въяль вътерокъ, подъ вечеръ холодъя; Едва прозрачный ледъ, надъ озеромъ тускиъя, Кристалломъ покрывалъ недвижныя струи. Я вспомнилъ опыты несмълые твои, Сей день, замъченный крылатымъ вдохновеньемъ, Когда ты въ первый разъ ввърялъ съ недоумъньемъ Шаги свои волнамъ, окованнымъ зимой: И по льду новому, казалось, предо мной Скользила тънь твоя, и жалобные звуки Неслися издали, какъ томный стонъ разлуки.

Утышься: не увяль Овидіевь вынець! Увы, среди толпы затерянный пывець, Безвыстень буду я для новыхь покольній, И жертва темная, умреть мой слабый геній 304

Съ печальной жизнію, съ минутною молвой!... Но если обо мнъ потомокъ поздній мой Узнавъ, придетъ искать въ странъ сей отдаленной Близь праха славнаго мой слъдъ уединенной: Бреговъ забвенія оставя хладну стнь, Къ нему слетитъ моя признательная тънь, И будетъ мило мнт его воспоминанье. Ла сохранится же завътное преданье! Какъ ты, враждующей покорствуя судьбъ, Не славой — участью я равенъ былъ тебъ. Здъсь, лирой съверной пустыни оглащая, Скитался я въ тъ дни, какъ на брега Дуная Великодушный Грекъ свободу вызываль: И ни единый другъ мнъ въ міръ не внималь; Но чуждые холмы, поля, и рощи сонны, И Музы мирныя мнъ были благосклонны.

XXII.

наполеонъ.

Чудесный жребій совершился: Угасъ великій человъкъ. Въ неволъ мрачной закатился Наполеона грозный въкъ. Исчезъ властитель осужденный, Могучій баловень побъдъ: И для изгнанника вселенной Уже потомство настаетъ.

О ты, чьей памятью кровавой Міръ долго, долго будеть полнъ,

Пріосъненъ твоею славой,
Почій среди пустынныхъ волнъ!
Великолъпная могила....
Надъ урной, гдъ твой прахъ лежитъ,
Народовъ ненависть почила,
И лучъ безсмертія горитъ.

Давно ль орлы твои летали Надъ обезславленной землей? Давно ли царства упадали, При громахъ силы роковой? Послушны волъ своенравной, Бъдой шумъли знамена, И налагалъ яремъ державной Ты на земныя племена.

.

И Франція, добыча славы,
Плітненный устремила взоръ,
Забывъ надежды величавы,
На свой блистательный позоръ.
Ты велъ мечи на пиръ обильный;
Все пало съ шумомъ предъ тобой:
Европа гибла: сонъ могильный
Носился надъ ея главой.

Надменный, кто тебя подвигнулъ? Кто обуялъ твой дивный умъ? Какъ сердца Русскихъ не постигнулъ Ты съ высоты отважныхъ думъ? Великодушнаго пожара Не предузнавъ, ужъ ты мечталъ, Что мира вновь мы ждемъ какъ дара; Но поздно Русскихъ разгадалъ.... Россія, бранная царица, Воспомни древнія права!

.

Пылай, великая Москва! Настали времена другія: Исчезни, краткій нашъ позоръ! Благослови Москву, Россія! Война: по гробъ нашъ договоръ.

Оцъпенълыми руками
Схвативъ желъзный свой вънецъ.
Онъ бездну видитъ предъ очами.
Онъ гибнетъ, гибнетъ наконецъ.
Бъжатъ Европы ополченъя;
Окровавленные снъга
Провозгласили ихъ паденье,
И таетъ съ ними слъдъ врага.

И все какъ буря закипъло; Европа свой расторгла плънъ; Во слъдъ тирану полетъло, Какъ громъ, проклятіе племенъ. И длань народной Немезиды Подъяту видитъ великанъ: И до послъдней всъ обиды Отплачены тебъ, тиранъ!

Искуплены его стяжанья
И зло воинственныхъ чудесъ
Тоскою душнаго изгнанья,
Подъ сънью чуждою небесъ.
И знойный островъ заточенья
Полнощный парусъ посътитъ,
И путникъ слово примиренья
На ономъ камнъ начертитъ,

Гдъ, устремивъ на волны очи, Изгнанникъ помнилъ звукъ мечей, И льдистый ужасъ полуночи, И небо Франціи своей; Гдъ, иногда, въ своей пустынъ Забывъ войну, потомство, тронъ, Одинъ, одинъ о миломъ сынъ Въ уныньи горькомъ думалъ онъ.

Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Его развънчанную тънь!
Хвала!... Онъ Русскому народу
Высокій жребій указалъ,
И міру въчную свободу
Изъ мрака ссылки завъщалъ.

примъчания

КЪ СТИХОТВОРЕНІЯМЪ ПУШКИНА

1821 года.

1. Это последній отголосокь длинных и легких посланій во вкуст Батюшкова, которыми Пушкинь, какъ мы видели, началь свое литературное поприще. Стихотвореніе напечатано впервые посмертнымь изданіємь, и въ рукописи имъетъ помътку на концъ: «Кишиневъ. 11-е Апреля 1821 г.» Между прочимъ въ книжкт, о которой упоминаетъ самъ, поэтъ въ своемъ стихотвореніи, одинъ листокъ вырванъ, отчего въ посмертномъ изданіи вышло два стиха безъ рифмъ и цтлое мъсто безъ яснаго, опредъленнаго смысла:

Сокровища мои

На див твоемь таятся...

Тебя я посвятиль

Занятіямь досуга

И съ ленью примириль:

Она твоя подруга.

Вырванный листокъ заключаль описаніе поэтическихъ ви-

чить по сатамощему, оставшемуся четверостишію, которое въ печать не попало:

«Прозрачной, легкой дымъ Носился надъ тобою И съ трепетомъ живымъ Въ немъ быстрой чередою...

Между прочимъ одинъ стихъ пропущенъ въ посмертномъ изданіи и все стихотвореніе отнесено имъ къ лицейскимъ.

- И. Другое стихотвореніе, впервые данное посмертнымъ изданіемъ. Въ черновой рукописи оно не имѣетъ заглавія. 4-й стихъ первой строфы читается въ ней: «И пышные ласкаютъ берега»; первый стихъ четвертой строфы: «Все живо тамъ: и тополей прохлада». Въ рукописи же эта 4-я строфа и за ней иятая, помараны авторомъ. Можетъ быть посмертное изданіе имѣло другой списокъ, чѣмъ тотъ, который остался въ бумагахъ. Какъ бы то нибыло, но это поэтическое воспоминаніе о времени, проведенномъ авторомъ въ Тавридѣ, подтверждаетъ слова его въ извѣстномъ письмѣ, находящемся въ нашихъ матеріалахъ для біографіи: «Любимая моя мечта увидѣть опять полуденный берегъ»...
- III. Стихотвореніе, явившееся въ Полярной Звізді 1825 г. При выборів его для изданія 1826 г., было откинуто окончаніе:

И что жъ? Измѣной хладнокровной Я ль стану дружеству вредить, И снова тактики любовной Уроки хитрые твердить? Люби, ласкай свои желанья, Надеждѣ, сердцу слѣпо вѣрь. Увы! Пройдутъ любви мечтанья И будешь то, чѣмъ я теперь.

Съ выпущеннымъ концемъ пьеса перешла изъ изданія 1826, въ 1829 г. и въ посмертное. Во избъжаніе повтореній скажемъ теперь же, что всъ стихотворенія слъдующія за этой пьесой, помъщены были въ сборникъ 1826 г., за исключеніемъ двухъ: «Антологическій отрывокъ» и «Сътованіе»; оттуда перешли они въ изд. 1829 г. и посмертное. Мы укажемъ только, гдъ каждое изъ стихотвореній впервые явилось и какія изм'єненія получило при переход'є въ изданіе 1826 г. или изъ этаго изданія въ посл'єдующія.

IV. Пьеса явилась въ Новостяхъ Литературы 1825 г., Мартовская книжка, изд. А. Ө. Воейкова. Тамъ оно имъло оглавленіе «Къ**», выпущенное изданіемъ 1826 г., а за тъмъ и всъми другими. Одинъ стихъ какъ въ рукописи, такъ и въ журнать былъ не полный:

Нътъ милая моя!

Боюсь лишиться я послёднихъ наслажденій.

Въ 1826 г. оба стиха читаются уже такъ:

И ты моей любви, быть можеть, ужаснешься, Выть можеть на всегда... Нёть милая моя!

Лишиться я боюсь послёднихъ наслажденій.

Въ рукописи она озаглавлена просто: Элегія; въ концѣ сдѣлана помѣтка: 25 Августа 1821 г., а на первомъ черновомъ оригиналѣ стоитъ другая: «24 Августа, въ ночь». Изданіе 1826 г. еще отнесло ее къ Элегіямъ, а посмертное изданіе уже къ Разнымъ Стихотвореніямъ.

- V. Посланіе явилось впервые только въ 1827 г., въ журналѣ: Московскій Вѣстникъ, 1827 г., № II. Оно уже попало въ сборникъ 1829 г. миновавъ изд. 1826 г. и по рукописи видно, что писано было къ Пле—ееву.
- VI. Посланіе это къ П. А. Катенину, напечатано впервые изд. 1826 г. Лицо въ немъ упоминаемое есть одна изъ извѣстныхъ нашихъ актриссъ, не оцѣненная поэтомъ по достоинству своему. Рукопись сохраняетъ помѣтку: «5 Апрѣля». 12-й стихъ въ изданіи 1826 г. «Предъ Мельпоменой и Моиной», исправленъ изданіенъ 1829 г.: «Предъ Селименой и Моиной.»
- VII. Стихотвореніе это, впервые данное посмертнымъ изданіемъ, связывается съ книгой Д. В. Давыдова, появившейся въ 1821 г.: «Опытъ теоріи Партиванскаго дъйствія. Москва». Въ рукописи нътъ оглавленія, да его и не могло быть по характеру самой пьесы, принадлежащей къ роду писемъ или пославій.
- VIII. Напечатанная въ Полярной Звъздъ 1824 г., безъ имени автора, пьеса перешла въ изд. 1826 г, съ заглавіемъ: «Надпись къ портрету *** ". По рукописи видно, что она принадлежить 1821 г. и сдълана къ портрету П. А. Вяземскаго.

- ІХ. Впервые въ изданіи 1826 г. Превосходное стихотвореніе навѣяно, быть можетъ, извѣстіемъ о смерти одного изъ лицейскихъ товарищей Пушкина, Корсакова, скончавшагося во Флоренціи, но частный случай, какой бы овъ ни былъ, являе т ся здѣсь въ свѣтломъ отраженіи поэзіи и искусства.
- Х. Стихотвореніе, напечатанное впервые Полярной Зв'єздой 1823 г., но безъ подписи имени, которое зам'єнено двумя зв'єздочками, а въ листк'є оглавленія книги одной чертой. Трудно угадать причину, заставившую автора скрыть свое имя. Въ альманах оно им'єла названіе: Мечта Воина, но въ рукописи и въ изданіи 1826 г. озаглавлено просто «Война». Въ альманах также первый стих быль сл'єдующій: «Война... Развиты наконецъ», а 26-й вм'єсто ныв'єшняго: «Ни ратные труды, ни ропотъ гордой славы», еще читается: «Ни грозные труды, ни ропотъ гордой славы». Дал'є, тамъ было: «огни враговъ, ихъ чуждое призванье» вм'єсто: «взыванье»; «ничто не заглушить моихъ тревожных думъ», вм'єсто: «привычных думъ»; «воспоминаніе и братьевт и друзей» вм'єсто: «воспоминанье и брата и друзей. Вс'є эти ошибки исправлены были изданіемъ 1826 г.

Пьеса написана была по поводу начавшейся борьбы Грековъ за независимость и авторъ, мечтавшій объ участіи въ войнь, какъ будто исполняетъ намъреніе, выраженное имъ въ стихотвореніи 1818 г. (Къ***, отсовътовавшему мнъ вступать въ военную службу) дождаться часа, когда возстанетъ съ одра покоя богъ мечей.... Въ рукописи есть помътка: «29 Ноября 1821»

ХІ. Эта пьеса напечатана была въ журналѣ Новости Литературы 1823 г. Ж XLVIII, съ оглавленіемъ: Элегія. Пзданіе 1826 г. отнесло ее къ разряду Пѣсенъ, Стансовъ и Сонетовъ. Въ томъ же изданіи 1826 г. вторая строфа совершенно персиначена противъ редакціи журнала и редакціи рукописи. Въ вихъ она еще такова: (поправка изд. 1826 г. повторена всѣми другими).

Безмольно жребію послушный, Влачу страдальческій візнець; Живу—печальный, равнолушный И жду: придеть ли мой конець?

Въ рукописи же къ оглавленію Элегія, приписано въ скобт. п. 21

- кахъ: «Изъ поэмы: Кавказъ» и въ низу ея помѣчено: «Каменка, 22-го Февраля 1821».
- XII. Стихотвореніе впервые напечатано въ Новостяхъ Литературы 1825 г. Январская книжка. Въ изданіяхъ 1826 и 1829 годовъ къ нему приписано было на листкахъ оглавленія книжекъ: «Идиллія Мосха» какъ и въ рукописи, гдѣ у него впрочемъ еще и другое оглавленіе: «Морскої берегъ». Посмертное изданіе выпустило указаніе, а отнесло пьесу къ Автологическимъ стихотвореніямъ. Рукопись сохраняетъ помѣтку: «8 Февраля 1821, Кіевъ».
- XIII. Впервые напечатаны въ изданіи 1826 г. Тамъ пьеса отнесена была къ Подражаніямъ древнимъ, а посмертнымъ изданіемъ къ Антологическимъ стихотвореніямъ. Въ рукописи она имъетъ названіе: «Отрывокъ» и второй ея стихъ начинается: Пастухъ и Рыболовъ... вмъсто: Пастухъ и Земледолъ, какъ Пушкинъ напечаталъ.
- XIV. Впервые напечатано въ журналѣ: Соревнователь Просвѣщенія и Благотворенія 1825 г., № III, подпись: А. Пушкинъ, а потомъ съ нынѣшнимъ заглавіемъ въ изданіи 1826 г., гдѣ вмѣстѣ съ слѣдующими у насъ за нею пьссами, она отнесена къ Подражаніямъ Древнимъ. Изданіе 1826 г. представляетъ и здѣсь образецъ мѣткихъ поправокъ автора. Восьмой стихъ въ журналѣ Соревнователь читается:

«Жужжать вокругь нее ревнивыя мольбы», а въ изданіи 1826 г.

«Смиренно ей несуть влюбленныя мольбы.»

XV. Пьеса, напечатанная впервые въ Новостяхъ Литературы 1825 г., Апрѣльская книжка, но это только черновой оригина лъ пьесы: «Діонея», которую теперь же прилагаемъ. За тѣмъ, разумѣется, старый текстъ не былъ приведенъ изданіемъ 1826 и 1829 г., гдѣ только помѣщенъ исправленный «Діонея», но онъ попаль въ посмертное изданіе безь всякаго объясненія Рукопись Пушкина еще разнится даже и съ редакціей журнала. Оглавленіе пьесы въ ней такое: «Идилія». Второй стихъ начинается: «Ты съ нынѣшней весны....» пятый: «Кромидъ въ тебя влюбленъ....» восьмой: «Твой взоръ потупленный любо вію горитъ». Такимъ образомъ Пушкинъ три раза исправляль стихотвореніе, состоящее всего изъ 10 стиховъ.

XVI.

XVII. Впервые напечатано въ журналѣ: Соревнователь Просвѣщенія и Благотворенія 1825 г., № III (Подпись: А. Пушкинъ). Съ нынѣшнимъ заглавіемъ пьеса является уже въ изданія 1826 г. гдѣ и первый стихъ измѣненъ противъ редакціи журнала. Тамъ онъ былъ:

«Мила красавица, когда свое чело».

XVIII. Стихотвореніе, напечатанное впервые въ Сынѣ Отечества 1821 г., № 23-й съ подписью: А. Пушкинъ и съ помѣткой: «Кишиневъ, 5-е Апрѣля 1821», но въ рукописяхъ сохраняется черновой оригиналъ ея, съ помѣткой: «1821 Февраля 14». Такимъ образомъ пьеса написана еще въ Кіевѣ и продежала два мѣсяца въ портфеляхъ автора. При этомъ не могло обойтись безъ измѣненій. Первые два стиха черноваго оригинала еще таковы:

Въ младенчествѣ моемъ она меня любпла Она трествольную цѣвницу мнѣ вручила...

Последніе два стиха такъ изложены:

И дивно оживленъ божественнымъ дыханьемъ Тростникъ меня плънялъ святымъ очарованьемъ.

А одинъ въ серединѣ (7-й) такъ:

И пъсни легкія веселыхъ пастуховъ

Стихотвореніемъ Муза Пушкинъ завершилъ свои Антологическія подражанія, мысль о которыхъ дана ему была А. Шенье, но завершилъ въ формѣ столь изящной и самостоятельной, что оно остается литературнымъ памятникомъ, непревзойденнымъ позднѣйшими попытками нашихъ поэтовъ въ томъ же родѣ. Пушкинъ создалъ еще одну пьесу на олицетвореніе Музы своей, и эта превосходная пѣснь относится тоже къ 1821 г. Она находится въ нашихъ матеріалахъ для біографіи; смотри стихотвореніе:

«Наперсница волшебной старины Другъ вымысловъ игривыхъ и печальныхъ.»

XIX. Элегія появилась впервые въ изданіи 1826 г. и перепечатана безъ измёненій изд. 1829 г. и посмертнымъ, только здёсь вмёсто окончанія стиха: «языкъ любила страстной», стоитъ: «языкъ любила страстной». Въ рукописи есть помётва: «23 Августа 1821 г.» и заглавіе: «Элегія.» Такимъ образомъ она на-

писана днемъ ранѣе другой элегіи, помѣщенной выше. «Мой другъ! забыты мной слѣды», что заставляетъ предполагать и единство поводовъ къ созданію ихъ. Въ обѣихъ, особливо въ послѣдней, изящество внѣшней формы находится въ удивительной гармоніи съ свѣтлымъ, кроткимъ чувствомъ, какое предназначено ей содержать. Изъ послѣдней элегіи, Пушкинъ выкинулъ четверостишіе, нарушавшее господствовавшій тонъ пьесы. Оно слѣдовало ва стихомъ: «Завѣтнымъ именемъ любовницы прекрасной.

«Не бойся вътреныхъ невъжаъ, Не бойся клеветы ревнивой.... Не обмани моихъ надежаъ Своею скромностью пугливой».

ХХ. Посланіе это напечатано впервые въ Сынѣ Отечества 1821 г. № 35, съ помѣткой: «Кишиневъ. 20 Апрѣля 1821 г.», и съ полнымъ именемъ автора, но въ черновой рукописи оно еще обозначено иначе: «Кишиневъ, 6 Апрѣля 1821 ». Въ Сынѣ Отечества было 7-мь стиховъ, выпущенныхъ изданіемъ 1826 г. которое замѣнило ихъ строкой точекъ и слѣдующимъ примѣчаніемъ: «Всѣ пропуски въ стихотвореніяхъ, означенные точками, слѣланы самимъ авторомъ». Изданіе 1829 г., а за нимъ и посмертное напечатали пьесу съ этимъ выпускомъ, но уже безъ точекъ и безъ примѣчанія. Посмертное изданіе сдѣлало еще другой пропускъ: оно просмотрѣло цѣлый стихъ;

> «Никто не замѣнитъ единственнаго друга: Ни Музы, ни труды, ни радости досуга.»

Мѣсто, откинутое изданіемъ 1826 г. содержало рѣзкій очеркъ, въ которомъ многіе отыскивали сходство съ лицемъ или лицами, жившими тогда въ Москвѣ, что и было причиной его исключенія. Послѣдніе два стиха его:

«Ораторъ Лужниковъ, никъмъ не замъчаемъ, Мнъ мало досаждалъ своимъ невиннымъ лаемъ»,

относились къ извъстному псевлониму: Лужницкій старецъ, подъ которымъ Въстникъ Европы 1820 г. и другихъ годовъ печаталъ свои ъдкія и придирчивыя замътки на романтиковъ, Все посланіе далеко оставляєть за собой прежнія легкія посланія автора, по трезвости мысли и поэтической простоть своего языка. Любопытны грамматическія и другія разности между редакціей журнала Сына Отечества и посльдующими изданіями. Въ Сынь Отечества было: 43-й стихъ: «утомленный», а въ изданіяхъ Пушкана: «утомленной»; въ С. О. 44 й стихъ: «Надъ бездной развяренной», а въ изданіяхъ: «Надъ бездной потаенной»; въ С. О. стихъ: «О лепетаныъ ламъ», а въ изданіяхъ: «О лепетаныи дамъ»: въ С. О. :«И вътренной толпы», а въ изданіяхъ «И вътреной толпы; наконецъ въ С. О. стихъ: «Знакомыхъ мертвецовъ живые пригосоры», а въ изданіяхъ:... «живые ралговоры».

XXI. Стихотвореніе напечатано впервые въ Полярной Звіздів 1823 г. съ заглавіемъ просто: «Овидію» и безъ подписи имени. замъненномъ двумя звъздочками (пропускъ не легко объясняющійся). Къ этой пьесь въ рукописи, Пушкинъ приложиль небольшое предисловіе, которое однакожь къ нему не попало въ печати, а очутилось при появленіи первой главы Евгенія Онбгина въ 1825 г., въ примечаніяхъ къ VIII строфъ ея, къ стиху: «Вдали Италін своей...» (См. напримін, къ Ев. Онівгину). Кромів того у Пушкина въ рукописи есть еще одна выноска у стиха; «Но если гнъвный Богъ досель неумолимъ» Вогъ она: «Овидій провель 9 лътъ въ своемъ изгнаньи, а не 20, какъ говоритъ Шатобріанъ». Помътка рукописи: «1821 Декабря 26». Въ изданія 1826 г. пьеса имъла уже ваглавіе : «Къ Овидію» и тогда же большія прописныя буквы въ словахъ; Элегін, Музы, Грацін и проч. были измѣнены на малыя, окончанія на ой нѣкоторыхъ прилагательныхъ переведены на ыіг, но сохранено было Пушкинское обыкновеніе писать : Рускій: «Рускіе луга». Всѣ прочія изданія слідовали редакціи 1826 г. (посмертное изданіе напечатаю только вифсто прежнаго стиха:... «подт вечерт холодья "-подвечерт холодья). Этимь превосходнымь обращениемь къ тени Овидія. Пушкинъ более быль доволень, чемь лирической своей пъснію: Наполеонь, которая теперь слъдуеть.

XXII. Впервые напечатано въ изданіи 1826 г. и безъ измѣненій повторено послѣдующими изданіями (посмертное напечатало: Искуплены его стяжанья, вмѣсто прежияго обыкновенія: Изкуплены...). Одинъ пропущенный стихъ въ строфѣ:

можетъ быть возстановленъ теперь Онъ былъ: «Померкни солнце Австерлица»!

1822 г.

I.

два путника.

Сводъ неба мракомъ обложился;
Въ волнахъ Варяжскихъ лунный лучъ,
Сверкая межъ вечернихъ тучъ,
Столбомъ неровнымъ отразился.
Качаясь, лебедь на волнъ
Заснулъ, и все кругомъ почило;
Но вотъ по темной глубинъ
Стремится бълое вътрило,
II блещетъ пъна при лунъ;
Летитъ испуганная птица,
Услыша близкій шумъ весла.
Чей это парусъ? Чья десница
Его во мракъ напрягла?

Ихъ двое. На весло нагбенный, Одинъ, смиренный житель волнъ, Гребетъ и къ Югу править челнъ; Другой, какъ волхвомъ пораженный, Стоитъ недвижимъ; на брега Глаза вперивъ, не молвитъ слова, И черезъ челнъ его нога Перешагнуть уже готова Плывутъ....

«Причаливай, старикъ! Къ утесу правь» — и въ волны вмигъ Прыгнулъ пловецъ нетерпъливой И береговъ уже достигъ. Межъ тъмъ, рукой неторопливой, Другой, вътрило опустивъ, Свой челнъ къ утесу пригоняетъ, Къ подошвамъ двухъ союзныхъ ивъ Узломъ надежнымъ укръпляетъ, И всходитъ медленной стопой На берегъ дикой и крутой. Кремень звучить, и пламя вскоръ Далеко освътило море. Суровый край! Громады скалъ На берегу стоять угрюмомъ; Объ нихъ мятежный бьется валъ И пъна плещетъ; сосны съ шумомъ Качаютъ старыя главы Надъ зыбкой пеленой пучины; Кругомъ ни цвъта, ни травы; Песокъ да мохъ; скалы, стремнины, Вездъ хранятъ клеймо громовъ И следъ потоковъ истощенныхъ, И тачьють кости, пиръ волковъ, Въ разсълинахъ окровавленныхъ. Къ огню заботливый старикъ Простеръ нъмъющія руки.

Примъты долголътней муки: Согбенны кости, тощій ликъ, На коемъ время углубляло Свои послъдніе слъды, Одежда, обувь — все являло Въ немъ дикость, нужду и труды. Но кто же тоть? Блистаетъ младость Въ его лицъ; какъ вешній цвътъ Прекрасенъ онъ; но, мнится, радость Его не знала съ дътскихъ лътъ; Въ глазахъ потупленныхъ кручина; На немъ одежда Славянина И на бедръ Славянскій мечъ: Славянъ вотъ очи голубыя, Вотъ ихъ и волосы златые, Волнами падшіе до плечъ.... Косматымъ рубищемъ одътый, Огнемъ живительнымъ согрътый, Старикъ забылся кръпкимъ сномъ. По юноша, на перси руки Задумчиво сложивъ крестомъ, Сидитъ съ нахмуреннымъ челомъ. ... Проходитъ ночь, огонь погасъ, Остылъ и пепелъ; вотъ пучина Бълъетъ; близокъ утра часъ; Нисходитъ сонъ на Славянина.

Видалъ онъ дальнія страны По сушть, по морю носился, Во дни былые, дни войны, На Западть, на Югть бился, Дъля добычу и труды Съ суровымъ племенемъ Одена, И передъ нимъ враговъ ряды

Бъжали, какъ морская пъна, Въ часъ бури, къ чернымъ берегамъ. Внималь онъ радостнымъ хваламъ И арфамъ Скальдовъ иступленныхъ, Въ жилищъ сильныхъ пировалъ И очи дъвъ иноплеменныхъ Красою чуждой привлекалъ. Но сладкій сонъ не переносить Теперь героя въ край чужой, Въ поля, гдъ мчится бурный бой, Гдв мечъ главы героевъ коситъ; Не видитъ онъ знакомыхъ скалъ Киріаландіи печальной, Ни Албіона, гдъ искалъ Кровавыхъ съчъ и славы дальной; Ему не снится шумъ валовъ; Онъ позабылъ морскія битвы, И пламя яркое костровъ, И трубный звукъ, и лай ловитвы, Δ ругія грезы и мечты Волнуютъ сердце Славянина: Предъ нимъ Славянская дружина; Онъ узнаетъ ея щиты, Онъ снова простираетъ руки Товарищамъ минувшихъ лътъ, Забытымъ въ долги дни разлуки, Которыхъ ужъ и въ мірѣ пѣтъ.... Межъ тъмъ привычныя заботы, Средь усладительной дремоты, Тревожатъ душу старика: Во сит онъ парусъ развиваетъ, Плыветъ по волъ вътерка; Его тихонько увлекаетъ Къ заливу свътлая ръка,

И рыба сонная впадаетъ Въ тяжелый неводъ старика; Все тихо: море почиваетъ; Но туча виснеть; дальній громъ Надъ звучной бездною грохочетъ, И вотъ пучина надъ челномъ Кипитъ, подъемлется, клокочетъ: Напрасно къ върнымъ берегамъ Несчастный возвратиться хочетъ: Челнокъ трещитът и — пополамъ! Рыбакъ идетъ на дно морское... И пробудясь, трепещетъ онъ, Глядитъ окрестъ: брега въ покоъ; На полусвътлый небосклонъ Восходитъ утро золотое; Съ деревъ, съ утесистыхъ вершинъ, Навстръчу радостной денницы, Щебеча, полетъли птицы И разсвъло....

II.

сонъ.

(отрывокъ изъ новгородской повъсти: вадимъ).

Проходитъ ночь; огонь погасъ, Остылъ и пепелъ. Водъ пучина Бълъетъ: близокъ утра часъ, И сходитъ сонъ на Славянина. Видалъ онъ дальнія страны, По сушть, по морямъ носился, Во дни былые, дни войны,

На Западъ, на Югъ бился, Лъля добычу и труды Съ суровымъ племенемъ Одена, И передъ нимъ враговъ ряды Бъжали какъ морская пъна. Въ часъ бури, къ горнымъ берегамъ Внималъ онъ радостнымъ хваламъ И арфамъ Скальдовъ вдохновенныхъ, Въ жилищъ сильныхъ пировалъ, И очи дъвъ иноплеменныхъ Красою чуждой привлекалъ. Но сладкій сонъ не переноситъ Теперь героевъ въ край чужой, Въ поля, гдъ мчится бурный бой, Гдъ мечъ главы героевъ коситъ! Не видить онъ знакомыхъ скалъ Киріаландіи печальной, Ни Альбіона, гдъ искалъ Правдивыхъ съчъ и славы дальной Ему не снится шумъ валовъ;. Онъ позабылъ морскія битвы, И пламя яркое пировъ, И трубный звукъ, и лай ловитвы Другія грезы и мечты Волнуютъ сердце Славянина. Предъ нимъ Славянская дружина Онъ узнаетъ ея щиты; Онъ снова простираетъ руки Къ товарищамъ минувщихъ лѣтъ, Забытымъ въ долги дни разлуки, Которыхъ ужъ и въ мірѣ нѣтъ Онъ видитъ Новгородъ-великій, Знакомый теремъ съ давнихъ поръ Но тынъ обросъ крапивой дикой,

Обвиты окна павиликой, Въ травъ заглохъ широкій дворъ. Онъ быстро храминъ опустълыхъ Проходитъ молчаливый рядъ: Все мертво... нътъ гостей веселыхъ, Застольны чаши не гремятъ... И вотъ веселая свътлица: Въ немъ сердце бъется: здъсь иль нътъ Любовь очей, душа - дъвица? **Цвътетъ ли здъсь, мой милый цвътъ** Найду ль ее?... И съ этимъ словомъ Онъ входитъ.. Что же? страшный видъ! Въ постелъ хладной, подъ покровомъ Дъвица мертвая лежитъ!... Въ немъ замеръ духъ и взволновался. Покровъ приподнимаетъ онъ, Глядитъ, и слабый стонъ Сквозь тяжкій сонъ его раздался. Она, она: ея черты... На персяхъ рану обнажаетъ; Она погибла! восклицаетъ, Кто могъ?... и слышитъ голосъ: ты!

III.

Люблю вашъ сумракъ неизвъстной И ваши тайные цвъты, О вы, поэзіи прелестной Благословенныя мечты! Вы насъ увърили, поэты, Что тъни легкою толпой,

Отъ береговъ холодной Леты, Слетаются на брегъ земной, П невидимо навъщаютъ Мъста, гдъ было все мильй, И въ сновидъньяхъ утъщаютъ Сердца покинутыхъ друзей; Онъ, безсмертіе вкушая, Ихъ поджидаютъ въ Элизей, Какъ ждетъ на пиръ семья родная Своихъ замедлившихъ гостей... Но, можетъ быть, мечты пустыя... Быть можетъ, съ ризой гробовои Всъ чувства брошу я земныя, И чуждъ мнъ будетъ міръ земной; Быть можеть, тамъ, гдъ все блистаетъ Нетленной славой и красой, Гдъ чистый пламень пожираетъ Несовершенство бытія, Минутныхъ жизни впечатлвній Не сохранитъ душа моя: Не буду въдать ссжальній, Тоску любви забуду я.

IV.

отрывовъ.

Ты сердцу непонятный мракъ, Пріютъ отчаянья слѣпаго, Ничтожество, пустой призракъ, Не жажду твоего покрова!

Мечтанье жизни разлюбя, Счастливыхъ дней не знавъ отъ въка, Я все не върую въ тебя: Ты чуждо мысли человъка, Тебя страшится гордый умъ! Такъ путникъ, съ вышины внимая Ручьевъ Альнійскихъ въчный шумъ И взоры въ бездну погружая, Невольнымъ ужасомъ томимъ, Дрожитъ, колеблется; предъ нимъ Предметы движутся, темнъютъ, Въ немъ чувства хладныя немфютъ, Кругомъ оплота ищетъ онъ, Все мчится, меркнетъ, исчезаетъ И хладный обморока сонъ На край горы его бросаетъ.... Но, улетввъ въ міры иные, Уже ли съ ризой гробовой Всъ чувства брошу я земныя И чуждъ мнъ станетъ міръ земной? Уже ли тамъ, гдъ все блистаетъ Нетлънной славой и красой, Гдъ чистый пламень пожираетъ Несовершенство бытія, Минутныхъ жизни впечатльній Не сохранитъ душа моя: Не буду въдать сожальній, Тоску любви забуду я? Любви! Но что же за могилой Переживетъ еще меня? Во мнъ безсмертна память милой. Что безъ нея душа моя?

Вы насъ увърили, поэты,

Что тъни тайною толпой
Отъ береговъ печальной Леты
Слетаются на брегъ земной
Онъ уныло посъщаютъ
Мъста, гдъ жизнь была милъй
И въ сновидъньяхъ утъщаютъ
Сердца покинутыхъ друзей....
Онъ, безсмертіе вкушая,
Въ Элизій поджидаютъ ихъ,
Какъ въ праздникъ ждетъ семья родная
Замедлившихъ гостей своихъ....

Мечты поэзіи прелестной, Благословенныя мечты! Люблю вашъ сумракъ неизвъстный И ваши тайные цвъты

V.

лрузьямъ.

Вчера былъ день разлуки шумной, Вчера былъ Вакха буйный пиръ, При кликахъ юности безумной, При громъ чашъ, при звукъ лиръ.

Такъ, Музы васъ благословили, Вънками свыше осъня, Когда вы, други, отличили Почетной чашею меня. 1822 г **327**

Честолюбивой позолотой Не ослѣпляя нашихъ глазъ, Она не суетной работой, Не рѣзьбою плѣняла насъ;

Но тъмъ однимъ лишь отличалась, Что, жажду Скиескую поя, Бутылка полная вливалась Въ ея широкія края.

Я пилъ, и думою сердечной Во дни минувшіе леталъ, И горе жизни скоротечной И сны любви воспоминалъ.

Меня смъщила ихъ измъна: И скорбь исчезла предо мной, Какъ исчезаетъ въ чащахъ пъна Подъ защипъвшею струей.

VI.

ВАРАТЫНСКОМУ ИЗЪ БЕССАРАВІИ.

Сія пустынная страна
Священна для души поэта.
Она Державинымъ воспъта
И славой Русскою полна.
Еще до нынъ тънь Назона
Дунайскихъ ищетъ береговъ;
Она летитъ на сладкій зовъ
Питомцевъ Музъ и Аполлона,

И съ нею часто при лунть Брожу вдоль берега крутаго: Но, другъ, обнять милте мнть Въ тебъ Овидія живаго.

VII.

EMY RE.

Я жду объщанной тетради:
Что жъ медлишь, милый трубадуръ!
Пришли ее мнъ Феба ради,
И награди тебя Амуръ.

VIII.

АДЕЛИ.

Играй, Адель,
Не знай печали.
Хариты, Лель
Тебя вънчали
И колыбель
Твою качали.
Твоя весна
Тиха, ясна:
Для наслажденья
Ты рождена.
Часъ упоенья
Лови, лови!

Младыя лъта Отдай любви, И въ шумъ свъта Люби, Адель, Мою свиръль.

IX.

ГРЕЧАНКЪ.

Ты рождена воспламенять Воображение поэтовъ, Его тревожить и плънять Любезной живостью привътовъ, Восточной странностью ръчей, Блистаньемъ зеркальныхъ очей И этой ножкою нескромной; Ты рождена для нѣги томной, Для упоенія страстей. Скажи: когда пъвецъ Леилы Въ мечтахъ небесныхъ рисовалъ Свой неизмънный идеалъ, Ужъ не тебя ль изображалъ Поэтъ мучительный и милый? Быть можетъ, въ дальней сторонъ, Подъ небомъ Греціи священной, Тебя страдалецъ вдохновенной Узналъ иль видълъ какъ во снъ, И скрылся образъ незабвенной Въ его сердечной глубинъ. Быть можеть, лирою счастливой

Тебя волшебникъ искушалъ;
Невольный трепетъ возникалъ
Въ твоей груди самолюбивой:
И ты, склонясь къ его плечу....
Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ, мечты ревнивой
Питать я пламя не хочу:
Мнѣ долго счастье чуждо было,
Мнѣ ново наслаждаться имъ,
И, тайной грустію томимъ,
Боюсь: невѣрно все, что мило.

Χ.

пъснь о въщемъ олегъ.

Какъ нынъ сбирается въщій Олегъ
Отмстить неразумнымъ Хозарамъ:
Ихъ села и нивы, за буйный набъгъ,
Обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ.
Съ дружиной своей, въ Цареградской бронъ,
Князь ио полю ъдетъ на върномъ конъ.

Изъ темнаго лѣса, навстрѣчу ему,
Идетъ вдохновенный кудесникъ,
Покорный Перуну старикъ одному,
Завѣтовъ грядущаго вѣстникъ,
Въ мольбахъ и гаданьяхъ проведшій весь вѣкъ.
И къ мудрому старцу подъѣхалъ Олегъ.

Скажи мнъ, кудесникъ, любимецъ боговъ, Что сбудется въ жизни со мною? И скоро ль, на радость сосъдей-враговъ, Могильной засыплюсь землею? Открой мнъ всю правду, не бойся меня: Въ награду любаго возмешь ты коня.

«Волхвы не боятся могучихъ владыкъ, А княжескій даръ имъ ненуженъ; Правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ, И съ волей небесною друженъ. Грядущіе годы таятся во мглѣ; Но вижу твой жребій на свѣтломъ челѣ.

«Запомни же нынѣ ты слово мое:
Воителю слава-отрада;
Иобѣдой прославлено имя твое;
Твой щитъ на вратахъ Цареграда;
И волны и суша покорны тебѣ;
Завидуетъ недругъ столь дивной сульбѣ.

«И синяго моря обманчивый валъ
Въ часы роковой непогоды,
И пращъ, и стръла, и лукавый кинжалъ
Щадятъ побъдителя годы...
Подъ грозной броней ты не въдаешь ранъ;
Незримый хранитель могущему данъ.

«Твой конь не боится опасныхъ трудовъ, Онъ, чуя господскую волю, То смирный стоитъ подъ стрълами враговъ, То мчится по бранному полю, И холодъ и съча ему ничего: Но примешь ты смерть отъ коня своего »

Олегъ усмъхнулся; однако чело И взоръ омрачилися думой. Въ молчаньи, рукой опершись на съдло, Съ коня онъ слъзаетъ угрюмой; И върнаго друга прощальной рукой И гладитъ и треплетъ по шеѣ крутой.

«Прощай, мой товарищъ, мой върный слуга; Разстаться настало намъ время:
Теперь отдыхай; ужъ не ступитъ нога Въ твое позлащенное стремя.
Прощай, утъшайся; да помни меня.
Вы, отроки-други, возьмите коня!

«Покройте попоной, мохнатымъ ковромъ, Въ мой лугъ подъ устцы отведите, Купайте, кормите отборнымъ зерномъ, Водой ключевою поите».

И отроки тотчасъ съ конемъ отошли, А князю другаго коня подвели.

Пируетъ съ дружиною въщій Олегъ
При звонъ веселомъ стакана.
И кудри ихъ бълы, какъ утренній сиътъ
Надъ славной главою кургана...
Они поминаютъ минувшіе дни,
И битвы, гдъ вмъстъ рубились они.

«А гдъ мой товарищъ, промолвилъ Олегъ, Скажите, гдъ конь мой ретивый? Здоровъ ли? Все также ль легокъ его бъгъ? Все тотъ же ль онъ бурный, игривый?» И внемлетъ отвъту: на холмъ крутомъ Давно ужъ почилъ непробуднымъ онъ сномъ.

Могучій Олегъ головою поникъ

П думаетъ: «что же гаданье?

Кудесникъ, ты лживый, безумный старикъ!

Презръть бы твое предсказанье:

Мой конь и донынъ носилъ бы меня!» И хочетъ увидъть онъ кости коня.

Вотъ вдетъ могучій Олегъ со двора, Съ нимъ Игорь и старые гости, И видятъ: на холмъ у брега Днъпра, Лежатъ благородныя кости; Ихъ моютъ дожди, засыпаетъ ихъ пыль, И вътеръ волнуетъ надъ ними ковыль.

Князь тихо на черепъ коня наступилъ И молвилъ: «спи, другъ одинокой! Твой старый хозяинъ тебя пережилъ: На тризнъ, уже недалекой, Пе ты подъ съкирой ковыль обагришь И жаркою кровью мой прахъ напоишь!

«Такъ вотъ гдъ таилась погибель моя!

Мнъ смертію кость угрожала!»

Изъ мертвой главы гробовая змія

Шипя, между тъмъ, выползала;

Какъ черная лента вкругъ ногъ обвилась:

И вскрикнулъ внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые запънясь шипятъ На тризнъ плачевной Олега: Князь Пгорь и Ольга на холмъ сидятъ, Дружина пируетъ у брега, Боицы поминаютъ минувшіе дни, И битвы, гдъ вмъстъ рубились они. XI.

УЕДИНЕНІЕ.

Блаженъ, кто въ отдаленной съни, Вдали взыскательныхъ невъждъ, Дни дълитъ межъ трудовъ и лъни, Воспоминаній и надеждъ; Кому судьба друзей послала, Кто скрытъ, по милости Творца, Отъ усыпителя глупца, Отъ пробудителя нахала.

XII.

пынателю.

Не притворяйся, милый другъ, Соперникъ мой широкоплечій: Тебъ не страшенъ лиры звукъ, Ни элегическія ръчи. Дай руку мнъ: ты не ревнивъ, Я слишкомъ вътренъ и лънивъ; Твоя красавица не дура; Я вижу все и не сержусь; Она прелестная Лаура, Да я въ Петрарки не гожусь.

XIII.

У Кларисы денегъ мало, Ты богатъ; иди къ вънцу: И богатство ей пристало, И рога тебъ къ лицу.

XIV.

Нътъ ни въ чемъ вамъ благодати; Съ счастіемъ у васъ разладъ; И прекрасны вы не кстати, И умны вы не впопадъ.

XV.

ЖАЛОБА.

Вашъ дѣдъ портной, вашъ дядя поваръ, А вы, вы модный господинъ:
Таковъ объ васъ народный говоръ.
И дива нѣтъ — не вы одинъ
Потомокъ предковъ благородныхъ.
Увы, никто въ моей роднѣ
Не шьетъ мнѣ даромъ фраковъ модныхъ
И не варитъ обѣда мнѣ.

примъчанія

КЪ СТИХОТВОРЕНІЯМЪ ПУШКИНА

1822 roza.

Отрывовъ этотъ явился впервые въ журналв Московскій Въстникъ 1827 г., Л. XVIII, съ такимъ оглавлениемъ. «Отрывокъ изъ неконченной поэмы. Писано въ 1822 году.» Пушкинъ, удостоивъ его чести помъщенія въ собраніи своихъ стихотвореній 1829 г., не даль ему никакого заглавія, а посмертное изданіе, на оборотъ, сообщило ему отъ себя нынішнее, произвольное оглавление. Далфе, въ Московскомъ Вфстникф была выноска при отрывкъ: «Нъсколько стиховъ сего отрывка напечатано было въ Памятникъ Отечественныхъ Музъ на 1827 г.» Дъйствительно альманахъ Г. Федорова приложилъ пьесу Пушкина подъ заглавіемъ, тоже имъ самимъ придуманнымъ . «Сонт (отрывовъ изъ Новгородской Цовъсти: Вадимт) », которая у насъ следуетъ теперь же и опять представляетъ намъ черновый текстъ произведенія, между тімъ какъ въ журналь и въ изд. 1829 мы имьли его въ исправленномъ видъ: сличение покажетъ читателю разницу между ними. Поэма: «Вадимъ» задумана была Пушкинымъ еще ранве 1822 г. Въ бумагахъ его сохранилось отъ нея несколько стиховъ и программа. Вотъ начало последней . «Вечеръ. берегъ. Дадья. Рыбакъ. Вадимъ це спитъ. Рыбакъ хочетъ его убить. Утромъ засыпаетъ. Вадимъ видитъ во снъ Новгородъ, Гостомысла, набътъ Рюрива, Рогнъду. Онъ идетъ къ Новгороду. Нева "Довольно любопытно, что въ трехъ разныхъ редакціяхъ одна страна названа тремя различными именами. Въ альманахъ г. Федорова : «Коріоландіи печальной, въ журналъ г. Погодина : «Киріаландіи печальной, а въ посмертномъ изданіи однажды по примъру журнала, а въ другой разъ : «Каріоландіи печальной.» Мы сохранили правопнсаніе 1829 г.

II.

П. Пьеса явилась впервые въ журналѣ: Московскій Телеграфъ 1826 г., № 1-й, часть VII, полъ заглавіемъ: «Элегія». Она пропущена была изданіемъ 1826 г., но помѣщена была въ изданіи 1829 г. и безъ всякаго заглавія. Посмертное изданіе, перепечатывая ее оттуда, отнесло ее однакожъ къ отдѣлу: Разныхъ Стихотвореній и вмѣстѣ съ тѣмъ въ дополнительномъ томѣ (Т. 9-й) еще разъ повторило подъ выдуманнымъ заглавіемъ: Отрывокъ. Этотъ отрывокъ прилагаемъ теперь же. Онъ представляетъ опять черновой оригиналъ настоящей пьесы и въ этомъ отношеніи любопытенъ не менѣе другихъ, съ которыми уже знакомы.

IV.

- V. Пьеса написана въ Кишиневъ, гдѣ авторъ случайно попалъ на проводы одного изъ своихъ знакомыхъ. Она напечатана была въ Полярной Звѣздѣ 1824 г., перепечатана потомъ журналомъ: Новости Литературы 1824 г. и за тѣмъ вошла во всѣ изданія стихотвореній нашего автора. Въ альманахѣ еще былъ стихъ: Не ослѣпляя вашихъ глазъ, вмѣсто нашихъ, какъ исправлено изд. 1826 г., гдѣ также музы папечатаны съ прописной буквой, а въ изд. 1829 г и прилагательное: жажду скивскую удостоено большей буквы, какъ писалъ самъ поэтъ и какъ мы сохранили и здѣсь.
- VI. Два посланія къ Баратынскому, напечатаны впервые въ Съверныхъ Цвътахъ на 1826 г. Они помъщены въ изданіи 1829 г. Въ немъ и въ альманахъ есть стихъ: «И славой Рускою полна» по обыкновенному правописанію Пушкина, а въ рукописи послъдній стихъ еще и такъ написанъ: «Въ тебъ Овидія живова.» Посмертное изданіе въ первыхъ восьми томахъ 1838 г имъетъ строгую однообразную систему условнаго пра-

вописанія, что мы уже видёли, а три дополнительные тома его 1841 г. лишены и этого качества.

VII.

- VIII. Пъеса впервые появилась въ Полярной Звёздё 1824 г., гдё имёла заглавіе: «Въ Альбомъ малюткё.» Нынёшнее заглавіе дано изданіемъ 1826 г., откуда пьеса перешла въ изданіе 1829 г. и посмертное безъ перемёнъ. Она напоминаетъ одно лице изъ семейства деревни Каменки, гдё нёкоторое время проживаль Пушкинъ.
- 1Х. Посланіе напечатано въ Полярной Звёздё 1823 г. и безъ измёненій вошло во всё изданія, начиная съ 1826 г. Пушкинъ вспомнилъ о Гречанкё въ своихъ «Запискахъ», называя ее: «прелестной».
- Х. Впервые напечатана въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1825 г Этою Пѣснью открывалась стихотворная часть первой книжки Сѣверныхъ Цвѣтовъ, которыя такъ обильны были прекрасными поэтическими произведевіями, во все время своего существованія. Ею разрѣшились замыслы Пушкина о Русской поэмѣ; о Вадимѣ, Владимірѣ, Мстиславѣ и проч, да въ ней же представиль онъ свой образецъ Думы, рода, бывшаго тогда въ ходу. Она перешла изъ альманаха во всѣ изданія стихотвореній Пушкина, только большія, прописныя буквы, въ словахъ: Хранитель, Отрокъ и проч. были при этомъ уничтожены.
- XI. Какъ эта, такъ и двѣ слѣдующія за ней эпиграммы, напечатаны впервые въ изданіи 1826 г., предпослѣдняя явилась въ альманахѣ г. Погодина: Уранія 1826 г. и попала за тѣмъ только въ изданіе 1829 г., а послѣдняя дана уже впервые посмертнымъ изданіемъ.

XII, XIII, XIV, XV.

1825 г.

١.

телега жизни.

Хоть тяжело подъ часъ въ ней бремя, Телега на ходу легка; Ямщикъ лихой, съдое время, Везетъ, не слъзетъ съ облучка.

Съ утра садимся мы въ телегу; Мы рады голову сломать, И, презирая лънь и нъгу, Кричимъ: пошолъ!...

Но въ полдень нѣтъ ужъ той отваги; Порастрясло насъ; намъ страшнѣй И косогоры и овраги; Кричимъ: полегче, дуралей!

Катитъ попрежнему телега. Подъ вечеръ мы привыкли къ ней, И дремля ъдемъ до ночлега,А время гонитъ лошадей.

11.

9 JETIA.

Простишь ли мнт ревнивыя мечты, Моей любви безумное волненье? Ты мнъ върна: зачъмъ же любишь ты Всегда пугать мое воображенье? Окружена поклонниковъ толпой, Зачемъ для всехъ казаться хочешь милой, И всъхъ даритъ надеждою пустой ${f T}$ вой чудный взоръ, то н ${f x}$ жный, то унылой? Мной овладъвъ, мнъ разумъ омрачивъ, Увърена въ любви моей несчастной, Не видишь ты, когда, въ толпъ ихъ страстной, Бестды чуждъ, одинъ и молчаливъ, Терзаюсь я досадой одинокой; Ни слова мнъ, ни взгляда. . . другъ жестокой! Хочу ль бъжать: съ боязнью и мольбой Твои глаза не слъдують за мной. Заводитъ ли красавица другая Двусмысленный со мною разговоръ: Спокойна ты; веселый твой укоръ Меня мертвитъ, любви не выражая. Скажи еще: соперникъ въчный мой, Наединъ заставъ меня съ тобой, Зачъмъ тебя привътствуетъ лукаво?... Что жъ онъ тебъ? Скажи, какое право Имъетъ онъ блъднъть и ревновать?...

Въ нескромный часъ межъ вечера и свъта, Безъ матери, одна, полуодъта, Зачъмъ его должна ты принимать?... Но я любимъ!.. Наединъ со мною Ты такъ нъжна! Лобзанія твои Такъ пламенны! Слова твоей любви Такъ искренно полны твоей душою! Тебъ смъшны мученія мои; Но я любимъ, тебя я понимаю. Мой милый другъ, не мучь меня, молю: Не знаешь ты, какъ сильно я люблю, Не знаешь ты, какъ тяжко я страдаю.

Ш.

Ненастный день потухъ, ненастной ночи мгла По небу стелется одеждою свинцовой; Какъ привидъніе, за рощею сосновой

Луна туманная взошла...
Все мрачную тоску на душу мнѣ наводитъ.
Далеко, тамъ, луна въ сіяніи восходитъ;
Тамъ воздухъ напоенъ вечерней теплотой;
Тамъ море движется роскошной пеленой

Подъ голубыми небесами.... Вотъ время: по горъ теперь идетъ она

Къ брегамъ, потопленнымъ шумящими волнами;

Тамъ, подъ завътными скалами,
Теперь она сидитъ печальна и одна...
Одна... никто предъ ней не плачетъ, не тоскуетъ;
Никто ея колънъ въ забвеньи не цълуетъ;
Одна... ничьимъ устамъ она не предаетъ
Ни плечъ, ни влажныхъ устъ, ни персей бълоснъжныхъ.

IV.

почь.

Мой голосъ для тебя и ласковый и томной Тревожитъ позднее молчанье ночи темной. Близь ложа моего печальная свѣча Горитъ; мои стихи, сливаясь и журча, Текутъ, ручьи любви, текутъ, полны тобою. Во тьмѣ твои глаза блистаютъ предо мною, Мнѣ улыбаются, и звуки слышу я Мой другъ, мой нѣжный другъ... люблю... твоя... твоя...

V

демонъ.

Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы Всѣ впечатлѣнья бытія: И взоры дѣвъ, и шумъ дубровы, И ночью пѣнье соловья;

Когда возвышенныя чувства, Свобода, слава и любовь И вдохновенныя искусства Такъ сильно волновали кровь: Часы надеждъ и наслажденій Тоской внезапной освия. Тогда какой-то злобный геній Сталъ тайно навъщать меня. Печальны были наши встръчи: Его улыбка, чудный вэглядъ, Его язвительныя рѣчи Вливали въ душу хладный ядъ. Неистощимый клеветою, Онъ Провидънье искушалъ; Онъ звалъ прекрасное мечтою, Онъ вдохновенье презиралъ; Не върилъ онъ любви, свободъ; На жизнь насмышливо глядыть: И ничего во всей природъ Благословить онъ не хотъль.

VI.

М. А. Г.

Давно объ ней воспоминанье Ношу въ сердечной глубинъ; Ея минутное вниманье Отрадой долго было мнъ. Твердилъ я стихъ обвороженный, Мой стихъ, унынья звукъ живой,

Такъ мило ею повторенный, Замъченный ея душой. Вновь лиръ слезъ и хладной скуки Она съ участіемъ вняла — И нынъ ей передала Свои плънительные звуки. . . . Довольно! въ гордости моей Я мыслить буду съ умиленьемъ: Я славой былъ обязанъ ей, А, можетъ быть, и вдохновеньемъ.

VII.

НТИЧКА.

Въ чужбинъ свято наблюдаю Родной обычай старины: На волю птичку выпускаю При свътломъ праздникъ весны. Я сталъ доступенъ утъщенью; За что на Бога мнъ роптать, Когда хоть одному творенью Я могъ свободу даровать?

примъчанія

КЪ СТИХОТВОРЕНІЯМЪ ПУШКИНА

1823 года.

- 1. Пьеса впервые напечатана въ журн. Московскій Телеграфъ 1825 г., часть 1-я, № 1, ц. аъ ваглавіемъ: Тельга жизни, безъ измѣненій перешла въ излавіе 1826 г. подъ заглавіемъ: Тълега жизни, а въ издавія 1829 г. и посмертномъ явилась тоже безъ перемѣны, но съ заглавіемъ: Телега жизни. Тогла еще не было вполнѣ установлено общее правописаніе, что видно еще изъ другаго примѣра: въ первыхъ редакціяхъ было вездѣподъ часъ, подъ вечеръ, а въ посмертномъ уже подчасъ, подъсчеръ.
- П. Напечатанная впервые въ Полярной Звёздё 1824 г. подъ названіемъ: Элегія (и безъ подписи имени автора, замёненномъ однои звёздочкои), пьеса была переслана Пушкинымъ, по причинѣ опечатокъ альманачной редакціи въ другой журналъ: Литературные листки Г. Булгарина. Она явилась тамъ (1824 г., № 4-й) лёйствительно во второй разъ, вмёстё съ другой пьесой Пушкина: Нереида. Ошибки альманаха были исправлены, но въ замёнъ тутъ были выпущены три стиха ея, находившіеся въ Полярной Звёздѣ. Только въ изданіи 1826 г. получила она настоящую редакцію и перешла потомъ безъ измёненій въ изданіе 1829 г. и въ посмертное. Эта пьеса при-

надлежить, съ двумя следующими, къ лирическимъ песнямъ Пушкина, выражающимъ сильно возбужденное состояние души его.

- III. Въ изданіи 1826 г. пьеса отнесена къ Элегіямъ и къ ней прибавлено въ оглавленіи книги: «Отрывокъ». Изданіе 1829 г. выпустило эту прибавку, а посмертное отнесло саму пьесу къ Разнымъ Стихотвореніямъ. Въ первой редакціи еще было: «Луна въ сіяніи возходитъ», въ двухъ другихъ уже: «восходитъ».
- IV. Изданіе 1826 г. отнесло пьесу къ отдёлу: Подражанія Древнимъ, а посмертное опять къ Разнымъ Стихотвореніямъ, перепечатавъ ее безъ перемёнъ. Въ рукописи на ней помётка: «26 Октября, 1823. Одесса»
- V. Стихотвореніе явилось впервые въ альманахѣ: Мнемозина 1824 г., часть III, Москва, подъ названіемъ: «Мой Демонъ». Оттуда перешло оно въ альманахъ Сѣверные Цвѣты на 1825 г., но съ измѣненной редакціей, которую повторили и всѣ изданія стихотвореній Пушкина, только съ разнымъ употребленіемъ знаковъ препинанія и большихъ прописныхъ буквъ. Посмертное изданіе особенно старалось уничтожить ихъ, какъ можно болѣе, вездѣ. Въ альт знахѣ Мнемозина первые два стиха были еще такъ папечатацы

«Когда еще мнъ бым новы Всъ наслажденья бытія».

8-й и 9-й: «Мињ сильно волновали кровь — Въ часы надеждъ н упоеній».

12-й: «Сталь въ тайнь навъщать меня».

22-й: На живнь насмѣшливо смотръло».

Нъкоторыя подробности о стихотвореніи сообщаемъ мы въ нашихъ біографическихъ матеріалахъ.

VI. Необычайно граціозное стихотвореніе это напечатано было впервые въ альманахѣ Г-на Олина: Карманная книжка для любителей Русской Старины и Словесности на 1830 г., гдѣ было сказано: «Княгинѣ Голицыной, урожденной Суворовой ». Въконцѣ стояла тамъ помѣтка: «1823. Одесса«. Пушкинъ не далъ ему мѣста ни въ Собр. 1826 г., ни въ слѣдующемъ 1829 и во второй разъ напечатано оно было уже въ посмертномъ изданіи, съ нывѣшнимъ заглавіемъ и съ такимъ измѣненіемъ одна—

го стиха. Вывсто: «Вновь лирв слевь и тайной муки», оно напечатало: «Вновь лирв слевь и кладной скуки».

VII. Впервые напечатано въ Литературныхъ листкахъ Г. Булгарина 1823 г., № 2, за подписью: А. П. и съ слѣдующей
выноской изд. журнала: «Сіе относится къ тѣмъ благодѣтелямъ человѣчества, которые употребляютъ свои достатки на
выкупъ изъ тюрьмы невинныхъ должниковъ и проч. Изд.»
Оно перешло за тѣмъ во всѣ изданія съ измѣненіями только
въ З-мъ стихѣ. Вмѣсто «отпускаю» Литературныхъ листковъ,
вездѣ «випускаю».

1894 г.

Ì

1 · · · y.

Нельзя, мой толстый Аристипъ: Хоть я люблю твои бесвды, Твой милый нравъ, твой милый хрипъ, Твой вкусъ и жирные объды; Но не могу съ тобою плыть Къ брегамъ полуденной Тавриды. Прошу меня не позабыть, Любимецъ Вакха и Киприды! Когда чахоточный отецъ Немного тощей Энеиды Пускался въ море наконецъ, Ему Горацій, умный льстецъ, Прислалъ торжественную оду, Гдъ другу Августовъ пъвецъ Сулилъ хорошую погоду: Но льстивыхъ одъ я не пишу; Ты не въ чахоткъ, слава Богу:

У неба я тебѣ прошу Лишь аппетита на дорогу.

II.

прозерпина.

Плещутъ волны Флегетона, Своды Тартара дрожать: Кони блъднаго Плутона Быстро къ нимфамъ Пеліона Изъ Аида бога мчатъ. Вдоль пустыннаго залива Прозерпина вслъдъ за нимъ, Равнодушна и ревнива, Потекла путемъ однимъ. Предъ богинею колъна Робко юноша склонилъ. И богинямъ льститъ измѣна: Прозерпинъ смертный милъ. Ада гордая царица Взоромъ юношу зоветъ, Обняла, и колесница Ужъ къ Аиду ихъ несеть: Мчатся, облакомъ одъты; Видитъ въчные луга, Элизей и томной Леты Усыпленные брега. Тамъ безсмертье, тамъ забвенье, Тамъ утъхамъ нътъ конца.

Прозерпина въ упоеньъ, Безъ порфиры и вънца, Повинуется желаньямъ, Предаетъ его лобзаньямъ Сокровенныя красы, Въ сладострастной нъгъ тонетъ И молчитъ и томно стонетъ... Но бъгутъ любви часы... Плещутъ волны Флегетона, Своды Тартара дрожатъ: Кони бледнаго Плутона Быстро мчать его назадъ И Кереры дочь уходить, И счастливца за собой тицовив вівик сви Потаенною тропой: И счастливецъ отпираетъ Осторожною рукой Дверь, откуда вылетаеть Сновиданій ложный рой.

Ш

HHOCTPAHKB.

На языкъ, тебъ невнятномъ, Стихи прощальные пишу; Но въ заблужденіи пріятномъ Вниманья твоего прошу: Мой другъ, доколъ не увяну, Въ разлукъ чувство погубя, Боготворить не перестану Тебя, мой другъ, одну тебя. На чуждыя черты взирая, Върь только сердцу моему, Какъ прежде върила ему, Его страстей не понимая.

IV.

Ночной зефиръ Струитъ эфиръ Шумитъ, Бъжитъ Гвадалквивиръ.

Вотъ взошла луна златая, Тише... чу... гитары звонъ. . Вотъ Испанка молодая Оперлася на балконъ.

> Ночной зефиръ Струитъ эфиръ. Шумитъ, Бъжитъ Гвадалквивиръ.

Скинь мантилью, ангелъ милый, И явись какъ яркой день! Сквозь чугунныя перилы Ножку дивную продень! Ночной вефиръ Струитъ эфиръ. Шумитъ, Бъжитъ Гвадалквивиръ.

٧.

аввилонъ.

Зачъмъ ты, грозный аквилонъ, Тростникъ болотный долу клонишь? Зачъмъ на дальній небосклонъ Ты облако столь гнъвно гонишь?

Недавно черныхъ тучъ грядой Сводъ неба глухо облекался; Недавно дубъ надъ высотой Въ красъ надменной величался.

Но ты поднялся, ты взыгралъ, Ты прошумълъ грозой и славой: И бурны тучи разогналъ И дубъ низвергнулъ величавой.

Пускай же солнца ясный ликъ Отнынъ радостью блистаеть, И облакомъ зефиръ играетъ, И тихо зыблется тростникъ.

VI.

къ морю.

Прощай, свободная стихія! Въ послъдній разъ передо мной Ты катишь волны голубыя И блещешь гордою красой.

Какъ друга ропотъ заунывный, Какъ зовъ его въ прощальный часъ, Твой грустный шумъ, твой шумъ призывный Услышалъ я въ послъдній разъ.

Моей души предълъ желанный! Какъ часто по брегамъ твоимъ Бродилъ я тихій и туманный, Завътнымъ умысломъ томимъ!

Какъ я любилъ твои отзывы, Глухіе звуки, бездны гласъ, И тишину въ вечерній часъ, И своенравные порывы!

Смиренный парусъ рыбарей, Твоею прихотью хранимый, Скользитъ отважно средь зыбей: Но ты взыгралъ, неодолимый, И стая тонетъ кораблей!

Не удалось на въкъ оставить Мнъ скучный, неподвижный брегъ, Тебя восторгами поздравить И по хребтамъ твоимъ направить Мой поэтическій побъгъ.

Ты ждаль, ты зваль... я быль оковань, Вотще рвалась душа моя: Могучей страстью очаровань, У береговь остался я.

О чемъ жалъть? Куда бы нынъ Я путь безпечный устремиль? Одинъ предметъ въ твоей пустынъ Мою бы душу поразиль:

Одна скала, гробница славы... Тамъ погружались въ хладный сонъ Воспоминанья величавы: Тамъ угасалъ Наполеонъ.

Тамъ онъ почилъ среди мученій. И вслъдъ за нимъ, какъ бури шумъ, Другой отъ насъ умчался геній, Другой властитель нашихъ думъ.

Исчезъ, оплаканный свободой, Оставя міру свой вѣнецъ. Шуми, взволнуйся непогодой: Онъ былъ, о море, твой пѣвецъ!

Твой образъ былъ на немъ означенъ, Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ: Какъ ты, могущъ, глубокъ и мраченъ, Какъ ты, ничъмъ неукротимъ.

Міръ			опустыль						•	•	•		•	•	•	•	•	•	•
•	٠	•	•	•	٠	•	•	•	•	•	•	•	٠	•	•	•	•	•	•
	٠,						•		•	•	•	•			•	•	٠	•	•
								_		_	_								

Прощай же, море! Не забуду Твоей торжественной красы, И долго, долго слышать буду Твой гулъ въ вечерніе часы.

Въ лъса, въ пустыни молчаливы Перенесу, тобою полнъ, Твои скалы, твои заливы, И блескъ, и тънь, и говоръ волнъ.

VII.

воварность.

Когда твой другъ на гласъ твоихъ ръчей Отвътствуетъ язвительнымъ молчаньемъ; Когда свою онъ отъ руки твоей. Какъ отъ змъи, отдернетъ съ содроганьемъ; Какъ, на тебя взоръ острый пригвоздя, Качаетъ онъ съ презръньемъ головою; Не говори: «онъ боленъ, онъ дитя, Онъ мучится безумною тоскою»; Не говори: «неблагодаренъ онъ; Онъ слабъ и золъ, онъ дружбы недостоинъ; Вся жизнъ его какой-то тяжкой сонъ»...
Уже ль ты правъ? Уже ли ты спокоенъ?

Ахъ, если такъ, онъ въ прахъ готовъ упасть, Чтобъ вымолить у друга примиренье. Но если ты святую дружбы власть Употреблялъ на злобное гоненье; Но если ты затвиливо язвилъ Пугливое его воображенье, И гордую забаву находилъ Въ его тоскъ, рыданьяхъ, униженьъ; Но если самъ презрънной клеветы Ты про него невидимымъ былъ эхомъ; Но если цъпь ему накинулъ ты И соннаго врагу предалъ со смъхомъ, И онъ прочелъ въ нъмой душт твоей Все тайное своимъ печальнымъ взоромъ: Тогда ступай, не трать пустыхъ ръчей — Ты осужденъ последнимъ приговоромъ.

VIII.

RB ASHRORY.

Издревле сладостный союзъ Поэтовъ межъ собой связуетъ: Они жрецы единыхъ Музъ; Единый пламень ихъ волнуетъ; Другъ другу чужды по судьбъ, Они родня по вдохновенью. Клянусъ Овидіевой тънью, Языковъ: близокъ я тебъ! Давно бъ на Дерптскую дорогу Я вышелъ утренней порой

И къ благосклонному порогу Понесъ тяжелый посохъ мой. И возвратился бъ оживленный Картиной беззаботныхъ дней, Бесъдой вольно-вдохновенной И звучной лирою твоей. Но злобно мной играетъ счастье: Давно безъ крова я ношусь, Куда подуетъ непогода: Уснувъ, не знаю, гдъ проснусь. Теперь одинъ, въ глухомъ изгнаньи, Влачу томительные дни. Услышь, поэтъ, мое признанье, Моихъ надеждъ не обмани. Въ деревиъ, гдъ Петра питомецъ, Царей, Царицъ любимый рабъ И ихъ забытый однодомецъ, Скрывался прадъдъ мой, Арапъ, $\Gamma_{\mathcal{A}}$ ъ, позабывъ $\mathbf{E}_{\mathcal{A}}$ исаветы И дворъ и пышные объты, Подъ сънью липовыхъ аллей Онъ думалъ въ охлажденны лъты О дальней Африкъ своей, Я жду тебя....

IX.

Ты вянешь и молчишь; печаль тебя снъдаетъ; На дъвственныхъ устахъ улыбка замираетъ. Давно твоей иглой узоры и цвъты Не оживлялися. Безмолвно любишь ты

Грустить. О, я знатокъ въ дъвической печали! Давно глаза мои въ душт твоей читали. Любви не утаишь: мы любимъ, и какъ насъ, Дъвицы нъжныя, любовь волнуетъ васъ. Счастливы юноши! Но кто, скажи, межъ ними. Красавецъ молодой съ очами голубыми, Съ кудрями черными?... Краснъешь? Я молчу, Но знаю, знаю все; и если захочу, То назову его. Не онъ ли въчно бродитъ Вкругъ дома твоего и взоръ къ окну возводитъ? Ты втайнъ ждешь его. Идетъ, и ты бъжишь, И долго всладъ за нимъ, незримая, глядишь. Никто на праздникъ блистательнаго Мая, Межъ колесницами роскошными летая, Никто изъ юношей свободнъй и смълъй Не властвуетъ конемъ по прихоти своей.

X.

HP M3HABIR.

Я васъ люблю, хоть я бъщусь, Хоть это трудъ и стыдъ напрасной: И въ этой глупости несчастной У вашихъ ногъ я признаюсь! Мнъ не къ лицу и не по лътамъ.... Пора, пора мнъ быть умнъй! Но узнаю по всемъ приметамъ Бользнь любви въ души моей: Безъ васъ мнъ скучно, я зъваю; При васъ мнъ грустно, я терплю; T. 11,

И мочи нътъ, сказать желаю, Мой ангель, какъ я васъ люблю! Когда я слышу изъ гостиной Вашъ легкій шагъ, иль платья шумъ, Иль голосъ дъвственный, невинной, Я вдругъ теряю весь свой умъ. Вы улыбнетесь-мнъ отрада; Вы отвернетесь—мить тоска. За день мученія—награда Мнъ ваша блъдная рука. Когда за пяльцами прилежно Сидите вы, склонясь небрежно, Глаза и кудри опустя, Я въ умиленьи, молча, нъжно, Любуюсь вами какъ дитя!.... Сказать ли вамъ мое несчастье, Мою ревнивую печаль, Когда гулять, порой, въ ненастье, Вы собираетеся въ даль? И ваши слезы въ одиночку И ръчи въ уголку

Алина, сжальтесь надо мною! Не смъю требовать любви: Быть можетъ, за гръхи мои, Мой ангелъ, я любви не стою! Но притворитесь: этотъ взглядъ Все можетъ выразить такъ чудно! Ахъ, обмануть меня не трудно: Я самъ обманываться радъ!....

.

XI.

веселый пиръ.

Я люблю вечерній пирт, Гдт веселье предстатель, А свобода, мой кумирь, За столомъ законодатель, Гдт до утра слово пей Заглушаетъ крики пъсенъ, Гдт просторенъ кругъ гостеи, А кружокъ бутылокъ тъсенъ

XII.

РАЗГОВОРЪ КНИГОПРОДАВЦА СЪ ПОЭТОМЪ.

Книгопродавецъ.

Стишки для васъ одна забава, Немножко стоитъ вамъ присъсть. Ужъ разгласить успъла слава Вездъ пріятнъйшую въсть: Поэма, говорятъ, готова, Плодъ новыхъ умственныхъ затъй. И такъ ръшите; жду я слова; Назначьте сами цѣну ей. Стишки любимца Музъ и Грацій Мы вмига рублями замінимъ, И въ пукъ наличныхъ ассинацій Листочки наши обратимъ. О чемъ вздохнули такъ глубоко, Не льзя ль узнать?

Поэтъ

Я быль далеко:

Я время то воспоминаль, Когда, надеждами богатый, Поэть безпечный, я писаль Изъ влохновенья, не изъ платы. Я видълъ вновь пріюты скаль И темный кровъ уединенья, Гдъ я на пиръ воображенья, Бывало, Музу призываль. Тамь слаще голось мой звучаль : Тамъ доль аркія вильнья, Съ неизъяснимою красой, Вились, летали надо мной Въ часы ночнаго вдохновенья. Все волновало нъжный умъ: Цватущій лугь, луны блистанье, Въ часовић ветхой бури шумъ, Старушки чудное преданье. Какой-то демонь обладаль Моими играми, досугомъ; За мной повсюду онъ леталь, Миь звуки дивные шепталь, И тажкимъ пламеннымъ недугомъ Была полна моя глава; Въ ней грезы чудныя рождались: Въ размеры стройные стекались Мои послушныя слова И звоньой рифмой замыкались.

Въ гармоніи соперникъ мой

Быль піумъ льсовъ, иль вихорь буйной,

Иль иволги напівть живой,

Иль ночью моря гуль глухой,

Иль шепотъ ръчки тихоструйно

Тогда, въ безмолейи трудовъ,

Льлиться не быль я готовъ

Съ толною пламеннымъ восторгомъ,

И Музы сладостныхъ даровъ

Не унижалъ постыднымъ торгомъ;

Я быль хранитель ихъ скупой:

Такъ точно, въ гордости нъмой,

Отъ взоровъ черни лицемърной,

Дары любовницы младой

Хранитъ любовникъ суевърной.

Книгопродавецъ.

Но слава замѣнила вамъ
Мечтанья тайнаго отрады:
Вы разоплися по рукамъ,
Межъ тѣмъ, какъ пыльныя громады
Лежалой прозы и стиховъ
Напрасно ждутъ себъ чтецовъ
И вътренной ея награды.

Поэтъ.

Блаженъ, кто про себя таплъ Души высокія созданья, И отъ людей, какъ отъ могилъ, Не ждалъ за чувство возданья! Блаженъ, кто молча быль поэтъ И, терномъ славы неувитый, Презрѣнной чернію забытый, Безъ имени покинуль свѣтъ! Обманчивъй и сновъ надежды, Что слава? Шопотъ ли чтеца? Гоненье ль низкаго невъжды? Иль восхищение глупца?

Книгопродавецъ.

Лордъ Байронъ былъ того же мненья; Жуковскій то же говориль: Но свътъ узналъ и раскупилъ Ихъ сладкозвучныя творенья. И впрямь, завиденъ вашъ удълъ: Поэтъ казнитъ, поэтъ вънчаетъ! Злодвевъ громомъ ввчныхъ стрвлъ Въ потомствъ дальнемъ поражаетъ; Героевъ утвшаетъ онъ; Съ Коринной на Киеерскій тронъ Свою любовницу возносить. Хвала для васъ докучный звонъ ; Но сердце женщинъ славы просить: Для нихъ пишите; ихъ ушамъ Пріятна лесть Анакреона: Въ младыя льта розы намъ Дороже лавровъ Геликона. Поэтъ.

Самолюбивыя мечты,
Утёхи юности безумной!
И я, средь бури жизни шумпой,
Искалъ вниманья красоты.
Глаза прелестные читали
Меня съ улыбкою любви;
Уста волшебныя шептали
Мнѣ звуки сладкіе мои:
Но полно; въ жертву имъ свободы
Мечтатель ужъ не принесетъ;
Пускай ихъ юноша поетъ,
Любезный баловень природы
Что мнѣ до нихъ? Теперь въ глуши

Безмолвно жизнь моя несется;
Стонъ лиры върной не коснется
Ихъ легкой, вътренной души;
Нечисто въ нихъ воображенье:
Не понимаетъ насъ оно,
И, признакъ Бога, вдохновенье —
Для нихъ и чуждо, и смъшно.
Когда на память мнъ невольно
Придетъ внушенный ими стихъ,
Я содрогаюсь, сердцу больно:
Мнъ стыдно идоловъ моихъ.
Къ чему, несчастный, я стремился?
Предъ къмъ унизилъ гордый умъ окого восторгомъ чистыхъ думъ
Боготворить не устыдился?

Книгопродавецъ.
Люблю вашъ гнѣвъ. Таковъ поэтъ причины вашихъ огорченій Мнѣ знать нельзя; но исключеній Для милыхъ дамъ уже ли нѣтъ?
Уже ли ни одна не стоитъ Ни вдохновенья, ни страстей, И вашихъ пѣсенъ не присвоитъ Всесильной красотѣ своей?
Молчите вы.

Поэтъ Зачъмъ поэту
Тревожить сердца тяжкій сонъ? Безплодно память мучить онъ. И что жъ? Какое дъло свъту? Я всъмъ чужой. Душа моя Хранитъ ли образъ незабвенный? Любви блаженство зналъ ли я? Тоскою ль долгой изнуренный,

Таилъ я слезы въ тишинъ? Гдъ ты была, которой очи, Какъ небо, улыбались мнъ? Вся жизнь, одна ли, двъ ли ночи?

И что жъ? Докучный стонъ любви, Слова покажутся мои Безумца дикимъ лепетаньемъ. Тамъ сердце ихъ пойметъ одно, И то съ печальнымъ содроганьемъ: Судьбою такъ ужъ ръшено. Ахъ, мысль о той души завялой Могла бы юность оживить, И сны поэзіи бывалой Толпою снова возмутить! Она одна бы разумъла Стихи неясные мои; Одна бы въ сердпъ пламенъла Лампадой чистою любви. Увы, напрасныя желанья! Она отвергла заклинанья, Мольбы, тоску души моей: Земныхъ восторговъ изліянье, Какъ божеству, ненужно ей.

Книгопродавецъ. И такъ, любовью утомленной, Наскуча лепетомъ молвы, Заранъ отказались вы Отъ вашей лиры вдохновенной. Теперь, оставя шумный свътъ, И Музъ, и вътренную моду, Что жъ изберете вы?

Поэтъ.

Свободу!

Книгопродавецъ.

Прекрасно. Вотъ же вамъ совътъ; Внемлите истинъ полезной: Нашъ въкъ торгашъ; въ сей въкъ желъзной Безъ денегъ и свободы нътъ. Что слава? Яркая заплата На ветхомъ рубищъ пъвца. Намъ нужно злата, злата, злата: Копите злато до конца! Предвижу ваше возраженье; Но васъ я знаю, господа: Вамъ ваше дорого творенье, Пока на пламени труда Кипитъ, бурлитъ воображенье; Оно застынетъ, и тогда Постыло вамъ и сочиненье. Позвольте просто вамъ сказать: Не продается вдохновенье, Но можно рукопись продать. Что жъ медлить? Ужъ ко мнъ заходятъ Нетерпъливые чтецы; Вкругъ лавки журналисты бродятъ, За ними тощіе пъвцы: Кто проситъ пищи для сатиры, Кто для души, кто для пера. И, признаюсь, отъ вашей лиры Предвижу много я добра поэтъ.

Вы совершенно правы. Воть вамъ моя рукопись. . Условимся.

XIII.

подражанія корану 1.

посвящено п. а. о

T.

Клянусь четой и нечетой, Клянусь мечемъ и правой битвой, Клянуся утренней звъздой, Клянусь вечернею молитвой ²:

Нътъ, не покинулъ я тебя. Кого же въ сънь успокоенья Я ввелъ, главу его любя, И скрылъ отъ зоркаго гоненья?

Не я ль въ день жажды напоилъ Тебя пустынными водами? Не я ль языкъ твой одарилъ Могучей властью надъ умами?

Мужайся жъ, презирай обманъ, Стезею правды бодро слъдуй,

- 1. «Нечестивые, пишеть Магометь (глава Награды), думають, что корапь есть собраніе новой лжи и старыхь басевь.» Митніе сихь нечестивых конечно справедливо; но, не смотря на сіе, многія нравственныя истины изложены въ корапъ сильнымъ и поэтическимъ образомъ. Здѣсь предлагается нъсколько вольныхъ подражаній. Въ подлинникъ Алла вездъ говорить отъ своего имени, а о Магометъ упоминаются только во второмъ, или третьемъ лицъ.
- 2. Въ другихъ мъстахъ корана, Алла клянется копытами кобылицъ, плодами смоковницы, свободою Мекки, добродътелію и порокомъ, ангелами и человъкомъ и проч. Странный сей реторическій оборотъ встръчается въ коранъ поминутно.

Люби сиротъ, и мой коранъ Дрожащей твари проповъдуй.

11.

О жены чистыя пророка,
Отъ встать вы женъ отличены:
Страшна для васъ и тънь порока
Подъ сладкой ствнью тишины
Живите скромно: вамъ пристало
Безбрачной дтвы покрывало.
Храните втрныя сердца
Для нтвъ законныхъ и стыдливыхъ
Да взоръ лукавый нечестивыхъ
Не узритъ вашего лица.

А вы, о гости Магомета, Стекаясь къ вечери его, Брегитесь сустами свъта Смутить пророка моего. Въ пареньи думъ благочестивыхъ, Не любитъ онъ велеръчивыхъ И словъ нескромныхъ и пустыхъ Почтите пиръ его смиреньемъ, И цъломудреннымъ склоненьемъ Его невольпицъ молодыхъ 3.

III.

Смутясь нахмурился пророкъ, Слъпца послышавъ приближенье 4:

 [«]Мой пророкъ, прибавляетъ Алла, вамъ этого не скажетъ, ибо опъ весьма учтивъ и скроменъ; но я не имъю нужды съ вами чиниться.» и проч. Ревность Араба такъ и дышитъ въ сихъ заповъдяхъ.

^{4.} Изъ кипги: Сльпецъ.

Бъжитъ, да не дерзнетъ порокъ Ему являть недоумънье.

Съ небесной книги списокъ данъ
Тебъ, пророкъ, не для строптивыхъ;
Спокойно возвъщай коранъ,
Не понуждая нечестивыхъ!

Почто жъ вичится человъкъ?
За то ль, что нагъ на свътъ явился,
Что дышетъ онъ недолгій въкъ,
Что слабъ умретъ, какъ слабъ родился?

За то ль, что Богь и умертвить И воскресить его по воль?
Что съ неба дни его хранить И въ радостяхъ, и въ горькой доль?

За то ль, что далъ ему плоды
И хлебъ, и финикъ, и оливу,
Благословивъ его труды
И вертоградъ, и холмъ, и ниву?

Но дважды ангелъ вострубить; На землю громъ небесный грянеть: И братъ отъ брата побъжить, И сынъ отъ матери отпрянеть.

И всѣ предъ Бога притекутъ, Обезображенные страхомъ: И нечестивые падутъ, Покрыты пламенемъ и прахомъ.

IV.

Съ Тобою древле, о Всесильный, Могучій состязаться мнилъ, Безумной гордостью обильный; Но Ты, Господь, его смириль. Ты рекь: Я міру жизнь дарую, Я смертью землю наказую, На все подъята длань Моя. Я также, рекъ онъ, жизнь дарую, И также смертью наказую: Съ Тобою, Боже, равенъ л. Но смольла похвальба порока Отъ слова гитва Твоего: Подъемлю солнце я съ востока; Съ заката подыми его.

V.

Земля недвижна; неба своды, Творецъ, поддержаны Тобой, Да не падутъ на сушь и воды И не подавять насъ собой ⁵.

Зажеть ты солнце во вселенной, Да свътить небу и вемль, Какь ленъ, елеемъ напоенной, Въ лампадномъ свътить хрусталь.

Творцу молитесь; Онъ могучій: Онъ править вътромъ; въ знойный день На небо насылаеть тучи, Даетъ землъ древесну сънь.

Онъ милосердъ: Онъ Магомету Открылъ сіяющій коранъ, Да притечемъ и мы ко свъту, И да падетъ съ очей туманъ

5. Плохая физика: но ва то какая сивлая поззія!

VI.

Не даромъ вы приснились мнъ Въ бою съ обритыми главами, Съ окровавленными мечами, Во рвахъ, на башнъ, на стънъ

Внемлите радостному кличу, О дъти пламенныхъ пустынь! Ведите въ плънъ младыхъ рабынь. Дълите бранную добычу!

Вы побъдили: слава вамъ, А малодушнымъ посмъянье. Они на бранное призванье Не шли, не въря дивнымъ снамъ

Прельстясь добычей боевою, Теперь въ раскаяньи своемъ Рекутъ: возьмите насъ съ собою; Но вы скажите: не возьмемъ.

Блаженны падшіе въ сраженьи. Теперь они вошли въ эдемъ И потонули въ наслажденьи, Неотравляемомъ ничъмъ.

VII.

Возстань, боязливый: Въ пещеръ твоей Святая лампада До утра горитъ. Сердечной молитвой, Пророкъ, удали Печальныя мысли, Лукавые сны!

До утра молитву Смиренно твори; Небесную книгу До утра читай!

VIII.

Торгуя совъстью предъ бледной нищетою, Не сыпь своихъ даровъ расчетливой рукою: Щедрота полная угодна небесамъ. Въ день грознаго суда, подобно нивъ тучной,

О съятель благополучной, Сторицею воздастъ она твоимъ трудамъ.

Но если, пожалъвъ трудовъ земныхъ стяжанья, Вручая нищему скупое подаянье, Сжимаешь ты свою завистливую длань; Знай: всъ твои дары, подобно горсти пыльной, Что съ камня моетъ дождь обильной, Исчезнутъ—Господомъ отверженная дань.

IX.

И путникъ усталый на Бога ропталъ:
Онъ жаждой томился и тъни алкалъ.
Въ пустынъ блуждая три дня и три ночи,
И зноемъ и пылью тягчимыя очи
Съ тоской безнадежной водилъ онъ вокругъ,
И кладязь подъ пальмою видитъ онъ вдругъ.

И къ пальмъ пустынной онъ бъгъ устремилъ, И жадно холодной струей освъжилъ Горъвшіе тяжко языкъ и зъницы, И легъ, и заснулъ онъ близъ върной ослицы: И многіе годы надъ нимъ протекли, Но воли Владыки небесъ и земли.

Насталь пробужденья для путника часъ; Встаеть онъ и слышить невъдомый гласъ: «Давно ли въ пустынъ заснулъ ты глубоко?» И онъ отвъчаетъ: ужъ солнце высоко На утреннемъ небъ сіяло вчера; Съ утра я глубоко проспалъ до утра.

Но голосъ: «о путникъ, ты долѣе спалъ; Взгляни; легъ ты молодъ, а старцемъ возсталъ; Ужъ пальма истлѣла, а кладязь холодной Изсякъ и засохнулъ въ пустынѣ безводной, Давно занесенный песками степей; И кости бѣлѣютъ ослицы твоей.»

И горемъ объяты мгновенный старикъ, Рыдая дрожащей главою поникъ....
И чудо въ пустынъ тогда совершилось: Минувшее въ новой красъ оживилось; Вновь зыблется пальма тънистой главой; Вновь кладязь наполненъ прохладой и мглой.

И ветхія кости ослицы встають, И тыломь одылись, и ревь издають; И чувствуеть путникь и силу и радость; Въ крови заиграла воскресшая младость; Святые восторги наполнили грудь: И съ Богомь онь даль пускается въ путь.

XIV.

УЗНИВЪ.

Сижу за ръшеткой въ темницъ сырой. Вскормленный въ неволъ орелъ молодой,

Мой грустный товарищъ, махая крыломъ, Кровавую пищу клюетъ подъ окномъ,

Клюетъ, и бросаетъ, и смотритъ въ окно, Какъ будто со мною задумалъ одно; Зоветъ меня взглядомъ и крикомъ своимъ И вымолвить хочетъ: «давай улетимъ!

- «Мы вольныя птицы; пора, брать, пора!
- «Туда, гдъ за тучей бълъетъ гора,
- «Туда, гдъ синъютъ морскіе края,
- «Туда, гдъ гуляемъ... лишь вътеръ да я!»

примъчания

КЪ СТИХОТВОРЕНІЯМЪ ПУШКИНА

1824 года.

- 1. Московскій Вѣстникъ 1829 г., сдѣлавшійся на этотъ годъ Сборникомъ, въ первой своей части, содержавшей произведенія Изящной Словесности, напечаталь это посланіе съ припиской: «На приглашеніе ѣхать съ нимъ моремъ на полуденный берегъ Крыма, 1824» Приписка сохранилась и въ изданіи стихотвореній Пушкина 1829 г., на листкѣ оглавленія книги, но посмертнымъ изданіемъ выпущена. Редакція одна и таже везаѣ.
- II. Этотъ переводъ 28-й картины извѣстной пьесы Парни: Les déguisemens de Vénus, далеко оставляющій подлинникъ за собой, напечатанъ быль впервые въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1825 г., и оттуда перешелъ въ собраніе Стихотвореній Пушкина 1826, 1829 г. и въ посмертное изданіе. Редакціи разнятся только въ томъ, что большія буквы въ словахъ: Аидъ, Тартаръ, Нимфы, Элизей были измѣнены на малыя въ 1826 г. и одинъ стихъ: «И богинямъ льститъ измѣна» находился въ скобкахъ въ альманахѣ Сѣверные Цвѣты. Это было послѣднимъ сношеніемъ Пушкина съ старымъ своимъ образцомъ Парни. Въ рукописи къ стихотворенію приложено указаніе: «Подражаніе Парни», и помѣтка: «26 Августа 1824».

- 111. Въ изданія 1826 г., гдѣ впервые напечатано стихотвореніе, оно отнесено къ Эпиграммамъ и Надписямъ, послѣ изд. 1829 г., оно перепечатано посмертнымъ безъ измѣненій, но отнесено имъ къ антологическимъ. Въ рукописи оно имѣетъ заглавіе: «Въ Альбомъ» и помѣтку: «19 Мая 1824 г». Заглавіе рукописи объясняетъ стихъ: «На чуждыя черты взирая.» Вѣроятно въ альбомѣ находился портретъ Пушкина.
- IV. Въ Московскомъ Вѣстникъ 1827 г., № VIII съ оглавленіемъ: «Испанскій романсъ» и съ слъдующей выноской: «Романсъ сей напечатанъ былъ въ Литературномъ Музсумъ съ ошибками, а здъсь помъщается съ поправками.» Альманахъ Литературный Музеумъ на 1827 г. изданъ былъ редакторомъ стараго Россійскаго Музеума В. В. Измайловымъ. Изъ Московскаго Вѣстника пъеса перешла въ изданіе 1829 г., гдѣ еще въ листкъ оглавленія книги сохраняется приписка: Испанскій романсъ, выпущенная совсъмъ посмертнымъ изданіемъ. Кстати сказать, что въ Литературномъ Музеумъ къ романсу приложена музыка Г. Верстовскаго.
- V. Въ рукописи сохраняется помътка на стихотвореніи: «1824 г. Михайловское». Оно не попало ни въ одинъ Сборникъ при жизни Пупкина и дано уже посмерти. изданіемъ. Въ 1830 г. въ Болдинъ (7-го Сентября) поэть исправилъ его : вмъсто «на чуждой небосклонъ», поставилъ:... «на дальній»... вмъсто: «такъ бурно», «столь гнъвно», и вмъсто: «трачно облегался» «глухо облекался»: небольшія поправки, усилившія и опредълившія, однакожъ, всь оттънки поэтической картины.
- VI. Впервые напечатано въ альманахѣ: Мнемозина 1824 г., Москва, часть IV. Къ стихотворенію приложена была выноска издателя, приведенная нами въ біографическихъ матеріалахъ. Въ ней говорилось, что пьеса напечатана съ подлинной рукопиеи Пушкина. Въ изданіи стихотвореній Пушкина 1826 г. есть довольно значительные перемѣны, изъ которыхъ нѣкоторые не сохранены послѣдующими изданіями. Стихъ альманаха:

«Скользить отважно средь зыбей»,

въ 1826 г. замфиенъ:

«Скользитъ безпечно средь зыбей,»

но въ 1829 г. онъ опять возстановленъ въ прежнемъ видѣ и такъ перешелъ въ посмертное изданіе.

Стихъ альманаха:

«Мой поэтическій набыз»

въ 1826 г. замѣненъ:

«Мой поэтическій побыт»,

и такъ сохраненъ потомъ вездъ.

Въ альманах было:

«Другой отъ насъ умчался Геній, Другой властитедь нашихъ думъ»

и при этомъ сдѣлана выноска: Байронъ; въ 1826 г. напечатано два раза: другій, другій, а въ 1829 и послѣдующихъ опять по старому: другой—что было ближе къ правописанію Пушкина. Выноска въ обоихъ изданіяхъ была уничтожена.

Наконецъ въ Альманахѣ было:

«Реви, волнуйся непогодой»

И

«И долго, долго помнить буду», а въ изданіи 1826 г. и всёхъ послёдующихъ:

« Шуми, взволнуйся непогодой»

И

«И долго, долго слышать буду.»

Изъ этого оказывается, что двѣ перемѣны въ стихотвореніи, Пушкинъ считалъ неудачными, именно: безпечно вмѣсто отважно и другій вмѣсто другой. Не нужныя поправки—рѣдкость у Пушкина. Всего замѣчательнѣе, что при стихѣ: «Міръ опустѣлъ.....» въ Мнемозинѣ были точки, сохраненныя и въ изданіи Стихотвореній Пушкина 1829 и 1838 г.г., но въ 1826 г. вмѣсто точекъ находятся еще два етиха:

«Міръ опустыть.... Теперь куда же Меня бъ ты вынесь, океанъ»?

Это тоже, въроятно, привято было за неудачную перемъну. Въ Мнемозинъ вся пьеса напечата была сплошь, а не раздълена на строфы, какъ во всъхъ другихъ редакціяхъ. Пьесой «Къ Морю» Пушкниъ прощался съ южнымъ краемъ Россіи. Отсюла мы уже имъемъ стихотворенія, писанныя всъ, безъ исключенія, въ Псковской деревнъ его: «Михайловское.» Къряду ихъ принадлежатъ и двъ пьесы, приведенныя выше: Прозерпина и Аквилонъ.

VII. Это стихотвореніе папечатано было въ Московскомъ Вѣстникѣ 1828 г. № VI и перешло безъ пэмѣненій въ изданіе 1829 г. и въ посмертное. Въ рукописи на немъ помѣтка: «18

Октября 1824. Михайловское. Въ немъ слышится еще отголосокъ лирическихъ пъсенъ прошлаго года.

- Посланіе вперые было напечатано въ Литературной Газеть 1830 г. № 16, изд. Б. Дельвига. Тамъ оно было безъ подписи автора, но съ помѣткой: «1824. Михайловское» и съ такимъ заглавіемъ: «Отрывовъ изъ посланія къ Языкову.» Стихотвореніе кончалось двумя строками точекъ и одинъ стихъ быль: «Языковъ, близокъ я къ тебъ вмъсто нынфиняго: - «близокъ я тебь.» Также и стихъ Газеты: «въ глухомъ изгнаньи замъненъ позднъе стихомъ: «въ глухомъ изгнанью, хоти первый сходиве съ обыкновеннымъ правописаніемъ Пушкина. Кстати сказать, что 17-й и 19-й стихи этой пьесы не инфоть соответственныхъ рифмъ. Посланіе было уже перепечатано собраніемъ Стихотвореній Пушкина 1832 г., которое составляло третью часть Сборника, начавшагося въ 1829 г. (тогда онъ имълъ только двв части). Новое добавление сохранило отчасти въ тексть, отчасти въ листкъ оглавленія книги, всь помътки Газеты, которыя окончательно отброшены только посмертнымъ изданіемъ.
 - ІХ. Изданіе 1826 г. дало эту пьесу въ отдёле Элегій; оттуда перешла она въ изданіе 1829 г. и въ посмертное, но здёсь очутилась уже въ Разныхъ Стихотвореніяхъ. Въ обоихъ первыхъ изданіяхъ было еще указаніе: «Подражаніе А. Шенье.» выпущенное, по обыкновенію, посмертнымъ изданіемъ. Это дёйствительно вёрный переводъ стиховъ Французскаго поэта: Jeune fille, ton coeur avec nous veut se taire. Въ одно время съ Пушкинымъ, Н. М. Языковъ также передёлалъ ее по-Русски, но съ гораздо меньшимъ сохраненіемъ духа и мысли подлинника. Любопытные могутъ отыскать его произведеніе въ собраніи его стихотвореній (Элегія: Ты восхитительна, ты всёмъ обворожаешь) и сличить съ переводомъ Пушкина, для уразумёнія разницы въ пріемахъ и въ талантѣ обоихъ поэтовъ.
 - Х. Стихотвореніе это, не попавшее въ полное посмертное собраніе сочиненій Пушкина, напечатано было въ журнал'в Библіотека для Чтенія 1837 г. Май місяць, томъ 22. Послів оглавленія тамъ находилась еще приписка, состоявшая изъ собственнаго имени. Въ конці была помітка: 1821 г., не имівшая основанія; стихотвореніе относится къ 1824 г. Нісколько стиховъ въ середині выпущено, особенно потому, что они не вяжутся ни съ предшествующими, ни съ послідующими стиха-

- ми и кажется переданы журналомъ съ неисправной рукописи. Въ бумагахъ поэта его нътъ.
- XI. Пьеса была напечатана въ альманахѣ: Мнемозина 1824 г., часть 2-я, поль заглавіемь Вечеръ. Второй стихъ въ Мнемозинѣ быль: «Глѣ веселье заспоатель» (!), а послѣдній: «Но кружокъ бутылокъ тѣсенъ». Въ нынѣшнемъ своемъ видѣ напечатана изданіемъ 1826 г.
- XII. Разговоръ этотъ былъ напечатанъ при первой главѣ Евгенія Онфгина въ 1825 г., составляя какъ бы вступленіе къ роману. Примъръ отдъльнаго печатанія его подаль самъ Пушкинъ, помъстивъ его особнякомъ въ четвертой части собранія своихъ Стихотвореній, вышедшей въ 1835 г. и составлявшей прододжение издания, пачатаго въ 1829 г. Тамъ приложено · только следующее объяснение: «было напечатано при первой главь Оньгина», но вмьсть съ тымь уже сдыланы нькоторыя поправки противъ первой редакціи Разговора. Въ Онфгинф мы читаемъ напримъръ: «Пускай ихъ Шаликовъ поетъ,» а въ изданіи 1835 г. «Пускай ихъ юноша поеть», въ Онъгинъ: «Гдь та была, которой очи,» а въ изданіи 1835 г.: «Гдь ты · была, которой очи;» въ Онфгинф: «Но тутъ не вижу я стыда,» а въ изд. 1835 г.: «Но васъ я знаю господа,» хотя эта поправка уже и въ Опфгинф указана въ опечаткахъ. Касательно правописанія, въ Онфгинф еще было: назначте, Кориной, разкупиль, изключеній, по въ 1835 г. сділано изміненіе въ двухъ словахъ: именно тогда уже напечатано: Коринной и раскупиль, а остальныя измінило посмертное изданіе при своей передачь стихотворенія. Много душевной повысти и тайныхъ признаній поэта заключено въ этомъ Разговоръ. Внимательный читатель всегда остановится, напримёрь, на томъ мёстё, гдъ, вспоминая о прежней жизни своей, онъ говорить:

Я содрогаюсь, сердцу больно. Мит стыдно идоловъ моихъ и проч.

XIII. Кромі одной півсни: (Ст. тобою древле, о Всесильный), напечатанной въ Сіверныхъ Цвітахъ на 1826 г., Подражанія Корану явились впервые въ собраніи стихотвореній Пушкина 1826 г., съ тіми же примічаніями, какія и здівсь приложены къ нимъ. Только одно изъ нихъ измінено авторомъ при вторичномъ изданіи его Стихотвореній въ 1829 т., мменно

четвертое, относящееся къ третьей пъсни, гдъ говорится о грѣшникѣ-Слѣпцѣ. Примѣчаніе это въ изданіи 1826 г. было такъ составлено: «Изъ книги Сльпець (Тифля). Вотъ почему слово сіе почитается у Турковъ за жесточайшую брань.» Последняя фраза была выкинута въ изданіи 1829 г. Вообще это последнее издание содержить несколько замечательных поправокъпротивъ изданія 1826 г. Не говоря уже объ изміненіи знаковъ препинанія и ороографіи въ нікоторыхъ словахъ, какъ напримъръ въ словъ-кладязь, которое прежде напечатано кладезь, вострубить вивсто возтрубить, древле вивсто древль, близь вийсто близь, но изданіе 1829 г. представляеть еще поправки и въ стихахъ. Такъ въ 1-й пѣсни, вмѣсто стиха 1826 г. : «Клянуся утренней зарей,» въ немъ ужи стихъ: «Клянуся утренней звъздой;» такъ во 2-й пфсии вмъсто стиха 1826 г.: «Стекаясь къ трапезъ его» въ немъ чи тается : «Стекаясь ко вечери его;» такъ въ 9-й песни вмести стиха 1826 г.: «И странное чудо тогда совершилось», въ нень напечатано: «И чудо во пустынь тогда совершилось.» Это были, такъ сказать, последніе удары резца, окончательныя исправленія чудныхъ произведеній, исполненныхъ силы, поэвін и красоты. - Посмертное изданіе перепечатало ихъ съ изданія 1829 г., прибавивъ нѣкоторыя переміны въ правописаніи (возьмите вифсто прежняго возмите, дышеть вифсто прежняго дышить и проч.), но подобно изданію 1829 г. не воснулось ореографіи примічаній, чему слідуеть и настоящее изданіе.

XIV. Стихотвореніе впервые сообщено изданіемъ стихотворення Пушкина 1832 г. (часть третья, гдв оно зачислено было ва отдель произведеній, написанныхъ въ разные годы, по чо самому місту, какое оно занимаетъ между ними можно за ключить съ достовірностію, что оно написано не позже 1824 і Къ этому году мы и относимъ его здісь. Посмертное изданіз повторило его безъ перемінь.

1825 г.

L

Въ крови горитъ огонь желанья, Душа тобой уязвлена, Лобзай меня: твои лобзанья Мнъ слаще мирра и вина. Склонись ко мнъ главою нъжной, И да почію безмятежной, Пока дохнетъ веселый день И двигнется ночная тънь.

II.

Вертоградъ моей сестры, Вертоградъ уединенный; Чистый ключъ у ней съ горы Не бъжитъ запечатлънный. У меня плоды блестятъ Наливные, золотые;

У меня бъгутъ, шумятъ Воды чистыя, живыя. Нардъ, алой и киннамонъ Благовоніемъ богаты: Лишь повъетъ аквилонъ, И закаплютъ ароматы.

III.

БУРЯ.

Ты видълъ дъву на скалъ
Въ одеждъ бълой надъ волнами,
Когда, бушуя въ бурной мглъ,
Играло море съ берегами,
Когда лучъ молній озарялъ
Ее всечасно блескомъ алымъ,
И вътеръ бился и леталъ
Съ ея летучимъ покрываломъ?

Прекрасно море въ бурной мглъ И небо въ блескахъ, безъ лазури; Но върь мнъ: дъва на скалъ Прекраснъй волнъ, небесъ и бури.

IV.

CADO.

Счастливый юноша, ты всъмъ меня плънилъ: Душою гордою, и пылкой, и незлобной, И первой младости красой женоподобной v

PARTIA.

Подъ небомъ голубымъ страны своей родной Она томилась, увядала... Увяла наконецъ, и върно надо мной Младая тень уже летала; Но недоступная черта межъ нами есть. Напрасно чувство возбуждаль я: Изъ равнодушныхъ устъ я слышалъ смерти въсть, И равнодушно ей внималъ я. Такъ вотъ кого любилъ я пламенной душой Съ такимъ тяжелымъ напряженьемъ, Съ такою нъжною, томительной тоской, Съ такимъ безумствомъ и мученьемъ! Гдт муки, гдт любовь? Увы! Въ душт моей Для бъдной, легковърной тъни, Для сладкой памяти невозвратимыхъ дней Не нахожу ни слезъ, ни птни.

VI.

желаніе славы.

Когда, любовію и нѣгой упоенный, Безмолвно предъ тобой колѣнопреклоненный, Я на тебя глядѣлъ и думалъ: ты моя, Ты знаешь, милая, желалъ ли славы я; Ты знаешь: удаленъ отъ вѣтреннаго свѣта, Скучая суетнымъ прозваніемъ поэта,

Уставъ отъ долгихъ бурь, я вовсе не внималь Жужжанью дальнему упрековъ и похвалъ. Могли ль меня молвы тревожить приговоры, Когда, склонивъ ко мнъ томительные взоры И руку на главу мнв тихо наложивъ, Шептала ты: скажи, ты любишь, ты счастливъ? Другую, какъ меня, скажи, любить не будеть? Ты никогда, мой другъ, меня не позабудень? А я стъсненное молчание хранилъ, Я наслажденіемъ весь полонъ быль, я мниль, Что нътъ грядущаго, что грозный день разлуки Не придетъ никогда... И что же? Слезы, муки, Измены, клевета, все на главу мою Обрушилося вдругъ... Что я, гдъ я? Стою, Какъ путникъ, молніей постигнутый въ пустынъ И все передо мной затмилося! И нынъ Я новымъ для меня желаніемъ томимъ: Желаю славы я, чтобъ именемъ моимъ Твой слухъ былъ пораженъ всечасно; чтобъ ты мною Окружена была; чтобъ громкою молвою Все, все вокругъ тебя звучало обо мнъ; Чтобъ, гласу върному внимая въ тишинъ, Ты помнила мои последнія моленья Въ саду, во тьмъ ночной, въ минуту разлученья.

VIJ.

сожженное письмо.

Прощай, письмо любви, прощай! Она велъла... Какъ долго медлилъ я, какъ долго не хотъла Рука предать огню всъ радости мои!... Но полно, часъ насталъ: гори, письмо любви!

Готовъ я; ничему душа моя не внемлеть.
Ужъ пламя жадное листы твои пріемлеть...
Минуту!... Вспыхнули... пылають... легкій дымъ Віясь теряется съ моленіемъ моимъ.
Ужъ перстня върнаго утратя впечатлѣнье,
Растопленный сургучъ кипитъ... О Провидѣнье!
Свершилось! Темные свернулися листы;
На легкомъ пеплѣ ихъ завѣтныя черты
Бѣлѣютъ... Грудь моя стѣснилась. Пепелъ милой,
Отрада бѣдная въ судьбѣ моей унылой,
Останься вѣкъ со мной на горестной груди....

VIII.

козлову.

Пъвецъ, когда передъ тобой Во мглъ сокрылся міръ земной, Мгновенно твой проснулся геній, На все минувшее воззрълъ, И въ хоръ свътлыхъ привидъній Онъ пъсни дивныя запълъ.

О милый брать, какіе звуки! Въ слезахъ восторга внемлю имъ: Чудеснымъ пъніемъ своимъ Онъ усыпилъ земныя муки.

Тебѣ онъ создалъ новый міръ: Ты въ немъ и видишь, и летаешь, И вновь живешь, и обнимаешь Разбитый юности кумиръ. А я, коль стихъ единый мой Тебъ мгновенье далъ отрады, Я не хочу другой награды: Недаромъ темною стезей Я проходилъ пустыню міра, О нътъ, недаромъ жизнь и лира Мнъ были ввърены судьбой!

IX.

II. A. 0***.

Быть можеть, ужь недолго мив Въ изгнаньи мирномъ оставаться, Вздыхать о мирной старинт, И сельской Музъ въ тишинъ, Душой безпечной предаваться.

Но и вдали, въ краю чужомъ, Я буду мыслію всегдашней Бродить Тригорскаго кругомъ, Въ лугахъ, у ръчки, надъ холмомъ, Въ саду подъ сънью липъ домашней.

Когда померкнетъ ясный день, Одна изъ глубины могильной, Такъ иногда въ родную сѣнь Летитъ тоскующая тѣнь На милыхъ бросить взоръ умильной. X.

Если жизнь тебя обманеть, Не печалься, не сердись; Въ день унынія смирись: День веселья, върь, настанеть

Сердце въ будущемъ живетъ. Настоящее уныло; Все мгновенно, все пройдетъ; Что пройдетъ, то будетъ мило.

XI.

KT ***.

Я помню чудное мгновенье: Передо мной явилась ты, Какъ мимолетное видънье, Какъ геній чистой красоты.

Въ томленьяхъ грусти безнадежной, Въ тревогахъ шумной суеты, Звучалъ мнъ долго голосъ нъжной И снились милыя черты.

Шли годы. Бурь порывъ мятежный Разсъялъ прежнія мечты, И я забылъ твой голосъ нъжный, Твои небесныя черты.

Въ глуши, во мракт заточенья, Тянулись тихо дни мои Безъ божества, безъ вдохновенья, Безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви.

Душт настало пробужденье: И вотъ опять явилась ты, Какъ мимолетное видънье, Какъ геній чистой красоты.

И сердце бытся въ упоенью, И для него воскресли вновь И божество, и вдохновенье, И жизнь, и слезы, и любовь.

XII.

Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный!
И я судьбу благословилъ,
Когда мой домъ уединенный,
Печальнымъ снъгомъ занесенный,
Твой колокольчикъ огласилъ.
Молю святое Провидѣнье,
Да голосъ мой душѣ твоей
Даруетъ тоже утъшенье!
Да озаритъ онъ заточенье
Лучемъ Лицейскихъ ясныхъ дней!

XIII.

ВАКХИЧЕСКАЯ ПЪСНЯ.

Что смолкнулъ веселія гласъ? Раздайтесь, вакхальны припъвы! Да здравствують нежныя девы И юныя жены, любившія насъ! Полиже стаканъ наливайте! На звонкое дно, Въ густое вино Завътныя кольца бросайте! Подымемъ стаканы, содвинемъ ихъ разомъ! Да здравствують Музы, да здравствуеть Разумъ! Ты, солнце святое, гори! Какъ эта лампада бледиветъ Предъ яснымъ восходомъ зари, Такъ ложная мудрость мерцаеть и тлъетъ Предъ солнцемъ безсмертнымъ ума. Да здравствуеть солнце, да скроется тьма!

XIV.

19 ОКТЯБРЯ.

Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ; Сребритъ морозъ увянувшее поле; Проглянетъ день какъ будто по неволѣ, И скроется за край окружныхъ горъ. Пылай, каминъ, въ моей пустынной кельв: А ты, вино, осенней стужи другъ, Пролей мнт въ грудь отрадное похмълье, Минутное забвенье горькихъ мукъ.

Печаленъ я: со мною друга нътъ, Съ къмъ долгую запилъ бы я разлуку, Кому бы могъ пожать отъ сердца руку И пожелать веселыхъ много лътъ. Я пью одинъ; вотще воображенье Вокругъ меня товарищей зоветъ; Знакомое неслышно приближенье, И милаго душа моя не ждетъ.

Я пью одинъ, и на брегахъ Невы Меня друзья сегодня именуютъ.... Но многіе ль и тамъ изъ васъ пируютъ? Еще кого не досчитались вы? Кто измѣнилъ плѣнительной привычкѣ? Кого отъ васъ увлекъ холодный свѣтъ? Чей гласъ умолкъ на братской перекличкѣ? Кто не пришелъ? Кого межъ нами нѣтъ?

Онъ не пришелъ, кудрявый нашъ пъвецъ, Съ огнемъ въ очахъ, съ гитарой сладкогласной Подъ миртами Италіи прекрасной Онъ тихо спитъ, и дружескій ръзецъ Не начерталъ надъ Русскою могилой Словъ нъсколько на языкъ родномъ, Чтобъ нъкогда нашелъ привътъ унылой Сынъ Съвера, бродя въ краю чужомъ.

Сидишь ли ты въ кругу своихъ друзей, Чужихъ небесъ любовникъ безпокойный?

Иль снова ты проходишь тропикъ знойный И въчный ледъ полуночныхъ морей? Счастливый путь!... Съ лицейскаго порога Ты на корабль перешагнулъ шутя, И съ той поры въ моряхъ твоя дорога, О волнъ и бурь любимое дитя!

Ты сохраниль въ блуждающей судьбъ Прекрасныхъ лътъ первоначальны нравы: Лицейскій шумъ, лицейскія забавы Средь бурныхъ волнъ мечталися тебъ; Ты простиралъ изъ-за моря намъ руку, Ты насъ однихъ въ младой душъ носилъ И повторялъ: на долгую разлуку Насъ тайный рокъ, быть можетъ, осудилъ!

Друзья мои, прекрасенъ нашъ союзъ!
Онъ, какъ душа, нераздълимъ и въченъ.
Неколебимъ, свободенъ и безпеченъ
Сростался онъ подъ сънью дружныхъ Музъ.
Куда бы насъ ни бросила судьбина,
И счастіе куда бъ ни повело,
Все тъ же мы: намъ цълый міръ чужбина;
Отечество намъ Царское Село.

Изъ края въ край преслъдуемъ грозой, Запутанный въ сътяхъ судьбы суровой, Я съ трепетомъ на лоно дружбы новой, Уставъ, приникъ ласкающей главой... Съ мольбой моей печальной и мятежной, Съ довърчивой надеждой первыхъ лътъ, Друзьямъ инымъ душой предался нъжной; Но горекъ былъ небратскій ихъ привътъ.

И нынь здысь, въ забытой сей глуши, Въ обители пустынныхъ выогъ и хлада, Мны сладкая готовилась отрада: Троихъ изъ васъ, друзей моей души, Здысь обняль я. Поэта домъ опальный, О *** мой, ты первый посытиль; Ты усладиль изгнаныя день печальный, Ты въ день его Лицея превратилъ.

Ты, ***, счастливецъ съ первыхъ дней, Хвала тебъ! Фортуны блескъ холодной Не измѣнилъ души твоей свободной: Все тотъ же ты для чести и друзей. Намъ розный путь судьбой назначенъ строгой, Ступая въ жизнь мы быстро разошлись: Но невзначай проселочной дорогой Мы встрѣтились и братски обнялись.

Когда постигъ меня судьбины гнъвъ, Для всъхъ чужой, какъ сирота бездомной, Подъ бурею главой поникт я томной, И ждалъ тебя, въщунъ Пермескихъ дъвъ, И ты пришелъ, сынъ лъни вдохновенный, О *** мой: твой голосъ пробудилъ Сердечный жаръ, такъ долго усыпленный, И бодро я судьбу благословилъ.

Съ младенчества духъ пъсенъ въ насъ горълъ, И дивное волненье мы познали: Съ младенчества двъ Музы къ намъ летали, И сладокъ былъ ихъ лаской нашъ удълъ: Но я любилъ уже рукоплесканья, Ты гордый пълъ для Музъ и для души; Свой даръ какъ жизнь я тратилъ безъ вниманья, Ты геній свой воспитывалъ втиши. Служенье Музъ не терпитъ суеты: Прекрасное должно быть величаво; Но юность намъ совътуетъ лукаво, И шумныя насъ радуютъ мечты... Опомнимся — но поздно! И уныло Глядимъ назадъ, слъдовъ невидя тамъ. Скажи, ***, не то ль и съ нами было, Мой братъ родной по Музъ, по судьбамъ?

Пора, пора! Душевныхъ нашихъ мукъ Не стоитъ міръ; оставимъ заблужденья! Сокроемъ жизнь подъ сънь уединенья! Я жду тебя, мой запоздалый другъ — Придп: огнемъ волшебнаго разсказа Сердечныя преданья оживи; Поговоримъ о бурныхъ дняхъ Кавказа, О Шиллеръ, о славъ, о любви.

Пора и мнъ... пируйте, о друзья!
Предчувствую отрадное свиданье;
Запомните жъ поэта предсказанье:
Промчится годъ — и съ вами снова я!
Исполнится завътъ моихъ мечтаній;
Промчится годъ — и я явлюся къ вамъ!
О сколько слезъ, и сколько восклицаній,
П сколько чашъ, подъятыхъ къ небесамъ!

И первую полнъй, друзья, полнъй! И всю до дна въ честь нашего союза! Благослови, ликующая Муза, Благослови: да здравствуетъ Лицей! Наставникамъ, хранившимъ юность нашу, Всъмъ честію, и мертвымъ и живымъ, Къ устамъ подъявъ признательную чашу, Не помня зла, за благо воздадимъ.

Пируйте же, пока еще мы тутъ! Увы, нашъ кругъ часъ отъ часу ръдъетъ, Кто въ гробъ спитъ, кто дальній сиротъетъ; Судьба глядитъ, мы вянемъ; дни бъгутъ; Невидимо склоняясь и хладъя, Мы близимся къ началу своему... Кому жъ изъ насъ подъ старость день Лицея Торжествовать придется одному?

Несчастный другъ! Средь новыхъ поколъній Докучный гость и лишній и чужой, Онъ вспомнитъ насъ и дни соединеній, Закрывъ глаза дрожащею рукой... Пускай же онъ съ отрадой, хоть печальной, Тогда сей день за чашей проведетъ, Какъ нынъ я, затворникъ вашъ опальной. Его провелъ безъ горя и заботъ.

XV.

зимній вечеръ.

Буря мглою небо кроеть, Вихри снъжные крутя: То какъ звърь она завоетъ, То заплачетъ какъ дитя, То но кровлъ обветшалой Вдругъ соломой зашумитъ. То, какъ путникъ запоздалой, Къ намъ въ окошко застучитъ.

Наша ветхая лачужка
И печальна и темна.
Что же ты, моя старушка,
Пріумолкла у окна?
Пли бури завываньемъ
Ты, мой другь, утомлена,
Или дремлешь подъ жужжаньемъ
Своего веретена?

Выпьемъ, добрая подружка Въдной юности моей, Выпьемъ съ горя; гдъ же кружка? Сердцу будетъ весельй. Спой мнъ иъсню, какъ синица Тихо за моремъ жили; Спой мнъ пъсню, какъ дъвица За водой поутру шла.

Буря мглою небо крость, Вихри снъжные крутя: То какъ звърь она завоетъ, То заплачетъ какъ дитя. Выпьемъ, добрая подружка Бъдной юности моей, Выпьемъ, съ горя; гдв же кружка Сордцу булетъ веселъи.

XVI.

изъ л. шенье.

Покровъ, упитанный язвительною кровью, Кептавра мстящій даръ, ревнивою любовью Алкиду переданъ. Алкидъ его пріялъ.
Въ божественной крови ядъ быстрый побъжалъ.
Се — ярый мученикъ, въ ночи скитаясь, воетъ;
Стопами тяжкими вершину Эты роетъ;
Гнетъ, ломитъ древеса; исторженные пни
Высоко громоздитъ; его рукой они
Въ костеръ навалены; онъ ихъ зажегъ; онъ всходитъ;
Недвижимъ на костръ онъ въ небо взоръ возводитъ.
Подъ мышцей палица; въ ногахъ Немейскій левъ
Разостланъ. Дунулъ вътръ; поднялся свистъ и ревъ;
Треща, горитъ костеръ; и вскоръ пламя, воя,
Уноситъ къ небесамъ безсмертный духъ героя.

XVII.

АНДРЕЙ ШЕВЬЕ.

посвящено н. н. Р.

Ainsi, triste et captif, ma lyre toutesoit S'éveillait. . . .

Межъ тъмъ, какъ изумленный міръ На урну Байрона взираетъ, И хору Европейскихъ лиръ Близь Данте тънь его внимаетъ,

Зоветъ меня другая твнь, Давно безъ ітвсенъ, безъ рыданій, Съ кровавой плахи въ дни страданій, Сошедшая въ могильну сънь. Пъвцу любви, дубравъ и мира, Пъвцу возвышенной мечты Звучитъ незнаемая лира. Пою. Мнъ внемлетъ онъ и ты.

Подъялась вновь усталая съкира И жертву новую зоветь. Пъвецъ готовъ; задумчивая лира Въ послъдній разъ ему поетъ 1.

Заутра казнь — привычный пиръ народу; Но лира юнаго пъвца О чемъ поетъ ? Поетъ она свободу: Не измънилась до конца!

. . . «Не узрю васъ, дни славы, дни блаженства : Я плахъ обреченъ. Послъдніе часы Влачу. Заутра казнь. Торжественной рукою Палачъ мою главу подыметъ за власы

Надъ равнодушною толпою.
Простите, о друзья! Мой безпріютный прахъ
Не будетъ почивать въ саду, гдъ провождали
Мы дни безпечные въ наукахъ и въ пирахъ,
И мъсто нашихъ урнъ заранъ назначали.

Но, други, если обо мита Священно вамъ воспоминанье, Исполните мое послъднее желанье: Оплачьте, милые, мой жребій въ тишинть;

 Comme un dernier rayon, comme un dernier zephyr Anime le soir d'un beau jour,
 Au pied de lé'chafaud j'essaie encore ma lyre.
 (V. Les derniers vers d'André Chénier).

Страшитесь возбудить слезами подозрънье; Въ нашъ въкъ, вы знаете, и слезы преступленье: О брать сожальть не смъеть нынь брать. Еще жъ одна мольба: вы слушали стократъ Стихи, летучихъ думъ небрежныя созданья, Разнообразныя, завътныя преданья Всей младости моей. Надежды, и мечты, И слезы, и любовь, друзья, сіи листы Всю жизнь мою хранять. У Авеля, у Фанни 2, Молю, найдите ихъ; невинной музы дани Сберите. Строгій свѣтъ, надменная молва Не будутъ въдать ихъ. Увы, моя глава Безвременно падетъ: мой недозрълый геній Для славы не свершилъ возвышенныхъ творении; Я скоро весь умру. Но, твнь мою любя, Храните рукопись, о други, для себя! Когда гроза пройдетъ, толпою суевърной Сбирайтесь иногда читать мой свитокъ върной, И, долго слушая, скажите: это онъ; Вотъ ръчь его. А я, забывъ могильный сонъ, Взойду невидимо и сяду между вами, И самъ заслушаюсь, и вашими слезами Упьюсь... И, можеть быть, утъщенъ буду я Λ юбовью; можеть быть, и Узница моя 3 , Уныла и блъдна, стихамъ любви внимая...»

Но, итсни нтжныя мгновенно прерывая, Младый итвецт поникт задумчивой главой. Пора весны его ст любовію, тоской

^{2.} У Авеля, у Фанни. Abel doux confident de mes jeunes mistères (El. I.): одинь изъ друзей А. III; Fanni, l'une des maîtresses d'An. Ch. Voyez les odes qui lui sont adressées.

^{3.} И Узница мол. V. La jeune Captive (M-lle de Coigny).

Промчалась передъ нимъ. Красавицъ томны очи, И пъсни, и пиры, и пламенныя ночи, Все вмъстъ ожило; и сердце понеслось Далече... и стиховъ журчанье излилось:

«Куда, куда завлекъ меня враждебный геній? Рожденный для любви, для мирныхъ искушеній, Зачтыть я покидаль безвъстной жизни тынь, Свободу, и друзей, и сладостную лънь? Судьба лелъяла мою златую младость, Безпечною рукой меня вънчала радость, И Муза чистая дълила мой досугъ. На шумныхъ вечерахъ друзей любимый другъ, Я сладко оглашалъ и смъхомъ и стихами Сънь, охраненную домашними богами. Когда жъ, вакхической тревогой утомясь И новымъ пламенемъ внезапно воспалясь, Я утромъ наконецъ являдся къ милой дъвъ. И находилъ ее въ смятеніи и гнъвъ; Когда съ угрозами, и слезы на глазахъ, Мой проклиная въкъ, утраченный въ пирахъ, Она меня гнала, бранила и прощала: Какъ сладко жизнь моя лилась и утекала! За чъмъ отъ жизни сей, лънивой и простои, Я кинулся туда, гдъ ужасъ роковой, Гдъ страсти дикія, гдъ буйные невъжды, И злоба, и корысть! Куда, мои надежды, Вы завлекли меня! Что делать было мнв, Мнь, върному любви, стихамъ и тишинь, На низкомъ поприщъ съ презрънными бойцами! Мнъ ль было управлять строптивыми конями И круго напрягать безсильныя бразды? И что жъ оставлю я? Забытые следы Безумной ревности и дерзости ничтожной.

402 1825 r.

Погибни, голосъ мой, и ты, о призракъ ложной, Ты, слово, звукъ пустой...»

«О нътъ!

Умолкни, ропотъ малодушной!
Гордись и радуйся, поэтъ:
Ты не поникъ главой послушнои
Передъ позоромъ нашихъ лѣтъ.
Ты презрълъ мощнаго злодъя;
Твой свѣточъ, грозно пламенъя,
Жестокимъ блескомъ озарилъ
Совѣтъ правителей безславныхъ 4;
Твой бичъ настигнулъ ихъ, казнилъ

Твой стихъ свисталъ по ихъ главамъ; Ты звалъ на нихъ, ты славилъ Немезиду;

.

Ты пълъ Маратовымъ жрецамъ Кинжалъ и дъву-Эвмениду!

Когда святый старикъ отъ плахи отрывалъ Вънчанную главу, рукой оцъпенълой:

Ты смъло имъ обоимъ руку далъ, И передъ вами трепеталъ Ареопатъ остервенълой.

Гордись, гордись, цъвецъ; а ты, свиръпый звърь, Моей главой играй теперь:

Она въ твоихъ когтяхъ. Но слушай, знай, безбожный: Мой крикъ, мой ярый смъхъ преслъдуетъ тебя! Пей нашу кровь, живи губя:

4. Voyez ses ïambes.

Chénier avait mérité la haine des factieux. Il avait célébré Charlotte Corday, flétri Collot d'Herbois, attaqué Robespierre. — On sait que le Roi avait demandé à l'Assemblée par une lettre pleine de calme et de dignité, le droit d'appeler au peuple du jugement qui le condamnait. Cette lettre signée dans la nuit du 17 au 18 janvier est d'André Chénier.

(H. de la Touche).

Ты все пигмей, пигмей ничтожный. И часъ придетъ... и онъ ужъ недалекъ: Падешь, тиранъ! Негодованье Воспрянетъ наконецъ. Отечества рыданье Разбудитъ утомленный рокъ. Теперь иду... пора... но ты ступай за мною! Я жду тебя »

Такъ пълъ восторженный поэтъ.

И все покоилось. Лампады тихій свътъ Блъднълъ предъ утренней зарею,

И утро въяло въ темницу. И поэтъ Къ ръпеткъ поднялъ важны взоры...

Вдругъ шумъ. Пришли, зовутъ. Они! Надежды нѣтъ! Звучатъ ключи, замки, запоры.

Зовуть... Постой, постой; день только, день одинъ:

И казней нътъ, и всъмъ свобода, И живъ великій гражданинъ Среди великаго народа ⁵.

Не слышать. Шествіе безмолвно. Ждеть палачь.

Но дружба смертный путь поэта очаруетъ 6.

Вотъ плаха. Онъ взошелъ. Онъ славу именуетъ $^7\dots$

Плачь, Муза, плачь!...

- 5. Онъ быль казненъ 8 термидора, т. е., наканунъ низверженія Робеспіерра.
- 6. На роковой телегѣ везли на казнь съ Ан. Шенье и поэта Руше, его друга. Ils parlèrent de poësie à leurs derniers moments : pour eux après l'amitié c'était la plus belle chose de la terre. Racine fut l'objet de leur entretient et de leur dernière admiration. Ils voulurent réciter ses vars. Hs choisirent la première scène d'Andromaque.

 (H. de la Touche).
- На мѣстѣ казни онъ удариль себя въ голову и сказалъ; pourtant j'avais quelque chose là.

XVIII.

II. II.

Примите Невскій альманахъ,
Онъ милъ и въ прозѣ и въ стихачъ
Вы тутъ найдете ***ова,
Вел***, Х***ова;
К***, дальній вашъ родня,
Украсилъ также книжку эту;
Но не найдете вы меня:
Мои стихи скользнули въ Лету.
Что слава міра?.. дымъ и прахъ.
Ахъ, сердце ваше мнѣ дороже!...
Но, кажется, мнѣ трудно тоже
Попасть и въ этотъ альманахъ.

XIX.

ББ В***.

Стихъ каждый повъсти твоей Звучитъ и блещетъ какъ червонецъ Твоя Чухоночка, ей-ей, Гречанокъ Байрона милъй, А твой зоилъ прямой чухонецъ.

XX.

дружба.

Что дружба? Легкій пыль похмѣлья, Обиды вольный разговоръ, Обмѣнъ тицеславія, бездѣлья, Иль покровительства позоръ!

XXI.

авижение.

Движенья нѣтъ, сказалъ мудрецъ брадатый. Другой смолчалъ и сталъ предъ нимъ ходить. Сильнѣе бы не могъ онъ возразить; Хвалили всѣ отвѣтъ замысловатый. Но, господа, забавный случай сей Другой примъръ на память мнѣ приводитъ: Вѣдь каждый день предъ нами солнце ходитъ, Однако жъ правъ упрямый Галилей.

XXII.

соловей и кукушка.

Въ лесахъ, во мраке ночи праздной Весны певецъ разнообразной Урчитъ, и свищетъ, и гремитъ; Но безтолковая кукушка,

Самолюбивая болтушка,
Одно куку свое твердить,
И эхо вслъдъ за нею тоже:
Накуковали намъ тоску!
Хоть убъжать. Избавь насъ, Боже,
Отъ элегическихъ куку!

XXIII

совътъ.

Повърь: когда слъпней и комаровъ Вокругъ тебя летаетъ рой журнальной, Не разсуждай, не трать учтивыхъ словъ, Не возражай на пискъ и шумъ нахальной: Ни логикой, ни вкусомъ, милый другъ, Никакъ нельзя смирить ихъ родъ упрямой, Сердиться гръхъ — но замахнись и вдругъ Прихлопни ихъ проворной эпиграмой.

XXIV.

прозанкъ и поэтъ.

О чемъ, прозаикъ, ты хлопочешь? Давай мнъ мысль, какую хочешь: Ее съ конца я завострю, Летучей рифмой оперю, Взложу на тетиву тугую, Послушный лукъ согнувъ въ дугу,

lib.pushkinskijdom.ru

А тамъ пошлю наудалую — И горе нашему врагу!

XXV.

пріятелямъ.

Враги мои, покамъстъ я ни слова...
И, кажется, мой быстрый гнъвъ угасъ;
Но изъ виду не выпускаю васъ,
И выберу когда нибудь любаго:
Не избъжитъ пронзительныхъ когтей,
Какъ налечу нажданый, безпощадный.
Такъ въ облакахъ кружится ястребъ жадный
И сторожитъ индъекъ и гусей.

XXVI.

EX UNGUE LEONEM.

Недавно я стихами какъ-то свиснулъ И выдалъ ихъ безъ подписи моей; Журнальный прутъ о нихъ статейку тиснулъ, Безъ подписи жъ пустивъ ее злодъй. Но что жъ? Ни мнъ, ни площадному шуту Не удалось прикрыть своихъ проказъ: Онъ по когтямъ узналъ меня вминуту, Я по ушамъ узналъ его какъ-разъ.

=

RIHAP&MUQII

КЪ СТИХОТВОРЕНІЯМЪ ПУШКИНА

1825 roza.

І. Какъ это, такъ и следующее за нимъ стихотвореніе напечатаны вместе подъ однимъ заглавіемъ: «Подражанія», въ Московскомъ Вестнике 1829 г., часть І-я (Изящная Словесность). Оттуда вошли они безъ переменъ въ изданіе 1829 г. и въ посмертное, только последнее зачислило ихъ въ отделъ: «Подражанія Восточнымъ Стихотворцамъ». Считаемъ нужнымъ заметить, что мы теперь переходимъ ко второй части собранія Стихотвореній Пушкина 1829 г. Первая, заключавшая произведенія поэта съ 1815 по 1824 годъ, нами исчерпана приложеніемъ всёхъ предшествующихъ стихотвореній и разборомъ ихъ.

II.

- П. Пьеса впервые была напечатана въ Московскомъ Въстникъ 1827 г., № П, съ неправильнымъ стихомъ: «И вътеръ воилъ и леталъ», который въ изданіи 1829 г. измѣненъ такъ: «И вътеръ бился и леталъ». Пьеса повторена съ этимъ исправленіемъ и въ посмертномъ изданіи.
- IV. Въ изданіи 1826 г. это трехститіе имѣло заглавіе: «Юноша» и приписку: «Сафо»; въ слѣдующемъ 1829 г. оглавленіе было просто Сафо, что перешло и въ посмертное изданіе.

- V. Въ матеріалахъ для біографіи поэта мы уже сказали нѣсколько словъ объ этомъ произведеніи. Извѣстно, что Пушкинь въ изданіи 1829 г. отнесъ его къ 1825 г., и не далъ никакого названія, хотя въ рукописи оно имѣетъ оглавленіе: «26-го іюля 1826 года». Оно напечатано было впервые въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1828 г, подъ названісмъ: Элегія, сохраненномь ему и посмертнымъ изданіемъ. Разницы въ печатныхъ редакціяхъ вѣтъ, а объ разпицахъ съ рукописью говорено прежде. Сочетаніе истины сердца съ поэзіею—дѣлаютъ стихотвореніе образцовымъ.
- VI. Напечатано впервые въ журналь: Соревнователь Просвъщенія и Благотворенія 1825 г. часть ХХХ, книжка I, и оттуда перешло въ изд. 1826, 1829 г. и наконецъ въ посмертное.
- VII Въ изданіи 1826 г., гдѣ пьеса явилась впервые, она отнесена къ Элегіямъ, въ изданіи 1829 г. повторена безъ измѣненії; тоже сдѣлало и посмертное изданіе, но отнесло ее къ Антологическимъ стихотвореніямъ.
- VIII. Посланіе напечатано впервые издан. 1826 г. гл'в была приписка: «По полученіи отъ него Чернеца». Приниска сохранилась и въ изд. 1829 г., но посмертное изданіе, выпустивъ ее, отнесло само посланіе къ П'вснямъ и Стансамъ.
 - ІХ. Пославіе явилось въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1829 г. съ заглавіемъ: «Въ Альбомъ П. А. О». и потомъ въ изданіи 1829 г., уже просто съ заглавіемъ: П. А. О**. Посмертное изданіе, перепечатавъ его оттуда безъ измѣненій, отнесло къ «Разнымъ Стихотвореніямъ».
 - X. Пьеса явилась въ журналь: Московскій Телеграфъ 1825 г., ЛУ XVII, съ заглавіемъ: «Стихи въ Альбомъ», въ изданіи 1826 г. заглавіе было: въ Альбомъ, въ изданіи 1829 г. напечатано безъ заглавія, какъ и въ посмертномъ, но это послёднее отнесло ее къ Пёснямъ, Стансамъ и Сонетамъ.
 - XI. Впервые напечатано въ Съверныхъ Цвътахъ на 1827 г. и за тъмъ безъ измъненій перешло въ изданіе 1829 г. и посмертное.
 - XII. Напечатано впервые въ одномъ изъ дополнительныхъ томовъ (въ 9-мъ) посмертнаго изданія, вышедшемъ, какъ изв'єстно, въ 1841 г.
- XIII. Пѣснь, данная изданіемъ 1826 г., перепечатанная бевъ измѣненій изданіями 1829 г. и посмертнымъ. Послѣднее отнесло

- ее къ Лирическимъ Стихотвореніямъ и по справедливости. Это довольно рѣдкій примѣръ удачныхъ классификацій изданія, которое не зачислило ее въ свой отдѣлъ Пѣсенъ и Стансовъ, какъ можно было ожидать.
- XIV. Поль именемь: 19 Октября (а не 19-е Октября 1825 г. какъ въ посмертномъ изданіи) стихотвореніе явилось впервые въ Северныхъ Пертахъ на 1827 г. и за темъ повторено изданіемъ 1829 г. Въ Съверныхъ Цвътахъ только внизу была помътка: 1825, рядомъ съ именемъ автора, а въ началъ пьесы выноска, отброшенная впоследствіи. Воть она: «19 Октября 1811 г. было открытіе Императорскаго Лицея». Въ объихъ первыхъ редакціяхъ читаемъ въ стихахъ: «Еще кого не доимпались вы?» и «Кто дальный сиротъсть»; редакція посмертнаго изданія напечатала: «Не досчитались, дальній» —все прочее осталось безъ измъненій. Не имъя намъренія открывать анонимы этого стихотворенія, исполненнаго чувства и задушевной поэзіи, мы только скажемъ, что «кудрявый пѣвецъ» Корсаковъ имфетъ теперь уже памятникъ во Флоренціи, гаф онъ скончался и притомъ съ надписью, имъ самимъ сочиненною за нѣсколько часовъ до смерти. Извѣстно, что Корсаковъ имѣлъ бодрость на смертномъ одръ переписать ее крупными буквами; чтобъ чуждая рука не исказила Русскаго слова, вырызывая его на камив. «Чужихъ небесъ любовникъ безпокойный» Ө. Ө. Матюшкинъ (нынъ контръ-адмиралъ) имъетъ еще памятникъ въ бумагахъ поэта. Это начало посланія къ нему. приведенное въ біографическихъ матеріалахъ. «Счастливецъ съ нервыхъ дней» Кн. Г. продолжаетъ блестящій путь свой; но «Въщунъ Пермескихъ Дъвъ», Дельвигъ, давно уже покоится во гробъ. Трогательный поэтическій образъ, которымъ вавершается стихотвореніе, теперь можеть быть сділался уже существенностію для многихъ лицейскихъ товарищей Пушкина.
- XV. Въ Съверныхъ Цвътахъ на 1830 г., гдъ явилось стихотвореніе, а за нимъ и въ изд. Стихотвореній Пушкина (3-я часть 1832 г.), слова пъсенъ: «Какъ синица тихо за моремъ жила, Какъ дъвица за водой по утру шла» были напечатаны однимъ шрифтомъ съ самой пьесой, а посмертное издапіе напечатало ихъ курсивомъ. Между прочимъ, это стихотвореніе отнесено изданіемъ Стихотвореній Пушкина 1832 г. къ разря-

ду пьесъ разныхъ годовъ, по уже по мѣсту какое ему дано между ними и по соображеніямъ, взятымъ изъ самаго содержанія, видно, что оно принадлежить 1825 г.

XVI. Стихотвореніе напечатано было впервые въ Современцикъ 1836 г., изд. А. Пушкина, томъ I, однакожъ безъ подписи имени автора. Оно перепечатано потомъ уже посмертнымъ изданіемъ. Это поэтическій и притомъ весьма близкій переводъ извъстнаго стихотворенія А Шенье: Oeta, mont ennobli par cette nuit ardente (изд. Шарпантье, 1850 г., стр. 57). Стихотвореніе лежало 11 лътъ въ бумагахъ автора до перваго появленія въ свътъ. На рукописи его выставленъ 1825 г., но оно при появленіи своемъ въ Современникъ было исправлено. Пушкинъ замътилъ на рукописи и время послъдней поправки, именно: 20 Апръля 1835 г.

Для показанія красоты и вмісті вірности этого перевода приводинь послідніе стихи пьесы Шенье:

Et l'oeil au ciel, la main sur la massue antique Attend sa recompense et l'heure d'être un dieu. Le vent souffle et mugit. Le bûcher tout en feu Brille autour du héros, et la flamme rapide Porte aux palais divins l'âme du grand Alcide!

XVII. Напечатано впервые въ собраніи Стихотвореній Пушкина 1826 г., съ примъчаніями автора. Имя лица, которому посвятиль Пушкинь свою элегію, какъ названо стихотвореніе въ упомянутомъ собраніи, прописано еще тамъ вполнъ: «Н. Н. Раевскому». Въ изданіи 1829 г. и за нимъ въ посмертномъ оно обозначено только буквами: Н. Н. Р. Въ этихъ же изданіяхъ есть одинъ стихъ, несогласный съ редакціей перваго изданія, именно, вмъсто стиха 1826 г.:

«Когда жъ вакхальною тревогой утомясь», въ нихъ напечатано:

«Когда жъ вакхической тревогой утомясь»,

причемъ въ изданіи 1829 г. прилагательное начиналось съ большой буквы, а въ посмертномъ уже съ малой. Содержаніе рѣчей Андрея Шенье взято Пушкинымъ изъ стихотвореній

412 1825 r.

Французскаго поэта, а также и эпиграфъ къ элегіи принадлежить извъстной пьесъ Шенье: La Jeune captive.

XVIII. Паданіе наше приняло за правило собирать только въ конпіт каждаго года эпиграммы, надписи, стихотворныя замітки, и другія мелкія произведенія поэта. Пьеса Н. Н. напечагана была въ Невскомъ Альманахів на 1826 г. Егора Аладына и потомъ въ собраніи Стихотвореній Пущкина 1829 г. съ
припиской вездіб «При посылків ей Певскаго Альманаха»,
выпущенной только посмертнымъ изданіемъ. При переходів
въ изданіе 1829 г. пьеса была измівнена въ одномъ мітстів.
Это мітсто читается въ альманахів такъ:

«Вы тутъ найдете Полевова, Василья Пушкина,кова»;

По одному письму Пушкина мы узнаемъ, что точки должны были читаться: «Маркова, Княжевичь дальній вашъ родня». Все это измѣнено изданіемъ 1829 г. и его Вел*... и Х***ова въроятно должны быть Вельяшева и Хвостова. Графъ Д. И. Хвостовъ, напечаталъ впервые въ Невскомъ Альманахѣ 1825 г. извѣстное свое «Посланіе къ N N о наводненіи Петрополя».

- XIX. Въ Московскомъ Вѣстпикѣ 1829 г. не было выставлено въ заглавін буквы Б, появившейся только въ Собраніи Стихотвореній 1829 г. Пьеса написана къ Баратынскому и, кажется, прежде появленія его Эды и критикъ, возбужденныхъ ею.
- XX. Вотъ четыре стихотворныя замѣтки, напечатанныя въ Альманахѣ Г. М. П. Погодина: Уранія 1826 г. Всѣ онѣ перешли оттуда въ изданіе 1829 г. и за тѣмъ въ посмертное безъ измѣненій.

XXI. XXII. XXIII.

- XXIV. Въ Московскомъ Въстникъ 1827 г., 🧦 IV и за тъмъ въ изданіяхъ 1829 г. и посмертномъ.
- XXV. Въ Московскомъ Телеграф 1825 г. папечатаны были двъ эпиграммы Пушкина, здъсь прилагаемыя, первая въ III Ле, а вторая въ XIII Ле. Послъдияя порождена толками, возбужденными въ журналахъ первой эпиграммой; мы умалчиваемъ о нихъ, такъ какъ ови не заслуживаютъ особеннаго вниманія и разбора. Эпиграмма: «Пріятелямъ» была напечатана въ Телеграфъ подъ заглавіемъ: «Журнальнымъ Пріятелямъ» съ подписью А. П и имъла стихъ: «И выберу когда

нибудь любова». Она перепечатана изд. 1826, 1829 г и посмертнымъ въ нынѣшнемъ своемъ видѣ.

XXVI. Въ Московскомъ Телеграфъ 1825 г., M XIII, съ подписью: А. П. Одинъ стихъ тамъ былъ: «.... какъ-то свистнулъ», а другой: «И въ свътъ пустилъ безъ подписи жъ злодъй» тотъ и другой согласно съ рукописью. Въ нынъшнемъ видъ своемъ дана изданіями 1826, 1829 гг. и посмертнымъ.

Здѣсь считаемъ необходимымъ упомянуть, что покидаемъ книжку: Стихотворенія Алексанара Пушкина. 1826 г. Произденія, собранныя въ ней, всѣ уже вошли въ настоящее изданіе съ нашими примѣчаніями къ нимъ. Намъ остается вторая часть изданія 1829 г. и продолженія его, вышедшія въ 1832 и въ 1835 годахъ.

1826 г.

Ţ.

зимняя дорога.

Сквозь волнистые туманы Пробирается луна, На печальныя поляны Льетъ печально свъть она.

По дорогъ зимней, скучной, Тройка борзая бъжитъ, Колокольчикъ однозвучной Утомительно гремитъ.

Что - то слышится родное Въ долгихъ пъсняхъ ямщика: То разгулье удалое, То сердечная тоска....

Ни огня, ни черной хаты.... Глушь и снъгъ... Навстръчу мнъ Только версты полосаты Попадаются однъ. Скучно, грустно... Завтра, Нина, Завтра къ милой возвратясь, Я забудусь у камина, Загляжусь не наглядясь.

Звучно стрълка часовая Мърной кругъ свой совершитъ, И докучныхъ удаляя Полночь насъ не разлучитъ.

Грустно, Нина: путь мой скученъ Дремля смолкнулъ мой ямщикъ, Колокольчикъ однозвученъ, Отуманенъ лунный ликъ.

II.

проровъ.

Духовной жаждою томимъ, Въ пустынъ мрачной я влачился, И шестикрылой Серафимъ На перепутьи миъ явился; Перстами легкими какъ сонъ Моихъ эвницъ коснулся онъ: Отверзлись въщія эвницы, Какъ у испуганной орлицы. Моихъ ушей коснулся онъ, И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ: И внялъ я неба содроганье, И горній Ангеловъ полетъ, И гадъ морскихъ шодводный ходъ, И дольней лозы прозябанье.

И онъ къ устамъ моимъ приникъ, И вырваль грешной мой языкъ, И празднословной и лукавой, И жало мудрыя змѣи Въ уста замершія мои Вложилъ десницею кровавой. И онъ мнъ грудь разсъкъ мечемъ, И сердце трепетное вынулъ, И угль, пылающій огнемъ, Во грудь отверстую водвинулъ. Какъ трупъ въ пустынъ я лежалъ, И Бога гласъ ко мнв воззвалъ: «Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли, Исполнись волею Моей, И, обходя моря и земли, Глаголомъ жги сердца людей».

III.

КЪ ЯЗ***

Яз * * *, кто тебъ внушилъ
Твое посланье удалое?
Какъ ты шалишь, и какъ ты милъ,
Какой избытокъ чувствъ и силъ,
Какое буйство молодое!
Нътъ, не Кастальскою водой
Ты воспоилъ свою Камену;
Пегасъ иную Ипокрену
Копытомъ вышибъ предъ тебой.

Она не хладной льется влагой, Но птится хмъльною брагой; Она разымчива, пьяна, Какъ сей напитокъ благородной, Сліянье рому и вина, Безъ примъси воды негодной, Въ Тригорскомъ жаждою свободной Открытый въ наши времена.

IV.

ОТВЪТЪ О. Т***.

Нътъ, не Черкешенка она . Но въ долы Грузіи отъ въка Такая дъва не сошла Съ высотъ угрюмаго Казбека.

Нътъ, не агатъ въ глазахъ у ней: Но всъ сокровища Востока Не стоятъ сладостныхъ лучей Ея полуденнаго ока.

примъчания

КЪ СТИХОТВОРЕНІЯМЪ ПУШКИНА

1826 года.

- І. Всё стихотворенія этого года, какъ и большая часть слёдующаго, написаны уже въ Москвё, куда переселился поэть изъ деревни своей. Первая мысль нёкоторыхъ даже относится къ переёзду его, таковы: Зимняя дорога и Пророкъ. Всё они вошли въ изданіе 1829 г. (вторая часть) и посмертное, такъ что намъ остается указать только мёста ихъ перваго появленія и разницы редакцій. Работа наша значительно облегчается тёмъ, что въ это время преимущественно два изданія овладёли всей дёятельностію поэта: журналъ Московскій Вёстникъ и альманахъ: Сёверные Цвёты. Впрочемъ есть нёсколько пьесъ, не попавшихъ ни въ тотъ, ни въ другой—мы ихъ укажемъ въ своемъ мёстё. «Зимняя дорога» явилась въ Московскомъ Вёстникъ 1828 г., № IV и не получила измёненій въ послёдующихъ изданіяхъ. Посмертное отнесло ее къ Пѣснямъ и Стансамъ.
- II. Въ Московскомъ Вѣстнивъ 1828 г., № III. Посмертное изданіе уничтожило большія буквы въ словахъ: Серафимъ, Ангелъ, которыя еще находились въ изданіи 1829 г. и отнесло стихотвореніе къ Подражаніямъ Восточнымъ Стихотворцамъ. Эта превосходная лирическая пѣснь представляетъ намъ одной

- стороной идеалъ поэта, какъ нонималъ его Пушкинъ въ то время
- III. Посланіе къ Н. М. Языкову, напечатанное въ Московскомъ Въстникъ 1827 г., № IX и служащее отвътомъ на извъстное стихотвореніе: Тригорское, приложенное въ томъ же журнать (1827 г. № II, Тригорское. Посланіе къ А. С. П.). Н. М. Языковъ написалъ свое Тригорское въ 1826 г. по отъъздъ изъ села Михайловскаго, гдъ провелъ нъкоторое время у Пушкина
- 1V. Подобно тремъ предшествующимъ стихотвореніямъ, и это восьмистишіе должно было занять мѣсто въ Московскомъ Вѣстникѣ, но остановлено было по какой-то причинѣ самимъ авторомъ Оно явилось только въ изданіи 1829 года.

1827 г.

I.

СТАНСЫ.

Въ надеждъ славы и добра Гляжу впередъ я безъ боязни: Начало славныхъ дней Петра Мрачили мятежи и казни.

Но правдой Онъ привлекъ сердца, Но нравы укротилъ наукой, И былъ отъ буйнаго стръльца Предъ Нимъ отличенъ Долгорукой

Самодержавною рукой Онъ смъло съялъ просвъщенье, Не презиралъ страны родной: Онъ зналъ ея предназначенье.

То академикъ, то герой, То мореплаватель, то плотникъ,

Онъ всеобъемлющей душой На тронъ въчный былъ работникъ.

Семейнымъ сходствомъ будь же гордъ; Во всемъ будь Пращуру подобенъ: Какъ Онъ неутомимъ и твердъ, И памятью, какъ Онъ, незлобенъ.

II.

АНГЕЛЪ.

Въ дверяхъ Эдема Ангелъ нъжный Главой поникшею сіялъ, А Демонъ мрачный и мятежный Надъ адской бездною леталъ.

Духъ отрицанья, духъ сомнънья На духа чистаго взиралъ, И жаръ невольный умиленья Впервые смутно познавалъ.

Прости, онъ рекъ, тебя я видълъ, И ты недаромъ мнъ сіялъ: Не все я въ небъ ненавидълъ, Не все я въ міръ презиралъ.

III.

соловей.

Въ безмолвіи садовъ, весной, во мглѣ ночей Поетъ надъ розою восточный соловей. 1827 r 423

Но роза милая не чувствуеть, не внемлеть, И подъ влюбленный гимнъ колеблется и дремлеть. Не такъ ли ты поешь для хладной красоты? Опомнись, о поэть, къ чему стремишься ты? Она не слушаеть, не чувствуеть поэта; Глядишь, она цвететь; взываешь — ивтъ отвъта.

IV.

ТАЛИСИАНЪ.

Тамъ, гдъ море въчно плещетъ На пустынныя скалы, Гдъ луна теплъе блещетъ Въ сладкій часъ вечерней мглы, Гдъ, въ гаремахъ наслаждаясь, Дни проводитъ Мусульманъ; Тамъ волшебница, ласкаясь, Мнъ вручила талисманъ.

И, ласкаясь, говорила:
«Сохрани мой талисманъ:
Въ немъ тапиственная сила!
Онъ тебъ любовью данъ.
Отъ недуга, отъ могилы,
Въ бурю, въ грозный ураганъ,
Головы твоей, мой милый,
Не спасетъ мой талисманъ.

богатствами Востока
 Онъ тебя не одаритъ,

И поклонниковъ Пророка
Онъ тебъ не покоритъ;
И тебя на лоно друга,
Отъ печальныхъ, чуждыхъ странъ,
Въ край родной на Съверъ съ Юга
Не умчитъ мой талисманъ....

Но когда коварны очи
Очаруютъ вдругъ тебя,
Иль уста во мракъ ночи
Поцълуютъ не любя:
Милый другъ, отъ преступленья,
Отъ сердечныхъ новыхъ ранъ,
Отъ измъны, отъ забвенья
Сохранитъ мой талисманъ!»

٧.

Кто знаетъ край, гдв небо блещетъ Неизъяснимой синевой, Гдв море теплою волной Вокругъ развалинъ тихо плещетъ, Гдв въчный лавръ и кипарисъ По волъ гордо разрослись, Гдв пълъ Торквато величавый, Гдв и теперь, во мглъ ночной, Адріатической волной Повторены его октавы, Гдв Рафаэль живописалъ, Гдв въ наши дни ръзецъ Кановы Послушный мраморъ оживлялъ,

И Байронъ, мученикъ суровый, Страдалъ, любилъ и проклиналъ?

Италія, волшебный край,
Страна высокихъ вдохновеній!
Кто жъ посътилъ твой древній рай,
Твои пророческія съни?
На берегу роскошныхъ водъ,
Порою карнавальныхъ оргій,
Кругомъ кого кипитъ народъ,
Кого привътствуютъ восторги?
Кто идеальною красой,
И томно-нѣжной и живой,
Сыновъ Авзоніи плѣняетъ,
И по неволѣ увлекаетъ
Ихъ пестры волны за собой?...

Съ какою легкостью небесной Земли касается она! Какою прелестью чудесной Во всъхъ движеніяхъ полна!

На рай полуденной природы
На блескъ небесъ, на ясны воды,
На чудеса святыхъ искусствъ,
Въ стъсненьи вдохновенныхъ чувствъ,
Душевный взоръ она возводитъ,
Дивясь и радуясь душой —
И ничего передъ собой
Себя прелестнъй не находитъ.
Стоитъ ли съ важностью очей
Предъ Флорентійскою Кипридой:
Ихъ двъ, и мраморъ передъ ней
Страдаетъ, кажется, обидой.

Мечты возвышенной полна,
Въ молчаньи смотритъ ли она
На образъ нѣжной Форнарины.
Или Мадоны молодой:
Она задумчивой красой
Очаровательнѣй картины.
Скажите мнѣ, какой пѣвецъ,
Горя восторгомъ умиленнымъ,
Чья кисть, чей пламенный рѣзецъ
Предастъ потомкамъ изумленнымъ
Ея небесныя черты?
Гдѣ ты, ваятель безъимянный
Богини вѣчной красоты?
И ты, Харитою вѣнчанный.
Ты, вдохновенный Рафаэль?

YI.

княгинь з. л. волконской.

Среди разстянной Москвы
При толкахъ виста и бостона,
При бальномъ лепетъ молвы
Ты любишь игры Аполлона.
Царица Музъ и красоты,
Рукою нъжной держишь ты
Волпебный скипетръ вдохновеній,
И надъ задумчивымъ челомъ,

Двойнымъ увънчаннымъ вънкомъ, И вьется и пылаетъ геній. Пъвца, плъненнаго тобой. Не отвергай смиренной дани: Внемли съ улыбкой голосъ мой, Какъ мимоъздомъ Каталани Пыганкъ внемлетъ кочевой.

VII.

къ женщинв-поэту.

Я слушаль вась. я прочиталь Сіи небрежныя созданья, Гдъ ваши томныя мечтанья Боготворять свой идеаль.

Я пилъ отраву въ вашемъ взоръ, Въ исполненныхъ души чертахъ, И въ вашемъ миломъ разговоръ, И въ вашихъ пламенныхъ стихахъ

Соперницы завътной розы Блаженъ безсмертный идеалъ! Стократъ блаженъ, кто ей внушалъ Единый стихъ и много прозы! VIII.

ТРИ ВЛЮЧА.

Въ степи мірской, печальной и безбрежной, Таинственно пробились три ключа: Ключъ юности — ключъ быстрый и мятежный, Кипитъ, бѣжитъ, сверкая и журча; Кастальскій ключъ волною вдохновенья Въ степи мірской изгнанниковъ поитъ; Послѣдній ключъ—холодный ключъ забвенья: Онъ слаще всѣхъ жаръ сердца утолитъ.

IX.

къ языкову.

Къ тебъ сбирался я давно
Въ Нъмецкій градъ, тобой воспътый,
Съ тобой попить, какъ пьютъ поэты
Тобой воспътое вино.
Ужъ зазывалъ меня съ собою
Тобой воспътый Киселевъ,
И я съ веселою душою
Оставить былъ совсъмъ готовъ
Неволю Невскихъ береговъ.
И что жъ? Гербовыя заботы

lib.pushkinskijdom.ru

Схватили за полы меня, И на Невъ, хоть нътъ охоты, Прикованнымъ остался я. О юность, юность удалая! Могу ль тебя не пожальть? Въ долгахъ, бывало, утопая, Заимодавцевъ убъгая, Готовъ былъ всюду я летъть. Теперь докучно посъщаю Своихъ ленивыхъ должниковъ, Остепенившись, проклинаю Я тяжесть денегь и годовъ. Прости, пъвецъ, играй, пируй, Съ Кипридой, Фебомъ торжествуй, Не знай сіятельнаго чванства, Не знай любезныхъ должниковъ, И не плати своихъ долговъ, По праву Русскаго дворянства!

X.

поэтъ.

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвъ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свъта
Онъ малодушно погруженъ;
Молчитъ его святая лира,
Душа вкушаетъ хладный сонъ,

И межъ дътей ничтожныхъ міра, Быть можетъ, всъхъ ничтожнъй онъ.

Но лишь божественный глаголь До слуха чуткаго коснется, Душа поэта встрепенется, Какъ пробудившійся орель. Тоскуеть онъ въ забавахъ міра, Людской чуждается молвы; Къ ногамъ народнаго кумира Не клонитъ гордой головы; Бъжитъ онъ, дикій и суровый, И звуковъ и смятенья полнъ, На берега пустынныхъ волнъ, Въ широкопумныя дубровы....

XI.

Близь мъстъ, гдъ царствуетъ Венеція златая, Одинъ, ночной гребецъ, гондолой управляя, При свътъ Веспера по взморію плыветъ, Ринальда, Годфреда, Эрминію поетъ. Онъ любитъ пъснь свою; поетъ онъ для забавы, Безъ дальнихъ умысловъ; не въдаетъ ни славы, Ни страха, ни надеждъ, и тихой музы полнъ, Умъетъ услаждать свой путь надъ бездной волиъ. На моръ жизненномъ, гдъ бури такъ жестоко Преслъдуютъ во мглъ мой парусъ одинокой, Какъ онъ, безъ отзыва, утъшно я пою И тайные стихи обдумывать люблю.

XII.

YEPEIL.

Прими сей черепъ, Д***: онъ Принадлежитъ тебъ поправу, Тебъ повъдаю, Баронъ, Его готическую славу.

Почтенный черепъ сей неразъ Парами Вакха нагръвался; Литовскій мечъ, въ недобрый часъ, По немъ со звономъ ударялся; Сквозь эту кость не проходилъ Лучъ животворный Аполлона; Ну, словомъ, черепъ сей хранилъ Тяжеловъсный мозгъ Барона, Барона Д***. Баронъ Конечно быль охотникъ славный, Натадникъ, чаши другъ исправный, Гроза вассаловъ и ихъ женъ. Мой другъ, таковъ былъ въкъ суровый, И предокъ твой кръпкоголовый Смутился бъ рыцарской душой, Когда бъ тебя передъ собой Увидълъ, безъ одежды бранной, Съ главою, миртами вънчанной, Въ очкахъ и съ лирою златой.

Покойникомъ въ церковной книгъ Ужъ былъ давно записанъ онъ, И съ предками своими въ Ригъ Вкушалъ непробудимый сонъ.

Баронъ въ обители печальной Доволенъ, впрочемъ, былъ судьбой, Пастора лестью погребальной, Гербомъ гробницы феодальной И эпитафіей плохой. Но въ наши безпокойны годы Покойникамъ покоя нътъ. Косматый баловень природы, И математикъ и поэтъ, Буянъ задумчивый и важный, Хирургъ, юристъ, физіологъ, Идеологъ и филологъ, Короче вамъ — студентъ присяжный, Съ витою трубкою въ зубахъ, Въ плащъ, съ дубиной и въ усахъ Явился въ Ригъ. Тамъ спъсиво Въ трактирахъ сталъ онъ пѣнить пиво Въ дыму табачныхъ облаковъ, Бродить надъ берегами моря, Мечтать о Лотхенъ, или съ горя Стихи писать, да бить жидовъ. Студентъ подъ лъстницей трактира Въ каморкъ темной жилъ одинъ: Тамъ, въ видъ зеркалъ и картинъ, Короткій плащъ, картузъ, рапира Вистли на стънъ рядкомъ. Полуизмаранный альбомъ. Творенья Фихте и Платона, Да два восточныхъ лексикона, Подъ паутиною въ углу, Лежали грудой на полу, Предметъ занятій разнородныхъ Ученаго, да крысъ голодныхъ. Мы знаемъ: роскопи пустой

Почтенный мыслитель не ищетъ; Смъясь надъ глупой суетой, Въ чуланъ онъ безпечно свищетъ. Умъренность, въщалъ мудрецъ, Сердецъ высокихъ отпечатокъ. Студентъ, однакожъ, наконецъ Замътилъ важный нелостатокъ Въ своемъ быту: ему предметъ Необходимый былъ... скелетъ, Предметъ философамъ любезный, Предметъ пріятный и полезный Для глазъ и сердца, слова нътъ: Но глъ достанетъ онъ скелетъ? Вотъ онъ однажды въ воскресенье Сошелся съ кистеромъ градскимъ, И тотчасъ, взявъ въ соображенье Его характеръ и служенье, Решился подружится съ нимъ. За кружкой пива, мой герой Открылся кистеру душой И говоритъ: нельзя ль, пріятель, Тебъ досужною порой Свести меня въ подвалъ могильный, Костями праздными обильный, И между тъмъ одинъ скелетъ Помочь мнъ вынести на свътъ? Клянусь тебъ Айдескимъ богомъ: Онъ будетъ дружбы мнѣ залогомъ И до моихъ послъднихъ дней Красой обители моей. Смутился кистеръ изумленный. «Что за желанье? что за страсть? Идти въ подвалъ уединенный, Встревожить мертвыхъ сонъ почтенный И одного изъ нихъ украсть!
И кто же?... Онъ, гробовъ хранитель!
Что скажутъ мертвые потомъ?»
Но пиво, страха усыпитель
И гнѣвной совѣсти смиритель,
Сомнѣнья разрѣшило въ немъ.
Ну, такъ и быть! Даетъ онъ слово,
Что къ ночи будетъ все готово
И другу назначаетъ часъ.
Они разстались.

День угасъ. Настала ночь. Плащемъ покрытый, Стоитъ герой нашъ знаменитый У галлереи гробовой, И съ нимъ преступный кистеръ мой, Держа въ рукъ фонарь разбитый, Γ отовъ на подвигъ роковой. И вотъ визжитъ замокъ заржавый, Визжитъ предательская дверь — И сходять витязи теперь Во мракъ подвала величавый; Сіяньемъ тощимъ фонаря Глухіе своды озаря, Идутъ — и эхо гробовое, Смущенное въ своемъ покоъ, Протяжно вторить звукъ шаговъ. Предъ ними длинный рядъ гробовъ; Вездъ щиты, гербы, короны; Въ тщеславномъ тленіи кругомъ Почіютъ непробуднымъ сномъ Высокородные бароны....

Я бы никакъ не осмълился оставить рифмы въ эту поэтическую минуту, если бы твой прадъдъ, коего гробъ попался

нодъ руку студента, вздумалъ за себя вступиться, ухватя его за воротъ, или погрозивъ ему костянымъ кулакомъ, или какъ нибудь иначе оказавъ свое неудовольствіе; къ несчастію похищенье совершилось благополучно. Студенть по частямъ разобралъ всего Барона, и набилъ карманы костями его. Возвратясь домой, онъ очень искусно связаль ихъ проволокою, и такимъ образомъ составилъ себъ скелетъ очень порядочный. Но вскоръ молва о перенесении Бароновыхъ костей изъ погреба въ трактирный чуланъ разнеслась по городу. Преступный кистеръ лишился мъста, а студентъ принужденъ былъ бъжать изъ Риги, и какъ обстоятельства не позволяли ему брать съ собою будущаго, то, разобравъ опять Барона, раздарилъ онъ его своимъ друзьямъ. Большая часть высокородныхъ костей досталась аптекарю. Мой пріятель В. получиль въ подарокъ черепъ и держалъ въ немъ табакъ. Онъ разсказалъ мнъ его исторію, и зная, сколько я тебя люблю, уступиль мнъ черепь одного изъ тыхъ, которымъ обязанъ я твоимъ существованіемъ.

Прими жъ сей черепъ, Д***: онъ Принадлежитъ тебѣ по праву. Обдѣлай ты его, Баронъ, Въ благопристойную оправу. Издѣлье гроба преврати Въ увеселительную чашу. Виномъ кипящимъ освяти, Да запивай уху да кашу. Пъвцу Корсара подражай, И Скандинавовъ рай воинской Въ пирахъ домашнихъ воскрешай, Или, какъ Гамлетъ-Баратынской, Надъ нимъ задумчиво мечтай: О жизни мертвый проповѣдникъ, Виномъ ли полный иль пустой,

Для мудреца, какъ собесъдникъ, Онъ стоитъ головы живой.

XIII.

19 ОКТЯБРЯ.

Богъ помочь вамъ, друзья мои, Въ заботахъ жизни, Царской службы, И на пирахъ разгульной дружбы, И въ сладкихъ таинствахъ любви!

Богъ помочь вамъ, друзья мои, И въ буряхъ, и въ житейскомъ горъ, Въ краю чужомъ, въ пустынномъ моръ, И въ мрачныхъ пропастяхъ земли!

XIV.

золото и булать.

Все мое, сказало злато; Все мое, сказаль булать. Все куплю, сказало злато; Все возьму, сказаль булать. XV.

ЭПИГРАММА.

Лукъ звънитъ, стръла трепещетъ, И клубясь издохъ Пиоонъ, И твой ликъ побъдой блещетъ, Бельведерскій Аполлонъ! Кто жъ вступился за Пиоона, Кто разбилъ твой истуканъ? Ты, соперникъ Аполлона, Бельведерскій Митрофанъ!

примъчанія

КЪ СТИХОТВОРЕНІЯМЪ ПУШКИНА.

1827 года.

- І. Это превосходное стихотвореніе напечатано было впервые въ Московскомъ Вѣстникѣ 1828 г., № І, безъ подписи имени автора. Въ изданіи 1829 г. Пушкинъ отнесъ его къ 1827 г., но первая мысль его принадлежитъ къ послѣднимъ днямъ предшествующаго года. Въ этомъ удостовѣряетъ насъ слѣдующая помѣтка на черновомъ оригиналѣ пьесы: «22 Декабря 1826. Москва, у Зуб.»
- П. Пьеса впервые напечатана въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1828 г. Въ изданіи 1829 г., слова: Ангелъ и Демонъ начинаются съ большихъ буквъ. Это лирическое стихотвореніе, связывающееся съ данными самой жизни поэта, отнесено посмертнымъ изданіемъ къ Подражаніямъ Восточнымъ Стихотворцамъ!
- III. «Соловей» напечатанъ былъ впервые въ альманахъ 1827 г. Литературный Музеумъ, изд. В. В. Измайлова и посмертнымъ изданіемъ отнесенъ къ Антологическимъ стихотвореніямъ.
- IV. Впервые явился въ альманах в 1828 г. Альбомъ Съверныхъ Музъ, изд. А. И. (Ард. Иванова). Тамъ, и потомъ въ изданіи 1829 г., большія буквы сохраняются въ словахъ: Мусульманъ, Востока, Пророка. Первая мысль стихотворенія еще принадлежитъ 1824 г., какъ можно догадываться по стиху:

- «Въ край родной на Сѣверъ съ Юга», но окончательная отлѣлка его уже относится къ 1827 г.
- V. Стихотвореніе это явилось уже послѣ смерти автора въ журналѣ: Современникъ 1838 г., Томъ IX и помѣщено въ 9 дополнительномъ томѣ посмертнаго изданія, но оно написано еще въ 1827 г. Такимъ образомъ оно находилось 11 лѣтъ въ бумагахъ автора. Изъ нашихъ біографическихъ матеріаловъ уже знакома читателю его двойная программа, изъ которой одну только первую часть Пушкинъ, съ необычайнымъ поэтическимъ одушевленіемъ, привелъ къ концу и то еще не вполнѣ.
- VI. Въ Московскомъ Въстникъ 1827 г. № IX, была къ этому стихотворенію приписка: «Посылая ей поэму Цыганы», сохраненная и изданіемъ 1829 г., въ такомъ видъ: «При посылкъ ей поэмы: Цыганы». Посмертное изданіе занесло его въ Посланія, а приписку уничтожило. Между прочимъ въ журналь было: «И вьется и пылаетъ Геній».
- VII. Стихотвореніе, напечатанное сперва въ альманахіз 1830 г. Радуга, изданіе П. Арапова и Д. Новикова. Пушкинъ не удостоилъ его помізщенія въ своихъ сборникахъ. Во второй разъ оно появилось послів смерти автора въ Современникъ 1837 года, томъ Х, и оттуда уже перешло въ дополнительные томы (9 томъ) посмертнаго изданія безъ перемінь, но редакція журнала уже разнится съ редакціей альманаха. Въ Радугіз именно стихотвореніе иміло заглавіе: «К. А. Т.—вой», (извізстному автору пісни: Ты не повітришь какъ ты мила). Первые стихи были тамъ:

«Я видълъ васъ.... я ихъ читалъ Сіи предестныя созданья».

Пестой стихъ.

«Въ душой исполненныхъ чертахъ»

Последніе четыре:

«Соперницы запретной розы Блаженъ безсмертный идеаль; Стократъ блаженъ, кто вамъ внушалъ Не много рифмъ и много прозы».

Въ Московскомъ Телеграфъ 1826 г., \mathcal{M} 5, часть VIII, было стихотвореніе: Запретная Роза, подписанная буквою В. Оно можетъ служить нъкоторымъ объясненіемъ термина, встрѣчалощагося въ пьесъ Пушкина.

- VIII. Еще стихотвореніе, явившееся уже послѣ смерти автора. Оно напечатано было журналомъ: Отечественныя Записки 1841 г., № 1, съ помѣткой: «18 Іюня 1827. С. Петербургъ», и вошло только въ дополнительные томы посмертнаго изданія (въ 9 томъ), но, по обыкновенію, съ уничтоженіемъ помѣтки. Этой пьесой и слѣдующей за ней Пушкинъ обозначилъ краткос пребываніе свое въ Петербургѣ.
 - ІХ. Въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ па 1829 г., пьеса имѣла заглавіе просто: «Къ Я», и въ текстѣ альманаха помѣчена только 2-мя звѣздочками. Пьеса взята изъ дружескаго письма Пушкина, еъ Н. М. Языкову. Она пропущена была изд 1829 г. Въ 9-мъ дополнительномъ томѣ посмертнаго изд. 1841 г., она явилась во 2-й разъ съ изиѣненіемъ правописанія въ словѣ: «восиѣтой», которое въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ еще было: «возпѣтой, возпѣтое». Рукопись имѣетъ еще помѣтку: «14 Іюля, С. П.-бургъ». За этой пьесой слѣлуютъ уже произведенія, написанныя поэтомъ въ селѣ Михайловскомъ.
 - X. Стихотвореніе напечатано было въ Московскомъ Въстникъ 1827 г., № XXIII. При переходъ въ изданіе 1829 г., исправленъ быль одинъ его стихъ; вмѣсто:
 - «Къ подножью свътскаго кумира» въ изданіи 1829 г., стоить:
 - «Къ ногамъ народнаго кумира».

Посмертное изтаніе отнесло это лирическое произведеніе, такъ хорошо выражающее взглядъ Пушкина на самаго себя и на свое призваніе, къ стихотвореніямъ аптологическимъ. Между прочимъ пьеса эта составляла часть дружескаго письма Пушкина къ М. П. Погодину.

XI. Это стихотвореніе было напечатано въ нервый разъ въ Невскомъ Альманахѣ на 1828 г., изд. Е. Аладына, подъ такимъ заглавіемъ: «Переводъ неизданныхъ стиховъ Андрея Шенье». Въ изданія 1829 г., — заглавія пьесы не было, но въ листкъ оглавленія книги сдълана была къ стихотворенію точно такая же приписка: переводъ и проч. Посмертное изданіс уничтожило поясненіе, а саму пьесу отнесло къ Разнымъ Стихотвореніямъ. Между прочимъ въ Невскомъ Альманахѣ рядомъ съ ней былъ и другой переводъ стиховъ Шенье, Ив. Ко-

злова, подъ названіемъ: «Вольное подражаніе Андрею Шенье». Вотъ посл'єдніе стихи Козлова:

И я — люблю пёть про себя; въ тишин в Безвёстныя пёсни мечтаю,
Пою и, какъ будто, отраднёе мнё:
Я горе мое забываю,
Какъ вётеръ ни гонитъ мой бёдный челнокъ
Пучиною жизни мятежной,
Гдё я такъ уныло и такъ одинокъ
Скитаюсь во тьм везнадежной!...

XII. Впервые напечатанъ въ Съверныхъ цвътахъ на 1828 г., съ припиской въ скобкахъ послъ оглавленія: «Посланіе къ Д * » и съ помъткой, вмъсто подписи имени, одной буквой: Я. Извъстно, что Пушкинъ говорилъ при этомъ случат: «Ин кто не усомнится, что это Я — Я». При переходъ въ изданіе 1829 г., два стиха пьесы были, въроятно по ошибкъ, замънены другими. Вмёсто редакціи Северныхъ Цвётовъ: «За кружкой пива, мой мечтатель», изданіе 1829 г., напечатало: «За кружкой пива, мой герой», отъ чего стихъ: «И говоритъ: нельзя ль пріятель» остается безъ рифмы. Вмісто редакціи Сіверныхъ цвътовъ: «Встревожить мертвыхъ соимо почтенный», - изл. 1829 г., напечатало: «Встревожить мертвыхъ сонт почтенный». Посмертное изданіе сохранило последнюю редакцію 1829 г., и на этотъ разъ упрекъ въ небрежности, какой ему ибкоторые делали по поводу Черепа, не можеть къ нему относится: оно только повторило то, что сделано было еще при жизни автора и подъ глазами его. Гораздо основательнее можно упрекнуть его въ томъ, что оно выпустило приписку: «Посланіе къ Д * ", т. е. къ Дельвигу, бывшую какъ въ альманах в, такъ и въ сборникъ 1829 г Вмъстъ съ тъмъ посмертное изданіе напечатало: «въ Воскресенье», съ большею буквой въ существительномъ имени, а «Айдесскимъ богомъ» съ малой буквой въ прилагательномъ. Въ Съверныхъ Цвътахъ это было на оборотъ и согласние съ правописаниемъ Пушкина. По редакцій же альманаха сохраняемь большія буквы въ словь: Баронъ, но въ стихахъ следуемъ изданію 1829 году.

XIII. Впервые явилось въ журналь: Славянинъ 1830 г., 15 часть, изд. А. Воейкова, за подписью одной буквой: *II.* и съ загла-

віемъ: «Товарищамъ молодости». Нынѣшнее заглавіе и вообще другая редакція даны этой пьесѣ собраніемъ Стихотвореній Пушкина 1832 г., (третья часть). Въ Славянинѣ тетстъ испорченный. Второй стихъ читается тамъ слѣдующимъ образомъ:

"Вт успъхах долт и Царской службы, а начало окончательной строфы такъ:
"Богъ въ помощь вамъ друзья мон,
Влачить удёлъ тоски и горя
Во дни войны, въ открытомъ моръ....

Это было послѣднее стихотвореніе, написанное Пушкинымъ въ своей деревнѣ, въ 1827 г.

- XIV. Стихотворная замѣтка, напечатанная въ Московскомъ Вѣстникѣ 1827 г., ЛЯ II и повторенная изданіями 1829 г., и посмертнымъ.
- XV. Эпиграмма, напечатанная въ Московскомъ Въстникъ 1827 г., № VI, съ подписью Ал. П. и повторенная только посмертнымъ изданіемъ въ дополнительномъ томъ (9 томъ) его. Она ничего не имъетъ общаго съ Антологіей, на которую вездъ указано какъ на источникъ, откуда авторъ почеринулъ первую мысль ен.

1828 г.

1

Городъ пышный, городъ бѣдный, Духъ неволи, стройный видъ, Сводъ небесъ зелено-блѣдный, Скука, холодъ и гранитъ — Все же мнѣ васъ жаль немножко, Потому что здѣсь порой Ходитъ маленькая ножка, Вьется локонъ золотой.

11.

TO DAWE ESQr.

Зачѣмъ твой дивный карандашъ Рисуетъ мой Арапскій профиль? Хоть ты вѣкамъ его предашь, Его освищетъ Мефистофиль Рисуй *** черты:
Въ жару сердечныхъ вдохновеній,
Лишь юности и красоты
Поклонникомъ быть долженъ геній.

III.

ЕЯ ГЛАЗА.

(въ отвътъ на стихи князя В — го).

Она мила, скажу межъ нами — Придворныхъ витязей гроза — II можно съ Южными звъздами Сравнить, особенно стихами, Ея Черкесскіе глаза. Она владъетъ ими смъло, Они горятъ огня живъй; Но самъ признайся, то ли дъло Глаза О . . . моей! Какой задумчивый въ нихъ геній, И сколько дътской простоты, И сколько томныхъ выраженій, И сколько нъги и мечты!... Потупитъ ихъ съ улыбкой Леля: Въ нихъ скромныхъ грацій торжество; Подниметъ : ангелъ Рафаэля Такъ созерцаетъ Божество.

IV.

Tel j'étais autrefois et tel je suis encor.

Каковъ я прежде былъ, таковъ и нынъ я: Безпечный, влюбчивый. Вы знаете, друзья, Могу ль на красоту взирать безъ умиленья, Безъ робкой нѣжности и тайнаго волненья. Ужъ мало ли любовь играла въ жизни мной? Ужъ мало ль бился я, какъ ястребъ молодой, Въ обманчивыхъ сѣтяхъ, раскинутыхъ Кипридой: А неисправленный стократною обидой, Я новымъ идоламъ несу мои мольбы...

V.

HOPTPET'S.

Съ своей пылающей душой, Съ своими бурными страстями, О жены Съвера, межъ вами Она является порой, И мимо всъхъ условій свъта Стремится до утраты силъ— Какъ беззаконная комета Въ кругу расчисленномъ свътилъ.

VI.

Не пой, красавица, при мнѣ Ты пѣсенъ Грузіи печальной: Напоминаютъ мнѣ онѣ Другую жизнь и берегъ дальной.

Увы, напоминають мнѣ Твои жестокіе напѣвы И степь, и ночь, и при лунѣ Черты далекой, бѣдной дѣвы!...

Я призракъ милый, роковой, Тебя увидъвъ, забываю; Но ты поешь — и предо мной Его я вновь воображаю.

Не пой, красавица, при мнѣ Ты пѣсенъ Грузіи печальной: Напоминаютъ мнѣ онѣ Другую жизнь и берегъ дальной.

VII.

наперсникъ.

Твоихъ признаній, жалобъ нѣжныхъ Ловлю я жадно каждый крикъ: Страстей безумныхъ и мятежныхъ Какъ упоителенъ языкъ! Но прекрати свои разсказы; Таи, таи свои мечты:

Боюсь ихъ пламенной заразы, Боюсь узнать, что знала ты!

VIII.

KB * * *

Счастливъ, кто избранъ своенравно Твоей тоскливою мечтой, При комъ любовью млъешь явно, Чьи взоры властвуютъ тобой; Но жалокъ тотъ, кто молчаливо, Сгарая пламенемъ любви, Потупя голову, ревниво, Признанья слушаетъ твои.

IX.

ЦВВТОКЪ.

Цвътокъ засохшій, безуханной, Забытый въ книгъ вижу я; И вотъ уже мечтою странной Душа наполнилась моя:

Гдѣ цвѣлъ? когда? какой весною? И долго ль цвѣлъ? и сорванъ кѣмъ, Чужой, знакомой ли рукою? И положенъ сюда зачѣмъ?

lib.pushkinskijdom.ru

На память нѣжнаго ль свиданья, Или разлуки роковой, Иль одинокаго гулянья Въ тиши полей, въ тъни лѣсной?

И живъ ли тотъ, и та жива ли? И ныньче гдѣ ихъ уголокъ? Или уже они увяли, Какъ сей невѣдомый цвѣтокъ?

X.

послъдніе цвъты.

. Цвъты послъдніе мильй Роскошных первенцовъ полей. Они унылыя мечтанья Живъе пробуждаютъ въ насъ: Такъ иногда разлуки часъ Живъе самаго свиданья.

XI.

предчувствів.

Снова тучи надо мною Собралися въ тишинъ; Рокъ завистливый бъдою Угрожаетъ снова мнъ... Сохраню ль къ судьбъ презрънье? Понесу ль навстръчу ей

Непреклонность и терпънье Гордой юности моей?

Бурной жизнью утомленный, Равнодушно бури жду: Можеть быть, еще спасенный, Снова пристань я найду.... Но, предчувствуя разлуку, Неизбъжный, грозный часъ, Сжать твою, мой ангелъ, руку Я спъшу въ послъдній разъ.

Ангелъ кроткій, безмятежный, Тихо молви мнъ: прости; Опечалься, взоръ свой нъжный Подыми иль опусти; И твое воспоминанье Замънитъ душт моей Силу, гордость, упованье И отвагу юныхъ дней.

XII.

Даръ напрасный, даръ случайной, Жизнь, зачъмъ ты мнъ дана?
Иль зачъмъ судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью Изъ ничтожества воззваль, Душу мнъ наполнилъ страстью, Умъ сомнъньемъ взволноваль?...

lib.pushkinskijdom.ru

Цѣли нѣтъ передо мною . Сердце пусто, празденъ умъ. И томитъ меня тоскою Однозвучный жизна шумъ

XIII.

BOCHOMUHAHIE.

Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день И на нъмыя стогны града Полупрозрачная наляжетъ ночи тънь И сонъ, дневныхъ трудовъ награда, Въ то время для меня влачатся въ тишинъ Часы томительного бденья: Въ бездъйствіи ночномъ живъй горять во мнъ Змъи сердечной угрызенья; Мечты кипять; въ умъ, подавленномъ тоской, Тъснится тяжкихъ думъ избытокъ; Воспоминаніе безмолвно предо мной Свой длинный развиваетъ свитокъ. И, съ отвращениемъ читая жизнь мою, Я трепещу и проклинаю, И горько жалуюсь, и горько слезы лью, Но строкъ печальныхъ не смываю.

XIV.

BARJINHAHIE.

О, если правда, что въ ночи, Когда покоятся живые

lib.pushkinskijdom.ru

И съ неба лунные лучи Скользять на камни гробовые, О, если правда, что тогда, Пустъють тихія могилы — Я тънь зову, я жду Леилы: Ко мнъ, мой другъ, сюда, сюда!

Явись, возлюбленная тънь, Какъ ты была передъ разлукой, Блъдна, хладна, какъ зимній день, Искажена послъдней мукой. Приди, какъ дальняя звъзда, Какъ легкій звукъ иль дуновенье, Иль какъ ужасное видънье, Мнъ все равно: сюда, сюда!....

Зову тебя, не для того, Чтобъ укорять людей, чья злоба Убила друга моего, Иль чтобъ извъдать тайны гроба; Не для того, что иногда Сомнъньемъ мучусь.... но тоскуя Хочу сказать, что все люблю я, Что все я твой. Сюда, сюда!

XV.

отвътъ А. Н. Готовцовой.

И недовърчиво и жадно Смотрю я на твои цвъты. Кто, строгій стоикъ, приметъ хладно Привътъ Харитъ и красоты? Горжуся имъ, но и робъю:
Твой недосказанный упрекъ
Я разгадать вполнъ не смъю.
Твой гнъвъ уже ли я навлекъ?
О, сколько бъ мукъ себъ готовилъ
Красавицъ вътренный Зоилъ,
Когда бъ предательски злословилъ
Сей полъ, которому служилъ!
Любви безумствомъ и волненьемъ
Наказанъ былъ бы онъ; а ты
Была всегда бъ опроверженьемъ
Его печальной клеветы.

XVI.

отвътъ катепину.

Напрасно, пламенный поэтъ, Свой чудный кубокъ мнъ подносип ь И выпить за здоровье просипь: Не пью любезный мой сослоде! Товарищъ милый, но лукавый, Твой кубокъ полонъ не виномъ, Но упоительной отравой: Онъ заманитъ меня потомъ Тебъ вослъдъ опять за славой. Не такъ ли опытный гусаръ, Вербуя рекрута, подноситъ Ему веселый Вакха даръ, Пока воинственный угаръ Его на мъстъ не полкоситъ?

Я самъ служивый: мнѣ домой Пора убраться на покой. Останься ты въ строяхъ Парнасса; Предъ дѣломъ кубокъ наливай, . И лавръ Корнеля или Тасса Одинъ съ похмълья пожинай.

IIVX

И. В. С***

Я не люблю альбомовъ модныхъ. Ихъ ослепительная смесь Аспазій нашихъ благородныхъ Провозглашаетъ только спесь. Альбомъ красавицы увздной, Альбомъ домашній и простой, Милъй болтливостью любезной И безыскусной пестротой. Ни здъсь, ни тамъ, скажу я смъло, Являться впрочемъ не хочу; Но твой альбомъ другое дъло, Охотно дань ему плачу. Тобой питомцамъ Аполлона Не изъ тщеславья онъ открытъ: Царицъ ты любишь Геликона И ими самъ не позабытъ; Вхожу въ него прямымъ поэтомъ, Какъ въ дружескій, пріятный домъ, темотачини вникох житно Почтивь житно Почтивь житно Почтивь житно почтивым почтивым житно почтивы метно почтивым житно почтивы мили почтивы мили почтивы метно почтивы мили почтивы мили почтивы мили поч И Ларъ молитвеннымъ стихомъ.

хүш.

B. C. 0***.

при получении поэмы его: дурацкой колпакъ.

Вамъ, Музы, милыя старушки, Колпакъ связали въ добрый часъ, И, прицъпивъ къ нему гремушки, Самъ Фебъ надълъ его на васъ. Хотьлось въ томъ же мнъ уборъ Предъ вами ныньче щегольнуть И, въ откровенномъ разговоръ, Какъ вы, на многое взглянуть; Но старый мой колпакъ изношенъ, Хоть и любилъ его поэтъ; Онъ по неволъ мной заброшенъ: Не въ модъ ныньче красный цвътъ. И такъ, въ знакъ мирнаго привъта, Снимая шляпу, быо челомъ, Узнавъ философа-поэта Подъ осторожнымъ колпакомъ.

XIX.

Подъъзжая подъ Ижоры, Я взглянулъ на небеса И воспомнилъ ваши взоры, Ваши синіе глаза. Хоть я грустно очарованъ Вашей дъвственной красой,

Хоть вампиромъ именованъ Я въ губерніи ***; Но колънъ моихъ предъ вами Преклонить я не посмълъ П влюбленными мольбами Васъ тревожить не хотълъ. Упиваясь непріятно Хмълемъ свътской суеты, Позабуду, втроятно, Ваши милыя черты, Легкій станъ, движеній стройность, Осторожный разговоръ, Эту скромную спокойность, Хитрый смъхъ и хитрый взоръ. Если жъ нътъ... по прежню слъду Въ ваши мирные края Черезъ годъ опять завду И влюблюсь до Ноября.

XX.

ты и вы.

Пустое вы сердечнымъ ты
Она, обмолвясь, замънила,
И всъ счастливыя мечты
Въ душъ влюбленной возбудила
Предъ ней задумчиво стою;
Свести очей съ нея нътъ силы;
И говорю ей: какъ вы милы!
И мыслю: какъ тебя люблю!

XXI.

Сто лътъ минуло, какъ Тевтонъ Въ крови невърныхъ окупался; Страной полночной правилъ онъ. Уже Прусакъ въ оковы вдался, Или сокрылся — и въ Литву Понесъ изгнанную главу.

Между враждебными брегами Струился Нъманъ: на одномъ Еще надъ древними стънами Сіяли башни, и кругомъ Шумъли рощи въковыя, Духовъ пристанища святыя. Сумволъ Германца на другомъ, Крестъ въры, въ небо возносящій Свои объятія грозящи; Казалось свыше захватить Хотълъ всю область Палемона, И племя чуждаго закона Къ своей подошвъ привлачить.

Съ медвъжьей кожей на плечахъ, Въ косматой рысьей шапкъ, съ пукомъ Каленыхъ стрълъ и съ върнымъ лукомъ, Литовцы юные, въ толпахъ, Со стороны одной бродили И зорко недруга слъдили. Съ другой, покрытый шишакомъ, Въ бронъ закованный, верхомъ, На стражъ Нъмецъ, за врагами Недвижно слъдуя глазами,

Пищаль съ молитвой заряжалъ Всякъ переправу охраняль: Токъ Нъмана гостепріимной. Свидътель ихъ вражды взаимной, Сталъ прагомъ въчности для нихъ; Сношеній дружныхъ гласъ утихъ, И всякъ, переступившій воды, Лишенъ былъ жизни иль свободы Лишь хмъль Литовскихъ береговъ, Нъмецкой тополью плъненный, Черезъ ръку, межъ тростниковъ, Переправлялся дерзновенный, Бреговъ противныхъ достигалъ И друга нъжно обнималъ. Лишь соловьи дубравъ и горъ По старинъ вражды не знали, И въ островъ, общій съ давнихъ поръ, Другъ къ другу въ гости прилетали.

XXII.

кромъшникъ.

Какая ночь! Морозъ трескучій; На небъ ни единой тучи; Какъ шитый пологъ синій сводъ Пестръетъ частыми звъздами. Въ домахъ все темно. У воротъ Затворы съ тяжкими замками. Вездъ покоится народъ; Утихъ и шумъ и крикъ торговой,

Лишь только лаетъ стражъ дворовой, Да цепью звонкою гремитъ.

И вся Москва спокойно спить, Забывъ волненіе боязни. А площадь въ сумракъ ночномъ Стоитъ полиа вчерашней казни; Мученій свъжій слъдъ кругомъ: Гдъ трупъ разрубленный съ размаха, Гдъ столбъ, гдъ вилы; тамъ котлы, Остывшей полные смолы, Здъсь опрокинутая плаха, Торчатъ желъзные зубцы, Съ костями груды пепла тлъютъ, На кольяхъ, скорчась, мертвецы Оцъпенълые чернъютъ....

Кто тамъ? Чей конь во весь опоръ По грозной площади несется? Чей свистъ, чей громкій разговоръ Во мракъ ночи раздается? Кто сей? Кромъшникъ удалой. Спъшитъ, летитъ онъ на свиданье; Въ его груди кипитъ желанье. Онъ говоритъ: «Мой конь лихой, Мой върный конь, лети стрълой! Скоръй, скоръй!....» Но конь ретивой Вдругъ размахнулъ плетеной гривой И сталъ. Во мглъ между столповъ, На перекладинъ дубовой, Качался трупъ. Тздокъ суровой Подъ нимъ промчаться былъ готовъ; Но борзый конь подъ плетью бьется, Хранитъ и фыркаетъ и рвется

Назадъ. «Куда, мой конь лихой? Чего боишься? что съ тобой? Не мы ли здъсь вчера скакали, Не мы ли яростно топтали, Усердной местію горя, Лихихъ измънниковъ Царя? Не ихъ ли кровію омыты Твои булатныя копыты? Теперь уже ль ихъ не узналъ? Мой борзый конь, мой конь удалый, Несись, лети!..» и конь усталый Подъ трупомъ вихремъ проскакалъ.

XXIII.

УТОПЛЕННИКЪ.

Прибъжали въ избу дъти, Второпяхъ зовутъ отца: «Тятя! тятя! Наши съти Притащили мертвеца.» —Врите, врите, бъсенята, Заворчалъ на нихъ отецъ; Охъ, ужъ эти мнъ ребята! Будетъ вамъ ужо мертвецъ!

Судъ навдетъ, отвъчай-ка; Съ нимъ я ввъкъ не разберусь; Дълать ничего! Хозяйка, Дай кафтанъ: ужъ поплетусь... Гдъ жъ мертвецъ? — «Вонъ, тятя, э-вотъ!» Въ самомъ дълъ при ръкъ, Гдъ разосланъ мокрой неводъ, Мертвой видънъ на пескъ.

Безобразно трупъ ужасный Посинълъ и весь распухъ. Горемыка ли несчастный Погубилъ свой гръшный духъ, Рыболовъ ли взятъ волнами, Али хмъльный молодецъ, Аль ограбленный ворами Недогадливый купецъ:

Мужику какое дѣло?
Озираясь, онъ спѣшитъ...
Онъ потопленное тѣло
Въ воду за ноги тащитъ
И отъ берега крутаго
Оттолкнулъ его весломъ,
И мертвецъ внизъ поплылъ снова
За могилой и крестомъ.

Долго мертвый межь волнами Плыль качаясь, какъ живой: Проводивъ его глазами, Нашъ мужикъ пошель домой. «Вы, щенки, за мной ступайте! Будетъ вамъ по калачу, Да смотрите жъ, не болтайте, А не то, поколочу.»

Въ ночь погода зашумъла, Взволновалася ръка, Ужъ лучина догоръла
Въ дымной хатъ мужика,
Дъти спятъ, хозяйка дремлетъ,
На палатяхъ мужъ лежитъ,
Буря воетъ; вдругъ онъ внемлетъ:
Кто-то тамъ въ окно стучитъ.

«Кто тамъ?»—Эй, впусти, хозяинъ!—
«Ну, какая тамъ бъда?
Что ты ночью бродишь, Каинъ?
Чертъ занесъ тебя сюда;
Гдѣ возиться мнѣ съ тобою?
Дома тѣсно и темно.»
И лѣнивою рукою
Подымаетъ онъ окно.

Изъ-за тучъ луна катится — Что же? Голый передъ нимъ: Съ бороды вода струится, Взоръ открытъ и недвижимъ; Все въ немъ страшно онъмъло, Опустились руки внизъ, П въ распухнувшее тъло Раки черные впились.

И мужикъ окно захлопнулъ, Гостя голаго узнавъ, Такъ и обмеръ: чтобъ ты лопнулъ! Прошепталъ онъ задрожавъ. Страшно мысли въ немъ мѣшались, Трясся ночь онъ напролётъ, И доутра все стучались Подъ окномъ и у воротъ

Есть въ народъ слухъ ужасный: Говорять, что каждый годъ Съ той поры мужикъ несчастный Въ день урочной гостя ждётъ; Ужъ съ утра погода злится, Ночью буря настаётъ, И утопленникъ стучится Подъ окномъ и у воротъ.

XXIV.

Воронъ къ ворону летитъ, Воронъ ворону кричитъ: Воронъ, гдъ бъ намъ отобъдать? Какъ бы намъ о томъ провъдать?

Воронъ ворону въ отвътъ: Знаю, будетъ намъ объдъ; Въ чистомъ полѣ подъ ракитой Богатырь лежитъ убитой.

Къмъ убитъ и отъ чего, Знаетъ соколъ лишь его, Да кобылка вороная, Да хозяйка молодая.

Соколъ въ рощу улетълъ, На кобылку недругъ сълъ, А хозяйка ждетъ мило́ва, Не убитаго, живова.

XXV.

Кобылица молодая,
Честь Кавказскаго тавра,
Что ты мчишься, удалая?
И тебъ пришла пора;
Не косись пугливымъ окомъ,
Ногъ на воздухъ не мечи,
Въ полъ гладкомъ и широкомъ
Своенравно не скачи.
Погоди; тебя заставлю
Я смириться подо мной:
Въ мърный кругъ твой бъгъ направлю
Укорочениой уздой.

XXVI.

анчаръ.

Въ пустынъ чахлой и скупой, На почвъ, зноемъ раскаленной, Анчаръ, какъ грозный часовой, Стоитъ, одинъ во всей вселенной.

Природа жаждущихъ степей Его въ день гитва породила, И зелень мертвую вътвей И корни ядомъ напоила.

Ядъ каплетъ сквозь его кору, Къ полудню растопясь отъ зною, И застываетъ ввечеру
Густой, прозрачною смолою.

Къ нему и птица не летитъ, И тигръ нейдетъ: лишь вихорь черный На древо смерти набъжитъ — И мчится прочь уже тлетворный.

И если туча оросить, Блуждая, листъ его дремучій; Съ его вътвей ужъ ядовитъ Стекаетъ дождь въ песокъ горючій.

Но человъка человъкъ
Послалъ къ Анчару властнымъ взглядомъ:
И тотъ послушно въ путь потекъ,
И къ утру возвратился съ ядомъ.

Принесъ онъ смертную смолу, Да вътвь съ увядшими листами — И потъ по блъдному челу Струился хладными ручьями;

Принесъ — и ослабълъ, и легъ Подъ сводомъ шалаша на лыки. И умеръ бъдный рабъ у ногъ Непобъдимаго владыки.

А князь тъмъ ядомъ напиталъ Свои послушливыя стрълы, И съ ними гибель разослалъ Къ сосъдямъ въ чуждые предълы. XXVII.

чериь.

Procul este, profani.

Поэтъ по лиръ вдохновенной Рукой разстянной бряцалъ. Онъ пълъ — а хладной и надменной, Кругомъ народъ непосвященной, Ему безсмысленно внималъ.

И толковала чернь тупая:
«Зачъмъ такъ звучно онъ поетъ?
Напрасно ухо поражая,
Къ какой онъ цъли насъ ведетъ?
О чемъ бренчитъ? чему насъ учитъ?
Зачъмъ сердца волнуетъ, мучитъ
Какъ своенравный чародъй?
Какъ вътеръ пъснь его свободна,
За то какъ вътеръ и безплодна:
Какая польза намъ отъ ней?»

атеоП

Молчи, безсмысленный народъ,
Поденщикъ, рабъ нужды, заботъ!
Несносенъ мнъ твой ропотъ дерзкой.
Ты червь земли, не сынъ небесъ;
Тебъ бы пользы все — на въсъ
Кумиръ ты цънишь Бельведерской.
Ты пользы, пользы въ немъ не зришь.
Но мраморъ сей въдь богъ!... Такъ что же

Печной горшокъ тебъ дороже: Ты пищу въ немъ себъ варишь.

Чернь.

Нътъ, если ты небесъ избранникъ, Свой даръ, божественный посланникъ, Во благо намъ употребляй: Сердца собратьевъ исправляй. Мы малодушны, мы коварны, Безстыдны, злы, неблагодарны; Мы сердцемъ хладные скопцы, Клеветники, рабы, глупцы; Гнъздятся клубомъ въ насъ пороки: Ты можешь, ближняго любя, Давать намъ смълые уроки, А мы послушаемъ тебя.

Поэтъ.

Подите прочь — какое дъло Поэту мирному до васъ! Въ развратъ каменъйте смъло. Не оживитъ васъ лиры гласъ; Душъ противны вы какъ гробы Для вашей глупости и злобы Имтли вы до сей поры Бичи, темницы, топоры: $\mathcal A$ овольно съ васъ, рабовъ безумныхъ! Во градахъ вашихъ съ улицъ шумныхъ Сметаютъ соръ — полезный трудъ! — Но, позабывъ свое служенье, Алтарь и жертвоприношенье, Жрецы ль у васъ метлу берутъ? Не для житейскаго волненья, Не для корысти, не для битвъ:

Мы рождены для вдохновенья, Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

XXVIII.

Любопытный.

Что жъ новаго?—«Ей Богу, ничего.»
— Эй, не хитри: ты върно что-то знаешь.
Не стыдно ли, отъ друга своего,
Какъ отъ врага, ты въчно все скрываешь.
Иль ты сердитъ: помилуй, братъ, за что?
Не будь упрямъ: скажи ты мнъ хотъ слово....
«Охъ, отвяжисъ, я знаю только то,
Что ты дуракъ, да это ужъ не ново.»

примъчанія

КЪ СТИХОТВОРЕНІЯМЪ ПУШКИНА

1828 года.

- 1. Сѣверные Цвѣты па 1829 г., гаѣ стихотвореніе помѣчено двумя звѣздочками, хотя въ оглавленін альманаха и приписано Пушкину. Почти всѣ произведенія 1828 г., авторъ помѣстилъ въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ и въ Московскомъ Вѣстникѣ; только малая часть ихъ явилась впервые въ другихъ журналахъ и еще меньшая въ собственныхъ его сборникахъ. Послѣдніе только повторяли ихъ съ разницами правописанія и редакціи, которыя мы обозначимъ. Посмертное изданіе приложило сверхъ того двѣ пьесы, не бывшія въ печати при жизни автора.
- И. Сѣверные Цвѣты на 1829 г., съ подписью: А. П. и безъ разаѣлевія на два куплета. Пятый стихъ въ альманахѣ читается: «Рисуй О—й черты.» Изданіе 1829 г., а за нимъ и посмертное замѣстили буквы собственнаго имени точками.
- III. Пьеса напечатанная въ альманахѣ: Сѣверная Звѣзда 1829 г., изд. Бестужева-Рюмина, съ подписью Ап. Въ 9-мъ стихѣ была поправка издателя: «Глаза Элодіи моей», да тогда же придумано было и ваглавіе: «Къ пріятелю, сравнивавшему глаза одной дѣвицы съ южными звѣздами.» Нынѣшнее заглавіе сообщено ей журналомъ Отечественныя Записки 1841 г. № 2, гдѣ она была напечатана во второй разъ и откуда уже перешла въ 9-й томъ восмертнаго изданія

IV. Въ изданіи стихотвореній Пушкина, часть III, 1832 г., гдъ пьеса явилась впервые, въ началь стихотворенія обозначень годъ ея созданія 1828-й, а въ листкь оглавленія книги само происхожденіе ея: « Отрывокъ наъ Андрея Шенье. « Но со всымъ тымъ пьеса принадлежить одному Пушкину. Онъ взяль только первый стихъ у Андрея Шенье и помъстиль его въ оригиналь какъ эпиграфъ къ своей пьесь, но за тымъ уже представленія обыхъ поэтовъ имьють мало общаго. Мысль Шенье совсымъ другая. Онъ говорить о быстромъ переходь Музы своей отъ серьёзныхъ занятій къ увлеченіямъ, жизни:

Si ma blanche voisine a souri mollement, Adieu les grands discours, et le volume antique Et le sage Licée et l'auguste Portique u проч.

Посмертное изданіе, по обыкновенію, уничтожило вст объясненія, бывшія при стихотвореніи.

- V. Сѣверные Цвѣты на 1829 г., опять съ помѣткой только двумя ввѣздочками въ текстѣ. Въ оглавленіи альманаха вмѣсто названія «Портретъ»—стоитъ: Къ Я (см. стр. 191). Мы почитаемъ это опечаткой. «Портретъ» вовсе пропущенъ оглавленіемъ альманаха, а пьеса, которая занесена тамъ подъ названіемъ: Къ Я, относится къ посланію Пушкина къ Языкову, приложенному въ той же книжкѣ Сѣверныхъ Цвѣтовъ и о которомъ мы уже говорили.—Между прочимъ «Портретъ» пропущенъ быль всѣми сборниками Стихотвореній Пушкина при жизни его и во второй разъ сообщенъ только въ 1841 г. посмертнымъ изданіемъ, съ нѣкоторыми измѣненіями въ правописаніи, какъ напримѣръ, вмѣсто прежняго: «Въ кругу разчисленномъ свѣтилъ», —... расчисленномъ свѣтилъ.»
- VI. Романсъ, напечатанный въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1829 г. и вошедшій безъ перемѣнъ въ пзданія 1829 г. и посмертное.
- VII. Напечатанъ впервые въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1829 г. съ помѣткой двумя точками и съ именемъ автора только въ оглавленіи. Въ изданіи стихотвореній Пушкина 1829 г. есть перемѣна въ одномъ стихѣ. Въ альманахѣ читается: «Тай въ себъ свои мечты,» въ изданія 1829 г.: «Тай, тай свои мечты.» Посмертное изданіе передало его вѣрно съ измѣненіемъ только: расказы, вмѣсто: разсказы, какъ было въ первыхъ редакціяхъ. Слѣдующая за тѣмъ пьеса не только что отно-

- сится къ одному и тому же лицу, но кажется должна была составлять и одно стихотвореніе съ «Наперсникомъ». На рукописи его стоитъ, послѣ окончанія, ссылка въ слѣдующей формѣ: «Etc, etc. (Et cetera), которая, по нашему мнѣнію, и свявываетъ его съ «Наперсникомъ.»
- VIII. Эта часть, или начало предшествующей пьесы, какъ мы сказали, разбитой на двое самимъ авторомъ. Стихотвореніе пропущено было всёми изданіями стихотвореній Пушкина при жизни его и сообщено только въ 1841 г. 9-мъ томомъ дополнительнымъ посмертнаго изданія.
 - ІХ. Напечатано въ журналѣ: Галатея 1829 г., часть 1-я, изд. г. Рапча, съ подписью: А. Пушкивъ и повторено изд. 1829 же г. и посмертвымъ.
 - Х. Эта легкая замѣтка поэта, напсчатана была впервые послѣ смерти автора въ Современникѣ 1838 г., томъ ІХ, гдѣ читается между прочимъ: «первенцевъ полей»—и повторена посмертнымъ изданіемъ въ 9-мъ томѣ.
 - ХІ. Стихотворевіе, напечатанное въ Стверныхъ Цвтахъ на 1829 г., гат въ оглавленіи альманаха оно приписано Пушкину, а въ текстт помічено опять только двумя звталочками Авторъ дбйствительно хоттл скрыть себя подъ этити звталочками, такъ какъ вообще большая часть стихотвореній, помітченныхъ одними звталочками, принадлежала къ задушевнымъ лирическимъ піснямъ его Оглавленіе альманаха, хвастливо выставившее его имя, въ этомъ случат измітило ему. При переходіт въ изданіе 1829 г. «Предчувствіе» было исправлено. Вмісто стиха Стверныхъ Цвтовъ : «Непреклонное терпітнье», тамъ читается: «Непреклонность и терпітнье», вмісто другаго стиха Стверныхъ Цвтовъ : «Шаткой жизнью утомленный,» тамъ читается : «Бурной жизнью утомленный.» Съ этими поправками пьеса повторена и посмертнымъ изданіемъ.
- ХИ. Стихотвореніе напечатано въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1830 г., съ помѣткой вверху: «26 Мая 1828.» Въ оглавленіи альманаха само стихотвореніе названо: «26 Мая 1828». Въ изданіи Стихотвореній Пушкина 1832 г. (часть третья)—эта помѣтка сохранена, въ видѣ приписки къ пьесѣ, на листкѣ оглавленія книжки и наконецъ въ самомъ текстѣ сверху. Все это выпущено посмертнымъ изданіемъ, которое только зачислило ее къ Пѣснямъ и Стансамъ.

1828 r. 471

XIII. Въ Съверныхъ Цвътахъ на 1829 г., гдъ подъ стихами стоитъ фамилія автора вполнъ. Оно вошло безъ перемънъ въ изданія 1829 г. и въ посмертное. Біографическіе матеріалы наши сообщаютъ дополнительныя свъдънія объ этомъ стихотворенія.

- XIV. Пушкинъ не напечаталъ этого стихотворенія при жизни своей. Оно дано было только въ 1841 г. 9-мъ дополнительнымъ томомъ посмертнаго изданія. Распредёленіс статей въ дополнительныхъ томахъ столь же произвольно и сбивчиво, какъ и въ первыхъ восьми этого изданія. Въ отношеніи стихотвореній, они раздёлены тамъ на пропущенныя и мелкія, хотя всё мелкія суть пропущенныя и большая часть пропущенныхъ мелкія. Да и въ отдёлъ мелкихъ зачислены такія пьесы, какъ напримёръ: Заклинаніе и вмёстё съ тёмъ: Новыя сцены къ Борису Годунову и проч. Особенности рукописи противъ печатнаго текста этого стихотворенія, мы уже обозначили въ біографическихъ матеріалахъ. Прибавимъ еще, что въ третьей строфё второй стихъ, въ рукописи: «Чтобъ укорять того, чья и проч.» и повторимъ, что на пьесё есть помётка автора: «17-го Октября.»
- XV. Въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1829 г стихотвореніе это слѣдовало тотчасъ за посланіемъ Г-жи А. Готовцевой: А. С. П* и носило заглавіе просто: «Отвѣтъ.» Въ Посланіи своемъ, Г-жа Готовцева, послѣ восторженныхъ похвалъ: «О Пушкинъ! слава нашихъ дней» выражаетъ упрекъ Пушкину въ слѣдующемъ мѣстѣ, изъ котораго были выпущены альманахомъ два стиха:

Пропущенное мѣсто, вѣроятно, заключало упрекъ нашему автору за легкое пониманіе имъ женской способности оцѣнивать изящное, что онъ выразиль въ своихъ мысляхъ и замѣткахъ, напечатанныхъ въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1828 г. Впрочемъ, онъ могъ относиться также и къ отрывку изъ Евгенія

Онъгина: «Женщины, » напечатанному въ Московскомъ Въстникъ 1827 г., № XX. Пьеса Пушкина повторена была безъ перемънъ изданіями 1829 г. и посмертнымъ.

- XVI. Въ Сѣверныхъ Цнѣтахъ на 1829 г., «Отвѣтъ Катенину» не былъ сопровожденъ никакимъ объясненіемъ, отъ чего и сама пьеса имѣла видъ темнаго намека. Въ біографическихъ матеріалахъ нашихъ солержится поясненіе ея. Она повторена была изданіемъ 1829 г. и посмертнымъ безъ перемѣнъ, только послѣднее напечатало: «... Спохмѣлья пожинай», виѣсто прежняго: «Съ похмѣлья». Въ рукописи есть отмѣтка: «10 Ноября 1828. Маленники»
- ХVІІ. Въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1829 г., это посланіе обозначено въ оглавленіи альманаха: Къ И. В. Сл., что помогаетъ намъ угадать въ этихъ буквахъ, если не ощибаемся, имя умнаго и образованнаго книгопродавца Сленина. Въ изд. 1829 г. и за тѣмъ въ посмертномъ, стихъ альманаха: «И безъ искусной простотой», напечатанъ: «И безыскусной простотой». Такія разницы въ правописаніи встрѣчаются чрезвычайно часто отъ неустановившихся грамматическихъ условій, какъ въ редакціяхъ Пушкинскихъ стихотвореній, такъ и у него въ рукописяхъ.
- XVIII. Пьеса была напечатапа въ альманахѣ: Невскій Альбомъ, изд. г. Бобылева и занесена потомъ въ дополнительный 9-й томъ посмертнаго изданія 1841 г. Въ альманахѣ прописано было въ заглавіи все имя автора Дурацкаго колпака: В. С. Филимонову, который выдалъ первую книжку своей поэмы въ 1828 г.
- XIX. Въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1830 г., стихотвореніе это было озаглавлено: Къ ***, и внизу его стояла помѣтка: «1828. Ижоры». Подписи не было и только въ оглавленіи книжки оно приписано Пушкину. Изданіе стихотвореній Пушкина въ 1832 г. (часть третья), отбросило названіе: Къ ***, и пьеса перешла такъ и въ посмертное изданіе, но уже безъ перемѣнъ.
- XX. Въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1829 г. былъ одинъ ошибочный стихъ въ этой пьесѣ, именно:

Она обманом замвнила,

виъсто:

Она, обмолеясь, замвнила,

какъ передало его изданіе 1829 г., а за нимъ и посмертное.

- XXI. Стихотвореніе это напечатано впервые въ Московскомъ Вістникъ 1829 г (часть первая, Изящная Словесность), подъ заглавіемъ: «Отрывокъ изъ поэмы: Конрадъ Валенродъ М—ча» Въ изданіи 1829 г. это заглавіе приложено было въ листкъ оглавленія книги.
- XXII. Это стихотвореніе, впервые папечатанное только по смерти автора въ Современникъ 1838 г., томъ XI, и перепечатанное оттуда посмертнымъ изданіемъ въ 1841 г., въ 9-мъ дополнительномъ томъ (глъ занесено, между прочимъ, въ мелкія стихотворенія), относится, по свидътельству тетрадей Пушкина, къ 1828 г. Оно перемънило въ короткое время свое названіе. Въ Современникъ приложено оно было подъ заглавіемъ: «Опричникъ (отрывокъ)», въ посмертномъ изданіи подъ заглавіемъ: Кромъшникъ, но всего этого нъть въ рукописи, гдъ стихотвореніе совствъ не имъеть заглавія, хотя по смыслу стиховъ, заглавіе Современника, кажется намъ, удачнъе. Между прочимъ въ посмертномъ изданіи пьеса напечатана съ значительными добавленіями противъ редакція журнала.
- ХХІІІ. Впервые явился въ Московскомъ Въстникъ 1829 г. (часть І-я, Изящная Словесность), гдъ въ текстъ къ заглавію было прибавлено: «Простонародная пъсня», а въ оглавленіи книги: «Простонародная сказка». Послъднее сохранилось въ видъ приписки къ стихотворенію и въ изданіи 1829 г., а посмертное, по обыкновенію, выпустило его, зачисливъ саму пьесу въ Баллады. Въ изданіи 1829 г. былъ исправлень стихъ журнальной редакціи. Вмъсто: «На палать мужъ лежитъ» «На палатяхъ мужъ лежитъ» и съ большимъ сохраненіемъ народнаго колорита напечатано: э-вотъ, настаётъ, напролётъ и пр.
- XXIV. Въ Съверныхъ Цвътахъ на 1829 годъ пьеса имъда заглавіе: «Два ворона» и не была раздълена на строфы. Въ пзданіп 1829 г., Пушкинъ уничтожилъ заглавіе ея, но прибавиль въ оглавленіи книжки: «Шотландская цъсня.» Посмертное изданіе, по обыкновенію, уничтоживъ замътку, отнесло саму пьесу къ Пъснямь и Стансамъ. Между прочимъ журналъ Галатея (1830 г., Часть XII) приложилъ настоящій, хотя и не совстиъ поэтическій, переводъ пъсни съ Англійскаго и любопытные могутъ сравнить тамъ мысль подлинника съ Пушкинскимъ переложеніемъ его.
- XXV. Подт названіемъ: «Подражаніе Анакреону», пьеса явилась

впервые въ Съверныхъ Цвътахъ на 1829 г. Въ оглавленіи изданія 1829 г. тоже стоить приписка: «Подражаніе Анакреону», но посмертное изданіе прямо занесло ее въ Разныя Стихотворенія, отбросивъ указанія эти, принадлежавшія самому автору.

- XXVI. Въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1832 г., стихотвореніе напечатано подъ заглавіемъ: «Анчаръ, древо яда». Въ изданіи 1832 г. прибавка: древо яда, отнесена въ выноску, но обозначенъ годъ созданія пьесы: 1828. Посмертное изданіе выпустило это послѣднее указаніе, но сохранило все прочее и поправку предшествовавшаго ему сборника: «А князь и проч.». По рукописи видно, что Анчаръ написанъ: «9 Ноября 1828 г. въ деревнѣ Маленники.»
- XXVII. Впервые явилось въ Московскомъ Въстникъ 1829 г. (часть I-я, Изящная Словесность), но безъ Латинскаго эпиграфа, который приложенъ къ нему только изд. Стихотвореній Пушкина 1829 г. Посмертное изданіе зачисливъ произведеніе это въ Разныя Стихотворенія, измѣнило правописаніе въ двухъстихахъ. Вмѣсто прежнихъ:

Онъ пѣлъ — а хладной и надменной, Кругомъ народъ непосвященной.

Оно напечатало—хладный, надменный, непосвященный. Въ рукописи стихотвореніе носить заглавіе: Ямбъ.

XXVIII. Эта передълка старой, еще лицейской эпиграммы Пупикина напечатана была впервые въ Съверныхъ Цвътахъ на 1829 годъ и повторена изданіями 1829 г. и посмертнымъ. Здъсь, кромъ одной еще пьесы: «Е. Н. У — вой», кончается для насъ вторая часть Стихотвореній Пушкина, изданныхъ въ 1829 г. Отсюда мы переходимъ къ продолженію сборника, явившемуся уже въ 1832 г., которое, для краткости, будемъ также называть просто изданіемъ 1832 г.

1829 г.

I.

пьингы.

Я тахалъ къ вамъ: живые сны За мной вились толпой игривой, И мъсяцъ съ правой стороны Сопровождалъ мой бътъ ретивой

Я тахалъ прочь: иные сны... Душть влюбленной грустно было, И мъсяцъ съ лъвой стороны Сопровождалъ меня уныло.

Мечтанью въчному втиши Такъ предаемся мы, поэты; Такъ суевърныя примъты Согласны съ чувствами души. 11

Что въ имени тебъ моемъ? Оно умретъ, какъ шумъ печальный Волны, плеснувшей въ берегъ дальный, Какъ звукъ ночной въ лъсу глухомъ.

Оно на памятномъ листкъ
Оставитъ мертвый слъдъ, подобной
Узору надписн надгробной
На непонятномъ языкъ.

Что въ немъ? Забытое давно Въ волненьяхъ новыхъ и мятежныхъ, Твоей душт не дастъ оно Воспоминаній чистыхъ, нъжныхъ;

Но въ день печали, въ тишинъ, Произнеси его тоскуя; Скажи: есть память обо мнъ, Есть въ міръ сердце, гдъ живу я.

III.

Я васъ любилъ: любовь еще, быть можетъ, Въ душт моей угасла не совствиъ; Но пусть она васъ больше не тревожитъ; Я не хочу печалить васъ ничтвиъ. Я васъ любилъ безмолвно, безнадежно, То робостью, то ревностью томимъ;

Я васъ любилъ такъ искренно, такъ нъжно, Какъ дай вамъ Богъ любимой быть другимъ!

W

Повдемъ, я готовъ; куда бы вы, друзья, Куда бъ ни вздумали, готовъ за вами я Повсюду слъдовать, надменной убъгая: Къ подножію ль стъны далекаго Китая, Въ кипящій ли Парижъ, туда ли наконецъ, Гдъ Тасса не поетъ уже ночной гребецъ, Гдъ древнихъ городовъ подъ пепломъ дремлютъ мощи, Гдъ кипарисныя благоухаютъ рощи, Повсюду я готовъ. Поъдемъ... но, друзья, Скажите: въ странствіяхъ умретъ ли страсть моя? Забуду ль гордую, мучительную дъву, Или къ ея ногамъ, ея младому гнъву, Какъ дань привычную, любовь я принесу?

V.

10 Hb.

Блеща средь полей широкихъ, Вонъ онъ льется!... Здравствуй, Донъ! Отъ сыновъ твоихъ далекихъ Я привезъ тебъ поклонъ... Какъ прославленнаго брата Ръки знаютъ тихій Донъ: Отъ Аракса и Эвората Я привезъ тебъ поклонъ.

Отдохнувъ отъ злой погони, Чуя родину свою, Пьютъ уже Донскіе кони Арпачайскую струю.

Приготовь же, Донъ завътный, Для паъздниковъ лихихъ Сокъ кипучій, искрометный Виноградниковъ твоихъ.

VI.

КАЛМЫЧКВ.

Прощай, любезная Калмычка! Чуть-чуть, на зло моихъ затъй, Меня похвальная привычка Не увлекла среди степей Вслъдъ за кибиткою твоей. Твои глаза конечно узки, И плосокъ носъ, и лобъ широкъ, Ты не лепечешь по-Французски, Ты шелкомъ не сжимаешь ногъ, По-Англійски предъ самоваромъ Узоромъ хлъба не крошишь, Не восхищаешься Сен-Маромъ,

Слегка Шекспира не цвнишь, Не погружаещься въ мечтанье, Когда нътъ мысли въ головъ, Не распъваещь. Ма dov'è, Галопъ не прыгаешь въ собраньъ... Что нужды? — Ровно полчаса, Пока коней мнъ запрягали, Мнъ умъ и сердце занимали Твой взоръ и дикая краса. Друзья! Не все ль одно и то же: Забыться праздною душой Въ блестящей залъ, въ модной ложъ, Или въ кибиткъ кочевой?

VII.

На холмахъ Грузіи лежитъ ночная мгла;

Шумитъ Арагва предо мною.

Мнъ грустно и легко; печаль моя свътла;

Печаль моя полна тобою,

Тобой, одной тобой... Унынья моего

Ничто не мучитъ, не тревожитъ,

И сердце вновь горитъ и любитъ — отъ того

Что не любить оно не можетъ.

VIII.

КАВКАЗЪ.

Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинт Стою надъ снъгами у края стремнины: Орель, съ отдаленной поднявшись вершины, Паритъ неподвижно со мной наравнъ. Отселъ я вижу потоковъ рожденье П первое грозныхъ обваловъ движенье.

Здѣсь тучи смиренно идуть подо мной; Сквозь нихъ низвергаясь шумять водопады; Подъ ними утесовъ нагія громады; Тамъ ниже мохъ тощій, кустарникъ сухой; А тамъ уже рощи, зеленыя сѣни, Гдѣ птицы щебечутъ, гдѣ скачутъ олени.

А тамъ ужъ и люди гнъздятся въ горахъ, И ползаютъ овцы по злачнымъ стремнинамъ, И пастырь нисходитъ къ веселымъ долинамъ, Гдъ мчится Арагва въ тънистыхъ брегахъ, И нищій наъздникъ таится въ ущельи, Гдъ Терекъ играетъ въ свиръпомъ весельи;

Играетъ и воетъ, какъ звърь молодой, Завидъвшій пищу изъ клътки желъзной; И бьется о берегъ въ враждъ безполезной И лижетъ утесы голодной волной... Вотще! Нътъ ни пищи ему, ни отрады: Тъснятъ его грозно нъмыя громады.

IX.

монастырь на казбекъ.

Высоко надъ семьею торъ, Казбекъ, твой царственный шатеръ Сілеть въчными лучами. Твой монастырь за облаками, Какъ въ небъ ръющій ковчегъ, Паритъ, чуть видный, надъ горами.

Далекій, вожделѣнный брегъ!
Туда бъ, сказавъ прости ущелью,
Подняться къ вольной вышинѣ!
Туда бъ, въ заоблачную келью,
Въ сосъдство Бога скрыться мнѣ!.

X.

обвалъ.

Дробясь о мрачныя скалы, Шумять и пънятся валы, И надо мной кричать орлы, И ропщеть борь, И блещуть средь волнистой мглы Вершины горъ.

Оттоль сорвался разъ обваль,
И съ тяжкимъ грохотомъ упалъ,
И всю тъснину между скалъ
Загородилъ,
И Терека могущій валъ

Остановилъ.

Вдругъ, истощась и присмиръвъ, О Терекъ, ты прервалъ свой ревъ; Но заднихъ волнъ упорный гнъвъ Прошибъ снъга... Ты затопилъ, освиръпъвъ, Свои брега.

И долго прорванный обвалъ

Неталой грудою лежалъ,

И Терекъ злой подъ нимъ бъжалъ,

И пылью водъ

И шумной пъной орошалъ

Ледяный сводъ.

И путь по немъ широкій шелъ: И конь скакаль, и влекся волъ, И своего верблюда велъ Степной купецъ, Гдъ нынъ мчится лишь Эолъ, Небесъ жилецъ.

XI.

ДЕЛИБАШЪ.

Перестрълка за холмами; Смотритъ лагерь ихъ и нашъ; На холмъ предъ казаками Вьется красный Делибашъ.

Делибашъ, не суйся къ лавъ! Пожалъй свое житье; Вмигъ аминь лихой забавъ: Попадешься на копье.

Эй, Казакъ, не рвися къ бою! Делибашъ на всемъ скаку Срѣжетъ саблею кривою Съ плечъ удалую башку.

Мчатся, сшиблись въ общемъ крикъ... Посмотрите: каковы?... Делибашъ уже на пикъ, А Казакъ безъ головы.

XII.

олеговъ щитъ.

Когда ко граду Константина Съ тобой, воинственный Варягь, Пришла Славянская дружина И развила побъды стягъ; Тогда во славу Руси ратной, Строптиву Греку въ стыдъ и страхъ, Ты пригвоздилъ свой щитъ булатной На Цареградскихъ воротахъ.

Настали дни вражды кровавой;
Твой путь мы снова обръли.
Но днесь, когда мы вновь со славой
Къ Стамбулу грозно притекли,
Твой холмъ потрясся съ браннымъ гуломъ,
Твой стонъ ревнивый насъ смутилъ,
И нашу рать передъ Стамбуломъ
Твой старый щитъ остановилъ.

XIII.

Не плъняйся бранной славой,
О красавецъ молодой!
Не бросайся въ бой кровавой
Съ Карабахскою толпой!
Знаю: смерть тебя не встрътитъ;
Азраилъ, среди мечей,
Красоту твою замътитъ —
И пощада будетъ ей!
Но боюсь: среди сраженій
Ты утратишь навсегда
Скромность робкую движеній,
Прелесть нъги и стыда!

XIV.

дорожныя жалобы.

Долго ль мніз гулять на світі, То въ коляскі, то верхомъ, То въ кибиткі, то въ кареті, То въ телегі, то пішкомъ?

Не въ наслъдственной берлогъ, Не средь отческихъ могилъ, На большой мнъ, знать, дорогъ, - Умереть Господь судилъ,

На каменьяхъ подъ копытомъ, На горъ подъ колесомъ, Иль во рву, водой размытомъ, Подъ разобраннымъ мостомъ.

Иль чума меня подцѣпитъ, Иль морозъ окостенитъ, Иль мнѣ въ лобъ шлагбаумъ влѣпитъ Непроворный инвалидъ.

Иль въ лъсу подъ ножъ злодъю Попадуся въ сторонъ, Иль со скуки околъю Гдъ нибудь въ карантинъ.

Долго ль мит въ тоскт голодной Постъ невольный соблюдать, И телятиной холодной Трюфли Яра поминать?

То ли дъло быть на мъстъ, По Мясницкой разъъзжать, О деревнъ, о невъстъ Надосугъ помышлять!

То ли дѣло рюмка рома, Ночью сонъ, поутру чай; То ли дѣло, братцы, дома!.... Ну, пошолъ же, погоняй!...

XV

Зима. Что дълать намъ въ деревнъ? Я встръчаю Слугу, несущаго мнъ утромъ чашку чаю, Вопросами: тепло ль? утихла ли метель? Пороша есть иль нътъ? и можно ли постель Покинуть для съдла, иль лучше до объда Возиться съ старыми журналами сосъда? Пороша. Мы встаемъ, и тотчасъ на коня, И рысью по полю при первомъ свъть дня; Арапники въ рукахъ, собаки вслъдъ за нами; Глядимъ на блъдный снъгъ прилъжными глазами; Кружимся, рыскаемъ и поздней ужъ порой, Двухъ зайцевъ протравивъ, являемся домой. Куда какъ весело! Вотъ вечеръ: вьюга воетъ, Свъча темно горитъ; стъсняясь сердце ноетъ; По каплъ, медленно, глотаю скуки ядъ. Читать хочу — глаза надъ буквами скользятъ, А мысли далеко.... Я книгу закрываю; Беру перо, сижу, насильно вырываю У Музы дремлющей несвязныя слова. Ко звуку звукъ нейдетъ... Теряю всѣ права Надъ рифмой, надъ моей прислужницею странной: Стихъ вяло тянется, холодный и туманной. Усталый, съ лирою я прекращаю споръ, Иду въ гостиную; тамъ слышу разговоръ О близкихъ выборахъ, о сахарномъ заводъ; Хозяйка хмурится въ подобіе погодъ, Стальными спицами проворно шевеля, Иль про червоннаго гадаетъ короля. Тоска! Такъ день за днемъ идетъ въ уединеньъ! Но если подъ вечеръ въ печальное селенье, Когда за шашками сижу я въ уголкъ, Прівдеть издали въ кибиткт иль возкт Нежданная семья: старушка, двѣ дѣвицы, (Двъ бълокурыя, двъ стройныя сестрицы), Какъ оживляется глухая сторона! Какъ жизнь, о Боже мой, становится полна! Сначала косвенно-внимательные взоры, Потомъ словъ нъсколько, потомъ и разговоры,

А тамъ и дружный смъхъ, и пъсни вечеркомъ, И вальсы ръзвые, и шопотъ за столомъ, И взоры томные, и вътреныя ръчи, На узкой лъстницъ замедленныя встръчи; И дъва въ сумерки выходитъ на крыльцо: Открыта шея, грудь, и вьюга ей въ лицо! Но бури Съвера не вредны Русской розъ. Какъ жарко поцълуй пылаетъ на морозъ! Какъ дъва Русская свъжа въ пыли снътовъ!

XVI.

SUMHER STPO.

Морозъ и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, другъ прелестный —
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты нъгой взоры,
Навстръчу Съверной Авроры,
Зъъздою Съвера явись!

Вечоръ, ты помнишь, выога злилась, На мутномъ небъ мгла носилась; Луна, какъ блёдное пятно, Сквозь тучи мрачныя желтъла, И ты печальная сидъла—
А нынче.... погляди въ окно:

Подъ голубыми небесами Великолъпными коврами, Блестя на солнцъ, снъгъ лежитъ; Прозрачный лъсъ одинъ чернъетъ, т. п. И ель сквозь иней зеленветь, И ръчка подо льдомъ блестить.

Вся комната янтарнымъ блескомъ Озарена. Веселымъ трескомъ Трещитъ затопленная печь. Пріятно думать у лежанки. Но знаешь: не велъть ли въ санки Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снъгу, Другъ милый, предадимся бъгу Нетерпъливаго коня, И навъстимъ поля пустыя, Лъса, недавно столь густые, И берегъ, милый для меня.

XVII.

Когда твои младыя лъта Позоритъ шумная молва, И ты по приговору свъта На честь утратила права;

Одинъ, среди толпы холодной, Твои страданья я дѣлю, И за тебя мольбой безплодной Кумиръ безчувственный молю.

Но свътъ... Жестокихъ осужденій Не измѣняєтъ онъ своихъ: Онъ не караєтъ заблужденій, Но тайны требуєть для нихъ. Достойны равнаго презращыя Его тщеславная любовь И лицемърныя гоненья: Къ забвенью сердце приготовь;

Не пей мучительной отравы; Оставь блестящій, душный кругъ; Оставь безумныя забавы: Тебъ одинъ остался другъ.

XVIII.

Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ, Вхожу ль во многолюдный храмъ, Сижу ль межъ юношей безумныхъ, Я предаюсь моимъ мечтамъ.

Я говорю: промчатся годы, И сколько здёсь ни видно насъ, Мы всё сойдемъ подъ вёчны своды — И чей нибудь ужъ близокъ часъ.

Гляжу ль на дубъ уединенный, Я мыслю: патріархъ лѣсовъ Переживетъ мой вѣкъ забвенный, Какъ пережиль онъ вѣкъ отцовъ.

Младенца ль милаго ласкаю, Уже я думаю: прости! Тебъ я мъсто уступаю: Мнъ время тлъть, тебъ цвъсти. День каждый, каждую годину Привыкъ я думой провождать, Грядущей смерти годовщину Межъ нихъ стараясь угадать.

И гдѣ мнѣ смерть пошлетъ судьбина? Въ бою ли, въ странствіи, въ волнахъ? Или сосѣдняя долина Мой приметъ охладѣлый прахъ?

И хоть безчувственному тълу Равно повсюду истлъвать; Но ближе къ милому предълу Мнъ все бъ хотълось почивать.

И пусть у гробоваго входа Младая будеть жизнь играть, И равнодушная Природа Красою въчною сіять.

XIX.

Е. Н. У***ВОЙ.

Вы избалованы природой;
Она пристрастна къ вамъ была,
И наша въчная хвала
Вамъ кажется докучной одой.
Вы сами знаете давно,
Что васъ любить немудрено,
Что нъжнымъ взоромъ вы Армида,
Что легкимъ станомъ вы Сильфида,
Что ваши алыя уста,
Какъ гармоническая роза...

И наши рифмы, наша проза, Предъ вами шумъ и суета. Но красоты воспоминанье Намъ сердце трогаетъ тайкомъ — И строкъ небрежныхъ начертанье Вношу смиренно въ вашъ альбомъ Авось на память поневолъ Придетъ вамъ тотъ, кто васъ пъвалъ Въ тъ дни, какъ Пр*** поле Еще заборъ не заграждалъ.

XX.

ЗАГАДКА.

(при посылкъ бронзоваго сфинкса).

Кто на снъгажъ возрастилъ Феокритовы нъжныя розы?

Въ въкъ желъзномъ, скажи, кто золотой угадалъ?

Кто Славянинъ молодой, Грекъ духомъ, а родомъ Германецъ?

Вотъ загадка моя: хитрый Эдипъ, разръши.

XXI.

Счастливъ ты въ прелестныхъ дурахъ, Въ службъ, въ картахъ и пирахъ; Ты St.-Priest въ каррикатурахъ, Ты Нелединскій въ стихахъ;

lib.pushkinskijdom.ru

Ты простръленъ на дуэлъ,
Ты разрубленъ на войнъ—
Хоть герой ты въ самомъ дълъ,
Но повъса ты вполнъ.

XXII.

собранів наствомыхъ.

Какія крохотны коровья! Есть, право, менёе булавочной головья Кумловь

Мое собранье насъкомыхъ
Открыто для моихъ знакомыхъ:
Ну, что за пестрая семья!
За ними гдѣ не рылся я!
За то, какая сортировка!
Вотъ *** Божія коровка,
Вотъ *** злой паукъ,
Вотъ и *** Россійскій жукъ,
Вотъ *** чорная мурашка,
Вотъ *** мелкая букашка.
Куда ихъ много набралось!
Опрятно за стекломъ и въ рамахъ
Они, пронзенныя насквозь,
Рядкомъ торчатъ на эпиграммахъ.

XXIII.

JULEPATYPHOE HIBBECTIE.

Въ Элизіи Василій Тредьяковскій (Преострый мужъ, достойный много хвалъ) Съ усердіемъ принялся за журналъ. Въ сотрудники самъ вызвался Поповскій, Свои статьи Елагинъ объщалъ; Кургановъ самъ надъ критикой хлопочетъ: Блеснуть умомъ Письмовникъ снова хочетъ; И, говорятъ, надняхъ они начнутъ, Благословясь, сей преполезный трудъ — И только ждетъ Василій Тредьяковскій, Чтобъ подоспълъ ******.

XXIV.

эпиграммы.

Обиженный журналами жестоко, Зоилъ Пахомъ печалился глубоко. Вотъ подалъ онъ на ценсора доносъ; Но ценсоръ правъ; намъ смѣхъ, Зоилу носъ. Иная брань, конечно, неприличность. Нельзя сказать: такой-то де-старикъ

Козель во очкахо, плюгавый клеветнико, И золо и подло — все это будеть личность; Но можете печатать, напримъръ, Что «господино парнасскій старовъро Въ своихъ статьяхъ нельпицы ораторъ, Отмънно вялъ, отмънно скучноватъ, Тяжеловатъ и даже глуповатъ»: Тутъ не лицо, а только литераторъ.

XXV.

Какъ сатирой безымянной Ликъ Зоила я пятналъ, Признаюсь: на вызовъ бранной Возраженій я не ждалъ. Справедливы ль эти слухи? Отвъчалъ онъ? Точно ль такъ? Въ полученьи оплеухи Расписался мой дуракъ?

XXVI.

эпиграмма.

Мальчишка Фебу гимнъ поднесъ «Охота есть, да мало мозгу. А сколько лъть ему, вопросъ? » Пятнадцать. — «Только-то? Эй, розгу! »

Засимъ принесъ семинаристъ
Тетрадь лакейскихъ диссертацій,
И Фебу вслухъ прочелъ Горацій,
Кусая губы, первый листъ.
Отяжелъвъ, какъ отъ дурмана,
Сердито Фебъ его прервалъ,
И тотчасъ взрослаго болвана
Поставить въ палки приказалъ.

NXXVII.

САПОЖНИКЪ.

притча.

Картину разъ высматривалъ сапожникъ, И въ обуви ошибку указалъ; Взявъ тотчасъ кисть исправился Художникъ «Вотъ», подбочась, сапожникъ продолжалъ: «Мнѣ кажется, лице не много криво... А эта грудь не слишкомъ ли нага»... Но Апеллесъ прервалъ нетерпъливо: Суди, дружокъ, не свыше сапога. Есть у. меня пріятель на примътъ: Не въдаю, въ какомъ бы онъ предметъ Былъ знатокомъ, хоть строгъ онъ на словахъ; Но чортъ его несетъ судить о свътъ: Попробуй онъ судить о сапогахъ.

примъчанія

КЪ СТИХОТВОРЕНІЯМЪ ПУШКИНА

1829 TOXA.

- 1. Впервые явились въ альманахѣ 1829 г.: Подснѣжникъ, иза. Гг. Коншина и Барона Розена и повторены безъ перемѣнъ изданіями 1832 г. и посмертнымъ Изданіе 1832 г. не указало года сочиненія пьесы, но за то тетради Пушкина опредѣльютъ его съ достовѣрностію. Кстати мы можемъ сказать о про-изведеніяхъ этого года тоже, что мы сказали о предшествующихъ—всѣ они были разбросаны по альманахамъ и журналамъ, (большая часть досталась Сѣвернымъ Цвѣтамъ и журналу: Литературная Газета 1830 г., изд. Б. Дельвига), и только собраны изданіемъ 1832 г., которое не сообщило отъ себя ни одной новой пьесы.
- П. Подъ заглавіемъ: «Въ Альбомъ», стихотвореніе было напечатано въ Литературной Газетѣ 1830 г. № 20. Въ изданіи 1832 г. къ стихотворенію есть еще приписка: «въ Альбомъ», которая не сохранена посмертнымъ изданіемъ. «Что въ имени тебѣ моемъ» причислено имъ къ Пѣснямъ, Стансамъ и Сонетамъ. Оно также напечатало втишинъ, вмѣсто прежняго въ тишинъ.
- III. Въ Съверныхъ Цвътахъ на 1830 г., откуда стихотворение перешло безъ перемънъ въ сборникъ 1832 г. и въ посмерт-

- ное изданіе. Можеть быть оно написано къ тому же лицу, которое упоминается въ стихотвореніи: То Dawe, Esqr.
- IV. Въ Московскомъ Въстникъ 1830 г., № XI, стихотвореніе это имѣло загдавіе : «Элегическій отрывокъ» и внизу помѣтку: «23-е Декабря 1829 г.» Въ сборникъ 1832 г. сохранилась въ оглавленіи книжки точно такая же приписка : Элегическій отрывокъ. Выпустивъ это указаніе, посмертное изданіе отнесло его къ Разнымъ Стихотвореніямъ. Между прочимъ въ журналѣ 1830 г. былъ стихъ : «Къ подножію ль стѣны недвижнаго Китая», который въ сборникъ 1832 г. уже исправленъ : «далекаго Китая».
- V. Впервые напечатано въ Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду 1831 г., № 83, стр. 655, съ помѣткой: 1829 г. Стихотвореніе повторено безъ перемѣнъ сборникомъ 1832 г. и посмертнымъ изданіемъ, только съ раздѣленіемъ на строфы. По смыслу второй строфы можно заключить, что пьеса написана авторомъ уже на возвратномъ пути изъ Арврума, вуда свершилъ онъ въ 1829 году извѣстное свое путешествіе. Отсюда уже прилагаемъ рядъ стихотвореній, навѣянныхъ поэту Кавказомъ и военнымъ станомъ, но появившихся въ разныя эпохи и въ разныхъ журналахъ.
- VI. Въ Литературной Газетъ 1830 г., № 38, стихотвореніе это было подписано буквами: К. р. с. (Сверчокъ). По правописанію Пушкина, тамъ напечатано : «Ты не лепечешь по-Французски», «по-Англійски предъ самоваромъ» что измѣнено было въ другое : «По французски», «по англійски» еще изд. 1832 г., но безъ достаточнаго основанія.
- VII. Подъ заглавіемъ: «Отрывокъ» пьеса напечатана въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1831 г. Въ изданіи 1832 г. въ оглавленіи книжки находилась къ ней точно такая же приписка, выпущенная окончательно посмертнымъ изданіемъ, которое занесло пьесу въ Разныя Стихотворенія.
- VIII. Въ Литературной Газетъ 1831 г., № 1, откуда стихотвореніе перешло безъ перемънъ въ изданіи 1832 г., а въ посмертное съ обычными перемънами правописанія, какъ напримъръ вмъсто прежняго: «низходитъ», въ этомъ изданіи уже: нисходитъ».
 - IX. Въ Съверныхъ Цвътахъ на 1831 г. Стихотвореніе повторено безъ измъненій изданіями 1832 г. и посмертнымъ.

- Х. Въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1831 г. и за нимъ въ изданіи 1832 г., предпослѣдній стихъ напечатанъ былъ : «Гдѣ нынѣ мчится лишь Эолъ». Посмертное изданіе напечатало Эолъ съ малой буквой.
- XI. Въ Съверныхъ Цевтахъ на 1832 г. и за тъмъ въ изданіи 1832 г., Казакъ и Делибашъ начинаются съ большихъ, прописныхъ буквъ, которыя замънены были опять малыми въ посмертномъ изданіи.
- -XII. Стихотвореніе напечатано было впервые въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1830 г., безъ раздѣленія на двѣ строфы. Здѣсь мы снова встрѣчаемъ въ концѣ его, вмѣсто подписи автора, двѣ звѣздочки—и полное имя Пушкина только въ листкѣ оглавленія книжки. Пьеса повторена безъ измѣненій изданіями 1832 г и посмертнымъ.
- XIII. Стихотвореніе напечатано было въ Альманахѣ: Царское Село 1830 г., изданіе Гг. Коншина и Барона Розена. Тамъ при немъ была двойная помѣтка—вверху: «Изъ Гафиза», а внизу: «5-го Іюля 1829 г., лагерь при Эвфратѣ». Почти точно тоже и въ изданіи 1832 г. Въ оглавленіи книги сказано: «Изъ Гафиза», а въ текстѣ на верху: «Лагерь при Эвфратѣ». Посмертное изданіе уничтожило эти помѣтки, замѣнивъ ихъ тѣмъ, что занесло пьесу въ Разныя Стихотворенія.
- XIV. Напечатаны впервые въ Съверныхъ Цвътахъ на 1832 г., но здёсь уже авторъ, бывшій самъ за смертію Дельвига и издателемь альманаха, скрыль вполнъ свое имя, помъстивъ произведеніе свое въ особенномъ отдёль, который въ оглавленіи альманаха такъ называется: «Безъ подписи именъ сочинителей». Рядомъ съ «Дорожными жалобами» тамъ еще включено стихотвореніе: «Убъгающей красавиць», мало замьчательное по содержанію своему, но которое, отъ близости къ первому, многими приписывалось Пушкину. Не имъя положительныхъ на это доказательствъ, мы и не выписываемъ его. Причина, заставившая автора скрыть свое имя подъ Дорожными жалобами, намъ неизвъстна. Кажется ее слъдуетъ искать въ журнальныхъ толкахъ, осуждавшихъ пронію и шутку въ поэзіи. Накоторые журналы дайствительно возстали на пьесу, когда она вскори посли Сиверныхъ Цвитовъ напечатана была въ издавіи 1832 г.
- XV. Впервые напечатано въ Съверныхъ Цвътахъ на 1830 г., съ

замѣткой вверху текста: «2-го Ноября», которой обозначено и само стихотвореніе въ оглавленіи книжки. Таже замѣтка и на томъ же мѣстѣ сохранилась и въ изданіи 1832 г.; она выпущена только посмертнымъ изданіемъ, зачислившимъ про-изведеніе въ Разныя Стихотворенія. Еще примѣръ грамматическихъ измѣненій: въ первыхъ редакціяхъ было напечатано: «въ подобіє погодѣ», «въ сумерки» въ посмертномъ уже «вподобіє погодѣ» «всумерки». Первыя редакціи напечатали также Руской, по обыкновенію Пушкина.

- XVI. Стихотвореніе, перешедшее въ изданіе 1832 г. изъ Альманаха Гг. Коншина и Розена: Царское Село, 1830 г. Оно повторено безъ перемѣнъ и посмертнымъ изданіемъ. Между прочимъ Пушкинъ писалъ: нынче, а не нынъче. Этимъ произведеніемъ завершается рядъ поэтическихъ картинъ, въ которыхъ Пушкинъ заключилъ разнообразнѣйшія впечатлѣнія своего пути и возвращенія въ деревню. Послѣ нихъ мы прилагаемъ двѣ пьесы, исполненныя благороднаго чувства и истины, какъ всѣ его лирическія произведенія этой эпохи, а за ними для окончанія года, по правилу, нами принятому, легкія посланія, надписи и эпиграммы.
- XVII. Стихотвореніе это напечатано было въ Литературной Газетѣ 1830 г., № 13 съ заглавіемъ: «Къ ***, и не только съ фамиліей поэта внизу, но и съ полнымъ именемъ его: Александръ Пушкинъ. Заглавіе «Къ ***, выпущено было при изданіи 1832 г., а за нимъ и въ посмертномъ.
- XVIII. Въ Литературной Газетъ 1830 г., № 2, Стихотвореніе напечатано было подъ заглавіемъ: «Станцы» и такая же приписка сохранилась при немъ въ изданіи 1832 г. на листкъ оглавленія книги. Въ Литературной Газетъ одивъ стихъ напечатанъ такъ: «Межъ ихъ стараясь угадать». Онъ исправленъ въ изданіи 1832 г.: «Межъ нихъ...» Кстати сказать, что Пушкинъ постоянно писалъ : межъ, однакожъ, ужъ и проч., что сохранили и всъ пзданія его сочиненій.

Рукопись носить любопытную отмътку: «26 Декабря 1829. С. П. Б. 3 часа, 5 минуть.»

XIX. Посланіе напечатано было съ значительными ошибками въ журналь: Галатея, изд. Раича, 1829 г., Часть 1-я. Тамъ оно имъло оглавленіе: «Въ Альбомъ», что сохранилось въ видъ приписки къ стихотворенію и въ изданіи 1829 г., исправив-

- шемъ промахи журнала. Въ Галатев именно выпущенъ былъ цвлый стихъ: «И наши рифмы, наша проза» и вмвсто «докучной одой» напечатано: «докучной модой». Предпоследній стихъ долженъ читаться: «Въ тв дни какъ Преспенское поле.» Посмертное изданіе выпустило пометку: «въ Альбомъ.»
- XX. Загадка была напечатана въ альманахѣ Гг. Коншина и Барона Розена: Царское Село 1830 г. Она повторена изданіемъ 1832 г., и посмертнымъ изданіемъ въ дополнительномъ, девятомъ томъ томъ его, вышедшемъ 1841 г. Тутъ она, противъ обыкновенія изданія, сопровождается отмъткою редакторовъ: «Писано, въроятно, къ Дельвигу.»
- XXI. Эти стихи, съ подписью: А. П. и съ заглавіемъ «Къ N N*», напечатаны въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1830 г., повторены изданіемъ 1832 г. (гдѣ, между прочимъ, первый стихъ читяется еще: Щастапвъ ты.....») и посмертнымъ, но безъ заглавія. Они написаны во время пребыванія Пушкина на Кавказскихъ водахъ въ 1829 году
- ХХІІ. Въ альманахѣ 1830 г.: «Подснѣжникъ» вмѣсто стиховъ: «черная мурашка, мелкая букашка» были: «Тощая піявка, мелкая казявка.» Исправленія сдѣланы при перепечаткѣ эпиграммы въ Литературной Газетѣ 1830 г., № 43. гдѣ къ ней приложено было шутливое объясненіе, изъ котораго выписываемъ послѣднія строки: «Въ непродолжительномъ времени выйдетъ оно (стихотвореніе) особой книгой, съ пре« дисловіемъ, примѣчаніями и біографическими объясненіями, съ присовокупленіемъ всѣхъ критикъ, коимъ оно подало поводъ и съ опроверженіемъ оныхъ. Изданіе сіе украшено будетъ искусно литохромированнымъ изображеніемъ насѣкомыхъ. Цѣна съ пересылкою 25 рублей.» Изданіе 1832 г., и посмертное повторили эпиграмму изъ Литературной Газеты.
- XXIII. Изъ альманаха: Подснъжникъ 1829 г., эпиграмма перешла въ изданіе 1832 г., а наконецъ въ посмертное. Она принадлежить къ ряду желчныхъ эпиграммъ, направленныхъ противу Въстника Европы. Посмертное изданіе, сохранивъ ихъ, пропустило нъкоторыя другія. Такъ пропущены имъ были двъ эпиграммы, помъщенныя въ альманахъ 1831 г.: Денница, изд. Г. Максимовича и третья въ Московскомъ Наблюдателъ 1836 г. Часть VII подъ заглавіемъ: «Синонимы: Гостиная Салонъ.» Между прочимъ «къ Литературному Извъстію» было

- еще примъчаніе издателя альманаха: «Чувствительно благодаримъ почтеннаго Алек. Серг. за сіе извъстіе и нетерпъливо ждемъ первой книжки Элизсйскаго журнала.»
- XXIV. Впервые появилась въ журналѣ: Московскій Телеграфъ 1829 г., часть 26-я.
- XXV. Въ Московскомъ же Телеграф 1829 г., часть 29-я. Второй стихъ тамъ еще былъ: «На Сатира я напалъ.»
- XXVI. Въ Съверныхъ Цвътахъ на 1830 годъ.
- XXVII. Стихотвореніе, написанное Пушкинымъ въ 1829 г., но напечатанное имъ въ своемъ журналѣ Современникъ уже въ 1836 г., томъ III. Въ рукописи оно еще имѣетъ эпиграфъ: «Но видно по всему, что онъ Семинаристъ. Дм.»

1830 г.

1.

отвътъ.

Я васъ узналъ, о мой оракулъ, Не по узорной пестротъ Сихъ недописанныхъ каракуль; Но по веселой остротъ, Но по привътствіямъ лукавымъ, Но по насмъщливости злой И по упрекамъ... столь неправымъ, И этой прелести живой. Съ тоской невольной, съ восхищеньемъ Я перечитываю васъ И восклицаю съ нетерпъньемъ: Пора! Въ Москву, въ Москву сейчасъ! Здъсь городъ чопорный, унылой, Здъсь ръчи — ледъ, сердца — гранитъ; Здъсь нътъ ни вътрености милой, Ни Музъ, ни Пр..., ни Харитъ.

11.

Въ часы забавъ иль празднои скуки, бывало, лиръ я моей Ввърялъ изнъженные звуки Безумства, лъни и страстей.

Но и тогда струны лукавой Невольно звонъ я прерывалъ. Когда твой голосъ величавой Меня внезапно поражалъ.

Я лилъ потоки слезъ нежданныхъ, И ранамъ совъсти морй Твоихъ ръчей благоуханныхъ Отраденъ чистый былъ елей.

И нынъ съвысоты духовнои Мнъ руку простираешь ты, И силой кроткой и любовной Смиряешь буйныя мечты.

Твоимъ огнемъ душа палима, Отвергла мракъ земныхъ суетъ, И внемлетъ арфъ серафима Въ священномъ ужасъ поэтъ.

III.

къ вельможъ.

Отъ съверныхъ оковъ освобождая міръ, Лишь только на поля, струясь, дохнетъ зефиръ. Лишь только первая позелентеть липа, Къ тебъ, привътливый потомокъ Аристиппа, Къ тебъ явлюся я; увижу сей дворецъ Гдъ циркуль зодчаго, палитра и ръзецъ Ученой прихоти твоей повиновались И вдохновенные въ волшебствъ состязались.

Ты поняль жизни цель: счастливый человекь, Для живни ты живешь. Свой долгій, ясный въкъ Еще ты смолоду умно разнообразилъ, Искаль возможнаго, умфренно проказиль. Чредою шли къ тебъ забавы и чины. Посланникъ молодый увънчанной Жены, Явился ты въ Ферней — и Циникъ посъдълый, Умовъ и моды вождь пронырливый и смълый, Свое владычество на Стверт любя, Могильнымъ голосомъ привътствовалъ тебя. Съ тобой веселости онъ расточалъ избытокъ, Ты лесть его вкусиль, земныхъ боговъ напитокъ. Съ Фернеемъ распростясь, увидълъ ты Версаль. Пророческихъ очей не простирая вдаль, Тамъ ликовало все. Армида молодая, Къ веселью, роскоши знакъ первый подавая, Не въдая, чему судьбой обречена, Ръзвилась, вътреннымъ Дворомъ окружена. Ты помнишь Тріанонъ и шумныя забавы? Но ты не изнемогь отъ сладкой ихъ отравы; Ученье дълалось навремя твой кумиръ: Уединялся ты. За твой суровый пиръ То чтитель Промысла, то Скептикъ, то безбожникъ, Садился Дидеротъ на шаткій свой треножникъ, Бросалъ парикъ, глаза въ восторгъ закрывалъ И проповъдывалъ. И скромно ты внималъ:

506 1830 r.

За чашей медленной Аеею иль Деисту, Какъ любопытный Скиеъ Аеинскому Софисту.

Но Лондонъ звалъ твое вниманіе. Твой взоръ Прилѣжно разобралъ сей двойственный соборъ: Здѣсь натискъ пламенный, а тамъ отпоръ суровой. Пружины смѣлыя гражданственности новой

Скучая, можетъ быть, надъ Темзою скупой, Ты думаль даль плыть. Услужливый, живой, Подобный своему чудесному герою, Веселый Бомарше блеснулъ передъ тобою. Онъ угадаль тебя: въ плънительныхъ словахъ Онъ сталъ разсказывать о ножкахъ, о глазахъ, О пътъ той страны, гдъ небо въчно яспо; Гдъ жизнь лънивая проходитъ сладострастно, Какъ пылкій, отрока восторговъ полный, сонъ; Гдъ жены вечеромъ выходятъ на балконъ, Глядятъ, и, не стращась ревниваго Испанца. Съ улыбкой слушають и манять ипостранца. II ты, встревоженный, въ Севиллу полетълъ. Благословенный край, плънительный предълъ! Тамъ лавры зыблются, тамъ апельсины эръютъ... О, разскажи жъ ты мнъ, какъ жены тамъ умъютъ Съ любовью набожность умильно сочетать, Изъ-подъ мантильи знакъ условный подавать, Скажи, какъ падаетъ письмо изъ-за ръщетки, Какъ златомъ усыпленъ надзоръ угрюмой тетки: Скажи, какъ въ двадцать лътъ любовникъ подъ окномъ Трепещетъ и кипитъ, окутанный плащёмъ

Все измѣнилося. Ты видѣлъ вихорь бури, Паденіе всего, союзъ ума и фурій, Свободой грозною воздвигнутый законъ, Подъ гильотиною Версаль и Тріанонъ,

И мрачнымъ ужасомъ смъненныя забавы. Преобразился міръ при громахъ новой славы. Давно Ферней умолкъ. Пріятель твой Вольтеръ, Превратности судебъ разительный примъръ. Не успокоившись и въ гробовомъ жилищъ, Донынъ странствуетъ съ кладбища на кладбище. Баронъ д'Ольбахъ, Морле, Гальяни, Дидеротъ, Энциклопедіи скептическій причётъ, И колкій Бомарше, и твой безносый Касти, Всв, всв уже прошли. Ихъ мнвнья, толки, страсти. Забыты для другихъ. Смотри: вокругъ тебя Все новое кипитъ, былое истребя. Свидътелями бывъ вчерашняго паденья, Едва опомнились младыя покольныя. Жестокихъ опытовъ сбирая поздній плодъ, Они торопятся съ расходомъ свесть приходъ. Имъ некогда шутить, объдать у Темиры, Иль спорить о стихахъ. Звукъ новой, чудной лиры, Звукъ лиры Байрона развлечь едва ихъ могъ.

Одинъ все тотъ же ты. Ступивъ за твой порогъ, Я вдругъ переношусь во дни Екатерины. Книгохранилище, кумиры и, картины, И стройные сады свидътельствуютъ мнѣ, Что благосклонствуешь ты Музамъ въ тишинъ, Что ими въ праздности ты дышень благородной. Я слушаю тебя: твой разговоръ свободной Исполненъ юности. Вліянье красоты Ты живо чувствуешь. Съ восторгомъ цънишь ты И блескъ А*** и прелесть ***. Безпечно окружась Корреджіемъ, Кановой, Ты, не участвуя въ волненіямъ мірскихъ, Порой насмѣнливо въ окно глядишь на нихъ И видинь оборотъ во всемъ кругообразный

Такъ, вихорь делъ забывъ для Музъ и нъги праздной, Въ тъни порфирныхъ бань и мраморныхъ палатъ, Вельможи Римскіе встръчали свой закатъ. И къ нимъ издалека то воинъ, то ораторъ, То Консулъ молодой, то сумрачный Диктаторъ Являлись день другой роскошно отдохнуть, Вздохнуть о пристани и вновь пуститься въ путь

IV

отвътъ апониму.

О, кто бы ни быль ты, чье ласковое птиье Привътствуетъ мое къ блаженству возрождение, Чья скрытая рука мнъ кръпко руку жметъ, Указываеть путь и посохъ подаетъ! О, кто бы ни быль ты: старикь ли вдохновенный, Иль юности моей товарищъ отдаленный, Иль отрокъ, Музами таинственно храничъ, Иль пола кроткаго стыдливый херувимъ, Благодарю тебя душею умиленной. Вниманья слабаго предметь уединенный, Къ доброжелательству досель я не привыкъ — И страненъ мнъ его привътливый языкъ. Смъшонъ, участія кто требуетъ у свъга! Холодная толпа взираеть на поэта, Какъ на завзжаго фигляра: если онъ Глубоко выразить сердечный, тяжкій стонъ, И выстраданный стихъ, пронзительно-унылой, Ударитъ по сердцамъ съ невъдомою силой —

Она въ ладони бьетъ и хвалитъ. иль порой Неблагосклонною киваетъ головой. Постигнетъ ли пъвца незапное волненье, Утрата скорбная, изгнанье, заточенье — «Тъмъ лучше», говорятъ любители искусствъ: «Тъмъ лучше! наберетъ онъ новыхъ думъ и чувствъ «И намъ ихъ передастъ». Но счастіе поэта Межъ ними не найдетъ сердечнаго привъта, Когда боязненно безмолвствуетъ оно...

 \mathbf{v}

HOSTY.

Поэтъ, не дорожи любовію народной! Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ; Услышишь судъ глупца и смъхъ толпы холодной; Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ.

Ты царь: живи одинъ. Дорогою свободной Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ, Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ, Не требуя наградъ за подвигъ благородной.

Онть въ самомъ тебть. Ты самъ свой высшій судъ; Встать строже оцтнить умтешь ты свой трудъ. Ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ?

Доволенъ? Такъ пускай толпа его бранитъ, И плюетъ на алтарь, гдъ твой огонь горитъ, И въ дътской ръзвости колеблетъ твой треножникъ. VI.

мадона.

Не множествомъ картинъ старинныхъ мастеровъ Украсить я всегда желалъ свою обитель, Чтобъ суевърно имъ дивился посътитель, Внимая важному сужденью знатоковъ.

Въ простомъ углу моемъ, средь медленныхъ трудовъ, Одной картины я желалъ быть въчно зритель, Одной: чтобъ на меня съ колста, какъ съ облаковъ, Пречистая и нашъ божественный Спаситель —

Она съ величіемъ, Онъ съ разумомъ въ очахъ — Взирали, кроткіе, во славѣ и въ лучахъ, Одни, безъ Ангеловъ, подъ пальмою Сіона.

Исполнились мои желанія. Творецъ Тебя мнѣ ниспослаль, тебя, моя Мадона, Чистъйшей прелести чистъйшій образецъ.

VII.

пыганы.

Надъ лъсистыми брегами, Въ часъ вечерней тишины, ППумъ и пъсни подъ шатрами, И огни разложены Здравствуй, счастливое племя Узнаю твои костры; Я бы самъ въ иное время Провождалъ сіи шатры.

Завтра съ первыми лучами Вашть исчезнетъ вольный слъдъ, Вы уйдете — но за вами Не пойдетъ ужъ вашъ поэтъ.

Онъ бродящіе ночлеги И проказы старины Позабылъ для сельской нъги И домашней тишины.

VIII.

repon.

Что сеть истина?

Другъ.

Да, слава въ прихотяхъ вольна. Какъ огненный языкъ, она По избраннымъ главамъ летаетъ; Съ одной сегодня исчезаетъ И на другой уже видна. За новизной объжать смиренно Народъ безсмысленный привыкъ, Но намъ ужъ то чело священно, Надъ коимъ вспыхнулъ сей языкъ

Па тронъ, на кровавомъ полъ, Межъ гражданъ на чредъ иной, Изъ сихъ избранныхъ кто всъхъ болъ Твоею властвуетъ душой?

Поэтъ.

Все онъ, все онъ, пришлецъ сей бранный, Предъ къмъ смирялися цари, Сей ратникъ, вольностью вънчанный, Исчезнувшій какъ тънь зари.

 Λ ругъ.

Когда жъ твой умъ онъ поражаетъ Своею чудною звъздой?
Тогда ль какъ съ Альповъ онъ взираетъ На дно Италіи святой?
Тогда ли, какъ хватаетъ знамя,
Иль жезлъ диктаторскій? Тогда ль,
Какъ водитъ и кругомъ, и вдаль
Войны стремительное пламя –
И пролетаетъ рядъ побѣдъ
Надъ нимъ, одна другой во слъдъ?
Тогда ль, какъ рать героя плещетъ
Передъ громадой пирамидъ,
Иль какъ Москва пустынно блещетъ,
Его пріемля, и молчитъ?

Поэтъ.

Нътъ, не у счастія на лонъ Его я вижу, не въ бою, Не зятемъ Кесаря на тронъ, Не тамъ, гдъ на скалу свою, Съвъ, мучимъ казнію покоя, Осмъянъ прозвищемъ героя, Онъ угасаетъ недвижимъ, Плащемъ закрывшись боевымъ! Не та картина предо мною:

Одровъ я вижу длинный строй;
Лежитъ на каждомъ трупъ живой,
Клейменый мощною чумою,
Царицею болъзней. Онъ,
Не бранной смертью окруженъ,
Нахмурясь ходитъ межъ одрами,
И хладно руку жметъ чумъ,
И въ погибающемъ умъ
Рождаетъ бодрость. Небесами
Клянусь: кто жизнію своей
Игралъ предъ сумрачнымъ недугомъ,
Чтобъ ободрить угасшій взоръ,
Клянусь, тотъ будетъ Небу другомъ,
Каковъ бы ни былъ приговоръ
Земли слъпой!

Другъ.

Мечты поэта,

Историкъ строгой гонитъ васъ! Увы — его раздался гласъ: * И гдъ жъ очарованье свъта?..

Поэтъ.

Да будетъ проклятъ правды свътъ, Когда посредственности хладной, Завистливой, къ соблазну жадной, Онъ угождаетъ праздно! Нътъ, Тмы низкихъ истинъ мнъ дороже Насъ возвышающій обманъ. Оставь герою сердце! Что же Онъ будетъ безъ него? тиранъ!

Другъ.

Утъшься....

Москва, 29 Сентября 1830 года.

(*) Mémoires de Bourienne. Бурьенъ въ «Запискахь» своих с отрицаеть сказаніе

IX.

9 ARTIS.

Безумныхъ лътъ угасшее веселье Мнъ тяжело какъ смутное похмълье. Но какъ вино—печаль минувшихъ дней Въ моей душъ, чъмъ старъ, тъмъ сильнъй. Мой путь унылъ. Сулитъ мнъ трудъ и горе Грядущаго волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирать! Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать, И въдаю, мнъ будутъ наслажденья Межъ горестей, заботъ и треволненья: Порой опять гармоніей упьюсь, Надъ вымысломъ слезами обольюсь, И, можетъ быть, на мой закатъ печальной Блеснетъ любовь улыбкою прощальной.

X.

Для береговъ отчизны дальной Ты покидала край чужой; Въ часъ незабвенный, въ часъ печальной Я долго плакалъ предъ тобой. Мои хладъющія руки Тебя старались удержать;

о томъ, что Бонапарте, посътивъ въ Нффт госинталь зараженныхъ чумою, прикоснулся къ нъкоторымъ для ободренія ихъ. «J'affirme,» говорить онъ, пе l'avior pas vu toucher un pestiféré. Томленья страшнаго разлуки Мой стонъ молилъ не прерывать.

Но ты отъ горькаго лобзанья Свои уста оторвала; Изъ края мрачнаго изгнанья Ты въ край иной меня звала. Ты говорила: въ день свиданья Подъ небомъ въчно-голубымъ, Въ тъни оливъ, любви лобзанья Мы вновь, мой другъ, соединимъ

Но тамъ, увы, гдъ неба своды Сіяютъ въ блескъ голубомъ, Гдъ подъ скалами дремлютъ воды, Заснула ты послъднимъ сномъ Твоя краса, твои страданья Исчезъ и поцълуй свиданья..... Но жду его: онъ за тобой...

XI.

PASCTABABLE.

Въ послъдній разъ твой образъ милой Дерзаю мысленно ласкать, Будить мечту сердечной силой, И съ нъгой робкой и унылой, Твою любовь воспоминать.

Бъгутъ, мъняясь, наши лъта, Мъняя все, мъняя насъ; Ужъ ты для своего поэта Могильнымъ сумракомъ одъта. И для тебя твой другъ угасъ-

Прими же, дальная подруга, Прощанье сердца моего, Какъ овдовъвшая супруга, Какъ другъ, обнявшій молча друга Передъ изгнаніемъ его.

XII

ОСЕННЕЕ ЧУВСТВО.

Какъ быстро въ полъ, вкругъ открытомъ														
Подкованъ вновь, мой конь бъжитъ!														
Какъ звонко подъ его копытомъ														
Земля промерзлая стучить!														
Какъ онъ взвился, ретивый, смълый														
Черезъ потокъ оледенълый!														
Полезенъ Русскому здоровью														
Нашъ укръпительный морозъ.														
Ланиты жарче вешнихъ розъ														
Играютъ холодомъ и кровью														

XIII.

ОСЕНЬ.

١.

Октябрь ужъ наступилъ; ужъ роща отряхаетъ Послъдніе листы съ нагихъ своихъ вътвей; Дохнулъ осенній хладъ, дорога промерзаетъ; Журча еще бъжитъ за мельницу ручей, Но прудъ уже застылъ, сосъдъ мой посиъщаетъ Въ отъъзжія поля съ охотою своей — И страждутъ озими отъ бъщеной забавы, И будитъ лай собакъ уснувшія дубравы.

11.

Теперь моя пора: я не люблю весны; Скучна мнъ оттепель: вонь, грязь; весной я боленъ: Кровь бродитъ, чувства, умъ тоскою стъснены; Суровою зимой я болъе доволенъ; Люблю ея снъга, въ присутствіи луны Какъ легкій бъгъ саней съ подругой быстръ и воленъ Когда, подъ соболемъ согръта и свъжа, Она вамъ руку жметъ, пылая и дрожа!

III.

Какъ весело, обувъ желъзомъ острымъ ноги, Скользить по зеркалу стоячихъ, ровныхъ водъ! А зимнихъ праздниковъ блестящія тревоги?... Но надо знать и честь; полгода снъгъ да снъгъ, Въдь это наконецъ и жителю берлоги, Медвъдю, надоъстъ. Нельзя же цълый въкъ Кататься намъ въ саняхъ съ Армидами младыми, Иль киснуть у печей за стеклами двойными.

IV.

Охъ, лъто красное, любилъ бы я тебя, Когда бъ не зной, да пыль, да комары, да мухи. Ты, всъ душевныя способности губя, Насъ мучишь; какъ поля, мы страждемъ отъ засухи; Лишь какъ бы напоить, да освъжить себя — Иной въ насъ мысли нътъ; и жаль зимы старухи, И проводивъ ее блинами и виномъ, Поминки ей творимъ мороженымъ и льдомъ.

V

Дни поздней осени бранятъ обыкновенно; Но мнъ она мила, читатель дорогой: Красою тихою, блистающей смиренно, Какъ нелюбимое дитя въ семъъ родной, Къ себъ меня влечетъ. Сказать вамъ откровенно: Изъ годовыхъ временъ я радъ лишь ей одной. Въ ней много добраго, любовникъ не тщеславной, Умълъ я отыскать мечтою своенравной.

VI.

Какъ это объяснить? Мнѣ нравится она, Какъ, вѣроятне, вамъ чахоточная дѣва Порою нравится. На смерть осуждена, Бѣдняжка клонится безъ ропота, безъ гнѣва, Улыбка на устахъ увянувшихъ видна: Могильной пропасти она не слышитъ зѣва, Играетъ; на лицѣ еще багровый цвѣтъ, Она жива еще сегодня — завтра нѣтъ.

VII.

Унымая пора, очей очарованье, Пріятна мит твоя прощальная краса! Люблю я пышное природы увяданье, Въ багрецъ и въ золото одътые лъса, Въ ихъ съняхъ вътра шумъ и свъжее дыханье, И мглой волнистою покрыты небеса. И рѣдкій солнца лучъ, и первые морозы. И отдаленныя стдой зимы угрозы.

VIII.

И съ каждой осенью я расцвътаю вновь; Здоровью моему полезенъ Русской холодъ; Къ привычкамъ бытія вновь чувствую любовь: Чредой слетаетъ сонъ, чредой находитъ голодъ; Λ егко и радостно играетъ въ сердцъ кровь, Желанія кипять, я снова счастливь, молодь, Я снова жизни полнъ таковъ мой организмъ. (Извольте мнъ простить ненужный прозаизмъ.)

IX.

Ведутъ ко мнъ коня; въ раздоліи открытомъ, Махая гривою, онъ всадника несетъ — И звонко подъ его блистающимъ копытомъ Звенитъ промерзлый долъ и трескается ледъ. Но гаснетъ краткій день, и въ камелькъ забытомъ Огонь опять горить, то яркій светь лість, То тлветъ медленно; а я надъ нимъ читаю, Иль думы долгія въ тушт моей питаю

Λ.

И забываю міръ, и въ сладкой тишинъ Я сладко усыпленъ моимъ воображеньемъ, И пробуждается поэзія во мнт: Душа ственяется лирическимъ волненьемъ, Трепещетъ, и звучитъ, и ищетъ, какъ во снъ, Излиться наконецъ свободнымъ проявленьемъ -34 T. II.

И туть ко мнв идеть незримый рой гостей, Знакомцы давніе, плоды мечты моей.

XI.

И мысли въ головъ волнуются въ отвать, И рифмы легкія навстръчу имъ бъгутъ, И пальцы просятся къ перу, перо къ бумагъ, Минута — и стихи свободно потекутъ. Такъ дремлетъ недвижимъ корабль въ недвижной влагъ; Но чу.... матросы вдругъ кидаются, ползутъ Вверхъ, внизъ — и паруса надулись вътра полны: Громада двинулась и разсъкаетъ волны.

XII.

Плыветъ						Куда			жъ		намъ			ΠA	ъ?		

XIV.

KAIIPW33.

Румяной критикъ мой, пасмъщникъ толстопузой, Готовый въкъ трунить надъ нашей томной Музой, Поди-ка ты сюда, присядь-ка ты со мной, Попробуй, сладимъ ли съ проклятою хандрой. Что жъ ты нахмурился? Нельзя ли блажь оставить И пъсенкою насъ веселой позабавить? Смотри, какой здъсь видъ: избущекъ рядъ убогой, За ними черноземъ, равнины скатъ отлогой,

Надъ ними стрыхъ тучъ густая полоса.
Гдт жъ нивы свътлыя? гдт темные лъса?
Гдт ръчка? На дворт у низкаго забора
Два бъдныхъ деревца стоятъ въ отраду взора,
Два только деревца, и то изъ нихъ одпо
Дождливой осенью совстиъ обнажено,
А листья на другомъ размокли и, желтъя,
Чтобъ лужу засорить, ждутъ перваго Борея.
И только. На дворт живой собаки нътъ.
Вотъ, правда, мужичокъ; за нимъ двт бабы вслъдъ.
Безъ щапки онъ; несетъ подъ мышкой гробъ ребенка
И кличетъ изъ дали лъниваго попенка,
Чтобъ тотъ отца позвалъ, да церковь отворилъ:
Скортй, ждать некогда, давно бъ ужъ схоронилъ!

XV.

БВСЫ.

Мчатся тучи, вьются тучи; Невидимкою луна Освъщаетъ снъгъ летучій; Мутно небо, ночь мутна. Ъду, ъду въ чистомъ полъ; Колокольчикъ динь-динь-динь... Страшно, страшно поневолъ Средь невъдомыхъ равнинъ!

- Эй, пошель, ямщикь!.. «Нъть мочи:
- «Конямъ, баринъ, тяжело;
- Вьюга мнъ слипаеть очи;
- Всъ дороги занесло;

- «Хоть убей, слъда не видно; «Сбились мы. Что дълать намъ! «Въ полъ бъсъ насъ водитъ, видно, «Да кружитъ по сторонамъ.
- «Посмотри: вонъ, вонъ играетъ, «Дуетъ, илюетъ на меня; «Вонъ теперь въ оврагъ толкаетъ «Одичалаго коня; «Тамъ верстою небывалой «Онъ торчалъ передо мной; «Тамъ сверкнулъ онъ искрой малой «И пропалъ во тъмъ пустой.»

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освъщаетъ снъгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Силъ намъ нътъ кружится долъ;
Колокольчикъ вдругъ умолкъ;
Кони стали... — Что тамъ въ полъ? —
«Кто ихъ знаетъ: пень, иль волкъ?»

Вьюга злится, вьюга плачетъ; Кони чуткіе храпятъ; Вонъ ужъ онъ далече скачетъ; Лишь глаза во мглъ горятъ! Кони снова понеслися; Колокольчикъ динь-динь-динь... Вижу: духи собралися Средь бълъющихъ равнинъ.

Безконечны, безобразны, Въ мутной мъсяца игръ Закружились бѣсы разны, Будто листья въ ноябрѣ... Сколько ихъ! Куда ихъ гонятъ? Что такъ жалобно поютъ? Домоваго ли хоронятъ, Вѣдьму ль замужъ выдаютъ?

Мчатся тучи, вьются тучи; Невидимкою луна Освъщаетъ снъгъ летучій; Мутно небо, ночь мутна, Мчатся бъсы рой за роемъ Въ безпредъльной вышинъ, Визгомъ жалобнымъ и воемъ Надрывая сердце мнъ...

XVI.

Here's a health to thee Mary.

Пью за здравіе Мери, Милой Мери моей. Тихо заперъ я двери, И одинъ безъ гостей Пью за здравіе Мери.

Можно краше быть Мери, Краше Мери моей, Этой маленькой пери; Но нельзя быть милъй Ръзвой, ласковой Мери. Будь же счастлива, Мери, Солнце жизни моей! Ни тоски, ни потери, Ни ненастливыхъ дней Пусть не въдаетъ Мери.

XVII.

пажь, или пятнатцатый годь.

C'est l'age de Cherubin ..

Пятнадцать лѣтъ мнѣ скоро минетъ; Дождусь ли радостнаго дня? Какъ онъ впередъ меня подвинетъ! Но и теперь никто не кинетъ Съ презрѣньемъ взгляда на меня.

Ужъ я не мальчикъ; ужъ надъ губой Могу свой усъ я защипнуть; Я важенъ, какъ старикъ беззубой; Вы слышите мой голосъ грубой: Попробуй кто меня толкнуть!

Я нравлюсь дамамъ, ибо скроменъ, И между ними есть одна.... И гордый взоръ ея такъ теменъ, И цвътъ ланитъ ея такъ томенъ, Что жизни мнъ милъй она

Она готова хоть въ пустыню Бъжать со мной, презръвъ толпу. Хотите знать мою богиню, Мою Севильскую графиню?...

Нътъ, ни за что не назову!

XVIII.

POMAHCT.

Предъ Испанкой благородной Двое рыцарей стоятъ; Оба смѣло и свободно Въ очи прямо ей глядятъ. Блещутъ оба красотою, Оба сердцемъ горячи, Оба мощною рукою Оперлися на мечи.

Жизни имъ она дороже И, какъ слава, имъ мила. Но одинъ ей милъ. Кого же Дъва сердцемъ избрала? «Кто, ръши, любимъ тобою?» Оба дъвъ говорятъ, И съ надеждой молодою Въ очи прямо ей глядятъ.

XIX.

начало поэмы.

Стамбулъ Гяуры нынче славятъ, А завтра кованой пятой, Какъ змія спящаго, раздавятъ, И прочь пойдутъ — и такъ оставятъ: Стамбулъ заснулъ передъ бъдой.

Стамбулъ отрекся отъ Пророка. Въ немъ правду древняго Востока Лукавый Западъ омрачилъ; Стамбулъ, для сладостей порока, Мольбъ и саблъ измънилъ. Стамбулъ отвыкъ отъ поту битвы, И пьетъ вино въ часы молитвы.

Въ немъ въры чистой лучъ потухъ: Въ немъ жены по базару ходятъ, На перекрестки шлютъ старухъ, А тъ мущинъ въ Харемы вводятъ, И спитъ подкупленный евнухъ.

Но не таковъ Арзрумъ нагорной, Многодорожный нашъ Арзрумъ: Не спимъ мы въ роскоши позорной, Не черплемъ чашей непокорной Въ винъ развратъ, огонь и шумъ.

Постимся мы; струею трезвой Одни фонтаны насъ поятъ; Толпой неистовой и ръзвой Джигиты наши въ бой летятъ; Мы къ женамъ, какъ орлы ревнивы, Харемы наши молчаливы, Непроницаемы стоятъ.

Алла великъ! Къ намъ отъ Стамбула Пришелъ гонимый янычаръ. И буря долу насъ погнула, И палъ неслыханный ударъ. Отъ Рущука до старой Смирны, Отъ Трапезунда до Тульчи, Скликая псовъ на праздникъ жирный, Толпой ходили палачи: Треща въ объятіяхъ пожаровъ, Валились домы янычаровъ: Окровавленные зубцы Вездъ торчали; угли тлъли; На кольяхъ, скорчась, мертвецы Окоченълые чернъли. Алла великъ! Тогда Султанъ Былъ духомъ гнъва обуянъ.

XX

ночью, во время безсонницы.

Мить не спится, иттъ огия: Всюду мракъ и сонъ докучной; Ходъ часовъ лишь однозвучной Раздается близь меня. Парки бабье лепетанье, Спящей ночи трепетанье. Жизни мышья бъготня — Что тревожишь ты меня?

Что ты значишь, скучной шепоть? Укоризна, или ропотъ Мной утраченнаго дня? Отъ меня чего ты хочешь? Ты зовешь, или пророчишь? Я понять тебя хочу, Темный твой языкъ учу....

XXI.

подражанія данту.

I.

Въ началъ жизни школу помню я; Тамъ насъ, дътей безпечныхъ, было много — Неравная и ръзвая семья;

Смиренная, одътая убого, Но видомъ величавая жена Надъ школою надзоръ хранила строго.

Толпою нашею окружена, Пріятнымъ, сладкимъ голосомъ, бывало, Съ младенцами бесъдуетъ она.

Ея чела я помню покрывало И очи свътлыя какъ небеса; Но я вникалъ въ ея бесъды мало.

Меня смущала строгая краса Ея чела, спокойныхъ устъ и взоровъ И полныя святыни словеса. Дичась ея совътовъ и укоровъ, Я про себя превратно толковалъ Понятный смыслъ правдивыхъ разговоровъ.

И часто я украдкой убъгалъ
Въ великолъпный мракъ чужаго сада,
Подъ сводъ искуственный порфирныхъ скалъ.

Тамъ нъжила меня деревъ прохлада; Я предавалъ мечтамъ мой слабый умъ, И праздномыслить было мнъ отрада.

Любилъ я свътлыхъ водъ и листьевъ шумъ, И бълые въ тъни деревъ кумиры, И въ ликахъ ихъ печать недвижныхъ лумъ.

Все мраморные циркули и лиры, И свитки въ мраморныхъ рукахъ, И длинныя на ихъ плечахъ порфиры —

Все наводило сладкій нъкій страхъ Мнъ на сердце; и слезы вдохновенья При видъ ихъ рождались на глазахъ.

Другія два чудесныя творенья Влекли меня волшебною красой: То были двухъ бъсовъ изображенья.

Одинъ (Дельфійскій идолъ) ликъ младой — Былъ гнъвенъ, полонъ гордости ужасной, И весь дышалъ онъ силой неземной.

Другой женообразный, сладострастный, Сомнительный и лживый идеаль, Волшебный демонъ — лживый, но прекрасный.

2.

И далъ мы пошли — и страхъ обнялъ меня. Бъсенокъ, подъ себя поджавъ свое копыто, Крутилъ ростовщика у адскаго огня.

Горячій капалъ жиръ въ копченое корыто, И лопалъ на огнъ печеный ростовщикъ. А я: повъдай мнъ, въ сей казни что сокрыто?

Виргилій мнт: мой сынъ, сей казни смыслъ великъ; Одно стяжаніе имтвъ вездт въ предметт, Жиръ должниковъ своихъ сосалъ сей злой старикъ

И ихъ безжалостно крутиль на вашемъ свътъ. Тутъ гръшникъ жареный протяжно возопилъ: «О, если бъ я теперь тонулъ въ холодной Летъ,

«О, еслибъ зимній дождь мнѣ кожу остудилъ! «Сто на сто я терплю: процентъ неимовърный!» Тутъ звучно лопнулъ онъ — я взоры потупилъ.

Тогда услышалъ я (о диво!) запахъ скверный, Какъ будто тухлое разбилося яйцо, Иль карантинный стражъ курилъ жаровней сърной.

Я, носъ себъ зажавъ, отворотилъ лицо. Но мудрый вождь тащилъ меня все далъ, далъ— И, камень приподнявъ за мъдное кольцо,

Сошли мы внизъ — и я узрълъ себя въ подвалъ.

3.

Тогда я демоновъ увидълъ черный рой, Подобный издали ватагъ муравьиной; И бъсы тъшились проклятою игрой: До свода адскаго касалася вершиной Гора стеклянная, гладка, крута, остра — И разлегалася надъ темною равниной;

И бъсы, раскаливъ, какъ жаръ, чугунъ ядра, Пустили внизъ его смердящими когтями. Ядро запрыгало — и гладкая гора,

Звеня, растрескалась колючими звъздами; Тогда другихъ чертей нетериъливый рой За жертвой кинулся съ ужасными словами.

Схватили подъ руку жену съ ея сестрой, И обнажили ихъ, и внизъ пихнули съ крикомъ ---И объ сидючи пустились внизъ стрълой;

Порывъ отчаянья являль ихъ въ воплѣ дикомъ; Стекло ихъ рѣзало, впивалось въ тѣло имъ — А бъсы прыгали въ веселіи великомъ.

Я издали глядълъ — смущеніемъ томимъ.

XXII.

COHETTS.

(COHETTA).

Scorn not the sonnet critic.

Wondsworth

Суровый Дантъ не презиралъ сонета; Въ немъ жаръ любви Петрарка изливалъ; Игру его любилъ творецъ Макбета; Пиъ скорбну мысль Камоэнсъ облекалъ.

И въ наши дни плъняетъ онъ поэта: Вордсвортъ его орудіемъ избралъ, Когда, вдали отъ суетнаго свъта, Природы онъ рисуетъ идеалъ.

Подъ сънью горъ Тавриды отдаленной, Пъвецъ Литвы, въ размъръ его стъсненной Свои мечты мгновенно заключалъ

У насъ еще его не знали дъвы, Какъ для него ужъ Дельвигъ забывалъ Гекзаметра священные напъвы.

XXIII

новоселье.

Благословляю новоселье, Куда домашній свой кумиръ
Ты перенесъ — а съ нимъ веселье, Свободный трудъ и сладкій миръ.
Ты счастливъ: ты свой домикъ малой, Обычай мудрости храня, Отъ злыхъ заботъ и лъни вялой Застраховалъ, какъ отъ огня.

XXIV.

ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ СТАТУЯ.

Урну съ водой уронивъ, объ утесъ ее дъва разбила. Дъва печально сидитъ, праздный держа черепокъ. Чудо! Не сякнетъ вода, изливаясь изъ урны разбитой: Дъва, надъ въчной струей, въчно печальна сидитъ

XXV.

OTPORT.

Неводъ рыбакъ растилалъ по брегу студенаго моря; Мальчикъ отцу помогалъ. Отрокъ, оставь рыбака! Мрежи иныя тебя ожидаютъ, иныя заботы: Будень умы уловлять, будешь помощникъ Царямъ.

XXVI.

РИФМА.

Эхо, безсонная Нимфа, скиталась по брегу Ценея. Фебъ, увидъвъ ее, страстію къ ней воспылаль. Нимфа плодъ понесла восторговъ влюбленнаго бога; Межъ говорливыхъ Наядъ, мучась, она родила Милую дочь. Ее пріяла сама Мнемозина. Ръзвая дъва росла въ хоръ богинь Аонидъ, Матери чуткой подобна, послушна памяти строгой, Музамъ мила; на землъ Рифмой зовется она.

1830 г.

XXVII.

ТРУЛЪ.

Мигъ вожделънный насталъ, оконченъ мой трудъ многолътній. Что жъ непонятная грусть тайно тревожитъ меня? Или, свой подвигъ свершивъ, я стою, какъ поденьщикъ ненужный,

Плату пріявшій свою, чуждый работъ другой? Или жаль мнъ труда, молчаливаго спутника ночи, Друга Авроры златой, друга Пенатовъ святыхъ?

XXVIII.

на переводъ иліады.

__

Слышу умолкнувшій звукъ божественной Эллинской рѣчи; Старда великаго тѣнь чую смущенной душой.

ПРИМЪЧАНІЯ

КЪ СТИХОТВОРЕНІЯМЪ ПУШКИНА

1830 года.

- І. Въ Литературной Газетѣ 1830 г., № 3, стихотвореніе подписано было буквами: Крс. Послѣдній стихъ можетъ читаться: «Ни Музъ, ни Прѣсни, ни Харитъ!» Отвѣтъ написанъ, вѣроятно, къ тому лицу, которое обозначено въ оглавленіи одной Пушкинской пьесы словами: «Е. Н. У—вой.» Онъ повторенъ безъ перемѣнъ изданіемъ 1832 г., и посмертнымъ.
- И. Въ литературной Газетъ 1830 г., № 12, стихотвореніе было напечатано съ именемъ Пушкина, съ заглавіемъ: Станцы и съ помѣткой внизу: «19 Января 1830. С. П. Б.» Въ изданіи 1832 г., заглавіе: Станцы сохранилось, въ видѣ приписки къ стихотворенію, на листѣ оглавленія книги, а числовая помѣтка въ самомъ текстѣ. Все это отброшено посмертнымъ изданіемъ. Сама пьеса порождена, какъ извѣстно, голосомъ одного высокаго духовнаго лица, отвѣчавшаго на стихотвореніе Пушкина: «26 Мая 1828» поучительной передѣлкой его. Передѣлка эта напечатана была въ журналѣ: Звѣздочка (1848 г., № 10.)

Не напрасно, не случайно Жизнь отъ Бога мий дана; Не безъ воли Бога тайной И на казнь осуждена. Самъ я своенравной властью Зло изъ темныхъ безднъ воззвать, Душу самъ наполнилъ страстью, Умъ сомнъньемъ взволновалъ.

Вспомнись мий — забытый мною! Просіяй сквозь мрачных думъ! И созиждется Тобою Сердце чисто, правый умъ!

III. Въ Литературной Газеть 1830 г., № 30, стихотворение имьло другое оглавленіе, именно: «Посланіе въ К. Н. Б. Ю*** » и помътку внизу: «Москва, 1830.» Въ изданіи 1832 г. сохранилась въ текств только помътка «Москва», но оглавление уже другое: «Къ Вельможъ», принятое за тъмъ и посмертнымъ изданіемъ. Литературная Газета печатала, въроятно, внаменитос посланіе съ рукописи самого Пушкина. Въ этомъ удостовъряють всв особенности ея правописанія. Тамъ всюду большія, прописныя буквы: Циникъ, Съверъ, Софистъ, Скептикъ, Муза и проч., которыя являются и въ прилагательныхъ: ${\it V}$ вынчанной Жены, Афинскому Софисту и даже въ существительныхъ. когда принимаются въ смыслѣ олицетворенія : «союзъ Vма и Фурій». Вмісті съ тімь тамь, по обыкновенію Пушкина, и глаголы простые и составные, написаны: разточаль, разпростясь. (Исключеніе сділано только для одного разсказывать — и по правилу, въроятно, самого Пушкина). Въ изданіи 1832 г. есть уже измѣненія противъ этого, а посмертное изданіе окончательно сгладило всв особенности правописанія, при чемъ даже и глаголъ «разсказывать, разскажи» упрощенъ до «расказывать, раскажи»; но мы представляемъ читателямъ редакцію 1832 г., какъ среднюю между настоящимъ Пушкинскимъ правописаніемъ и условными обыкновеніями позднъйшаго времени, сохранивъ, однакожъ, при этомъ изъ Литературной Газеты большія буквы въ словахъ: Консуль, Диктаторъ и проч. Намеки пьесы этой: «И блескъ А** и прелесть *** », кажется, могуть быть теперь пояснены:

«И блескъ Алябьевой и прелесть Гончаровой».

Стихотвореніе было перепечатано, при самомъ появленін своемъ, журналомъ: Славянинъ 1830 г., часть, 14, стр. 780, съ примъчаніемъ, о которомъ говорено, какъ и о журнальныхъ

толкахъ по поводу стихотворенія, въ біографическихъ матеріалахъ нашихъ.

- IV. Случай, подавшій поводъ къ созданію этого произведенія упомянуть въ біографическихъ матеріалахъ. Оно напечатано было впервые въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1831 г., за тѣмъ безъ перемѣнъ въ изданіи 1832 г. (Тамъ, однакожъ, по правилу Пушкина: Но щастіе поэта) и въ посмертномъ. Это превосходное созданіе тоже написано поэтомъ нашимъ въ Москвѣ, какъ и два слѣдующія за нимъ.
 - V. Напечатано впервые въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1831 г., съ припиской въ заглавіи: «Сонетъ», сохраненной и изданіемъ 1832 г. На рукописи помѣтка. «1-го Іюля 1830 г.»
 - VI. Стихотвореніе первоначально пом'ященное въ альманах'я 1831 г. «Сиротка», изданномъ въ пользу Заведенія призр'янія б'ядныхъ сиротъ, Москва. Почти всл'ядъ за появленіемъ альманаха, стихотвореніе было перепечатано въ Литературной Газетѣ 1831 г., № 15, съ сл'ядующей выноской: « «Сонетъ сей, по желанію Поэта, перепечатывается зд'ясь изъ альманаха: Сиротка, въ которомъ онъ напечатанъ былъ съ довольно значительною ошибкой въ седьмомъ стихѣ: «Одной, чтобъ на меня съ холста, иль съ облаковъ». Это нарушало смыслъ подлиннаго стиха. « Подлинный стихъ былъ:.... съ холста, какъ съ облаковъ». Въ альманахѣ, Газетѣ и въ изданіи 1832 г. стихотвореніе напечатано съ припиской: «Сонетъ», но въ посл'яднемъ исправленъ еще одинъ стихъ его:
 - «Украсить я всегда желахь свою обитель». Прежде вездѣ стояло: мою обитель. Съ этой поправкой превосходное созданіе, которымь Пушкинъ помѣтиль одно обстоятельство своей жизни, перешло и въ посмертное изданіе. Рукопись носить число: «8-го Іюля».
 - VII. Напечатаво было въ альманахѣ: Денница 1831 г., изд. г. Максимовича. Тамъ есть указаніе къ стихотворенію: «Съ Англійскаго», которое сбережено, въвидѣ приписки, и въ изданіи 1832 г., на листкѣ оглавленія книги, но посмертнымъ изданіемъ выпущено. Содержаніе пьесы, весьма близкое къ обстоятельствамъ жизни самаго автора заставляетъ думать, что указаніе сдѣлано для отстраневія толковъ и заключеній, что, какъ извѣстно, было поводомъ и къ нѣкоторымъ другимъ произвольнымъ указаніямъ у Пушкина. Отсюда мы прилагаемъ рядъ стихотво-

реній, написанных поэтомъ уже въ селѣ Пушкиныхъ — Болдинѣ, Нижегородской губерніи.

VIII. Стихотвореніе, напечатанное впервые съ именемъ Пушкина, уже послъ смерти его, въ Современникъ 1837 г., томъ V, гдъ сопровождалось примъчаніемъ редакторовъ такого содержанія: «Это стихотвореніе доставлено отъ М. П. Погодина при слівдующемъ письмь: ««Посылаю вамъ стихотвореніе Пушкина: Герой. Кажется никто не знаетъ, что оно принадлежитъ ему. Пушкинъ присладъ мнв оное во время холеры въ 1830 г., изъ Пижегородской своей деревни, и вотъ что написаль объ исмъ: «« - Папечатайте, гдв хотите, хоть въ «Въдомостяхъ», но прошу васъ и требую, именемъ нашей дружбы, не объявлять никому моего имени. Если Московская цензура не пропустить ее, то перешлите Дельвигу, но также безъ моего имени и не моей рукою переписанную. » «» Я напечаталь стихи тогда въ Телескопћ и свято хранилъ до сихъ поръ тайну. Кажется, должно перепечатать ихъ теперь. Разумфется, ни кому не нужно припоминать, что число, выставленное Пушкинымъ подъ стихотвореніемъ, посл'в многозначительнаго утвився, 29 Сентября 1830, есть день прибытія Государя Императора въ Москву, во время ходеры. » »

Это примѣчаніе вполнѣ объясняетъ высокую, благородную цѣль поэта. Второе примѣчаніе Современника же 1837 г. къ стихотворенію, касающееся записокъ Буррьеня, находится и у насъ въ текстѣ. Посмертное изданіе перепечатало изъ журнала произведеніе это со всѣми его приложеніями, въ 9-мъ дополнительномъ томѣ 1841 г., зачисливъ его при этомъ въ мелкія Стихотворенія.

IX. Стихотвореніе явилось впервые въ журналѣ: Библіотека для Чтенія 1834 г., томъ VI, № 10, съ заглавіемъ: «Элегія» и, съ нѣкоторыми измѣненіями въ знакахъ препинанія, вошло въ составъ собранія Стихотвореній Пушкина 1835 г. и въ посмертное изданіе. Рукопись этого стихотворенія сохраняетъ помѣтку: «8-го Сентября». Первый стихъ тамъ еще читается: «Протекшихъ лѣтъ безумство и веселье», а начало второй строфы такъ:

«Но не хочу еще я, други, умирать: Я жить хочу, чтобъ мыслить и мечтать». Поправки Пушкина, съ которыми оно явилось въ журналъ, сдёланы были имъ почти при отсылкѣ въ печать.

- Х. Стихотвореніе это явилось послів смерти автора, сперва въ альманахів г. Владиславлева: Утренняя заря 1841 г., а за тімъ въ 9-мъ дополнительномъ томів посмертнаго изданія 1841 же г. (Мелкія Стихотворенія), но здівсь оно получило произвольное заглавіе (Разлука), котораго не было въ альманахів, да ність и въ рукописи. Въ первой черновой рукописи Пушкина предпослівдній стихъ еще читается: «А съ нимъ и поцілуй свиданья». Неправильность, порожденная быстротой творчества и скорописи. Эта превосходная элегія, имівющая внутреннюю связь со стихотвореніемъ: «Подъ небомъ голубымъ страны своей родной» помівчена въ рукописи такъ: «27 Ноября 1830. Боллино.»
- XI. Третья элегія, написанная въ Болдинѣ. Она впервые напечатана въ альманахѣ г. Владиславлева: «Альманахъ на 1838 г.», вмѣстѣ съ другой пьесой: «Иѣтъ, нѣтъ, не долженъ я, не смѣю, не могу», подъ однимъ общимъ названіемъ: «Два неизданныя стихотворенія Пушкина». Тогда только что вышли 8 томовъ посмертнаго изданія, гдѣ эти стихотворенія были пропущены. Девятый, дополнительный томъ этого изданія (1841 г.) принялъ только одну эту пьесу, а другую опять выпустилъ, неизвѣстно по какой причинѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ обѣ редавціи элегіи не сходны между собой и не сходны съ рукописью. «Въ Альманахѣ на 1838 г.», во 2-й строфѣ напечатано:

И ты ужь нынъ для поэта, въ посмертномъ изданіи:

Ужъ ты для своего поэта,

а въ рукописи:

Ужъ ты для страстнаго поэта.

Последній стихе въ «Альманахе на 1838 г.», напечатань: «Предъ заточеніемь его», а въ посмертномъ изданіи: «Передъ изгнаніемь его». П тоть и другой сходны съ рукописью, только въ Альманахе первоначальный стихь, а въ изд. стихъ, исправленный самимъ авторомъ. Рукопись иметь еще пометку: «8 Октября 1830. Болдино».

XII. Это отрывочное стихотвореніе напечатано было въ журналъ: Москвитянинъ 1841 г., № 1-й, съ заглавіемъ: «Десять неизвъстныхъ стиховъ Пушкина» и съ выноской издателя такого содержанія: «Эти стихи удержались въ моей памяти изъ одного стихотворенія, которое Пушкинъ читаль мнѣ наизусть въ Петербургѣ въ 1828 г. и которое онъ хотѣль назвать, кажется, Осеннее чувство. М. П.» Подъ этимъ названіемъ, отрывокъ дѣйствительно быль занесенъ въ 9 томъ посмертнаго изданія 1841 г., но самъ онъ есть ничто иное, какъ первая мысль стихотворенія: «Осень», напечатаннаго въ томъ же томѣ посмертнаго изданія. «Осень» написана Пушкинымъ въ 1830 г. въ Болдинѣ и еще переписана имъ на бѣло въ 1833, тоже въ Болдинѣ, но уже съ замѣчательными поправками, о которыхъ сей часъ будемъ говорить.

XIII. Въ рукописи стихотвореніе носить приписку: Отрывокъ и имъетъ XII строфъ вмѣсто одиннадцати, данныхъ посмертнымъ изданіемъ. Пропускъ произошелъ отъ того, что одиннадцатая строфа, гдѣ Пушкинъ говорить о поэтическихъ видъніяхъ, приносимыхъ ему осенью, зачеркнута въ оригиналѣ самимъ авторомъ, при перепискѣ стихотворенія. Вотъ она:

«Стальные рыцари, угрюмые Султаны, Монахи, карлики, Арапскіе цари, Гречанки съ четками, Корсары, Богдыханы, Испанцы въ епанчахъ, жиды, богатыри, Царевны плѣнныя, графини, великаны, И вы любимицы златой моей зари—
Вы, барышни мои, съ открытыми плечами, Съ висками гладкими и томными очами »

Въ рукописи даже есть начало XIII строфы, изображенное впрочемъ однимъ стихомъ. Послѣ великолѣпнаго олицетворенія поэтической мысли въ образѣ корабля, Пушкинъ еще приписываетъ:

XIII.

Плыветъ. Куда жъ намъ плыть?

Между прочимъ, посмертное изданіе въ одиннадцатой строфѣ, напечатало неполный стихъ, вѣроятно, за неразборчивостію рукописи. Онъ долженъ читаться такъ:

«И мысли въ головф волнуются въ отвагѣ.»

Чрезвычайно любопытны самыя поправки Пушкина въ рукописи. Такъ, напримъръ, вмъсто нынъшняго стиха (VI строфа):

«Могильной пропасти она не слышить зѣва, Играетъ —»,

первоначально быль не менфе трогательный стихъ:

«Нѣжнѣе слабаго пчелинаго «напѣва Звукъ рѣчи» — и проч.

Стихотвореніе имфетъ еще и эпиграфъ въ рукописи:

« Чего въ мой дремлющій тогда не входить умъ.»

Державинъ.»

- XIV. Впервые дано 9-мъ дополнительнымъ томомъ посмертнаго изданія 1841 г., но здёсь мы встрёчаемъ опять заглавіе: «Капризъ,» котораго въ черновой рукописи Пушкина совсёмъ нётъ; но оно могло принадлежать Пушкину, такъ какъ онъ назвалъ просто: «шалость» превосходную пьесу, слёдующую за этой. Остальная передача сходна съ рукописью, на которой сохраняется и помётка автора: «1-го Октября 1830. Болдино.»
- XV. Первоначально напечатано въ Съверныхъ Цвътахъ на 1832 г., за тъмъ въ изданіи 1832 и въ посмертномъ. Рукопись сверхъ заглавія имъетъ приписку: «Шалость» и внизу помътку: «1830 7-го Сентября, Болдино.»
- XVI. Напечатано было впервые въ альманахѣ 1831 г.: Денница, изд. г. Максимовича. Это дальнее подражаніе пѣсни Англійскаго поэта: Берри Корнуолля (Barry Cornwall), первый стихъ которой Пушкинъ взялъ для эпиграфа. Въ послѣднихъ стихахъ, Пушкинъ значительно удаляется отъ образца своего. Вотъ этотъ куплетъ по Англійски:

Be thou but true to me, Mary
And J'll be true to thee,
And at set of sun,
When my task is done,
Be sure that J'am ewer with thee, Mary.

(Но будь ты только върна мив, Мери, а я ужъ останусь въренъ тебъ и знай, какь только сядеть солице и трулъ дня

исполнится, я опять и всегда съ тобой, Мери). Стихотвореніе перепечатано изданіемъ 1832 г., съ припиской: Пѣсня и повторено посмертнымъ.

- XVII. Подъ заглавіемъ: Пажъ или Пятнадцатильтній Король—вмьсто 15-й годъ, стихотвореніе это напечатано впервые въ 9-мъ дополнительномъ томъ посмертнаго изданія (Мелкія Стихотворенія). Въ рукописи находится помътка: «7-го Октября 1830. Болдино», (одинаковая съ той, какая при пьесь: Бъсы).
- XVIII. Другая пьеса, данная впервые 9-мъ дополнительнымъ томомъ посмертнаго изданія, но съ произвольнымъ заглавіемъ: «Романсъ», котораго нётъ въ рукописи. Это тоже отрывокъ, созданный въ Болдинѣ, какъ видно по мѣсту, какое онъ занимаетъ въ бумагахъ, по самой бумагѣ и черниламъ, хотя годъ его сочиненія Пушкинымъ не означенъ.
 - XIX. Произвольное название: Начало поэмы, котораго нѣтъ въ рукописи, дано было этому отрывку посмертнымъ изданиемъ (9 томъ, Мелкія Стихотворенія), гат онъ напечатанъ впервые. Это совстмъ не Начало поэмы, а какъ мы видтли въ матсріалахъ лля біографіи, стихотвореніе, порожденное случаемъ, и при томъ это черновой оригиналъ той самой пьесы, которую Пушкинъ въ 1836 г. помъстилъ въ своемъ путешествіи въ Арэрумъ, приписавъ ее тамъ выдуманному лицу Янычару Аминъ-Оглу. Надо сказать, что настоящій отрывокъ напечатанъ въ посмертномъ изданіи съ исправленіями, доказывающими, по нашему мнѣнію, существованіе другаго, чистаго оригинала, не находящагося въ бумагахъ поэта.

Вмѣсто стиха рукописи:

Харемы наши молчаливы, Непроницаемы стоять,

въ посмертномъ изданіи папечатано:

Гаремы наши молчаливы, Евнухи наши вт нихт не спятт.

Мы сообщили пьесъ ть раздъленія, которыя даль ей Пушкинь, набрасывая ее въ первый разь. Какъ начальная работа поэта, она замъчательна не менъе другихъ образцовъ въ этомъ родъ, уже представленныхъ нами. Здъсь слъдуетъ, однакожъ, замътить, что по энергіи стиха и выраженія, этотъ первый очеркъ чуть ли не выше послъдующей передълки и конечно,

мрачная картина, представляемая окончательной строфой, ни какъ не заслуживала исключенія, какому подвергъ ее Пушкинь. Для соображенія читателей представляемъ предшествующіе ей 4 стиха, зачеркнутые крестъ на крестъ авторомъ.

Въ насъ Умъ владветъ плотью дикой, А покорёнъ Корану Умъ — И потому Пророкъ великой Хранитъ какъ око, свой Арзрумъ.

На рукописи сохраняется помътка: «17-го Октября 1830 г.» и слова: «Предъ разб. ст.» Кстати, Пушкинъ писалъ: мущинъ, а не мужечинъ.

- XX. Въ рукописи пьеса эта имъетъ заглавіе: «Стихи, сочиненные ночью во время безсонницы» и помѣтку: «Октябрь 1830, Болдино.» Она дана тоже впервые посмертнымъ изданіемъ въ 9-мъ дополнительномъ томѣ его (Мелкія Стихотворенія). Въ черновой рукописи послѣдній стихъ читается еще: «Смысла я въ тебъ ищу....» вмѣсто: «Темный теой языкъ учу,...» какой, вѣроятно, явился уже при перепискѣ стихотворенія.
- XXI. Два разныя стихотворенія, изъ которыхъ послёднее (И даль мы пошли - и страхъ обняль меня), еще раздылется на двъ составныя части въ рукописи, --- даны были посмертнымъ изданіемъ (9 дополнит. томъ, Мелкія Стихотв.), сбитыя вмість и подъ однимъ общимъ, произвольнымъ заглавіемъ: «Подражанія Данту». Его вътъ и не могло быть въ рукописи. Первое изъ двухъ этихъ стихотвореній, действительно написано въ 1830 г. и въ Болдинт, второе, можетъ быть, нтсколько позднье и, въроятно, въ Петербургъ. Въ немъ открываются въкоторыя черты, имъющія видъ насмышки надъ дыйствительными жизненными обстоятельствами, черты, которыя, однакожъ, скоро пропадають въ общемъ величіи целаго. Мы зачислили его въ 1830 г. только изъ невозможности опредълить съ точностію годъ его созданія, хотя и имбемъ нокоторый поводъ думать, что опо можеть относиться къ началу 1832 г. Первое стихотвореніе (Въ началь жизни школу помню я) передано было посмертнымъ изданіемъ тоже съ нѣкоторыми исправленіями и тоже, вігроятно, по списку, теперь уже потерянному.

Одинъ стихъ:

«И длинныя на ихъ плечахъ порфиры.»

въ нашей рукописи находится еще въ видѣ замѣтки, а не полнаго стиха. Пушкинъ написалъ его такъ: «На челахъ лавры, на плечахъ пороиры», зачеркнувъ первоначальный стихъ, которымъ былъ неловоленъ: «И стройно изсѣченныя пороиры.» Все это имѣло видъ напоминовенія для булущей отдѣлки пьесы, которой оно не дождалось. Второе стихотвореніе напечатано посмертнымъ изд. небрежнѣе перваго. Кромѣ упущенія дѣлежа его на двѣ части, какъ было у Пушкина, но тамъ пѣлый стихъ не дописанъ:

- «Жиръ должниковъ своихъ сосаль сей злой......
 выпущено старикъ, отчего въ терцетъ не было одной рифмы. Затъмъ оно же напечатало, вмъсто: «я вворы потупилъ»,—какъ въ рукописи,—«я взоры отвратилъ», а вмъсто:
 «отворотилъ лицо»—«закрылъ свое лице.»
- XX II. Стихотвореніе, напечатанное впервые въ Московскомъ Вѣстникѣ 1830 г. № VIII, съ ошибкой въ четвертомъ стихѣ: «Имъ скорбну пъснь Камоэнсъ облекалъ», вмѣсто: мысль, какъ исправлено въ изданіи 1832 г., откуда пьеса перешла безъ измѣненій и въ посмертное. Англійскій эпиграфъ, означающій: Не презирай Сонета критикъ, сохранился во всѣхъ редакціяхъ.
- XXIII. Пьеса впервые напечатана въ Альманахѣ: Сиротка 1831 г., за тѣмъ въ изданіи 1832 и наконецъ въ посмертномъ. Посланьице было написано еще въ Москвѣ, какъ видно по рукописи, гдѣ отмѣтка: «1830, Москва» и заглавіе: Къ **.
- XXIV. Антологическія стихотворенія: Царскосельская Статуя: Отрокъ, Рифма, Трудъ, всё были напечатаны въ Сёверныхъ Цвётахъ на 1832 годъ, подъ однимъ общимъ заглавіемъ: Анеологическія эпиграммы. Они повторены безъ этого заглавія, однакожъ, изданіями 1832 г. и посмертнымъ.

XXV, XXVI, XXVII.

XXVIII. Замѣтка напечатана въ альманахѣ 1832 г.: Альціона, гдѣ первый стихъ ея былъ: «Слышу божественный звукт воскреснувшей Эллинской ръчи.» Нынѣтній стихъ данъ уже изд. 1832 г. и съ этой поправкой пьеса перешла въ посмертное изданіе.

конецъ втораго тома.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ ПЕРВАГО ОТДЪЛА)

стихотворения съ 1818 г. по 1830 г. включительно.

1818 года.

	V2 V					pan.
	Къ Ю ** ву (Любимецъ вътреныхъ Лаисъ)					237
11.	Къ ***, отсовътовавшему миъ вступать въ во					
	бу					
	Къ NN (Любви, надежды, тихой славы) .					
IV.	Элегія (О ты, которая изъ дітства)		•		•	240
v .	Въ Альбомъ М. А. Щербинину					240
	Кривцову (Когда сожметь ты снова руку)					
	Прелестницѣ					
	Выздоровление					
ıx.	Мечтателю (Ты въ страсти горестной)					244
х.	Къ портрету Жуковскаго					245
X1.	Жуковскому					246
	Примъчанія					247
	•					
	1819 ro <i>a</i> a.					
Ι.	Русалка (Надъ озеромъ, въ глухихъ дубров	9 X 6	.) .			251
TT.	В***у (Прости, счастливый сынъ пировъ).			,		253
111.	NN (Я ускользнуль отъ Ескулапа)			•		255

IV. Кривцову (Не пугай насъ, милый другъ) 25 v. Стансы Т**му (Философъ ранній). 25 vi. Уединеніе. 25 vii. Домовому. 25 viii. Элегія (Увы, за чѣмъ она блистаетъ). 26 ix. Недоконченная картина. 26 x. Возрожденіе. 26 Примьчанія. 26
v. Стансы Т**му (Философъ ранній). 25 v. Уединеніе. 25 v. Домовому. 25 v. Домовому. 26 v. Домовому. 26 v. П. Элегія (Увы, за чёмъ она блистаетъ). 26 1х. Недоконченная картина. 26 х. Возрожденіе. 26
v1. Уединеніе .
viii. Домовому. 26 viii. Элегія (Увы, за чѣмъ она блистаетъ). 26 ix. Недоконченная картина. 26 x. Возрожденіе. 26
vin. Элегія (Увы, за чѣмъ она блистаетъ). 20 ix. Недоконченная картина. 20 x. Возрожденіе. 20
1х. Недоконченная картина. .
х. Возрожденіе
1820 года.
1. Погасло дневное свътило
п. Доридъ (Я върю; я любимъ) 26
ш. Дорида (Въ Доридъ нравятся)
ту. Нереида
у. Ръдъетъ облаковъ летучая гряда
ті. О діва-роза, я въ оковахъ
vii. Виноградъ
viii. Ч***у (Къ чему холодныя сомнѣнья) 27
іх. Фонтану Бахчисарайскаго дворца
х. Дочери Карагеоргія
хі. Черная шаль
Примъчанія
1821 года.
т. Къ моей чернильницъ
и. Желаніе (Кто видѣлъ край)
из. Алексвеву (Мой милый, какъ несправедливы) 28
iv. Мой аругъ, забыты мной савды минувшихъ автъ 20
v. Къ ** (За чъмъ безвременную скуку),
vi. К***y (Кто мыв пришлеть ея портреть)
уп. Сътованіе (Недавно я, въ часы свободы).
viii. Къ портрету *** (Судьба свои дары явить)
1х. Гробъ юноши
х. Война.
хі. Я пережиль свои желанья
хи. Земля и море
хии. Примъты (Старайся наблюдать).
xiv. Abba
ху. Антологическій отрывовъ (Подруга милая)

	Стран.
хүг. Діонея (Хромидъ въ тебя влюбленъ)	. 297
хүн. Красавица передъ веркаломъ	. 297
жүні. Муза	. 297
хіх. Умолкну скоро я	. 298
хх. Ч***у (Въ странъ, гдъ я забылъ).	. 298
ххі. Къ Овидію	. 301
ххи. Наполеонъ	. 304
Примъчанія	. 308
1822 года.	
The manage of the second of th	. 317
1. Два путника (Сводъ неба мракомъ обложился)	
п. Сонъ (Отрывокь изъ Новгородской повъсти: Вадимъ).	
иг. Люблю вашъ сумракъ неизвъстной	
іт. Отрывокъ (Ты сердпу непонятный мракъ)	. 324
v. Друзьямъ (Вчера былъ лень разлуки шумной)	. 326
vi. Баратынскому изь Бессарабіи	. 327
vii. Ему же	. 328
уш. Адели	. 328
тх. Гречанкъ	. 330
ж. Пъснь о въщемъ Олегъ	. 330
хі. Уединеніе (Блаженъ, кто въ отдаленной сви)	. 334
хи. Пріятелю (Не притворяйся милый друга)	. 334
хии. У Кларисы денегъ мало	. 335
хіч. Нёть ни въ чемъ вамъ благодати	. 335
ху. Жалоба (Вашъ дъдъ портной.,.)	. 335
Примъчанія	. 336
1823 года.	
1. Телега жизни	. 339
	. 340
п. Элегія (Простишь ди мив ревнивыя мечты)	. 340
пі. Ненастный день потухъ	. 342
и. Ночь (Мой голосъ для тебя и ласковый)	. 342
v. Демонъ	
vi. М. А. Г. (Давно объ ней воспоминанье)	. 343
ии. Птичка (Въ чужбинъ свято наблюдаю)	. 344
Примпчанія	. 545
1824 года.	
1. Д***y (Нельзя, мой толстый Аристипъ)	. 349
п. Прозерпина.	. 350

	Стран.
ии. Иностранкъ (На языкъ, тебъ не внятномъ).	351
IV. Ночной зефиръ	
v. Аквилонъ (За чёмъ ты, грозный аквилонъ)	353
уг. Къ морю	354
уп. Коварность	356
упп. Къ Языкову (Издревле сладостный союзъ)	357
іх. Ты вянешь и модчишь	358
х. Признаніе (Я васъ люблю, хоть я бъщусь)	359
	361
хі. Веселый пиръ	361
хии. Подражание Корану	368
хіч. Узникъ. (Сижу за ръшеткой въ темницъ сырой)	374
Примъчанія	376
1825 ГОДА.	
1. Въ крови горитъ огонь желанья	
и. Вертоградъ моей сестры	
пг. Буря (Ты видель деву на скале)	384
rr. Сафо	384
v. Элегія (Подъ небомъ голубымъ страны своей родной)	385
vi. Желаніе славы	385
vii. Сожженое письмо	386
vm. Козлову (Пъвецъ, когда перелъ тобой)	387
іх. Π^* . A^* . O^* . (Быть можетъ, ужъ не долго миѣ)	388
х. Если жизнь тебя обманеть	389
хі. Къ *** (Я помню чудное мгновенье)	389
хи. Мой первый другь, мой другь безцьнный	390
хии. Вакхическая пъсня	391
хіт. 19-е Октября (Роняетъ лъсъ багряный свой уборъ).	391
ху. Зимній вечеръ (Буря мглою небо кроетъ)	390
хуг. Изъ А. Шенье (Покровъ, упитанный язвительною кровью).	397
хуп. Андрей Шенье	398
хупп. Н. Н. (Примите Невскій Альманахъ)	404
хіх. Къ Б** (Стихъ каждый повѣсти твоей)	404
хх. Дружба	405
ххі. Движеніс	405
ххи. Соловей и кукушка	405
ххии. Совътъ (Повърь: когда слъпней и комаровъ)	406
ххич. Прозаикъ и поэтъ	400
хху. Пріятелямъ (Враги мои, покамъстъ я ни слова)	
xxvi. Ex ungue leonem. :	407
., Примъчанія	408

1826 года.

				Стран.
1. Зимняя дорога				
				. 416
111. Къ Яз** (Яз* [*] , кто тебъ внушилъ)				. 417
IV. Отвътъ О. Т				. 418
				. 419
-				
1827 года.				
1. Стансы (Въ надежав славы и добра)				. 421
п. Ангель (Въ дверяхъ Эдема).				
				. 422
iv. Талисманъ				. 423
				. 424
				. 426
				427
ин. Три ключа				. 428
іх. Къ Языкову (Къ тебъ сбирался я давно).				. 428
х. Поэтъ (Пока не требуетъ поэта) :				. 429
хі. Близь мъстъ, гдъ царствуетъ Венеція златая.				. 430
			_	. 431
хуу Золото и булатъ				
хіч. Золото и булать				. 437
in the second se		•	•	
1828 года.				
1. Городъ пышный				. 443
u To Dawe Esqr				. 443
и. To Dawe Esq ^r				. 444
и Каковъ я прежде быль, таковъ и нынѣ я .		•		. 445
v. Портретъ (Съ своей пылающей душой)				. 445
vi. Не пой, красавица, при мив		•	•	. 446
		•	•	. 446
VII. Наперсникъ		•	•	. 447
viii. Къ *** (Счастливъ, кто избранъ своенравно)		•	•	. 447
іх. Цевтокъ		•	•	
х. Последніе цветы			•	. 448
хі. Предчувствіе	•	•	•	
хи. Даръ напрасный, даръ случайной				
хии. Воспоминание	•		•	. 450

					C	Ітран
XIV.	Заклинаніе					450
xv.	Отвътъ А. Н. Готовцовой				٠	451
xvı.	Отвътъ Катенину					452
xvii.	И. В. С**. (Я не люблю альбомовъ модныхъ)		• .			453
	В. С. Ф**. (Вамъ, Музы, милыя старушки)					454
XIX.	Подъвзжая подъ Ижоры		,			454
XX.	Ты и вы					455
XXI.	- · · · · · · · · · · · · · · · · · · ·					456
	Кромвшникъ					457
xxIII.	Утопленникъ					459
XXIV.	Воронъ къ ворону летитъ					462
xxv.	Кобылица молодая					463
xxvi.	Анчаръ					463
xxvii.	Чернь				,	465
XVIII.	Любопытный					467
	Примъчанія					468
11.	Примёты (Я ёхаль къ вамъ: живые сны). Что въ имени тебё моемъ	•				475 476
	Я васъ любиль: любовь еще, быть можетъ					476
	Потдемъ я готовъ; куда бы вы, друзья .			•	٠	477
	Донъ				•	477
vı.	Камынка	•	•	•	•	478
	На хоммахъ Грузіи лежитъ ночная мгла	•	•	•	•	479
		•			•	479
	Монастырь на Казбекф			•	•	480
	Обвалъ		٠	•	•	481
	Делибашъ		•	•	٠	482
	Олеговъ щитъ		٠		•	483
	Не пленяйся бранной славой			•	•	484
XIV.	Дорожныя жалобы	ŧ	•		•	484
	Зима. Что делать намъ въ деревит			•	•	485
	Зимнее утро				•	487
	Когда твои младыя лета				•	489
	Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ				٠	490
	Е. И. У**вой				•	491
XX.	Загалка (Кто на снъгахъ возрастилъ)	•	•	•	•	492 492
	Счастливъ ты въ предестныхъ дурахъ					492 492
XXII.	Собраніе насѣкомыхъ					452

			Стран	•
ххии. Литературное извъстіе			. 493	3
ххіч. Эпиграммы (Обиженный журналами жестоко)			. 491	Ļ
хху. Какъ сатирой безымянной			. 49	ŧ
ххүг. Мальчишка Фебу гимнъ поднесъ			. 49	ŏ
кжун. Сапожникъ-притча			. 498	Š
П римъчанія			. 496	3
1830 года.				
 Отвѣтъ (Я васъ узналъ, о мой оракулъ) 			. 503	3
п. Въ часы забавъ иль праздной скуки				
111. Къ Вельможъ (Отъ съверныхъ оковъ освобожда	I R	rgin	5) 504	
іч. Отвътъ Анониму				3
у. Поэту (Поэтъ, не дорожи любовію народной)			. 509)
vi. Мадона			. 510	0
үн. Цыганы			. 510	0
viii. Герой			. 511	1
1x. Элегія (Безумныхъ льтъ угасшее веселье)			. 51	4
х. Для береговъ отчивны лальной			. 51	4
хі Разставаніе (Въ последній разъ твой образъ мі	лло	й)	. 513	ŏ
хи. Осеннее чувство			. 510	6
хии. Осень			. 51	7
хіч Капризъ			. 520	
ху. Бъсы			. 52:	1
ху. Бѣсы			. 52	
хүн. Пажъ или 15-й годъ			. 52	
хупп. Романсъ (Предъ Испанкой благородной) . :			. 52	5
хіх. Начало поэмы (Стамбулъ Гяуры нынче славят	тъ)	٠	. 52	-
хх. Ночью, во время безсовницы	٠	•	• 52	
ххі. Подражанія Данту		٠		
ххи. Сонетъ (Суровый Дантъ не презиралъ сонета)		٠	. 53	
ххии. Новоселье	•	•	. 53	
ххіч. Царскосельская статуя	•	•	. 53	
хху. Отрокъ		•	. 53	
ххүг. Рифма	•	•	. 53	
ххүн. Рифма		•	. 53	
хүн. На переводъ Иліады		•	. 58	
Примъчанія	. •	•	. 5	35